

Вестник

*Московского государственного
областного университета*

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ»**

№ 2

**Москва
Издательство МГОУ
2009**

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. – председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. – зам. председателя, первый проректор, проректор по учебной работе, доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. – доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. – доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. – директор издательства, кандидат философских наук, доцент
Пусько В.С. – доктор философских наук, профессор
Яламов Ю.И. – проректор по научной работе и международному сотрудничеству, доктор физико-математических наук, профессор

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»:

Смоленский Н. И. – доктор исторических наук, профессор (ответственный редактор)
Абрамов А. В. – кандидат политических наук (ответственный секретарь)
Журавлёв В. В. – доктор исторических наук, профессор
Захаров В. Н. – доктор исторических наук, доцент
Сейранян Ф.Г. – доктор исторических наук, профессор
Яровой Е.В. – доктор исторических наук, профессор
Фукс А.Н. – кандидат исторических наук, профессор

Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – № 2. – 2009. – М.: Изд-во МГОУ. – 214 с.

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей профессорско-преподавательского состава, а также докторантов, аспирантов и соискателей (Бюллетень ВАК №4 за 2005 г., С.5 и решение Президиума ВАК России 6.07.2007 г. См.: Список журналов на сайте ВАК, 12.07.2007 г. и в редакции апреля 2008 г.). На сайте МГОУ информация о статусе всех серий «Вестника МГОУ» и требованиях к публикациям для авторов статей находится постоянно, обновляясь с внесением необходимых изменений.

© МГОУ, 2009

© Издательство МГОУ, 2009

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ РОССИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Гаврилов С.В.

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ МАТЕРИАЛЬНОГО СНАБЖЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ В XIX ВЕКЕ*

Аннотация: Предлагаемая вашему вниманию статья подготовлена на основе архивного материала и различных исторических источников. Автором предпринята попытка анализа функционирования военного управления русской армии после Отечественной войны 1812 года, показана зависимость управления материальным снабжением войск от изменений в военном руководстве государства.

Ключевые слова: материальное снабжение, военное управление, система материального снабжения русской армии, снабжение продовольствием и фуражом, снабжение обмундированием и амуническими вещами.

Составление правил для регламентации различных областей общественной жизни людей является основной задачей государства. Различные законы и постановления определяют порядок действий в той или иной ситуации. От того в какой степени в законах или учреждениях учтены все возможные моменты и обстоятельства, в которых они должны действовать, зависит деятельность людей их выполняющих. Неудачно составленные законодательные акты, не принесут ожидаемого результата и останутся мертвым грузом на бумаге. Лучше вовсе не иметь законов и действовать в соответствии с возникшими обстоятельствами, чем руководствоваться правилами, могут навредить делу.

В данной статье проведем сравнительный анализ законодательной базы материального снабжения русской армии с начала XIX века до реформ 1860-1870 годов. Для начала необходимо определить сущность этого понятия.

Под законодательной базой материального снабжения понимается совокупность законов, постановлений, учреждений, уставов, приказов, положений и указаний, в которых определен порядок организации материального снабжения русской армии в различных условиях деятельности войск.

Впервые в истории русской армии в 1716 году издан «Устав Воинский». В нем были подробно изложены указания, относящиеся к военному снабжению, организации подвоза материальных средств, ремонту и содержанию дорог и обозов, медицинскому обеспечению, а также к торговле в войсках «съестными припасами». В 1758 году был издан кодификационный сборник «Комиссариатские и Провиантские регулы». После устава 1716 года, Инструкции полковнику и земскому комиссару, он являлся новым документом, в котором обобщен опыт снабжения войск. В «регулах» достаточно полно отражен порядок применения магазинной и реквизиционной систем материального снабжения в зависимости от конкретной обстановки, а также способы заготовок в мирное время¹.

До 1812 года в русской армии не был достаточно подробно определен порядок

* © Гаврилов С.В.

материального снабжения войск в военное время. Все существовавшие до этого времени законодательные акты относятся в основном к мирному времени. Это связано прежде всего, с тем, что в военное время продолжали руководствоваться правилами мирного времени. Анализируя недостатки материального снабжения русской армии в военных действиях против Франции в 1805-1807 годах, было дано поручение военному министру составить руководство для управления войсками в военное время. Основное требование к положению выдвинутое опытом военных действий было наделение главнокомандующего действующей армией в военное время властью «Его Величества» на театре военных действий. Предоставленный на утверждение документ был введен в действие с 27 января 1812 года и в окончательном варианте имел название «Учреждение для управления большой действующей армией»². В этом документе особое внимание уделено организации материального снабжения, основные положения которого были следующие:

- с объявлением на военном положении губерний, которые для этого будут назначены, генерал-интендант принимает командование над ними по части организации снабжения армии;

- с переходом армии через государственную границу империи генерал-интендант назначается губернатором занятой территории и организует работу земского правительства³;

- главной обязанностью генерал-интенданта является снабжение армии «во всех ее положениях» продовольствием, жалованием, одеждой и другими материальными средствами;

- генерал-интендант обязан организовывать материальное снабжение армии предметами провиантского и фуражного довольствия разными способами: от земли, с помощью военных требований, используя покупки и подряды. Собственные запасы использоваться только с разрешения Главнокомандующего.

К недостаткам следует отнести то, что в «Учреждении...» не определена ответственность командиров корпусов и начальников отдельных частей по организации материального снабжения, вверенных им войск. Положительной стороной документа являются положения о военных требованиях и военных дорогах, а также о способах материального снабжения войск за границей.

Вместе с тем не все положения «Учреждения...» оказалось применимы на практике, а именно:

- 1) Генерал-интендант, находясь при главной квартире армии физически и фактически не мог быть начальником губерний, объявленных на военном положении. Объем задач по материальному снабжению армии был настолько большой, что решение большинства проблем требовало участия Главнокомандующего. По этим причинам в 1812 году генерал-интендант действующей армии не исполнял обязанности руководителя губерний, а в 1813 и 1814 годах генерал-губернатором в Саксонии был князь Н. Г. Репнин⁴, германскими владениями управлял барон Г. Ф. Штейн⁵. В различных войнах придунайскими княжествами управляли: 1828-1829 годы – граф П. П. Пален⁶, затем генерал П. Ф. Желтухин⁷; 1853-1854 годы – генерал А. И. Будберг⁸; управление гражданской частью Царства Польского в 1831 году осуществлял действительный тайный советник Ф. И. Энгель⁹.

- 2) В период ведения военных действий бывали случаи когда интендантские чиновники были не в состоянии снабжать армию продовольствием и фуражом, как пример во время движения войск. В этих случаях обязанность заботиться о материальном снабжении должна ложиться на начальников и командиров, а в рассматриваемом документе этого не определялось.

3) Правила расписанные в «Учреждении...» по вопросам заготовления предметов материального снабжения в армии, на бумаге очень хороши, но практическое применение их связано с определенными трудностями. Генерал-интенданту приходилось творчески подходить к выбору способов заготовки и самому определять наиболее приемлемые в данной ситуации.

4) Неопределенность в составе подвижного магазина и его несоответствие объему требуемых материальных средств вынуждали армейское руководство применять транспорт артиллерийских парков, как это было в польскую кампанию 1831 года.

Таким образом, в русской армии имелись законодательные акты, определяющие порядок организации материального снабжения в военное время, но некоторые положения этих документов были непрактичны и оставались просто буквой в книгах.

Отсутствие положений в «Учреждении...» о обеспечении войск на территории своей страны побудило командующего 1-й армии генерал-фельдмаршала М.Б. Барклая де Толли¹⁰ составить особое положение о полевом провиантском и комиссариатском управлении армии в пределах империи. Данное руководство было введено 30 марта 1816 года и действовало до издания в 1846 году «Устава...»¹¹.

В период войн 1812-1815, 1826-1827, 1828-1829 и 1831 годов при организации снабжения действующей армии руководствовались положениями «Учреждения...», но рассмотренные ранее недостатки и упущения инициировали создание новых документов. Одним из них в 1838 году было «Положение о заготовлении провиантских и комиссариатских ведомств Военного министерства».

Эти факты свидетельствуют о том, что имелось два положения о казенных заготовлениях внутри империи. Одно для военного министерства, а другое для полевого управления действующей армии. Естественно возникает вопрос. Какие причины могли побудить к изданию различных правил о заготовлениях материальных средств в на территории государства, когда условия их применения должны быть одинаковы?

Непрактичность «Положения о заготовлениях по провиантскому и комиссариатскому ведомству военного министерства» и отсутствие взаимосвязи его с «Учреждением...» заставило начать подготовку нового законодательного акта «Устава об управлении армией в мирное и военное время». Составление его было поручено наиболее опытному главнокомандующему Действующей армией генерал-фельдмаршалу князю Варшавскому, графу Паскевичу-Эриванскому¹². Чтобы не повторить ошибок предыдущих положений он разослал во все управления армии программу устава и поручил каждой части подготовить проект на основе своего опыта работы. Обобщением полученных документов занимался начальник Главного штаба армии генерал Горчаков М.Д.¹³ После рассмотрения на военном совете Действующей армии, устав был представлен императору и утвержден им 5 декабря 1846 года с поправкой проверить на практике в течение 3-х лет¹⁴.

В этом уставе были проработаны все имеющиеся недочеты, а именно: изъяты положения «о согласовании стратегических видов с операциями продовольствия армии», о военных требованиях и о провиантских и комиссариатских перевозках в военное время. Подготовлены новые главы, определяющие способы снабжения в военное время предметами провиантского и комиссариатского ведомств и порядок приема, хранения и свидетельствования в военное время предметов материального снабжения.

Рассмотрим более внимательно способы, которыми предусматривалось организовывать заготовление материальных средств в военное время. Их необходимо разделить на три группы. Первая - это обеспечение на территории своего государства, вторая – на территории союзного или дружественного государства, а третья – на территории противника или нейтральных государств, захваченных неприятелем.

К первой группе относили:¹⁵

- использование запасов внутреннего и полевого интендантского управления специально созданных для обеспечения военной кампании;
- использование запасов гражданского ведомства, находящихся в сельских магазинах;
- поставка материальных средств в магазины (склады) и на этапы по определенным Главнокомандующим ценам, с оплатой деньгами или кредитными бумагами;
- поставка продовольствия, фуража и других материальных средств в магазины (склады) и на этапы по определенным Главнокомандующим ценам, в счет обязательных государственных податей под квитанции;
- снабжение войск продовольствием и фуражом при расположении на квартирах от хозяев с выдачей квитанций или уплатой денежных сумм;
- получение непосредственно войсками материальных средств от жителей с выдачей квитанций в случае крайней необходимости;
- другие способы заготовления, которые Главнокомандующим будут признаны приемлемыми.

Во второй группе необходимо перечислить следующие:¹⁶

- использование материальных средств полученных от правительства на основании заключенных конвенций и договоров;
- использование запасов, подготовленных для русской армии союзниками;
- подвоз материальных средств из пограничных магазинов (сладов);
- создание армейских запасов подрядом или покупкой через торговые организации по соглашению с местными властями в случае если требуется дополнительные средства;
- доставка материальных средств водным или морским путем из Российских портов к предполагаемому театру войны.

К третьей группе причисляли:¹⁷

- использование материальных средств принадлежащих правительству страны;
- поставка за счет занятых территорий по соглашению с местными органами власти или по принуждению (реквизиция);
- получение войсками материальных средств от жителей;
- довольствие от хозяев квартир;
- подвоз запасов из союзных государств;
- доставка материальных средств водным или морским путем из Российских портов;
- организация закупок материальных средств на территории противника.

Однако в «Уставе...» ничего не сказано какими правилами должны руководствоваться в ходе организации закупок материальных средств. В нем не определено могут ли быть допущены торги, в какие сроки и какие лица в них участвуют. Все это вынуждало придумывать различные способы пополнения предметов снабжения и полагаться только на опыт и благоразумие интендантских чиновников.

Сравнивая между собой «Учреждение...» 1812 и «Устав...» 1846 года просматриваются следующие недостатки: в первом определен порядок заготовления материальных средств за границей, однако ничего не сказано по вопросу заготовок в военное время внутри империи. В «Уставе...» 1846 года сделана ссылка, что внутри государства при организации заготовок в военное время руководствоваться правилами, утвержденными для военного министерства на мирное время, хотя эти положения не всегда подходят. Порядок закупок материальных средств за пределами государства не определен в этом документе. Интересно следующее «Учреждение об управлении

большой действующей армией» в форме обязательного законодательного акта действовало до 1859 года, но им в полной мере не руководствовались ни в одной военной кампании. В качестве примера можно привести принятое временно *«Положение о войсках, оставшихся в крепости СИЛИСТРИЯ и на военно-этапной дороге в княжествах Молдавия и Валахия»*¹⁸. В нем были определены месячные порции одному человеку, фуражное довольствие лошадей, годовая потребность в дровах и свечах, цены на продукты и припасы, порядок поставок от княжеств и вопросы организации материального снабжения войск на военных дорогах. Необходимость создания этого документа и его объем позволяет сделать вывод о несостоятельности основных руководящих документов имеющихся по этому вопросу.

Три различных руководящих документа по интендантской части: «Учреждение об управлении большой действующей армией» 1812 года; «Особые правила заготовления по полевому провиантскому и комиссариатскому ведомству»; и «Устав о управлении армией в мирное и военное время» 1846 года, в котором ссылаются на «Правила заготовления, утвержденные на мирное время для Военного Министерства».

При рассмотрении законодательных актов учрежденных на военное время, рождается два вопроса. Первый, можно ли применять положения о заготовлениях, предназначенные для мирного времени, утвержденные для Военного министерства, при этом соблюдать все формальности, предписанные ими? Второй, может в них прописаны основные правила действий, что бы интендантские чиновники, организуя материальное снабжение войск, подходили творчески с учетом обстановки?

Трудно ответить на эти вопросы, хотя исторический опыт организации материального снабжения русской армии в XVIII веке показывает обратное. Устав воинский 1716 года как уже говорилось ранее, определял обязанности почти всех лиц в армии, кроме этого нормы снабжения и предметы заботы интендантских чиновников и действовал более 100 лет.

Мы не ведем речь о тех случаях, когда отступления от вышеназванных правил, сделаны на основании разрешения Главнокомандующего, потому что во-первых, что он, наделяется в военное время властью императора на театре военных действий и обязан употреблять все те способы, какие признает необходимыми. Во-вторых, на основании ст. 918 изменение общих положений допускается с разрешения Главнокомандующего и в мирное время¹⁹. Если же и в мирное и военное время есть необходимость допускать отклонения от правил, то эти положения недостаточно хорошо проработаны и проверены на практике, соответственно не могут иметь статус законодательного акта.

В «Уставе...» 1846 года введены «Правила о переходе интендантства в военное положение». Бывают случаи, что для организации военных действий формируются новые армии и соответственно новые интендантские управления. Примером может послужить организация военных действий в Восточную (Крымскую) войну 1853-1856 годов. Организованное до войны управление Главного Штаба Действующей армии осталось в Варшаве вместе с полевым интендантским управлением армии. Это стало возможным только благодаря положению о Правилах перехода интендантства из мирного на военное положение, так как предполагалось назначать одного из членов присутствия генерал-интенданта на должности в вновь формируемую армию. Вместе с тем должность генерал-кригс-комиссара требовала от кандидата специальных знаний и опыта работы в комиссариатском ведомстве и если он никогда не служил в нем возникали большие трудности.

Таким образом, анализ рассмотренных законодательных актов, регламентирующих вопросы материального снабжения русской армии в XIX веке, позволяет сделать выводы:

1. Военная мысль Российской империи постоянно занималась обобщением опыта и совершенствованием системы материального снабжения русской армии исходя из практического опыта.

2. Имелись существенные отличия в организации материального снабжения войск, обеспечиваемых департаментами Военного министерства (внутренние округа) и войсками полевой действующей армии в мирное время.

3. Разделение способов заготовок на различные группы отрицательно влияло на организацию снабжения войск в военное время. Основной причиной было отсутствие опыта интендантских чиновников в использования способов, определенных на военное время.

4. Отсутствие единого и централизованного руководства материальным снабжением Вооруженных сил Российской империи не позволяло планомерно использовать значительные экономические ресурсы страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вещиков П.И. Военное хозяйство – Тыл Вооруженных сил России. М., 2003. С. 55-59.
2. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. т. XXXI (1812-1815). СПб, 1831. С.27-157.
3. Земское правительство (управление землёй) – в данном случае имеются в виду органы местного управления на завоеванных территориях. В случае их отсутствия предполагалось их формирование с целью организации заготовок материальных средств необходимых войскам.
4. РЕПНИН-ВОЛКОНСКИЙ Николай Григорьевич – генерал-адъютант (1813), генерал от кавалерии (1828), член Государственного Совета. Окончил Сухопутной шляхетский кадетский корпус 9 октября 1792. Принимал участие в войнах 1805-1807 годов командовал эскадроном, тяжело ранен и попал в плен. В 1809 году по болезни уволен от службы с чине генерал-майора. В 1812 году - командир дивизии, в 1813 году - генерал-губернатор Саксонии. С 1814 году генерал-лейтенант и военный губернатором в Малороссию. В 1828 году – генерал от кавалерии, а в 1834 году - членом Государственного Совета. 28 июня 1836 уволен в отставку по болезни. Похоронен в Троицком монастыре близ г. Прилуки.
5. ШТЕЙН Генрих Фридрих Карл (1757-1831) - барон, глава прусского правительства в 1807-1808 годах. В 1804-1807 годах министр прусского правительства. В 1807 году - глава прусского правительства. В 1808 году уволен в отставку. В 1813-1814 - руководитель центральной комиссией по управлению освобождёнными территориям Германии. С 1827 года член прусского Государственного совета. Умер 29 июня 1831 года.
6. Петр Петрович фон дер ПАЛЕН – граф, генерал-адъютант и генерал от кавалерии. (1778-1864). В 1792 году - ротмистр Оренбургский драгунский полк, 1793 году - премьер-майор и обер-провиантмейстер в провиантской ведомстве. В 1800 году - генерал-майор и командир полка, в 1810 г. командир дивизии, а 15-го июля 1812 года - генерал-лейтенант. В 1815 году - командир корпуса, в 1823 г. вышел в отставку. В 1827 командир 1-го пехотного корпуса и Полномочный председатель Диванов княжеств Молдавии и Валахии. С 1827 года - генерал от кавалерии и генерал-адъютант Его Величества. С 1834 года член Государственного и Военного Советов. В 1835 году чрезвычайный и уполномоченный посол во Франции. В 1845 году - генерал-инспектора всей кавалерии, а с 1853 года - председатель Комитета о раненых. Умер 19 апреля 1864 года.
7. ЖЕЛТУХИН Пётр Фёдорович (1777—1829), генерал-лейтенант. В 1796 году – подпрапорщик. Воевал с французами в 1805 и 1807 годы. Полковник с 1806 года. Сражался со шведами в 1808-09 Участник Отечественной войны 1812 года. С 1817 года назначен командир полка, 18 апреля 1819 назначен командир бригады, затем начальник штаба корпуса. 29 марта 1823 снят с должности, 24 декабря 1824 уволен от службы с мундиром и пенсионом полного жалования. 12 января 1827 вновь принят на службу с зачислением в свиту ЕИВ. Произведен в генерал-лейтенанты с назначением киевским военным губернатором 28 января 1827, перед смертью занимал должность Полномочного председателя Диванов княжеств Молдавии и Валахии перед принятием в них Органического регламента.
8. БУДБЕРГ Александр Иванович - генерал-адъютант, генерал от кавалерии, (1798-1876), закончил институт корпуса инженеров путей сообщения, начал службу в 1814 году - инженер в чине прапорщик, в 1821 году капитаном вышел в отставку по здоровью. Через 2 года снова вступил на службу, в 1827 году участник персидской кампании. В турецкой войне 1828-1829 годов - адъютант при генерал-фельдмаршалах князе Витгенштейне и графе Дибиче. В польской войне 1831 года - адъютант графа Дибича. С 1836 года - генерал-майор свиты Его Величества, а в 1843 году - начальник черноморской береговой линии. С 1844 года - генерал-адъютант, а через год генерал-лейтенант. В 1853 году - чрезвычайный и

- полномочный комиссар в княжествах Молдавии и Валахии. В 1860 году - генерал от кавалерии. Умер 27 декабря 1876 года.
9. ЭНГЕЛЬ Федор Иванович - В 1812 году - член Государственного совета, тайный советник, в 1819-1820 годы - градоначальник Феодосии, с 1828 по 1831 годы - Председатель Медицинского совета МВД, с 1829 года - почетный член Академии Наук Российской империи, с 1830 года - Действительный тайный советник, с 1831 года - председатель Временного правления Царства Польского. Скончался 9.03.1837 в Санкт-Петербурге.
 10. БАРКЛАЙ ДЕ ТОЛЛИ Михаил Богданович (1761-1818), генерал-фельдмаршал. На военной службе с 1776 года. Участник войн с Турцией, Швецией, Польшей и Францией. В 1810-1812 году военный министр. В Отечественную войну 1812 года - главнокомандующий 1-й армией и до августа 1812 всеми действующими армиями. В 1813-1814 годах главнокомандующий русско-прусской армией.
 11. Столетие военного министерства т.5 Главное интендантское управление. ч.1. СПб., 1903. С. 477.
 12. ПАСКЕВИЧ Иван Федорович (8.5.1772-20.1.1856), князь Варшавский (4.9.1831), граф Эриванский (15.3.1828), генерал-фельдмаршал (22.9.1829), генерал-адъютант (12.12.1824). Службу начал 5.10.1800 году поручиком лейб-гвардии Преображенского полка. В 1805 году переведен в корпус генерала И.И. Михельсона. В русско-турецкую войну 1806-1812 годов, с 9 июня 1809 года полковник и командир Витебского пехотного полка, генерал-майор (28.11.1810). С 6 июня 1811 года командир бригады 26-й пехотной дивизии, через год командир 26-й пехотной дивизии. С 8 октября 1813 года – генерал-лейтенант. С 11 мая 1821 года – начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии, в которой полком командовал великий князь Николай Павлович (будущий император Николай I). С декабря 1824 года командир 1-го пехотного корпуса, генерал от инфантерии – (22.8.1826). С 16 марта 1827 по 28 апреля 1831 – главноуправляющий в Грузии и командир отдельного Кавказского корпуса. В период русско-персидской войны 1826-1828 годов и русско-турецкой войны 1828-1829 годов командовал войсками на Кавказе. В июне 1831 года командующим войсками, направленными на подавление Польского восстания. В 1831-1841 годы член Комитета по делам Царства Польского. 22 марта 1832 года наместник в Царстве Польском. В 1849 году во главнокомандующий русских войск, направленных в Венгрию. Во период Восточной (Крымской) войны с апреля 1854 года главнокомандующий войсками на Западной границе и Дунае (т.н. Дунайская армия). Во время осады крепости Силистрия на реке Дунай был тяжело контужен осколком снаряда и покинул армию. Скончался он 20 января 1856 г. в Варшаве.
 13. ГОРЧАКОВ Михаил Дмитриевич - князь, генерал от артиллерии (1844), генерал-адъютант. В 1807 поступил юнкером в гвардейскую артиллерию, участвовал в кампаниях 1812, 1813 и 1814 годов. С 1820 года начальник штаба 3-го пехотного корпуса, участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829 годов. В польскую войну 1831 году начальник штаба 1-го пехотного корпуса, участвовал в штурме Варшавы. В 1848 году начальник штаба, действующей в Венгрии, армии. В 1853 году главнокомандующий войск, действовавших на Дунае и побережье Чёрного моря до Буга. После вывода войск в августе 1854 года назначен главнокомандующим Южной армией, расположенную на северо-западном побережье Чёрного моря, а с февраля Крымской армией. В конце 1855 он заменен был в Крыму генерал-адъютанта Лидерсона и назначен наместником Царства Польского с выполнением обязанностей главнокомандующим 1-й армии. В этой должности он оставался до самой смерти. (Дубровин Н.Ф. 349-дневная защита Севастополя. СПб, 2005. С.312-313.)
 14. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. (II) т.XI. СПб, 1849. С.247-347.
 15. Свод военных постановлений 1859 г. Ч. 1-5. СПб., 1859. Т. 8. Гл. II. «О способах довольствия войск в военное время». Ст. 961.
 16. Там же. Ст. 962.
 17. Там же. Ст. 966.
 18. РГВИА Ф. 396. Оп. 7. Д. 126. Л. 5-28. Положение, для войск оставшихся на основании Адрианопольского трактата для занятия крепости Силистрия и военно-этапной дороги.
 19. Свод военных постановлений. 1838 г. Ч. 1-5. СПб., 1838-1839. «О заготовлениях по Полевому Провиантскому ведомству». Ст. 807.

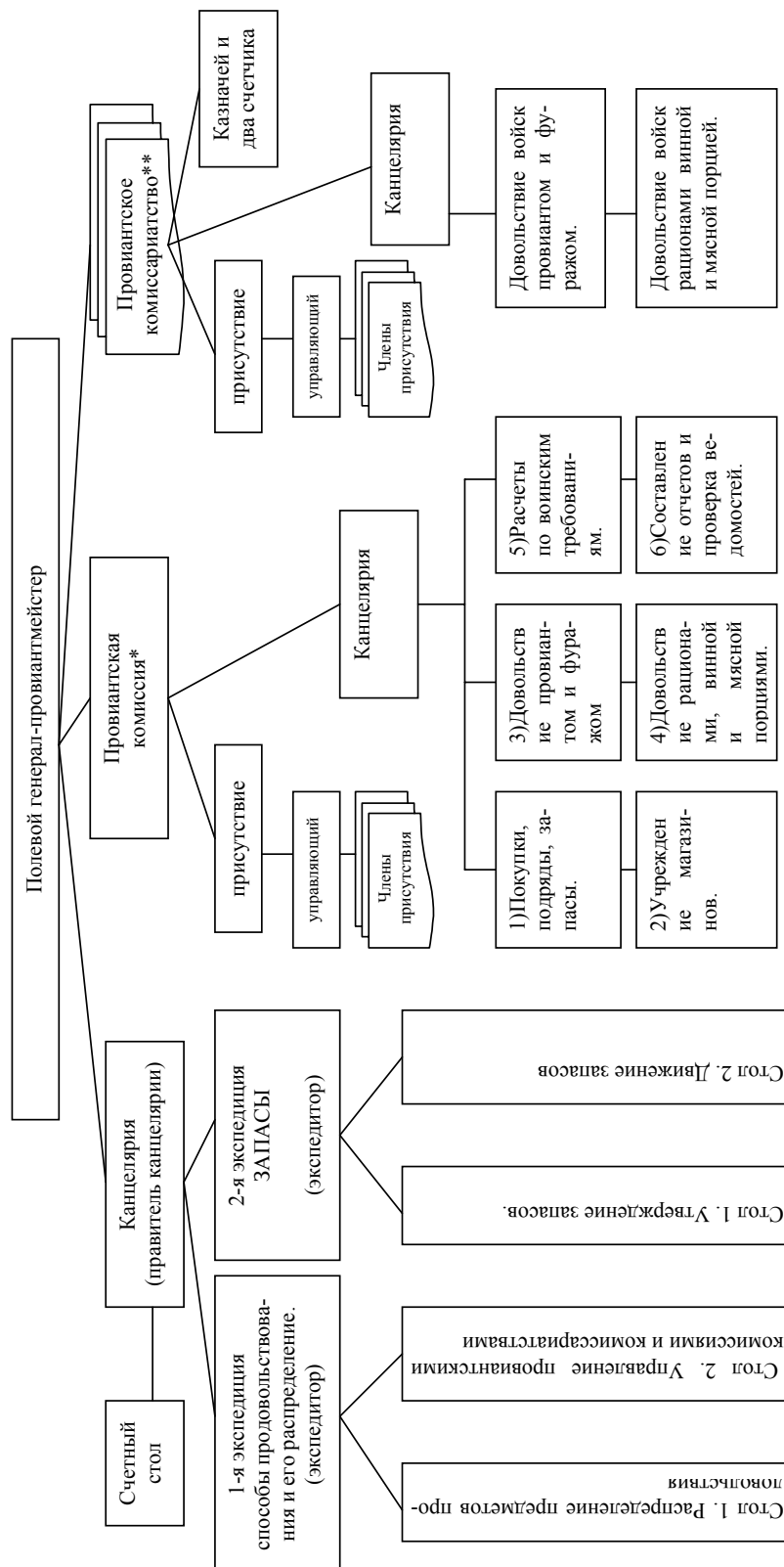
S. Gavrilov

REORGANIZATION OF MANAGEMENT BY SUPPLY OF RUSSIAN ARMY IN 1816-1825 YEARS.

Abstract: The article, tendered to your attention, is prepared on the basis of archive stuff and different historical sources. The author undertakes attempt of the analysis of military management functioning of Russian army after Patriotic war of 1812, dependence of management of army's material supplies from changes in a military management of the state is shown.

Key words: Material supplies, military management, system of material supplies of Russian army, provisioning and fodder, supply by regimentals and things of ammunition.

Схема полевого провиантского управления⁸

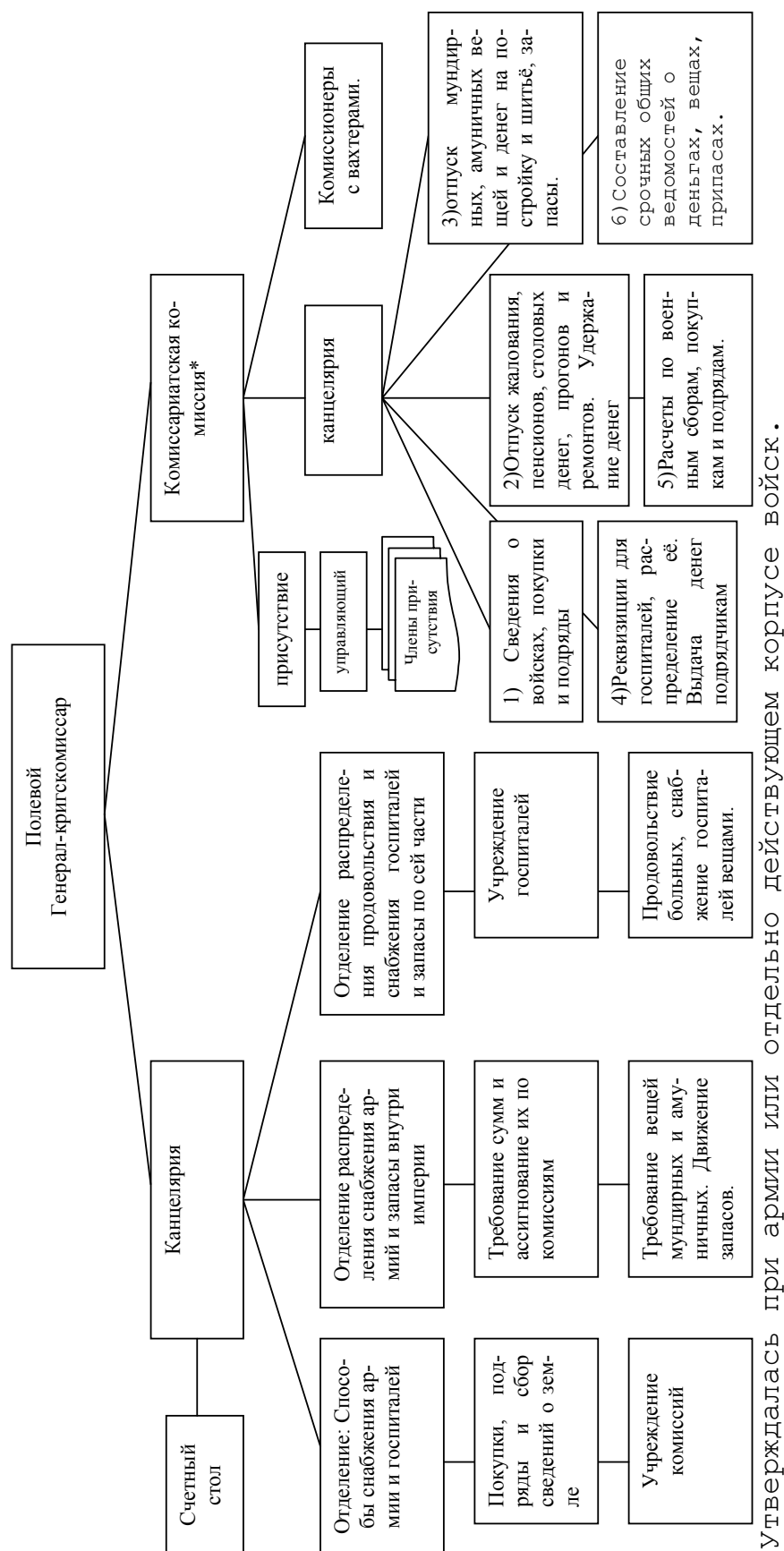

* Учреждалась при армии или действующем отдельно корпусе.

** Утверждалась при каждой дивизии.

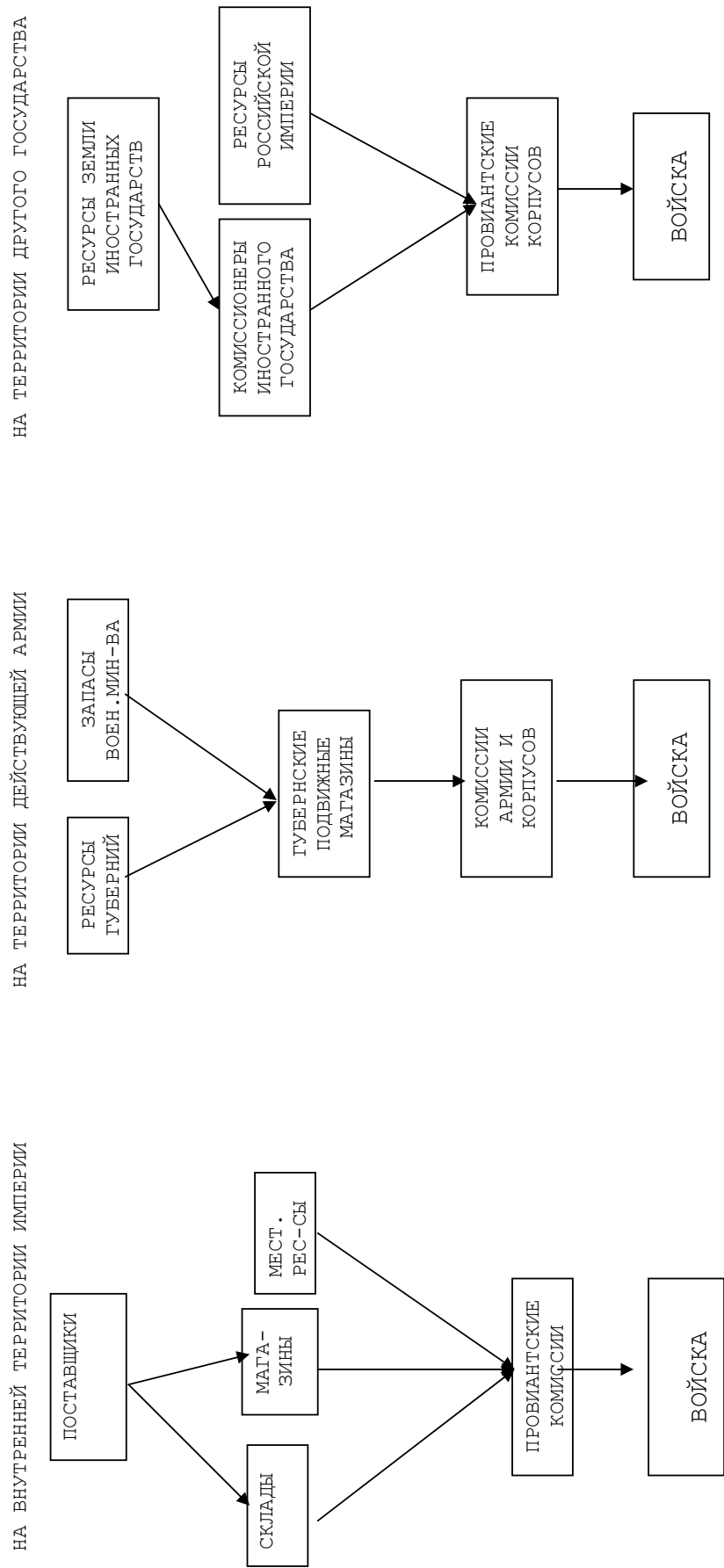
⁸ "Образование полевого провиантского управления" (Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. т XXXII. - СПб., 1831. - С.118-143.)

Схема полевого комиссариатского управления

⁸ "Образование полевого провиантского управления" (Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. т. XXXII. - СПб., 1831. - С. 143-157.)

Принципиальные схемы
материального снабжения действующей армии XIX века^{*}.

^{*} Составлены автором по материалам статьи.

«В СВОИХ ПРЕДСКАЗАНИЯХ ПРАВЫЕ ОКАЗАЛИСЬ ПРОРОКАМИ». РУССКИЕ МОНАРХИСТЫ О ВОЙНЕ С ГЕРМАНИЕЙ, ПЕРСПЕКТИВАХ ЛИБЕРАЛИЗМА И РЕВОЛЮЦИИ*

Аннотация: Статья посвящена анализу причин, заставлявших лидеров консервативных объединений Государственного совета и Государственной думы начала XX в. выступать против столкновения Российской и Германской империй, а также разбору их мотивации против союза власти с либералами в годы Первой мировой войны. На основе разносторонних источников показана высокая точность аналитических прогнозов русских правых относительно судьбы империи, либерализма и характера российской революции.

Ключевые слова: Русская история, Первая мировая война, консерваторы, либерализм, Государственная дума, Государственный совет, революция.

«...В своих предсказаниях правые оказались пророками», – такую фразу напишет уже в эмиграции член Государственной думы кадет В.А. Маклаков. «Они предсказали, что либералы у власти будут лишь предтечами революции, сдадут ей свои позиции, – признавал правоту своих политических противников этот видный либеральный деятель. – Это был главный аргумент, почему они так упорно боролись против либерализма. И их предсказания подтвердились во всех мелочах: либералы получили из рук Государя его отречение, приняли от него назначение быть новой властью и менее чем через 24 часа сдали эту власть Революции, убедили [великого князя] Михаила [Александровича] отречься, предпочли быть революционным, а не назначенным Государем Правительством. Правые не ошиблись и в том, что революционеры у власти не будут похожи на тех идеалистов, которыми их по традиции изображали русские либералы...» [10, 27].

Действительно, бросая взгляд на постигшую Россию революционную катастрофу, нельзя не признать, что, несмотря на свое политическое поражение, правые монархисты, в отличие от своих оппонентов – либералов, смотрели на грядущие судьбы Отечества куда более трезво и дальновидно.

Еще до начала Первой мировой войны правые депутаты Государственной думы предупреждали своих коллег из либерального лагеря о том, чем грозит России столкновение с кайзеровской Германией. С думской кафедры один из лидеров правых Н.Е. Марков пророчески восклицал: «...В результате (войны – А.И.) пострадают все, государства все могут развалиться, а на месте их явятся Аттилы, имя которым социал-демократы...» [3, 199]. Поэтому думская фракция правых (впрочем, как и весь правый лагерь в целом) чувствуя возможность скорой войны с Германией, всячески советовал российской дипломатии не ссориться с ней, а искать пути мирного разрешения растущих противоречий.

Объяснялась такая позиция, во-первых, недостаточной подготовленностью России к войне (правые отдавали себе отчет в том, что «Большая программа» по перевооружению и усилению армии и флота требовала нескольких лет спокойствия для полного ее воплощения), относительной слабостью ее вооруженных сил и оборонительных укреплений; во-вторых, из-за предвидения последствий, к которым привела война; в-третьих, видя в Германии единственное близкое по духу царской России мо-

* © Иванов А.А.

нарическое государство Европы. Поэтому-то правые и цеплялись за шаткие надежды предотвращения войны и возможность мирного сосуществования с кайзеровской Германией, в отличие от либералов, настойчиво советовавших правительству ориентироваться на либерально-демократические страны Антанты.

Наиболее трезвое, аргументированное и удивительно точное обоснование катастрофичности для России столкновения с Германией дал накануне войны лидер правой группы Государственного совета П.Н. Дурново. Этот опытный царский бюрократ, человек, по оценке Л.А. Тихомирова, «замечательно умный», «гениальных способностей, огромной силы, неподражаемой работоспособности, и почти чудесной проницательности» [11, 127–128], в феврале 1914 г. представил на имя императора «Записку», пророческий характер которой неоднократно привлекал внимание историков. Ее автор, предельно четко обозначив расстановку сил в надвигающейся войне, предупреждал, что при начале военного конфликта, который неминуемо разразится из-за соперничества Англии и Германии и перерастет в мировой, в случае вовлечения в него России на стороне первой, приведет к тому, что ей придется выступить в роли «оттягивающего пластыря». «Главная тяжесть войны, несомненно, выпадет на нашу долю, так как Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна, а Франция, бедная людским материалом, при тех колоссальных потерях, которыми будет сопровождаться война при современных условиях военной техники, вероятно, будет придерживаться строго оборонительной тактики. Роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам, а между тем, сколько факторов будет против нас и сколько на них нам придется потратить сил и внимания», – предупреждал правый политик [12, 187]. Предвидя целый ряд осложнений в результате войны, Дурново констатировал: «Готовы ли мы к столь упорной борьбе, которую, несомненно, окажется будущая война европейских народов? На этот вопрос приходится, не обинуясь, ответить отрицательно» [12, 188].

При этом Дурново указывал, что союз между Англией и Россией не открывает перед последней абсолютно никаких выгод, но сулит явные внешнеполитические проблемы. «Очевидная цель, преследуемая нашей дипломатией при сближении Англии – открытие проливов, но, думается, достижение этой цели едва ли требует войны с Германией. Ведь Англия, а совсем не Германия, закрывала нам выход из Черного моря», – справедливо замечал он [12, 190].

Анализируя далее притязания Российской империи и возможности их достижения, Дурново приходил к заключению, что «жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства двух государств» [12, 189]. Поэтому, считал лидер правых, ни труднодостижимая победа над Германией, ни, тем более поражение от нее, не сулило бы России никаких благ – ни во внутреннеполитической ситуации (ослабление монархического начала, рост либеральных и революционных настроений), ни в экономике (развал народного хозяйства и большие долги по займам), ни во внешней политике (естественное желание союзников по Антанте ослабить Россию, когда в ней уже не будет нужды). Вывод из «Записки» следовал такой: «С Англией нам не по пути, она должна быть предоставлена своей судьбе, и ссориться из-за нее с Германией нам не приходится. Тройственное согласие – комбинация искусственная, не имеющая под собой почвы интересов, и будущее принадлежит не ей, а несравненно более жизненному тесному сближению России, Германии, примеренной с последней Франции и связанной с Россией строго оборонительным союзом Японией» [12, 199].

О трагических последствиях для России при столкновении с Германией говорили и другие правые, так же, как и Дурново, указывавшие на отсутствие факторов,

которые не могли бы позволить двум европейским монархиям сосуществовать в мире. Безрадостную оценку внешнеполитической ситуации давал еще председатель фракции правых III Государственной думы А.С. Вязигин. В начале 1912 г. он писал о «возмутительном состоянии нашей армии», которая «не имеет ни гранат, ни пуль, ни прицелов, ни повозок и обречена на безусловное поражение» [15, 34].

В отличие от либералов, выступавших с явных проанглийских и профранцузских позиций и веривших в скорое сокрушение Германии, никакого «шапкозакидательства», а тем более военного «угара», перед войной у правых не отмечалось. Помимо выше перечисленных причин, этому также способствовала убежденность, что республиканская «революционная» Франция и Британия, являвшаяся, по их представлениям, рассадником масонских лож, организующих государственные перевороты, лишь используют Россию для достижения исключительно своих целей, а потом постараются максимально ослабить свою союзницу, дабы не выполнять принятых в отношении нее обязательств. В ориентации же на Германию правыми делался акцент на то, что в союзе с ней «Россия будет находиться на положении равноправного союзника, интересы которого уважаются» [2, 20].

«Войны никто не желает, и все ее боятся. Боятся ее и Германия, которую разъедает социализм. И сорок лет она не воевала, несмотря на упорные вызовы Англии. Почему же мы должны защищаться от врага, который нам не угрожал, даже во время Японской войны... и должны лезть в пасть гидре революции (т.е. Франции – А.И.)», – вопрошало правое издание [5]. Лидер думской фракции правых Н.Е. Марков развивал эту мысль еще дальше: «Лучше вместо большой дружбы с Англией иметь маленький союз с Германией... с Германией мы не воевали... со времени Елизаветы Петровны. У нас нет причин для войны; нужна война между Францией и Германией; нужна война между Англией и Германией, да, но между Россией и Германией не нужна ни для России, ни для Германии, это очевидно» [3, 199].

Не менее трезвым был взгляд представителей правых парламентских групп и на попытки российских либералов взять в годы разразившейся войны власть в свои руки. Сложившийся в ходе Первой мировой войны единый фронт либеральной оппозиции, получивший название Прогрессивного блока, вызвал во рядах правых монархистов бурю негодования. И дело тут было не только в том, что политические ориентиры правых и либералов принципиально расходились. Правые, в отличие от своих политических соперников, отдавали себе отчет в том, к чему может привести расшатывание авторитета власти в годы тяжелейшей для страны войны, и ни минуты не сомневались в том, что либералы, добившись власти, не смогут удержать ее в своих руках, тем самым ввергнув страну в революционную смуту и анархию.

В этой связи очень показательно открытое письмо члена фракции правых IV Государственной думы, видного тамбовского монархиста В.Н. Снежкова, взывающее либералов одуматься и отказаться от предлагаемых ими реформ хотя бы на время войны во имя сохранения российской государственности.

В своем обращении Снежков напоминал либералам, что еще в мае – июле 1915 г. такие видные деятели кадетской партии, как А.И. Шингарев и В.А. Маклаков призывали своих единомышленников не бороться за власть и не вносить вопросов, могущих вызвать обострение среди думских фракций. Царило настроение, подчеркивал автор послания, «совершенно непохожее на то, что началось в августе»: «вслед за взрывом единодушия, сперва отдельные деятели, а затем и целые партии, выдвинули на первый план различные политические требования, прямого отношения к войне не имеющие, к тому же часто весьма спорные с точки зрения блага России, а частью, по мнению широких слоев населения совершенно неприемлемые и, во всяком случае, не вызыва-

ющие необходимости в безотлагательном их решении»*.

Осудив неуместность появления в условиях военного времени оппозиционного блока, Снежков решительно выступал против проведения реформ, которые непременно оттянули бы на себя значительные финансовые средства, столь необходимые на дело государственной обороны. Он предупреждал либеральную оппозицию, что стремление вырвать у власти радикальные преобразования в период военных неудач, грозит стране необратимыми последствиями. «Внутренняя междоусобица, забастовки, баррикады и прочие прелести, и несомненный результат всего этого – принятие самых позорных условий мира, сдача России торжествующему врагу... бесплодные жертвы – потоки крови, миллионы убитых и раненых людей...», – таков неперемный результат борьбы за власть в военное время, пророчески предсказывал правый депутат*. Поэтому, увещевал Снежков, нельзя в период тяжелейшей для всего русского народа войны пересматривать опорные вопросы, по которым единомыслие не может быть обеспечено. «Я нахожу возможным лишь один выход, – заключал депутат, – представители «блока» должны заявить с трибуны Г. Думы: «Мы стремились провести ряд либеральных законопроектов, но около трети членов Г. Думы и около половины членов Г. Совета отказались к нам присоединиться; оставаясь верными нашей программе, мы проведем ее по окончании войны, ныне же, не желая нарушать создавшееся единение всех фракций, обсуждение программы приостанавливаем... политические идеалы должны поблекнуть по сравнению с другим идеалом – независимой и целой великой Российской Империей»**.

К сожалению, это предостережение не было услышано, и думское большинство, ничуть не встревожившись грозными предупреждениями, продолжило осаду власти. Для либерального лагеря цель (либерализация и демократизация России, при непосредственном руководстве им этим процессом) оправдывала средства. Идеалы политические оказались сильнее государственных, хотя вполне возможно, что российские либералы были искренне убеждены в обратном.

Лидеры правой фракции в Государственной думе и правой группы Государственного совета в годы войны также неоднократно подчеркивали, что либералы не имеют поддержки в широких слоях русского общества, и контроль над массами могут захватить либо правые, либо левые идеи; к программам же либералов-западников народ, в подавляющей своей массе, останется равнодушен. Согласно пессимистичному заключению «Записки», составленной в январе 1917 г. в кружке члена Госсовета А.А. Римского-Корсакова, народные массы могут с одинаковым увлечением скандировать «Боже, царя храни!» и «Долой самодержавие!», но в том и другом случае толпа будет крепка и постоянна в ненависти к имущим классам и одержимостью к разделу чужого имущества. Исходя из этого, подчеркивалось в документе, необходимо максимально упрочить государственную власть, а никак не ослаблять ее малопонятным большинству населения введением конституционных начал. В противном случае, предупреждал автор «Записки», ситуация будет развиваться по такой схеме: пришедшие к власти либералы разгромят правую оппозицию, но вскоре окажутся бессильными в борьбе с левыми радикалами, которые в этих условиях непременно поднимут голову, и как итог – «революционная толпа, коммуна, гибель династии, погромы имущих классов и, наконец, мужик-разбойник» [9, 110].

Очень точно предсказал судьбу русского либерализма, если его представители получают власть в условиях войны, и цитировавшийся нами выше П.Н. Дурново. Если самодержавной власти хватит воли пресечь оппозиционные выступления достаточно твердо, то, полагал консервативный аналитик, «при отсутствии у оппозиции серьезных корней в населении, этим дело и кончится». Но если правительственная

власть пойдет на уступки и попробует войти в соглашение с оппозицией (что в итоге и произошло), то она лишь ослабит себя к моменту выступления социалистических элементов. «Хотя это и звучит парадоксально, – писал он, – но соглашение с оппозицией в России, безусловно, ослабляет правительство. Дело в том, что наша оппозиция не хочет считаться с тем, что никакой реальной силы она не представляет. Русская оппозиция сплошь интеллигентна, и в этом ее слабость, так как между интеллигенцией и народом у нас глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия» [12, 196].

Говоря о неизбежности революционных выступлений в случае военных поражений, Дурново предрекал: «Начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ. Победенная армия, лишившаяся, к тому же, за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованною, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению» [12, 196].

«Несмотря на оппозиционность русского общества, столь же бессознательную, как и социализм широких масс населения, политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно вырождается социалистическое. За нашей оппозицией нет никого, у нее нет поддержки в народе...», – выражал уверенность лидер правых в Государственном совете П.Н. Дурново [12, 195–196].

А лидер крайне правых в Государственной думе Н.Е. Марков, предупреждая об этом же либеральные октябристско-кадетские круги, еще в 1912 г. отмечал, что народ пойдет или с правыми, или с левыми, но не с либералами, «ничего общего с народом не имеющими» [6, 527]. В годы войны, обращаясь к членам Прогрессивного блока, он развил эту мысль дальше: «Вы говорите: общественное доверие, страна верит вам, вам, представителям шести объединившихся фракций. А я этого не вижу... Верят вам представители шести еврейских газет» [7, 1453].

Не ошибся Марков и в своем предсказании, сделанном в 1913 г. Рассуждая в одной из своих думских речей о «безграничной» свободе, которой требовали левые и либералы, лидер правых заявил, что если бы случилось так, что такой апологет свободы слова, как трудовик А.Ф. Керенский оказался во главе российской республики (что, как известно, в точности и произошло), он бы первый послал городских арестовать Маркова [15, 350] (и здесь правый депутат не ошибся – вскоре после Февральской революции он был арестован, а все монархические газеты, несмотря на провозглашенную свободу слова, были запрещены).

Провозглашение лозунга борьбы с властью в военное время правые расценивали как прямой призыв к революции, а революция во время войны, по их убеждению, означала разгром России. «Вспомните Японскую кампанию!» – взывал в 1915 г. известный правый публицист Н.П. Тихменев, указывавший, что победа конституционалистов в России своим неминуемым следствием будет иметь позорный мир с Германией [9, 97]. А черносотенец П.Ф. Булацель в 1916 г. пророчески восклицал, обращаясь к либералам: «Вы с думской кафедры призываете безнаказанно к революции, но вы не предвидите, что ужасы французской революции побледнеют перед ужасами той ре-

волюции, которую вы хотите создать в России, пользуясь нерешительностью теперешнего правительства. Вы готовите могилу не только «старому режиму», но бесспорно вы готовите могилы себе и миллионам ни в чем неповинных граждан. Вы создадите такие погромы, такие варфоломеевские ночи, от которых содрогнутся даже «одержимые революционной манией» демагоги бунта социал-демократии и трудовиков!» [4, 14].

«Необходимо отдать должное прогностической прозорливости правых – события марта 1917 г. – марта 1918 г. (от «великого и бескровного» свержения монархии до «похабного» Брестского мира) доказали их правоту», – признает по этому поводу современный историк [9, 97].

Правые пытались втолковать членам Прогрессивного блока, что «народ и рабочие – они люди дела, они люди мозолистых рук» и если страдающий от войны народ убедить в том, что все беды, обрушившиеся на него, происходят исключительно от неумелых действий правительства, призывать его к борьбе с ним, то, предупреждали они: «знайте, что ваши слова ведут к восстанию, ведут к бунту, к народному возмущению, к ослаблению государства...» [8, 97].

Правые совершенно справедливо, как показала история, отмечали, что требования «ответственного министерства» и «правительства общественного доверия», расшатывание авторитета царской власти разрушают государство. Если лидер кадетов П.Н. Милюков, требовавший устранения существующей политической системы с самодержавным монархом во главе, говорил, что если бы к власти пришло «то правительство, которое мы желаем, мы совершили бы чудеса» [1, 136] (как известно, это правительство, сплошь состоящее из лиц, облеченных общественным доверием, не продержалось и трех месяцев), то правые предупреждали, что действия либералов ведут к революции. В ответ на слова Милюкова Н.Е. Марков заметил: «...вы, гг., по-видимому не понимаете, что вы хотите сделать, и я вам указываю: вы хотите ввести в России революцию, чтобы революция разрушила все, худо или хорошо сложенное русское государство» [7, 103].

Однако доводы правых монархистов, указывавших на наивность либеральных чаяний, что народ, после того как в нем убили веру в царя, окажет доверие «какому-то Родзянко», не воспринимались их противниками всерьез. Прозрение наступило позже, когда предсказанные правыми катастрофы стали развертываться одна за другой. В 1918 г. П.Н. Милюков, совсем недавно обещавший продемонстрировать «чудеса», на которые, по его мнению, была способна либеральная власть, в письме правому монархисту И.В. Ревенко с горечью сетовал: «Полной разрухи мы не хотели, хотя и знали, что на войне переворот во всяком случае отразится неблагоприятно. Мы полагали, что власть сосредоточится и останется в руках первого кабинета министров, что временную разруху в армии и стране мы остановим быстро и если не своими руками, то руками союзников добьемся победы над Германией, заплатив за свержение царя некоторой отсрочкой этой победы... Что же делать: ошиблись в 1905 году в одну сторону – теперь ошиблись опять, но в другую. Тогда недооценили сил крайне правых, теперь не предусмотрели ловкости и бессовестности социалистов. Результаты Вы видите сами» [14, 43]. Но публично признать правоту своих оппонентов справа в этом вопросе Милюков, тем не менее, отказывался, доверяя частному письму такие строки: «Признание есть крах всего дела всей нашей жизни, крах всего мировоззрения, которого мы являемся представителями. Признать не можем, противодействовать не можем, не можем и соединиться с теми правыми, подчиниться тем правым, с которыми так долго и с таким успехом боролись» [14, 44].

«Торжествующие либералы, избавившись от «безумного шофера» (выражение

В.А. Маклакова***), сами сели за руль, и мартовско-октябрьская практика Временного правительства с наглядностью подтвердила пессимистические прогнозы правых монархистов... Загипнотизированный собственным информационно-виртуальным «величием» российский либерализм исторически мгновенно доказал свою тотальную несостоятельность и погиб в волнах «русского бунта» им же во многом и спровоцированном» [9, 174–175].

Таким образом, следует признать, что правые достаточно точно предсказали ход политических событий в стране, вызванных столкновением с Германией, ослаблением правительственной власти, переходом ее в руки либералов с последующим торжеством левых радикалов. Отличаясь от своих политических противников более дальновидным взглядом на будущее, предвидели правые и собственное поражение в этой борьбе. Причина такой дальновидности правых, прежде всего, заключалась в том, что русские монархисты, оставаясь в рамках традиционалистских установок, знали русский народ значительно лучше, в отличие от высокообразованных, по-европейски мыслящих, но крайне далеких и оторванных от своего народа либералов. Другое дело, что, предугадав разрушительные процессы, сами правые не смогли победить своих противников в информационном пространстве, предложить механизмов воплощения в жизнь действенных в этих сложных условиях мер для умиротворения общества, спасения монархической государственности от краха, а страны – от погружения в революционную смуту и гражданскую войну.

Но, как справедливо заметил в свое время исследователь В.В. Кожин, в контексте многих сбывшихся прогнозов, сделанных русскими правыми, «само определение «правые» вдруг приобретает... ценнейший смысл: «правые» – это те, кто в отличие от либералов, которые в той или иной степени принадлежали к «левым», – были *правы* в своем понимании хода истории... Именно и только эти деятели и идеологи действительно понимали, куда двигалась Россия в начале XX века...» [13, 27].

Сноски и примечания:

* Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 1090. Оп. 1. Д. 162. Л. 2.

** РГИА. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 162. Л. 2 об.

*** В статье «Трагическое положение» («Русские Ведомости». 1915. № 221), которая распространялась в многочисленных копиях, В. А. Маклаков, намекая на царя, рассуждал о «безумном шофере», который «править не может», «ведёт к гибели вас и себя», но «цепко ухватился за руль» и не пускает людей, «которые умеют править машиной».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.
2. Белянкина В.Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.). Автореферат дисс. ... к.и.н. Кострома, 2005.
3. Богоявленский Д.Д. Н. Е. Марков и Совет министров: Союз русского народа и самодержавная власть // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сб. научных трудов. Вып. 1 / Под ред. А. Ю. Минакова. Воронеж, 2001.
4. Булацель П.Ф. Дневник // Российский гражданин. 1916. № 46.
5. Вестник Союза русского народа. 1912. № 85. 25 января.
6. Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СПб., 1912.
7. Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Пг., 1916.
8. Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Пг., 1916.
9. Давиденко А.В. Правомонархические интерпретации думской монархии (октябрь 1905 – февраль 1917 г.). Хабаровск, 2006.
10. Двуглавый орел. (Париж). 1929. № 34. 30 ноября (13 декабря).
11. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А. В. Репников. М., 2008.

12. Дурново П.Н. Записка / Публ. и вступ. ст. М. Павлович // Красная новь. 1922. № 6 (10).
13. Кожин В.В. «Черносотенцы» и Революция (загадочные страницы истории). Изд. 2-е, дополненное. М., 1998.
14. Коняев Н.М. Гибель красных Моисеев. Начало террора. 1918 год. М., 2004.
15. Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. В 2-х томах / сост., вступ. ст., коммент. Ю. И. Кирьянов. Т. 2. 1911–1917 гг. М., 1998.

A. Ivanov

«THE RIGHTS PROVED TO BE PROPHETS». THE LEADERS OF THE RUSSIAN RIGHT WING ABOUT THE WAR AGAINST GERMANY, PERSPECTIVES OF LIBERALISM AND REVOLUTION

Abstract: The article is devoted to the analysis of the reasons which made the leaders of the conservatives groups of State Council and State Duma in the XX century to come forward against collision of Russian and German empires. This work also examines their motivation against the unity of the power with the liberals during World War I. Basing on the various sources the article shows the high exactness of the analytical forecasts of the Russian right concerning the fate of the empire, liberalism and the nature of Russian revolution.

Key words: Russian history, World War I, conservators, liberalism, State Duma, State Council, parliament, revolution.

ПАРАЛЛЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В ТРУДАХ М.П. ПОГОДИНА*

Аннотация: В статье рассматривается проблема соотношения общего и особенного в историческом развитии России и стран Западной Европы в трудах М.П. Погодина. Основное внимание уделяется двум моментам. Во-первых, история России – часть европейской истории. Во-вторых, исторические пути России и государств Западной Европы различны. Россия всегда шла своим путем, и историк обязан найти этот путь, показать его своеобразие.

Ключевые слова: историческое развитие, Россия, Западная Европа, общее и особенное, европейская цивилизация, российская специфика.

Важное место в исторической концепции М.П. Погодина занимает вопрос о соотношении самобытного, непохожего и общеевропейского, западного в истории России.

Постановка вопроса «Россия – Запад» в трудах М.П. Погодина неоднозначна. С одной стороны, он рассматривает Россию и Западную Европу как две части единого целого – европейской цивилизации. В 1845 г. в журнале «Москвитянин» вышла статья Погодина «За русскую старину». В этой статье автор отстаивает идею неразрывности связей России и Европы. История России и общеевропейская история имеют единую цель, указанную благим Провидением. Российскую историю необходимо изучать только в контексте истории Европы.

В прошлом России и стран Западной Европы имели место быть похожие события, обусловленные «общим (родовым) подобием» [1]. Конкретные формы, в которые вылились эти происшествия, для России и стран Западной Европы различны. Поэтому можно говорить о параллелях исторического развития России и западноевропейских государств. Погодин пишет: «Тот же процесс совершался у нас, как и там; те же задачи разрешались, только посредством других приемов; те же цели достигались, только другими путями» [2].

В России, как и в Западной Европе, были средние века, но только под другой формой. В России не было феодализма, но существовала удельная система, которая хотя и заметно отличалась от феодальной, но представляла вид того же рода. Следствием крестовых походов на Западе в политическом отношении стало ослабление феодализма и усиление монархической власти. На Руси аналогичное воздействие оказало татаро-монгольское иго. На Западе была Реформация, в России – реформы Петра Великого. Русское местничество Погодин сравнивает с европейским «рыцарским веком». Однако данное сравнение довольно умозрительно. Автор не приводит конкретных фактов, все дело в нравах, «когда чувство и понятие чести преобладало над прочими» [3].

В то же время Погодин указывает на принципиальные различия исторических путей России и стран Западной Европы. Корень различий, по мнению историка, следует искать в особенностях возникновения государства, так как «в Истории Государств малейшее различие в начале производит огромное различие в последствиях» [4].

Впервые свои представления о начальном периоде русской истории Погодин изложил в магистерской диссертации «О происхождении Руси» [1825]. Здесь Погодин

* © Почивалова А.В.

обращает внимание на самобытность исторического пути России. Основываясь на норманнской теории, Погодин рассматривает факт добровольного призвания варяжских князей как начало российского самодержавия, предопределившего дальнейшую судьбу страны.

В 1832 году Погодин приступает к работе на кафедре русской истории. В связи с этим им была прочитана вступительная лекция, которая впоследствии опубликована под названием «Взгляд на русскую историю». Суть этой лекции Погодин изложил в письме к своему другу С.П. Шевыреву: «Россия есть особый мир, у нее другая земля, кровь, религия, основания, словом, совсем другая история...» [5].

В 1845 г. в журнале «Москвитянин» была опубликована статья под названием «Параллель русской истории с историей западных государств, относительно начала». Эта работа М.П. Погодина посвящена сравнению исторических путей России и стран Западной Европы. Более подробно свое понимание особенностей исторического развития России Погодин представил в одном из своих главных сочинений – «Исследования, замечания и лекции о русской истории» [1846 – 1857].

В своих работах Погодин выделяет три группы отличий, характеризующих Российское государство: исторические (бытовые, фактические), физические и нравственные. Взятые вместе, эти отличия обусловили своеобразие России.

Рассматривая особенности возникновения государства на Руси, Погодин опирается на работы французских историков периода Реставрации – Ф. Гизо, О. Тьерри, разработавших теорию завоевания, согласно которой все современные европейские государства возникли в результате завоевания одних племен другими. Вся последующая история государств рассматривается как история борьбы завоеванных и завоевателей. Погодин соглашается с подобной постановкой вопроса для государств Западной Европы. В России же, по мнению Погодина, имело место призвание.

Согласно историку, добровольное призвание варяжских князей славянами – важнейшее отличие России от стран Западной Европы. Древнерусское государство было создано в результате добровольного соглашения между местным населением и иноземцами. Данное отличие имело важные последствия. В то время как на Западе шли бесконечные войны между завоеванными и завоевателями, на Руси царил мир и покой.

Для стран Западной Европы Погодин выстраивает следующую причинно-следственную цепочку: «...завоевание, разделение, феодализм, города со средним сословием, ненависть, борьба, освобождение городов – это первая трагедия Европейской трилогии. Уложения, борьба среднего сословия, революция – это вторая. Уложения, борьба низших классов... – третья» [6]. Обращаясь к русской истории, Погодин замечает, что «у нас в начале нет решительно ни одного, по крайней мере, в том виде из характерных явлений для Западных историй» [7].

Феодализму государств Западной Европы Погодин противопоставляет удельный строй Древней Руси, основой которого является община. Право собственности на землю на Руси не было узурпировано захватчиками, как это произошло на Западе, а сохранилось за местным населением: «У нас земля осталась как прежде в общем владении народа, под верховною, (отвлеченною), властью Князя» [8]. Князь и его приближенные довольствовались лишь сбором дани и не претендовали на обширные, но бедные земли славян.

Изначально на Руси государь был «званным, мирным гостем, желанным защитником» [9]. Он не имел никаких обязанностей по отношению к боярам. В странах Запада король, нуждавшийся в военной поддержке бояр, был зависим от них. В России правитель общался с народом без посредников, выступая в качестве защитника и су-

дья, в отличие от западных государей, отделенных от народа своими вассалами. В этом Погодин видит истоки российского самодержавия. Историк выводит идиллическую картину взаимоотношений царя и народа в России. Он пишет: «Русская история представляет всегда Россию одним семейством, в котором государь отец, а подданные дети. Отец сохраняет над детьми полную власть, предоставляя им полную свободу...» [10].

Согласно Погодину, сословный строй в России сформировался иначе, чем в Европе, где победители и побежденные дали происхождение двум классам – дворянству и рабам. На Руси отношения между туземцами и пришельцами сложились, как между гостями и радушными хозяевами. Поскольку не было завоевания, не началось и рабства. Народ остался свободным. Различия касались только занятий, «равно доступных для всякого, а в политическом, гражданском отношении, были равны между собою и перед Князем» [11].

Другое важное отличие – формирование в странах Западной Европы третьего сословия. Это укрывшиеся в городах жители, которые со временем освобождаются от влияния феодалов. Третье сословие на определенном этапе развития становится главной причиной социальных конфликтов. Стремясь уравниваться в правах с аристократией, ведущей свое происхождение от феодалов, представители третьего сословия начинают наступательную войну против нее. На Руси же «не от кого было откупаться, не от кого было скрываться, и не произошло убежищных городов, не зародилось и третьего, среднего сословия» [12].

На Западе высшее сословие составило феодальное дворянство – это бывшие сподвижники короля, помогавшие ему покорять земли. Они составили многочисленное сословие, особый класс, с которым был вынужден считаться сам король. На Руси тоже сформировалось дворянское сословие, но позже, чем на Западе, и иным путем. Погодин пишет: «Наше Дворянство не феодального происхождения, а собравшееся в позднейшее время с разных сторон для того, чтобы пополнить недостаточное число первых варяжских пришельцев...» [13]. Российское дворянство «приобрело свои отличия службою отечеству», поэтому «оно почтеннее и благороднее всех Европейских дворянств» [14].

Иначе на Руси возникали города и складывалась городская жизнь. В странах Западной Европы города «с остатками Римской образованности и гражданственности, сделались пребыванием людей особого звания» - представителей третьего сословия [15]. Основное их занятие – промышленность. На Руси, по мнению Погодина, ничего подобного не было. Города у нас возникали как место пребывания князя и бояр, как колонии правительства. Лишь первые города (Киев, Новгород) – торговые селища. Городское население по роду занятий мало чем отличалось от сельского и не приобрело особого статуса.

Таковы, по мнению М.П. Погодина, исторические (фактические) отличия России от стран Западной Европы.

Погодин обращает также внимание на особенности географического положения России или физические отличия. Во-первых, Погодин отмечает размеры территории. Из данного положения историк выводит два следствия. Огромная территория препятствовала завоеванию государства малочисленными отрядами, какими были артели норманнов. Стремительному завоеванию славянских земель, по мнению автора, препятствовали и особенности заселения славянских земель. Он пишет: «Заселение не сплошное, но разделенное лесами, степями, болотами, без больших дорог, при трудных сообщениях препятствовало в IX столетии всякому потоку завоевания» [16]. Другое следствие обширности пространства – «земли пустопорожней было много, не так как на Западе, и никто не дорожил ею, ни Князь, ни Бояре, ни туземцы» [17].

Согласно мнению историка, славянские земли не привлекали особо завоевателей вследствие своей бедности. Поскольку взять со славянских племен можно было только «естественные произведения, удовлетворяющие первые нужды, голод и жажду», норманны стремились на поиски добычи в другие места, под Константинополь, к берегам Черного моря [18].

Эти особенности географического положения славянских земель делали если не невозможным, то, во всяком случае, затруднительным завоевание.

Следующее отличие, по мнению Погодина, составляет многочисленность туземцев, а также относительная этническая однородность славянского населения. Если в странах Западной Европы пришельцы наложили свою печать на туземцев, то у нас «норманны разошлись в славянском населении, подобно капли вина в воде» [19]. Такое единство делало маловероятным национальную вражду и позволяло народу во главе с государем действовать сплоченно. Согласно взглядам историка, так было с самого начала вплоть до настоящего времени.

Далее Погодин рассматривает климатические условия. Суровый климат страны, по его мнению, наложил отпечаток на особенности общественной жизни и политического развития. Славяне «жили по домам, около очагов, и не заботились о делах общественных» [20]. Все важнейшие вопросы решал князь и его приближенные. Это устраняло почву для раздоров, вело к укреплению власти князя и способствовало становлению самодержавия.

Еще одна особенность, указанная М.П. Погодиным, – рельеф местности, заселенной славянскими племенами. Положение «равное, без гор», когда «везде одни и те же выгоды и невыгоды, некому и нечем воспользоваться», по мысли Погодина, вело к гражданскому равенству как среди славян, так по отношению варягов к славянам [21].

Географическая изолированность России, связанная с отсутствием выхода к морям, с системой рек, ведущих внутрь страны, затрудняло общение славян с другими народами: «Мы остались одни и шли своей дорогой» [22].

К указанным особенностям России Погодин добавляет нравственные. Во-первых, сюда он относит характер. Русский человек, по мнению Погодина, по характеру, нравственным качествам отличается от европейца. Славяне – «народ тихий, спокойный терпеливый... они приняли чужих господ без сопротивления, исполняли всякое их требование с готовностью, не раздражали ничем...» [23]. Эти качества, противоположные западной раздражительности, способствовали сохранению спокойствия в обществе. Говоря о русских и о славянах вообще, Погодин отмечает также такие качества «толк и удаль, которым нет имени во всех языках Европейских, его понятливость, живость, терпение, покорность, деятельность в нужных случаях» [24].

Вторая нравственная особенность – религия. На Западе местное завоеванное население исповедовало христианство, завоеватели же были язычниками. Это стало еще одной причиной ненависти между завоеванными и завоевателями, до тех пор, пока последние не приняли христианство. На Руси ситуация была иной. И варяги, и славяне были язычниками и не навязывали друг другу свою веру. Когда варяги стали распространять христианство в качестве государственной религии, славяне, в силу своего характера, приняли новую религию без сопротивления.

Важным является и то обстоятельство, что Россия приняла христианство по византийскому образцу. Погодин развивает мысль о том, что Россия является наследницей Восточной Римской империи (Византии), откуда приняла «особливую часть Веры». Это, по мнению Погодина, имело своим следствием то, что «у нас, также как в Греции, духовенство подчиняется государям» [25]. Подчинение церкви государству

способствовало укреплению власти монарха и становлению самодержавия. В государствах Западной Европы, основанных на развалинах Западной Римской империи и принявших католичество, напротив, церковь активно участвовала в борьбе за власть.

И, наконец, третье отличие – образование. На Западе завоеватели получили образование от завоеванных. В России, напротив, варяги дали образование славянам. В России «гражданское образование было привито к дереву свежему, дикому, а там к старому и гнилому» [26].

Данные отличия взаимодействуют между собой, одно влияет на другое. Их совместное действие привело к тому, что русская история представляет «совершенную противоположность с историей Западных государств» [27].

Таким образом, М.П. Погодин отстаивает в своих сочинениях идеи самобытности России, заложенной в самом начале ее исторического бытия. В целом отличия России от стран Западной Европы, согласно Погодину, можно свести к единой формуле: «В России в основе государства заложены любовь и единение, на Западе – ненависть и рознь» [28].

Решение проблемы «Восток – Запад» Погодиным тесно связано с его общетеоретическими взглядами. По мнению историка, все народы развиваются по одним и тем же закономерностям, проходят одинаковые стадии. Но эти закономерности не являются общими, каждый народ имеет свои особенности, «всякий народ развивает своей жизнью особую мысль» [29]. Задача историка – показать общее и выделить особенное.

Говоря о принадлежности России к общеевропейской цивилизации, Погодин пытается выявить то общее, характерное для всех европейских государств, обусловленное родовым подобием и единством цели. Но во главу угла историк все же ставит своеобразность, самобытность российской истории. Исторические пути России и стран Западной Европы, по мнению Погодина, различны, во многом даже противоположны. Их нельзя отождествлять, но можно сравнить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории М., 1846. Т. 3. С. 502.
2. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. М., 1894. Кн. 8. С. 52
3. Погодин М. П. О местничестве. // Историко-критические отрывки. М., 1846. Кн. 1. С. 185.
4. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории М., 1846. Т. 3. С. 497.
5. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1890. Кн. 3. С. 114.
6. Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. 3. 495.
7. Там же. С. 496.
8. Там же. С. 509.
9. Там же. С. 507.
10. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1893. Кн. 7. С. 275.
11. Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. 3. С. 500.
12. Там же. С. 501.
13. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1891. Кн. 4. С. 75.
14. Погодин М. П. Взгляд на русскую историю. // Историко-критические отрывки. М., 1846. Кн. 1. С. 7.
15. Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. 3. С. 504.
16. Погодин М.П. Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала. // Историко-критические отрывки. М., 1846. Кн. 1. С. 75.
17. Там же. С. 67.
18. Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. 2. С. 117.
19. Погодин М.П. Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала. // Историко-критические отрывки. М., 1846. Кн. 1. С. 76.
20. Погодин М. П. Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала. // Историко-критические отрывки. М., 1846. Кн. 1. С. 78.
21. Там же. С. 80.

22. Там же. С. 82.
23. Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т., 3. С. 515.
24. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Кн. 5. С. 194.
25. Погодин М. П. Взгляд на русскую историю. // Историко-критические отрывки. М., 1946. Кн. 1. С. 5
26. Погодин М. П. Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала. // Историко-критические отрывки. М., 1946. Кн. 1. С. 80.
27. Там же. С. 84.
28. Там же. С. 58.
29. Погодин М. П. Исторические афоризмы. М., 1836. С. 9.

A. Pochivalova

THE PARALLELS OF HISTORICAL DEVELOPMENT OF RUSSIA AND WEST EUROPEAN COUNTRIES IN M. P. POGODIN'S WORKS

Abstract: The article touches upon the problem of correlation between general and specific characteristics in historical development of Russia and West European countries in M. P. Pogodin's works. Special attention is paid to two main factors. Firstly, history of Russia is considered to be the part of European history. Secondly, historical development of Russia and West European countries is different. Russia has always gone through its own way and a historian should find and depict its peculiarities.

Key words: Historical development, Russia, the Western Europe, the general and especial, a western civilisation, the Russian specificity

ИЗМЕНЕНИЕ УСЛОВИЙ КАЗАЧЬЕГО ТРУДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.*

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы становления в казачьих регионах Юга России капиталистических методов ведения хозяйства и распространения рыночных отношений в период после Великих реформ, вызвавших значительные изменения в характере казачьего труда и психологии земледельца-казака.

Ключевые слова: казак, военно-служилое сословие, социальное расслоение, модернизационные процессы.

В пореформенный период в социальной и экономической жизни российского Юга происходят перемены. Коренным образом стал меняться веками существующий ритм трудовой деятельности, характер казачьего труда, его повседневной жизни. Как отмечает Е.В. Величко, зачастую «казачество представлялось слоем привилегированным и как бы «виноватым» перед остальными группами населения. Само казачество думало по-иному. Имея «привилегии», казачество дорого платило за них длительной военной службой. «Раздвоение» на землевладельца и воина в условиях развития товарно-рыночных отношений становилось все сложнее» [1, 38].

Казачество как один из самых консервативных слоев российского общества не могло не ощутить происходящие изменения в различных сферах своей жизнедеятельности. Исследователь Л.Б. Заседателева отмечала, что появилась официальная частная собственность на землю, признаваемая юридически и общиной и государством (частновладельческие земли, выдаваемые казачьим офицерам). С появлением сугубо частных земельных владений в станицах появились группы лиц, которые были и членами станичной общины и частными собственниками пожалованных им земель. Эти юридически оформленные наделы, стоящие вне общины, отличались от развившихся внутри самой общины форм частновладельческих родовых земель, признаваемых общиной, но не оформленных юридически государством, что сковывало поле деятельности нарождавшейся станичной буржуазии. Община продолжает выступать как коллективный собственник земель, сенокосов, лесных участков, пастбищ, водных источников и общественных сооружений. И поскольку казачество было военным сословием в государстве, казачье землевладение тоже носило сословный характер, что и определяло его специфику [6, 253].

Первоначально влияние масштабных преобразований начавшихся в российском обществе с 1861 г. на казачий социум не было столь заметным. Сохранялись в неизменности многие традиционные занятия населения казачьих областей. По-прежнему сеяли озимую пшеницу, рожь, ячмень, просо. Выращивали арбузы, подсолнечник, капусту, огурцы. Продавали хлеб [12, 570]. В зимнее время несколько десятков человек занимались рыбной ловлей в Тереке. Ловили красную рыбу, продавали и рыбу и икру. Так средняя цена за пуд составляла 4 руб. [12, 571].

Изменения в характере казачьего труда происходили постепенно. Тем не менее, в этот период он приобретал черты, которые отражали политические, социальные и экономические перемены, происходящие в российском обществе. С одной стороны они представляли собой последствия происходящих в российском обществе нововведений, начавшихся после осуществления Великих реформ, а с другой, были тесно свя-

* © Акеева Н.Б.

занны с традиционными формами казачьего труда, существующими на протяжении столетий, их консервированием на протяжении всего периода истории южно-российского казачества.

Казачество российского Юга вследствие поступательного развития рыночных отношений в регионе частично утратило свое монопольное право на распоряжение землей и право на ее обработку и исключительно автономное определение экономической деятельности. Это обстоятельство существенным образом меняло характер казачьего труда, его социально-экономические основы, оно в некоторой степени подхлестывало экономическую конкуренцию и хозяйственную активность казачьего населения на российском Юге. Следствием этого стала возросшая заинтересованность казачества в собственном труде, стремление получить от него как можно большую отдачу.

С другой стороны представители казачества, как и других слоев российского общества, стремились к большему материальному благополучию, к накоплению материальных средств и ресурсов. Существенно усилилось и желание казачества самостоятельно, без участия других социальных групп и слоев, владеть и распоряжаться имеющимися земельными и другими ресурсами.

Казак хотел самостоятельно пользоваться продуктами и результатами своего труда. Это обуславливалось воззрениями казачества на смысл и характер трудовой деятельности, традиционной замкнутостью казачьего мира, его исключительного положения как защитников и воителей земли русской, его недоверием ко всему тому, что находится за пределами его собственной казачьей общины.

Все другие общественные слои и иные социальные миры казак воспринимал на протяжении столетий зачастую как враждебные, стремящиеся незаслуженно и несправедливо воспользоваться результатами его ратного и земледельческого труда. В особенности это относилось к иногородним, «пришлым», по отношению к которым казачество имело стойкое недоверие, обусловленное постоянным притоком неказачьего населения в области, населенные казаками, «вмешательством» иногородних в казачью жизнь, их желанием, как считали казаки, воспользоваться результатами их труда в процессе освоения и заселения края.

Особенно этот психологический настрой казачества усилился в начале XX в., когда данные изменения стали особенно явными. На одном из полковых собраний казаков Кубанского казачьего войска его участники приняли резолюцию, что «вся казачья собственность должна остаться неприкосновенной, и ни одна самая малая часть земли, добытая кровью наших предков, не может быть не под каким предлогом отчуждаема, даже войсковым кругом, а все казачьи земли, ранее отчужденные у казаков, должны быть им возвращены».

В рассматриваемый период получаемые казачеством доходы должны были дать ему возможность прокормить свои семьи, материальную независимость от внешних явлений и факторов, и одновременно обеспечить преемственность укоренившихся в казачьем социуме аграрных отношений, социальных связей, общинной организации. Так, в 1913 году казаки сдавали земли в аренду, брали посаженную плату с иногороднего крестьянства, плату за мосты и переправы, места на базарах, питейные заведения. Распоряжение этими доходами должно было обеспечить сохранение традиционных форм жизнедеятельности казачьего сообщества [10, 55].

Развитие капиталистических методов ведения хозяйства и распространение рыночных отношений в период после свершения Великих реформ вызвало значительные изменения в характере казачьего труда и в психологии земледельца-казака. Главным из них стало усиление собственнических настроений, которые, впрочем, всегда были

сильны в казачьей среде. В пореформенный период казачья община начала разлагаться. С одной стороны, земля концентрировалась в руках богатой казачьей верхушки. С другой – росло число безземельных казаков. По данным Всероссийской переписи 1897 г., 5,2% хозяйств существовали за счет работы по найму, а к концу 1916 г. их уже стало 10,3% [9, 331].

Важным фактором в процессе распространения собственнических настроений в казачьей среде стало и возрастание эффективности индивидуального труда, его производительности. Все это приводило к появлению у значительной части казачества желания вести хозяйство самостоятельно, получая от реализации его продуктов все большую прибыль. Так, например, к началу XX в. казаки повсеместно требовали увеличить их земельный пай за счет войсковых земель.

Вместе с тем, в процессе постепенного изменения самой сути экономических отношений на российском Юге, методов ведения хозяйственной деятельности, возникло стремление казачества к локализации и изоляции собственной трудовой деятельности от других социальных слоев и этнических групп, также проживавших в регионе и большей частью переселившихся в него из областей центральной России, а то и к существованию за их счет. Так, например, «решением казачьих сборов на иногородних были переложены и казачьи повинности – подводная, постоянная и другие. Горцы также отбывали дорожную и квартирную повинности. Таким образом, иногороднее население принудительно участвовало в содержании сословной казачьей организации. Правительство поощряло такое отношение казаков к иногородним и горскому населению. С точки зрения казачества иногородние лишь пытались присвоить себе результаты казачьего труда направленного на освоение края. Администрация, охраняя сословные привилегии казачества, постоянно ограничивала права невойскового сословия в экономической, политической и социальной повседневной жизни.

По мере изменения сложившихся на российском Юге в пореформенный период социально-экономических условий менялся и характер казачьего труда. Так, например, до первой половины 60-х гг. XIX в. Кубань была краем по преимуществу скотоводческим. За пастьбу овец чабану платили из расчета 10—15 копеек за голову [12, 62]. Зажиточные казаки выгоняли свой скот в коши, в степь. Это место, как правило, находилось в 7—10 верстах от станицы, близ водопоя. Так как кошевыми пастбищами пользовались только состоятельные казаки (бедняки не могли платить пастухам, да и не имели лишнего скота, чтобы послать его в отгон), то фактически нарушалось право каждого на пользование коллективными владениями. Пасли скот поочередно, продукты складывали в общий мешок и питались из общего котла [3, 157].

Для ведения скотоводческого хозяйства требовалось меньше рабочих сил, к тому же формы его более согласовывались с условиями полувоенной жизни. Земледелие в это время было только подсобным занятием и велось крайне примитивными способами. Однако, постепенно земледелие начинает соперничать со скотоводством, оно становится достаточно выгодным в плане трудовой деятельности и большая часть населения переходит к земледельческому труду. Казачьим населением в основном возделывались пшеница, рожь, подсолнух, табак.

Необходимо отметить, что труд казачества в исследуемый период все больше приобретал индивидуалистический характер и даже в рамках коллективного общинного труда характеризовался постепенным отходом от трудовых форм принятых в казачьей общине. Как отмечает В.С. Денискин «дифференциация казачества ускоряла процесс разложения общины» [4, 281].

Тем временем, в казачьих областях росла численность населения, как следствие происходило увеличение посевных площадей, однако это никак не решало проблемы

недостатка пахотных земель. Так, по приблизительным данным, в 1873 г. в Кубанской области посевами была занята площадь в 805 тыс. десятин, что на каждую душу составляло чуть более 1 десятины посева. Через 20 лет — в 1893 г. посевная площадь равнялась уже почти 2 млн. десятин, что составило на одну душу 1,26 десятины посева [7,12].

Многие станицы в составе юртовой земли имели лес или неудобную для хлебопашества землю, пахотные угодья часто были отдалены от станицы, иногда до 70 верст. В 1902 г. удобной для хлебопашества землей лучше были обеспечены казаки Кавказского отдела — 11,2 десятины, Ейского — 10,8 десятины. Очень плохо было с землей у казаков Таманского отдела. При наличии 10,9 десятины земли на душу, удобно было всего 7,1 десятины, еще худшим было положение в Екатеринодарском отделе. Всей земли приходилось на душу 8,7 десятины, удобной лишь 6,4 десятины. С годами положение ухудшалось. Кубанское казачество все более остро ощущало нехватку земли [5, 107].

Стремительное сокращение казачьих земельных наделов заставляло войсковое начальство искать пути решения данной проблемы.

По существу, в казачьих областях Юга России медленно но верно распространялась имитация общинного труда, в то время как каждый из участников общины стремился работать на себя и удовлетворять в первую очередь свои все возрастающие материальные потребности. Еще грамотой Екатерины II земли Кубанской области были пожалованы в вечное владение и поступили в общинное пользование казачьих обществ. Несколькими последующими законодательными актами принцип общинности был нарушен, что положило начало частному землевладению, которое вклинивалось в организацию общинного землепользования.

Одним из таких актов, закрепляющим частную собственность на землю, стало положение от 1842 г., согласно которому устанавливалась градация, предоставляющая различным чинам казачьего войска право захвата фиксированного надела земли в частную собственность. Для нижних чинов предусматривался надел в 30 десятин, для офицеров — до 400 десятин [7, 6]. Однако, тогда на владение землей представителями неказачьего сословия был наложен ряд ограничений. По существу начало частному землевладению было положено новым высочайшим указом от 21 июня 1861 г. и положением 1861 г., на основании которых семействам офицеров и казаков, изъявившим согласие переселиться в Закубанский край, были дарованы земельные участки в Екатеринодарском, Майкопском и Таманском отделах.

Постепенно, даже в рамках общинной казачьей организации, в которой были все еще сильны коллективистские тенденции, все большее распространение получали индивидуальные формы трудовой деятельности, но, правда, при сохранении все еще сильных общинных начал. Так, нередко вся общинная земля разбивалась на пай, но сенокосные угодья не разделялись, распашная земля особо подразделялась на полосы, и в каждой полосе каждому пайщику предоставлялась доля, которая определялась жеребьевкой, причем каждый вынимал столько жребиев, на сколько полос разбита земля.

Затем распределялись уже полученные участки, после чего их индивидуально обрабатывали, пользуясь продукцией произведенных на них самостоятельно. Зачастую при распределении земельных наделов возникали различного рода споры и непредвиденные случаи. Так, например, в положении «О зачислении в войсковое сословие разного рода лиц Кавказского отдела от 1901 г.» сообщалось, что «в 1863 г. казак ст. Казанской Михаил Иванович Ловлин с семейством был назначен по жребию к переселению на правую линию. Вместо себя он нашел казака Феоктиста Сотникова.

У него еще и сын (1 год). Тот переехал, а мать Сотникова и сестры Анна и Акимина остались жить в отцовском доме. Однако их вместе с уехавшим исключили из списков ст. Казанской, в ст. Кубанской Майкопского отдела мать и сестер не вписали. После отъезда Феоктиста они продолжали жить в ст. Казанской, но земли не получали. Сейчас Акимине 66 лет, больна мать и сестра умерла. Просит дать ей пай, т.к. нет средств к существованию. Проведено расследование, Акимину зачислить как поденную жительницу снова в списки ст. Казанской, чтобы дать землю».

Следствием данного порядка распределения земель стал по существу индивидуальный труд, и все больше казачьих хозяйств принимало участие в товарном обмене. В то же время существенно сокращались земельные наделы большинства казаков. Так, например, в Кубанской области первоначальные нормы наделения землей колебались в размерах от 16 до 30 десятин на мужскую душу, но в дальнейшем, благодаря захвату земель в собственность и увеличению численности казачества, паевое довольствие значительно сократилось. Впоследствии на душу мужского войскового сословия уже приходилось в среднем 10,4 десятины, а колебалась величина пая от 9,3 до 15,6 десятины. Необходимо отметить, что среди казачьих войск Российской империи это был один из самых маленьких наделов [11, 398].

Эта тенденция обрела устойчивость, и с конца XIX до начала XX вв. только усилилась. Так, к 1917 г. земельный пай кубанского казака составлял в среднем по области 7,6 дес. удобной земли, или 14,4 дес. на двор. Но в некоторых станицах, например, в Ахметовской, Баракаевской, Севастопольской, приходилось всего 2/3 дес. на душу. Еще хуже было обеспечено землей коренное крестьянство. В среднем на двор приходилось 12,6 дес., что равнялось 4,1 дес. земли на одну мужскую душу. Совсем незначительными были наделы у горских народов Кубани. Незавидным было положение иногороднего крестьянства. Не имевшее права на землю, оно не только было вынуждено арендовать ее или батрачить, но и платить станичному обществу посаженную плату за право проживания на ней [1, 38].

Основной целью трудовой деятельности казачества в пореформенный период стало удовлетворение собственных нужд, а не нужд всего сообщества, казачьей общины в целом. Все это приводило к появлению новых форм хозяйственных взаимоотношений, постепенному устранению архаичных форм ведения хозяйства, распространению появившихся за последнее время новых технологий аграрного производства, современных навыков земледельческого дела. В казачьих областях интенсивно развивались молочное животноводство, товарное скотоводство и другие высокотоварные отрасли сельского хозяйства (например, табаководство). Расширилась сеть стационарных торговых пунктов. Число магазинов, лавок, питейных заведений растет не только в городах, но и в крупных казачьих станицах.

Постепенно уходили в прошлое самые древние формы казачьего труда и способы распределения его результатов. В значительной мере это объяснялось общим развитием производственных отношений, техническими новшествами, появившимися в пореформенный период. Все шире распространялись современные эффективные способы трудовой деятельности. «В местное население начинает проникать сознание необходимости лучшей обработки полей и наряду с букером теперь зачастую попадают уже однолемешные, более прочной конструкции плуги, которыми пропахивают поля под зябь, т.е. к весеннему севу, а иногда и перед посевом озимыми [2, 318].

«В тех местностях России, где не было крепостного права, где за земледелие брался всецело или главным образом свободный крестьянин (например, в заселявшихся после реформы степях Заволжья, Новороссии, Северного Кавказа), развитие производительных сил и развитие капитализма шло несравненно быстрее, чем в об-

ремененном пережитками крепостничества центре» [8, 61].

В конце XIX – начале XX в. в регионе шло развитие промышленности, новой инфраструктуры, что втягивало сельскохозяйственные районы края в сферу капиталистического рынка и товарного обращения, увеличивая товарное земледелие. В свою очередь, становление рыночных, капиталистических отношений на быстро развивающемся российском Юге вызывало появление новых форм труда в казачьих хозяйствах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Величко Е.В. Земельный вопрос на Кубани в 1917-1919 гг. (анализ закона от 2 сентября 1919 г.) // Кубанское казачество: Три века исторического пути. Краснодар, 1998.
2. Городецкий Б.М. Крестьянское землевладение и землеустроительные работы в Таманском отделе // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1916. Т. 20.
3. Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972.
4. Денискин В.И. О землепользовании в терском казачьем войске во второй половине XIX в. ИЧИНИИ, Т. IX, ч. I. вып. I. Грозный, 1972.
5. Дубровин С.М. Сельское хозяйство и производство России в период империализма. М., 1975.
6. Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVII-XX вв.).
7. Ладоха Г. Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар, 1923.
8. Фадеев А.В. Собрание сочинений. СПб., 1989. Т. 1. Ч. 1.
9. Кубанское казачество. Энциклопедия. Краснодар, 1997.
10. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска за 1902 год. Екатеринодар, 1903.
11. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996.
12. Сборник материалов для описания местностей и племени Кавказа (СМОМПК). В. 8. Тифлис, 1889.

N. Acoeva

CHANGING OF COSSAKS' LABOUR CONDITIONS AT THE END OF THE XIX-TH - BEGINNING OF THE XX-TH CENTURIES

Abstract: The problems of formation of capitalist methods of housekeeping and spreading of market relations at the period after the Great reforms having caused significant changes in the character of the Cossack work and psychology of the farmer - cossack in the Cossack regions of South Russia are considered in the article.

Key words: cossack, military service estate, social stratification, modernizational processes

ВОПРОС ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ КРЕСТЬЯН В ПОЛИТИКЕ АЛЕКСАНДРА I В 1801-1803 гг.*

Аннотация: Статья посвящена вопросу о складывании программы Александра I по освобождению владельческих крестьян в России в начале XIX вв. и деятельности так называемого Негласного комитета в этом направлении. Статья основана на ряде источников, часть из которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: крепостное право, владельческие крестьяне, Александр I, Негласный комитет, либеральная политика.

Проблема, заявленная в заглавии статьи, представляет значительный интерес для исследователя предпосылок крестьянской реформы 1861 г. на дальних подступах к ней. Действительно, царствование Александра I было первым правлением, когда самодержавие непосредственно приступило к освобождению владельческих крестьян от помещичьей власти, так как до него вопрос об этом в законодательстве и политике правительства так не ставился. Его выдвижение в сферу реальной политики было вызвано и экономическими факторами, и опасениями новой пугачевщины, но на первое место мы бы поставили влияние «духа времени», гуманизм, личные либеральные пристрастия монарха и небольшой группы сановников империи, склонявшихся к подобным идеям.

Но этим стремлениям самодержавия противостояла толща дворянского сословия, не желавшего ничего менять в системе крепостного права. Поэтому и действия самодержавия в этот период в данном направлении были ограниченными. Вот что писал об этом Н.В. Басаргин: «Давно уже – в первые годы царствования Александра I – вопрос об уничтожении крестьянского состояния обсуждался передовыми людьми своего времени... Сам император желал этого освобождения, особенно в начале своего правления. Деланы были даже некоторые попытки, окончившиеся ничтожными и ни к чему не ведущими мерами и учреждениями». По словам М.А. Корфа, «Император Александр имел сперва намерение совсем уничтожить крепостное состояние и что в сем смысле приготовлены были разные предположения». Николай I говорил, что «император Александр в начале своего царствования имел намерение дать крепостным людям свободу, но потом сам отклонился от своей мысли, как совершенно еще преждевременной и невозможной в исполнении» [1, 431-432; 2, 14 об.; 3, 59].

Заметим, что именно в первые годы правления Александра I имеет место складывание программы крестьянской «эмансипации» и делаются первые шаги в ее реализации, которые, в основном, были связаны с деятельностью так называемого Негласного комитета. Правда, по словам С.В. Мироненко, Александр оказался не в состоянии выработать определенные представления не только о способах осуществления реформ, «но и о самих их принципах». Убежденный, что «крепостное право есть зло, что отношения помещиков и крестьян не могут более существовать в прежнем виде, он так и не смог даже для самого себя определить принципы переустройства крепостной деревни...». Действительно, как указывал М.М. Бородин, члены Негласного комитета П.А. Строганов и В.П. Кочубей усматривали в воззрениях императора в ту пору «много туманного и неопределенного, а в его проектах отсутствие порядка и всякого плана. Государь точно «стукался во все двери» и не был уверен в

* © Долгих А.Н.

том, чего хотел». Иное мнение было высказано М.М. Сафоновым, ссылавшимся на запись цесаревича Александра в особой тетради (датируемую 12 июня 1798 - 1 ноября 1800 гг., впервые опубликованную А. Орельским). Среди мер, предусмотренных в ней, рассматривалось «издание указа, которым бы позволено было всякого рода людям покупать земли даже и с деревнями, но с таким установлением, чтобы мужики тех деревень были обязаны только платить повинность за землю, на которой они живут, и в случае их неудовольствия могли перейти, куда хотят», а «по прошествии времени» можно было бы издать указ, «которым бы повелено было все покупки земель и деревень между дворянами не иметь иначе, как на вышереченном основании». Наконец, позднее предполагалось позволить всякому крепостному, «заплатившему за себя некоторое положенное число денег, пользоваться правами вольного». Таким образом, вопрос ставился им не просто о смягчении участи крепостных, но и о постепенном их освобождении, правда, при этом обходилась проблема наделения их землею. По мнению Сафонова, Александр, осуждая крепостное право ... боялся крутых мер, надеясь «путем медленных и осторожных шагов постепенно прийти к намеченной цели», стремясь «использовать те процессы, которые явочным порядком развивались в экономике России – переход земли путем фиктивных сделок из рук дворянства в руки купцов, государственных и помещичьих крестьян» – и учитывая стремление купцов иметь собственных крестьян. «Легализация этих процессов, отступление от дворянской монополии на землю и крестьян, т.е. даже в некотором смысле расширение сферы деятельности крепостного права с одновременным введением его в известные границы», должно было, по мысли Александра, способствовать постепенной ликвидации крепостничества [4, 65-67; 5, 14; 6, 61-64]. Итак, наследник престола на рубеже веков выдвинул два возможных пути освобождения крестьян: 1) через посредство распространения права владения населенными имениями представителям других сословий с одновременным ограничением прав новых помещиков на крепостных, а в дальнейшем в случае перемены хозяев крестьян давать им право выхода на волю; 2) через введение фиксированной суммы выкупа крепостными свободы. Оба этих положения рассматривались в Негласном комитете.

Первая из этих идей Александра была высказана им на заседании Комитета 4 ноября 1801 г. в процессе обсуждения проекта А.Б. Фока - Н.С. Мордвинова, разрешавшего «тем, кто не находился в рабском состоянии, покупать земли». В проекте предлагалось в целях развития экономики разрешить покупать ненаселенные земли лицам некрепостного состояния. В этой связи император заявил, что, соглашаясь с таким предложением, «он хотел, чтобы у этих тех же людей, в то время как они имели бы способность покупать земли, была также возможность покупать крестьян, которые, обладая людьми, но, будучи недворянами, были бы введены в определенные рамки и не могли бы обращаться со своими рабами так же жестоко, как дворяне, и это могло бы быть большим шагом к их благосостоянию», т.е. «собирался позволить мещанам покупать и землю, и крестьян». Судя по всему, предложение монарха, как минимум, вызвало удивление правительствующего синклита. Как мягко выразился Строганов, «вначале нам показалось, что было бы слишком большим нововведением позволять сразу покупать и земли, и крестьян. С другой стороны, купленные крестьяне, таким образом, обретали надежду, что с новым владельцем их жизнь будет не такой безрадостной. Кроме того, мещане, которые станут владельцами недвижимых имуществ без крестьян, увеличат цену земли и станут извлекать из неё пользу, используя труд крепостных. Земли, которые продавались без крепостных, были бы выгодны для промышленности и увеличили бы свою ценность и стоимость. Его Величество положительно оценил изложенные нами основания». Таким образом, либерал Строганов

фактически перевел обсуждение на другие рельсы – к разрешению некрепостным покупать ненаселенные земли. В дальнейшем к рассмотрению этой проблемы Комитет вернулся лишь 9 ноября 1803 г. Как гордо писал Строганов, «мы добились разрешения купцам покупать деревни с крестьянами таким образом, чтобы последние не были рабами, а служили по свободному контракту у нового хозяина», а также «чтобы были организованы фонды, ссужающие крестьянам деньги для выкупа по согласованию с хозяином». (Речь, видимо, шла о готовившемся издании указа о разрешении купцам, получившим 8-классные чины, покупать деревни и владеть ими на условиях, заключенных с крестьянами (утвержденном монархом 18 октября 1804 г.). Дело этим и завершилось.

Возможно, в связи с этим заседанием Строганов обратился к императору с запиской о расширении права покупки земель с крестьянами. Утверждая, что одним из недостатков «классовой системы» империи было отсутствие личной свободы, автор отмечал, что монарх сделал «важные шаги в этом отношении», но «надо работать упорно, но в то же самое время со спасительной медлительностью», чтобы нейтрализовать волнения, которые могут произвести такие внезапные изменения. Автор упоминал и такую проблему, как отсутствие средств «у малообеспеченного класса», которым правительство, по его мнению, должно оказать финансовую поддержку на условиях ипотеки. Рассматривая идею о распространении права на покупку населенных земель на другие категории населения, он считал, что «ни в коем случае торговцы не могут приобретать на них те же права, как дворяне. Это бы помешало осуществлению благой цели, а именно - упразднению рабства». Взаимоотношения между новым хозяином и крестьянами должны регулироваться особым договором, утвержденным властями. Со стороны крестьян он должен быть подписан «старшим в деревне и несколькими депутатами, чтобы крестьяне не могли отговориться его незнанием». При этом новый владелец имения «должен провести свободный торг между ним и его крестьянами относительно работ, которые он может требовать от них», а правительство должно защитить крестьян «от произвола нового владельца», обеспечив «ему пользование новой землей на некоторое время», а крестьянам дав «право на землю, которой они всегда пользовались». Автор отмечал, что нужно обязать нового владельца в случае, если он не может договориться с крестьянами об условиях их взаимоотношений, дать им паспорта. Данная записка показывает, что идея освобождения крестьян через расширение прав владения населенными имениями на некрепостные категории населения имела хождение в кругу деятелей Негласного комитета, но разрешения в ту пору не нашла [7, 49, 90-91; 8, 47-57, 102-103, 241].

Вторая идея императора была затронута впервые на заседании Комитета 23 июля 1801 г.: императором был представлен крестьянский проект св. князя П.А. Зубова, созданный, видимо, по распоряжению царя. Наряду с мерами смягчения крепостного права, Зубов предложил определить фиксированную цену выкупа дворовыми и крестьянами свободы, таким образом высказавшись уже и о самом освобождении крепостных. Но члены Комитета обратили внимание на то, что его автор стремился к «абстрактным идеям, не разбираясь в состоянии и особенностях нашей страны», а на заседании 29 июля Новосильцев заявил о том, что он и не думал, что монарх принимает проект «всерьез», заявив, что в этом случае крестьяне должны заплатить «слишком большой выкуп помещику за свою свободу», а казна просто не справится с выкупом дворовых». На заседании 4 ноября члены Комитета заметили, что для выкупа дворовых казной в случае, если их владельцы захотели бы их продать, автор проекта указал «недостаточные средства; на такой предмет потребовались бы от казны огромные расходы». На заседании 11 ноября Н.Н. Новосильцев высказался по поводу суммы

выкупа крестьянами свободы с рассрочкой на 6 месяцев (рекрутскими квитанциями или наличными деньгами). Как отмечал Строганов, он сам и Кочубей находили, что этот способ выкупа вначале потребовал бы значительных средств, «чтобы обеспечить нормальное существование крестьян после выплаты ими выкупа, иначе они просто окажутся без средств к существованию... Конечно, из выкупившихся крестьян можно было бы сделать колонистов и перевести их в какую-нибудь специально отведённую местность, но такая мера потребовала бы ещё больших приготовлений и денежных средств, что вызвало бы определённые неудобства». Новосильцев отметил, «что расходы на выкуп не были бы столь большими, как можно себе это представить. Граф Кочубей, князь Чарторыский и я не были не согласны с его точкой зрения». После новых прений на заседании 18 ноября 1801 г. император согласился «отсрочить личный выкуп» крестьянами свободы. Тем не менее, к данному вопросу, хотя и в ином контексте, Комитет вернулся 9 ноября 1803 г. Как писал Строганов, «мы говорили о возможности выкупа крестьян. Было решено отказаться от дарения и найти другой способ возвращения долга казне». Так или иначе, никакого решения на сей счет принято не было [7, 43-44, 49-51, 91; 8, 79, 83, 104, 106-107, 242-243; 9, Т. I, 207-209; Т. II, 164-171].

На заседании Комитета 20 января 1802 г. рассмотрение крестьянского вопроса получило дальнейшее развитие, и эта новая идея пришла извне. Новосильцев заявил, что два лифляндских помещика представили ему «проекты насчет определения прав господ над их крестьянами». В связи с созывом лифляндского ландтага представителями местного дворянства было также высказано пожелание, чтобы «им было дозволено заняться улучшением быта их крестьян, уверяя в согласии на то большей части своих сочленов». По данному вопросу голоса в Комитете разделились. Новосильцев полагал, что для прохождения этих проектов нет препятствий в силу одобрения их монархом, утверждая при этом, что его уверенность подкреплялась и позицией большинства помещиков этого региона», считая, что «рано или поздно надо будет сделать этот первый шаг». Что касается освобождения крестьян, то именно хозяева должны первыми его начать «в одной провинции, которая дала бы пример другим». На остальной территории империи это может иметь некоторый успех, и «если эти владельцы согласятся с нашими условиями и не будут препятствовать нашей дальнейшей деятельности, то можно надеяться на успех нашей реформы». Эти положения были поддержаны А. Чарторыским. Но, как писал Строганов, Кочубей высказал опасения, что из-за сложившейся уже «репутации Императора в отношении его склонности к освобождению крестьян было бы опасно позволять заниматься подобным предметом в одной из провинций Империи», предлагая сначала проконсультироваться с Советом, но ему заметили, что в Совете «вначале были бы, вероятно, против», что создало бы проблемы в реализации проекта и «просто связало бы руки Его Величеству на ранней стадии этой реформы». Как замечал Строганов, «я желал, чтобы эту проблему рассмотрели именно в нашем комитете на одном из заседаний в тесном кругу, а не в ассамблее. Всё-таки лучше, если данный вопрос будет обсуждаться при минимальном количестве людей». Окончательного решения на сей счет принято не было [7, 61-62; 8, 166-168]. Стоит заметить, что, как и в случае с планом Фока-Мордвинова, и здесь инициатива постановки проблемы, связанной с улучшением положения крепостных, не принадлежала членам Комитета (хотя, например, у Кочубея, были наработки в этой сфере), но они развили ее, выдвинув здесь впервые план постепенного («погубернского») освобождения крепостных, следствием чего стало начало реформ в Прибалтике, завершившихся в 1816-1819 гг. безземельным освобождением крестьян в этом регионе.

Кроме этих основных направлений решения крестьянского вопроса, уже в начале царствования Александр выдвинул и другую мысль – не жаловать больше в час-

тные руки крестьян. Эту идею он начал осуществлять, тем более что здесь никто не мог покуситься на его прерогативы в этом отношении. Так, на заседании Комитета 29 июля 1801 г., в связи с грядущей коронацией, монарх заявил, что «никому не даст крестьян, и что в этом отношении он не отступит от принятого им намерения». Подобные заявления делались им в то время неоднократно. В целом, надо признать, что он остался верен этому завету, и после 1801 г. в России крестьян в частные руки уже не жаловали [7, 44; 8, 82-83]. Наконец, не забудем и введение указом 20 февраля 1803 г. категории вольных хлебопашцев, последовавшее после получения императором записки графа С.П. Румянцева. Заметим, что самый крупный и наиболее реальный проект освобождения крепостных с землею пришел также со стороны, не был выношен предварительно монархом и не обсуждался в Негласном комитете.

Подводя итог сказанному, стоит заметить, что в начале правления Александра I впервые в истории российского самодержавия был в принципе поставлен вопрос о грядущем освобождении крепостных как проблема текущей политики. Отметим, что в эти годы были намечены и конкретные пути крестьянской эмансипации. Речь идет об отказе от пожалования государственных крестьян в частные руки, о введении фиксированной суммы выкупа крепостными свободы, о личном освобождении владельческих крестьян через посредство покупки населенных имений недворянами, о возможном «погубернском» освобождении при согласии на то дворянства регионов, наконец, об освобождении крепостных с землею по закону о вольных хлебопашцах. При этом некоторые из идей были выношены самим монархом и предложены членами Негласного комитета, а другие пришли со стороны. Несмотря на малые итоги деятельности императора Александра и его «молодых друзей» в этой сфере (что явствует из предшествующего текста статьи), налицо было изменение самого отношения властей к данной проблеме. Мы присоединяемся к мнению В.А. Писемского о том, что «именно в этот период выработался общий подход Александра I к осуществлению любых преобразований в области крепостнических отношений». Вместе с тем в эти годы для императора и его окружения стало ясно, сколь сильно будет сопротивление крепостников любым преобразованиям в этой сфере. По своей природной нерешительности, а также постоянно помня о судьбе своего отца, Александр не мог пойти на открытое столкновение с большинством правящего сословия. Поэтому определяющей линией его политики в данной сфере в течение его дальнейшего правления «стало ожидание инициатив со стороны самого дворянства» [10, 45].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи / Изд. подг. И.В. Порохом. Иркутск, 1988.
2. Записка барона М.А. Корфа «Историческое обозрение устройства сельского состояния в России» 1847 г. // ГА РФ. Ф. 722 (Мраморный дворец). Оп. 1. Д. 223 (1847 г.).
3. Сборник РИО. Т. 98. СПб., 1896.
4. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.
5. Бородкин М.М. История Финляндии. Время Императора Александра I. Т. 4. СПб., 1909.
6. Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX веков. Л., 1988.
7. Богданович М.И. История царствования императора Александра I. Т. 1. СПб., 1869. Приложения. 2-я паг.
8. Николай Михайлович, великий князь. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. Т. 2. СПб., 1903.
9. Крестьянский вопрос в России (1796-1830 гг.): Дворянское общество и власть. Сб. документов: В 2 т. / Подг. мат., введ. ст. и коммент. А.Н. Долгих. Липецк, 2005.
10. Писемский В.А. Отмена крепостного права в России. На дальних подступах к реформе // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 1995. № 5.

A. Dolgikh

QUESTION ON CLEARING POSSESSION PEASANTS IN ALEXANDER'S I POLICY IN 1801-1803 YEARS

Abstract: The question of the forming of Alexander's The First programme directed to the emancipation of the possession peasants in Russia at the beginning of the XIX-th century, and to the so called Private Committee in that direction. The article is based upon the wide range of sources some of which have been brought in scientific resource for the first time.

Key words: The serfdom, state peasants, Alexander I, Private committee, the liberal policy.

РАЗДЕЛ II. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Гаврилов А.Ю.

ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ В ОЦЕНКАХ МЕНЬШЕВИКОВ-ЭМИГРАНТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ПЕЧАТИ)*

Аннотация: Статья посвящена актуальной в научном и общественном плане теме – оценкам политики военного коммунизма, представленным на страницах меньшевизма эмигрантских изданий. В данном исследовании проанализированы статьи, опубликованные, главным образом, в «Социалистическом вестнике», а также в «Заре» в начале 1920-х гг. в условиях, когда военный коммунизм себя изжил и начал заменяться НЭПом. Работа содержит оценку меньшевиками-эмигрантами военного коммунизма как экономической и социальной утопии, приведшей Россию в указанный период к хозяйственному развалу. Отмечается, что при этом меньшевики продолжали позиционировать себя в качестве противников насильственного свержения ослабленной военным коммунизмом Советской власти.

Ключевые слова: публицистика, большевистская диктатура, военный коммунизм, утопический режим, меньшевики-эмигранты.

В 1917 г. Россия совершила крутой поворот в социально-экономическом, политическом и духовном отношении. От монархической государственности и сословного общественного строя страна проделала путь через короткий период либеральной демократии к установленной большевиками диктатуре пролетариата, фактически выразившейся во всевластии РКП(б). Меньшевиков, длительный период являвшихся соратниками, а затем и внутрипартийными оппонентами большевиков в РСДРП, подобный итог российских революций первой четверти XX века, в которых они принимали активное участие, явно не устраивал. Вместо монархического государственного режима, против которого меньшевики активно боролись с момента создания социал-демократической партии совместно с большевиками, они, как и вся Россия, получили созданный их вчерашними однопартийцами режим политической диктатуры. Этот режим был значительно жестче царского, который до определенной степени допускал оппозиционность в обществе.

Взявшие в конце 1917г. государственную власть большевики, немного укрепившись, беспощадно раздавили в корне всю оппозицию, устранив таким способом любые препятствия для быстрого и решительного проведения собственного политического и социально-экономического курса. Несмотря на наличие значительного количества недовольных подобным развитием событий в стране, большевики с самого начала своего пребывания у власти получили за счет применения радикальных, неоякобинских мер, быстро разрубавших узлы застарелых общественных противоречий, поддержку широких слоев малообеспеченного и малообразованного населения.

* © Гаврилов А.Ю.

Помимо беднейшего крестьянства их основной социальной базой оставался рабочий класс, от имени которого большевики выступали.

Будучи изначально ориентированными на пролетариат, меньшевики в период Гражданской войны в России оказались в очень сложном политическом положении. С одной стороны, они не могли активно встать на сторону контрреволюции и поддерживать вчерашних царских генералов в вооруженной борьбе против большевиков, с которыми их связывала единая идейная основа и общее революционное прошлое. К тому же, это означало бы оттолкнуть от себя массу рабочих – свою социальную базу. С другой стороны, согласиться со всем тем, что делали большевики, меньшевики однозначно не могли. Ведь, борясь за социализм, большевики отринули демократию в том либеральном, общепризнанном варианте, без которого меньшевики не могли бы оставаться социал-демократами.

В этих условиях, поняв бесперспективность и безрезультатность дальнейшей политической деятельности в России, а также не желая оказаться в роли жертв политических репрессий со стороны большевиков, многие видные теоретики и лидеры меньшевизма вновь покинули страну, переместившись в Западную Европу. Они, находясь в эмиграции, пристально следили за тем, что происходило на родине и публиковали статьи, содержавшие оценку происходящего, в журналах «Социалистический вестник» (сторонники Ю. Мартова) и «Заря» (правые меньшевики-«плехановцы», идейным вдохновителем которых после смерти в 1918 г. первого русского марксиста стала его соратница, ветеран революционного движения в России В. Засулич). Интересной с научной точки зрения является оценка меньшевиками-эмигрантами в указанный период политики военного коммунизма, которую проводила большевистская государственная власть в России на протяжении почти всей Гражданской войны, с середины 1918 г. по март 1921 г.

К февралю 1921 г. для меньшевиков, сплотившихся вокруг журнала «Социалистический вестник», было очевидно, что «большевистская диктатура не создала в России социалистического производства». Хозяйство страны разваливалось, так как невысокий уровень развития производства и экономики в целом с самого начала очертил узкие границы для возможностей социализма. А созданная большевиками бюрократическая и карательная система не позволила быстро укрепить оставшийся от царской России потенциал промышленного развития. Тем не менее, в условиях Гражданской войны и экономической разрухи большевистская диктатура сумела продержаться целых три года потому, что наряду с «проводившейся упорно утопической задачей», творилось и «нужное дело». Во-первых, новая власть охраняла приобретенную крестьянами землю. Во-вторых, она создает советское чиновничество – по сути, новый мелкобуржуазный городской слой, который «сковывает обручем государственной организации атомизированную деревенскую стомиллионную Россию». Более того, именно в лице советского чиновничества, по мнению редакции журнала, создавалась новая «городская демократия», формирующая социальную базу «новой России». Тем самым историческая роль диктатуры большевиков сводилась к завоеванию «новой городской и сельской демократией нового положения в революционизированном сверху донизу обществе». Так как в этом отношении большевистская власть быстро приближалась к «апогею своих успехов», то меньшевистские публицисты писали о признаках «увядания этой диктатуры» и внутреннем разложении правящей партии [11, 1-2].

Вся политика большевиков со времени Октябрьской революции 1917 г. представлялась меньшевикам «сплошной попыткой обмануть историю» в их стремлении «насадить законченный коммунистический строй ... в стране, в которой 80% насе-

ления представляет собой сплошную крестьянскую массу» [14, 4]. Большевистская политика, указывали меньшевистские публицисты, была построена на представлении о возможности немедленного и полного осуществления социализма, «проникнута утопической верой в то, что вся задача заключается в немедленном проведении непременно самой полной национализации, самой полной монополии, самого полного огосударствления» [1, 4-5]. Но при этом большевики своей аграрной и продовольственной политикой три года убивали у крестьян всякий стимул к повышению производительности земледелия. Это было обусловлено стремлением превратить крестьянина в «прикрепленного к земле пролетария, производящего прибавочную стоимость», которую присваивает государство, чтобы на нее содержать Красную армию – «орудие сохранения власти и рычаг мировой революции». Тогда как экономический кризис, по мнению меньшевиков, мог быть преодолен «только такой политикой, в основу которой положено поднятие производительности русского земледелия» [15, 1].

Р. Абрамович выступил против попыток большевистских вождей объявить политику военного коммунизма сознательным и обдуманым отступлением от некой правильной линии под давлением внешних обстоятельств, обращая внимание на то, что до марта 1921 г. об этом не было сказано ни слова. Наоборот, советские руководители утверждали, что их политика является «единственно социалистической» и «истинно коммунистической». Абрамович не видел оснований объяснять военный коммунизм саботажем имущих классов (Ларин) или военной необходимостью (Ленин). Большевики, по его твердому убеждению, подчинились не военной необходимости, а психологии солдата, сосредоточившись всецело на потреблении и не заботясь о производстве в городе и деревне. Интересы войны, на взгляд Абрамовича, не требовали разверстки, монополии, политики Наркомпрода, реквизиций, комбедов и продотрядов. Наоборот, именно эта политика «гнала крестьян в объятия Деникина и Врангеля». Автор критиковал и заявления об эффективности разверстки при отсутствии якобы товаров для обмена: ведь старых запасов, экспроприированных в 1917-1918 гг., хватило на 3 года. Кроме того, расцвет наркомпродовщины и милитаризации пришелся на конец 1920 – начало 1921 гг., то есть на фактически на наступавший послевоенный период. Не был военный коммунизм и навязан извне. Эта политика, по убеждению Абрамовича, диктовалась интересами партийной диктатуры и бюрократии [2, 5-7].

Аналогично и Д. Далин характеризовал коммунизм как систему коллективизма, «которая рождается из насильственного разрушения капиталистического хозяйства и почти не допускает переходных мер». Для него визитная карточка коммунизма в политике – необходимость «партийной диктатуры и подавления всяких свобод» [4, 2]. Для Ю. Мартова, большевистская диктатура как «небывалая в истории государственная организация», требовалась, чтобы заложить основы коммунистического строя в стране, где пролетариат составлял «ничтожное меньшинство населения». Это был «нажим» с целью преодоления исторической инерции социальной среды. Но при этом диктатура выражала стихийные настроения пролетариата и отчасти других малоимущих слоев городского населения в пользу немедленного устранения социального неравенства [7, 3]. Более того, по мнению редакции «Социалистического вестника», в советской России никогда не было настоящей диктатуры пролетариата, а «была и есть диктатура партии над пролетариатом». Конечно, было и привилегированное социальное положение пролетариата, но на фазе экономической разрухи привилегированность свелась к положению «наименее голодного среди голодных» [13, 1]. Такова была социальная цена попыток воплощения коммунистической утопии в реальность.

Как же виделась меньшевикам судьба российской революции на пике «военно-

го коммунизма». Прежде всего, они считали поражение революции извне маловероятным в силу того, что «крестовый поход» против большевизма потерпел поражение. Маловероятным, по их мнению, было и стихийное антигородское выступление крестьянства. Впрочем, меньшевиками не исключалась возможность того, что если это движение примет размах «всероссийской махновщины», то большевистская диктатура не сможет удержаться. Но это таило в себе опасность, так как открывало путь контрреволюционной диктатуре. В свою очередь, восстание против утопической политики внутри самой партии и бюрократии привело бы к «власти олигархии собственности и новых социальных привилегий». Объективная возможность выйти из кризиса виделась (старый меньшевистский тезис) в победе социализма в передовых странах Запада. Кроме того, наличность «хотя и ослабленного, полупролетариата крупной индустрии» создавала фактор, способный, по мнению меньшевистской эмиграции, помешать социальному торжеству «старой и новой буржуазии и антидемократических олигархических государственных форм» при ликвидации большевистской диктатуры [11, 2].

Редакция «Социалистического вестника» в своих оценках исходила из очевидной связи между отказом от системы террора, коренным изменением «курса политики в сторону возвращения к «свободам» и к самостоятельности масс», «оздоровлением» государственного аппарата и, соответственно, – успешным экономическим созиданием. Но, как полагали меньшевики, коммунисты, обеспокоенные сохранением своей партии у власти, не хотели видеть этой связи [16, 3]. И получили в ответ «грозное предостережение» в качестве восстания в Кронштадте, которое в меньшевистской печати оценивалось как движение, направленное не против революции и власти трудящихся, а лишь против коммунистического правительства. Причиной восстания меньшевики считали экономическое банкротство большевистского режима, вылившееся в «неслыханный топливный, транспортный и продовольственный кризис». Выход из кризисного положения, помимо разрыва со всей предыдущей политикой, виделся в соглашении «с другими социалистическими партиями на основе утверждения власти трудящихся» [3, 1-2]. А главным уроком Кронштадта признавалась «инициатива решительной борьбы с установившимся режимом, исходящая от тех самых масс, которые до сих пор были оплотом большевизма» [6, 3].

Склонный к левым иллюзиям Мартов одним из первых обратил внимание на парадоксальность российской ситуации, когда «начало ликвидации утопического режима взяла на себя сама диктатура, установившая этот режим». Если в 1917-1920 гг. большевистская диктатура выражала «утопическое стремление значительной части пролетариата к немедленному установлению социального равенства», то с 1921 г. она, наоборот, с этим стала бороться. Понятно, в силу этого дальнейшая ликвидация утопии наталкивалась на непреодолимые препятствия. Эволюция России в сторону социализма, по мнению лидера меньшевиков, была возможна только, если «европейский Запад, в лице его наиболее передовых стран, стоит накануне крупных социалистических преобразований, связанных с переходом власти в руки пролетариата». Изолированно от Европы задача социализма в России не могла быть решена. Были и внутренние препятствия на пути развития революции: НЭП с самого начала вступил в непримиримое противоречие с политикой надстройки, созданной для проведения совершенно противоположных коммунистических задач. Отсюда следовал важный и смертельный для власти политический вывод об утрате диктатурой в новых условиях своего оправдания. Но при этом Мартов был очень осторожным в выводах. Он не сомневался в падении политического коммунистического режима, но не брался гадать, как будет совершаться этот переход и какие силы приобретут господство в

государстве, ибо это зависело от целого ряда факторов [8; 4, 7, 10].

Даже в марте 1922 г. «Социалистический вестник» признавал, что революция стоит на распутье, когда «демократическая ликвидация большевистского периода русской революции становится вопросом жизни или смерти трудящихся масс и, прежде всего, рабочего класса» [12, 3]. На распутье стояла и партия меньшевиков. Ю. Мартов в апреле 1922 г. признавал наличие в РСДРП группы партийцев, выступающей против линии ЦК на превращение большевистской диктатуры в социалистическую власть, основанную на «соглашении пролетариата с крестьянством». Для лидера меньшевиков было очевидным, что «борьба против большевистской диктатуры и бонапартизма» должна включать в себя лозунги «демократической власти трудящихся» и «единого революционного фронта в России» [9; 6, 8].

В статье «Наша платформа», опубликованной в начале октября 1922 г., Мартов остался на прежних позициях в оценке Октябрьской революции 1917 г., расценивая ее как этап революции, «в основе своей буржуазной, несмотря на выдвинутые ей лозунги коммунизма и диктатуры пролетариата». Даже захват власти пролетариатом не способен, сам по себе, преодолеть ограниченность развития производительных сил страны. Только при совпадении русской революции с революцией на Западе, по убеждению Мартова, могло быть положено начало социализации российской экономики. Но завершившаяся первая стадия мирового кризиса капитализма отбросила европейский пролетариат назад с позиций 1918-1919 гг. Отсюда следовало, что восстановление разрушенного народного хозяйства России будет вынуждено осуществляться «преимущественно на капиталистических началах». Кроме того, если в годы Гражданской войны политическая линия партии меньшевиков строилась из признания большевиков защитниками основ революции от реставрации, то осенью 1922 г. рамки этой поддержки оказались «чрезвычайно суженными». Но при этом Мартов остался твердым противником «революционного свержения советской власти» [10, 4-6].

Отстаивая свои политические позиции Заграничная делегация ЦК РСДРП и «Социалистический вестник» начали поход против правоменьшевистской «Зари», несмотря на то, что в России, по утверждению печатавшегося в «Заре» Л. Исаева, позиция ЦК РСДРП имела довольно много противников. Меньшевистский ЦК пошел даже на исключение из партии Маслова, но не смог исключить Аксельрода, который обрушился с резкой критикой на ряд положений ЦК, «начиная от пресловутого «соглашения с большевиками» в русском масштабе и кончая позорной комедией «единого фронта» в масштабе международном». В свою очередь Исаев довольно резко оценил выход РСДРП из II Интернационала [5, 110-111].

Серьезные противоречия между лево- и правоориентированными меньшевиками, возникшие еще в России и сохранившиеся в эмиграции, подрывали позиции меньшевизма как социал-демократического течения.

В условиях отсутствия внутрипартийного единства и общей линии в стратегии и тактике, меньшевики не имели шансов вернуться в политическую жизнь Советской России даже в условиях экономической разрухи в стране, вызванной большевистской политикой военного коммунизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абрамович Р. Отступление или выпрямление линии // Социалистический вестник. 1921. № 11.
2. Абрамович Р. Отступление или выпрямление линии // Социалистический вестник. 1921. № 12.
3. Грозное предостережение // Социалистический вестник. 1921. № 4.
4. Далин Д. Кризис НЭПа // Социалистический вестник. 1922. № 15.
5. Исаев Л. Письма о тактике // Заря. 1922. Берлин. № 4.
6. Кронштадт // Социалистический вестник. 1921. № 5.

7. Мартов Л. Диалектика диктатуры // Социалистический вестник. 1922. № 3.
8. Мартов Л. На пути к ликвидации // Социалистический вестник. 1921. № 18.
9. Мартов Л. К вопросу о задачах партии // Социалистический вестник. 1922. № 7.
10. Мартов Л. Наша платформа // Социалистический вестник. 1922. № 19.
11. Пути революции // Социалистический вестник. 1921. № 2.
12. Пятая годовщина революции // Социалистический вестник. 1922. № 5.
13. Русский рабочий при «государственном капитализме» // Социалистический вестник. 1921. № 19.
14. Социализм и классы в России // Социалистический вестник. 1921. № 6.
15. Соглашение с крестьянством // Социалистический вестник. 1921. № 6.
16. Экономика и политика // Социалистический вестник. 1921. № 1.

A. Gavrillov

THE “WAR COMMUNISM” IN THE ESTIMATIONS OF THE MENSHEVIKS-EMIGRANTS (ON THE MENSHEVIKS’ PRESS)

Abstract: The article dedicates to the topical scientific and social question: the estimations of the Bolsheviks’ state’s policy (during the Civil war) of the “war communism”, represented on the pages of the emigrants’ press by the leaders of menshevism in the early 1920s. In this work the author analyses the articles published in “The Socialist Bulletin” and “Zarya” in the situation when the “war communism” was replaced with New Economic Policy (NEP). The article contains the opinion of mensheviks-emigrants on the “war communism” as an economic and social Utopia which led Russia to the economic chaos. Besides the author shows that mensheviks continued to present themselves as antagonists of the forcible upheaval against the weakened (because of the “war communism”) Soviet state. Key words: Bolshevik dictatorship, “war communism”, Utopian regime, mensheviks-emigrants.

Key words: Publicism, Bolshevik dictatorship, military communism, utopian mode, Mensheviks-emigrants.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ И МЕНЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ПЕЧАТЬ: ОБЪЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА СУБЪЕКТИВНЫЙ ПРОЦЕСС*

Аннотация: Статья посвящена актуальной в научном и общественном плане теме – оценке меньшевистской эмигрантской партийной печатью 1920-х гг. большевистской новой экономической политики в Советской России. В исследовании проанализированы редакционные и авторские статьи, опубликованные в «Социалистическом вестнике» и «Заре», а также издания меньшевистских теоретиков и публицистов. Показана оценка меньшевиками НЭП как отступления Советской власти от своего первоначального курса под воздействием народных настроений и проявления экономического банкротства большевистской системы.

Ключевые слова: новая экономическая политика, меньшевистская эмиграция, коммунистическая диктатура, экономическое банкротство большевистской системы.

Переход к новой экономической политике в меньшевистской печати однозначно оценивался как отступление под давлением народной стихии [18, 3]. Так, «свобода торговли» означала, что «в правящей партии, в ее идеологии и организации пробита такая брешь, какой еще не было». Взорванный фундамент «потребительского коммунизма», во имя которого оправдывались бюрократическая диктатура, террор и система всеобщей регламентации, стимулировал «внутреннее разложение большевизма». Что делало неизбежным, по мнению меньшевиков, следующий шаг в области политики, от «зубатовщины» и чисто экономических уступок, не меняющих политического строя [18, 4-5].

Для меньшевиков был очевиден некий «химический закон», согласно которому крестьянство «выделяет из себя» эсеров. Более того, это явление считалось благоприятным для пролетариата. Ведь существовала и другая опасная альтернатива, когда крестьянство начнет «выделять из себя консервативно-собственнические партии». Тогда оно само все «пересмотрит» в России [28, 4]. По оценкам Мартова, в России, где «основная объективная тенденция великой российской революции не пролетарская, как воображали коммунисты, а мелкобуржуазная», существовала «проблема единого фронта революции, единого фронта классов, заинтересованных в сохранении ее основных исторических завоеваний и способных и готовых их отстаивать». Другими словами, речь шла о едином фронте «пролетарских и мелкобуржуазных элементов русского народа», препятствием которому был раскол непролетарской демократии и массы мелких собственников. Но открылись и возможности сближения, когда на одном полюсе «выветрились иллюзии коммунизма, на другом – иллюзии интервенции, вооруженного свержения большевизма» [19, 4-5].

Корреспонденты «Социалистического вестника» считали, что сохранением существующего режима большевики надеются помешать «передвижению соотношения сил и гегемонии тех мелкобуржуазных и капиталистических групп, развитию которых содействует новый курс». Но здесь возник замкнутый круг. С одной стороны, экономическая катастрофа грозила катастрофой политической, а с другой стороны, решение экономических проблем было «невозможно без решения проблем политических» [19, 9].

* © Гаврилов А.Ю.

Ведь, по твердому убеждению Ю.О. Мартова, с «узаконением буржуазных классов» радикально меняется отношение между пролетарской массой и вышедшей из нее партийно-государственной бюрократией, а «общественные интересы», определение которых принадлежит коррумпированной партийно-государственной бюрократии, возвышаются над интересами пролетариата. В такой обстановке «зашедшая далеко коррупция партийной и государственной бюрократии» неминуемо приведет к утрате всякой связи между ней и массами, ее социальному перерождению и превращению в «надклассовую» бюрократию, т.е. в «новый, по существу буржуазный, общественный строй». Другими словами, перерождение правящей партии, «явно разлагающейся под влиянием крутого поворота в экономической политике», было обратной стороной введения НЭПа [20, 4-5]. Считая, что «экономическое банкротство большевистской системы» в России нашло свое не только в «бунтах и волнениях народных масс», но и в «крутом повороте коммунистического правительства в сторону примирения с мелким и средним капиталом», Р. Абрамович предупреждал об опасности активизации, как внутренней буржуазии, так и русской буржуазной эмиграции. То есть навстречу «термидоровским силам в России» двигалось «встречное течение из-за границы» [1, 3-4].

Тогда как Д. Далин подчеркивал, что «новый курс» - это еще не капитализм: это «только признание победы новой буржуазии», время когда «из складок коммунистической мантии выходят на свет божий» скрывавшиеся буржуазные элементы. Впрочем, Далин считал «смешными и трусливыми» надежды «новейших поклонников большевизма» на эволюцию большевизма в «подлинную буржуазную власть» [2, 6-7].

Помимо общих рассуждений о причинах и сущности новой экономической политики, меньшевистская эмиграция подвергла критическому разбору те или иные направления нэповской политики. В частности, считая переход к натуральному налогу «очень разумной и целесообразной реформой», меньшевики высказывали опасения, что политические условия, в которых живет страна, «способны уничтожить положительный эффект этой реформы» [23, 9-10]. Для российской социал-демократии, объединившейся вокруг «Социалистического вестника», «соглашение с крестьянством» весны 1921 г. могло дать результат, если станет «соглашением о прекращении диктатуры пролетариата», то есть «диктатуры комиссаров» над почти бесправным пролетариатом и совершенно бесправным крестьянством. На практике это соглашение должно было потянуть за собой «коренное изменение политической системы», т.е. восстановление политической свободы, упразднение партийной диктатуры и возвращение к принципам демократии [28, 2-4].

Летом 1921 г. меньшевистская эмиграция в целом положительно оценивала отмену большевистских проектов упразднения денег и натурализации зарплаты («большой шаг вперед, как и всякий отказ от утопии»), но главной задачей дня считала установление прочной денежной единицы («стабилизацию» рубля). Однако речь шла не о немедленном возвращении металлических (серебряных) денег, а о «борьбе с теми дефицитами, которые делают необходимым непрерывный выпуск новых денег». То есть предлагалось вернуться к системе налогов, сборов и других государственных поступлений. И, конечно, над экономическими мероприятиями должна быть надстроена радикальная политическая реформа [3, 5-6].

Декрет ВЦИК 1922 г. об основных частных и имущественных правах («декларация прав имущих») меньшевики оценили как принципиальную капитуляцию коммунизма, которая свелась к попыткам организовать судебную охрану новой собственности, созданной после Октября 1917 г. и новых собственников. Впрочем, особого оптимизма авторы «Вестника» не испытывали, так как не было сделано ни одного шага для со-

здания политических гарантий [26, 1-2]. Особым нападкам подвергалась деятельность Внешторга, как и раньше, в годы военного коммунизма, неудачно закупавшего «ничемные продукты» и бессистемно распределявшего закупленное. Если раньше крали вагоны сахара, «теперь крадут вагоны электрических лампочек», если раньше мужику предлагали вместо гвоздей пудру, то «теперь ему навязывают тракторы, рассчитанные на американского крупного фермера, или плуги, колеса которых оказываются двумя-тремя номерами больше или меньше соответствующих осей». И за это «барахло», в большинстве случаев закупаемое Внешторгом, платили золотом. Споры в большевистском руководстве о монополии внешней торговли для социал-демократической эмиграции представляли собой «вопрос о том, какая из конкурирующих клик будет иметь возможность распоряжаться за счет России остатками ее золотого запаса и других подвижных ценностей». И строить на этой возможности свое личное благополучие и связи с западноевропейским капиталом «на предмет использования их в том будущем, когда табу коммунизма окажется уже ненужным» [25, 4-5].

Анализируя реальное положение концессий за 1921-1923 гг., экономист и социал-демократ А. Югов подчеркивал чрезвычайную осторожность большевиков в этом вопросе, часто идущую вразрез с экономическими интересами государства. В результате инертности «громоздкой бюрократической машины», реально воплощались не более 5% концессионных проектов, признанных приемлемыми. Причина сложившегося положения, на взгляд Югова, лежала в «политическом режиме бесправия», при котором многое зависело от решения партийного бюрократа. Без устранения этой первопричины, вся новая политика грозила превратиться в «новую удавную петлю для производства и новое орудие обогащения для нэпманов». Выход из создавшегося положения виделся, прежде всего, в отрытом провозглашении децентрализации «всего того, что за пределами государства» [29, 8-10].

В целом меньшевистские авторы даже осенью 1921 г. оценивали «новый курс» как не сложившийся, и на глазах менявший свое содержание и формы. Очевидным для них было и то, что в короткий период проведения нового курса экономическое положение стало особенно катастрофическим: почти полная остановка Донецкого угольного бассейна и крупной промышленности, паралич транспорта и падение сельскохозяйственного производства. Главной причиной сложившегося положения меньшевики-эмигранты считали «старое коммунистическое наследство», проявлявшееся как в противоречии между существующим режимом и потребностями народного хозяйства, так и в интересах и психологии носителей власти [22, 6-8].

Впрочем, НЭП породил и новые острые социальные противоречия. Так, в условиях финансового кризиса и растущей инфляции НЭП повлек за собой крах политики социального обеспечения [30, 10-12]. Экономист, публицист и писатель Д.Ю. Далин с горькой иронией отмечал, что в Советской России после трехлетнего перерыва появилась безработица, чем была создана целая «резервная армия» для нужд капитализма. Но при этом сохранялись такие рецидивы политики военного коммунизма, как трудовая повинность и прикрепление к месту службы. Меньшевистский экономист предлагал не уповать на соревнование между государственным и частным сектором, которым способен привлечь к себе лучшие трудовые ресурсы при отсутствии «господства коммунистических ячеек». Чтобы госсектор был способен выдерживать конкуренцию с частником, необходимы были радикальные реформы в экономике и политике и, прежде всего, изменение положения профсоюзов, которые превратились в новую форму «рабочего контроля» на частных предприятиях [4, 3-4]. Но этот контроль противоречит идее развития капитализма и на практике, по мнению Далина, сведется к саботажу профсоюзами «нового курса». В свою очередь, союзы должны

были стать независимыми от государственной власти или исчезнуть вообще. А все это неминуемо потянет за собой расширение свобод и подрыв коммунистической диктатуры [4, 5].

По оценкам меньшевиков, «новый курс» и «коммерческий расчет» в своей основе означали «экономическое принуждение рабочего к максимуму затраты трудовой силы». То есть пролетарское государство рассматривало безработных как «резервную армию», наличие которой позволяло давить на зарплату и другие условия труда, удерживая занятых рабочих от проявления «слишком высоких» требований. Кроме того, в Советской России профсоюзы, превратившиеся в орган «трудового государства», вынуждены были взять на себя обратную задачу: стремиться выжать из рабочих как можно больше труда за возможно меньшую плату, а также ограничивать количество обеспечиваемых государством безработных и размер пособий [27, 1-3]. Впрочем, «дикая стадия периода первоначального накопления капитала» не могла не совершаться путем усиления эксплуатации рабочей силы [21, 6-8].

Одну из главных причин сложившегося положения в сфере труда и занятости, внефракционный социал-демократ, заведующий Русским отделом Международного бюро труда Лиги Наций С.О. Загорский видел в том, что профессиональные союзы, представляющие собой одну из многочисленных «потемкинских деревень» советской России, в годы военного коммунизма превратились в часть государственного аппарата. Даже после отмены в 1922 г. обязательного членства в профсоюзах партийно-советский режим воспрепятствовал созданию независимого профессионального рабочего движения. На деле в профсоюзах, призванных препятствовать стачкам, удерживать от них рабочие массы и оказывать поддержку администрации, сохранилась принудительность, так как администрация предприятий или фабзавком сами часто вносили членский взнос за рабочего путем удержания соответствующей суммы из зарплаты [12, 88-99].

В силу вышесказанного, Д. Далин в феврале 1922 г. подверг острой критике тезисы Ленина о профсоюзах, означавшие окончательное устранение профсоюзов от вмешательства в производство, «компенсированное» намеком на «независимость». Большевики пришли к необходимости перестройки профсоюзов тогда, когда они превратились в громадный бюрократический аппарат без всякого контакта с рабочей массой. Меньшевики, конечно, приветствовали возврат к системе свободного членства в профсоюзах и коллективных договоров, но их смущала «беспартийность» союзов, поддерживающих советскую власть при материальной поддержке с ее стороны. И откровенно пугал 11-й пункт тезисов, декларирующий идейную борьбу с меньшевизмом. Они сомневались в возможности оживить профсоюзное движение, пока «монополия общественной жизни остается за одной партией» [5, 4-6].

Более того, партийная монополия отрицательно влияла на саму правящую партию. Так, Ф. Дан весной 1922 г. показал, как большевики постепенно, «со ступеньки на ступеньку», скатывались к диктатуре своего ЦК над партией, затем к диктатуре политической «пятерки» над ЦК и, наконец, к диктатуре одного «вождя» (Ленина) над партией, пролетариатом и государством. В условиях диктатуры партии над пролетариатом «предотвратить растворение коммунистической диктатуры в диктатуре буржуазно-бонапартистской», по мнению меньшевистского лидера, могло лишь сплочение всех пролетарских сил и всех трудящихся, которое «способно ввести государственный корабль в фарватер демократии» [33, 5-6].

По мнению Д. Далина, заявление Ленина на съезде металлистов (1922 г.) о завершении нэповского отступления вполне объяснимо, так как в самой сущности «нового курса» («буржуазного хозяйства при коммунистической власти») заключена

«неизбежность вечных шатаний, зигзагов, стремительных прыжков к капитализму и рецидивов чистого коммунизма, поисков политического соглашения с внешней буржуазией и боевых нот по отношению к мировому капитализму». «Открывая двери беспредельной спекуляции и наживе, поощряя безграничную роскошь в измученной голодом стране и делая новые классовые противоречия нормальным, непреодолимым явлением», НЭП разлагал и дробил «коммунизм на ветви, фракции и течения сильнее, чем это в силах была сделать какая-либо другая ситуация». Не удивительно, потому, что «капитан советского корабля» был вынужден лавировать среди команды собственного корабля: бросать подачки, чтобы умерить оппозиционный пыл и совершать «повороты», чтобы смягчить ту или иную оппозицию. Кроме того, Ленин своим заявлением о завершении отступления торговался с Европой об условиях признания и экономической помощи, не случайно начав свою речь на съезде с вопроса о Генуе [6, 3-4]. Кроме того, Далин не верил заявлению Ленина о завершении отступления. Скорее, по его мнению, на ближайший период преобладающая роль даже в промышленности будет принадлежать частному капиталу. Так как поднять крупную индустрию одними силами государства будет невозможно, то власть неизбежно пойдет на новые «крупные уступки» [7, 6].

Анализируя заявление Ленина на XI партийном съезде о том, что задачей дня для коммунистов становится «учиться торговать», Д. Чижевский расценивал его как уступку учащейся торговать «красной буржуазии», коренным образом менявшую «соотношение сил в русском хозяйстве». Именно по причине боязни резкого перерождения партии ЦК РКП(б) освобожден от «вопросов чисто советского характера» [32, 8-9]. Впрочем, Ф. Дан не сомневался, что сохранение диктаторской власти «стало для большевистских заправил самодовлеющей целью, в жертву которой они опять приносят и разум, и совесть, и интересы пролетариата» [10, 6].

Летом 1922 г. из меньшевистской среды все чаще звучали рассуждения о кризисе не успевшего развернуться НЭПа, у которого не было фундамента и руководящего плана, а «былой пафос безумия уступил место крохоборству и утлому мелко-расчетливому политиканству грызущихся между собой групп и группировок, до сих пор еще господствующих над несчастной страной». Ведение НЭПа расценивалось как смерть коммунизма не только как практики государственного устройства, но и как теории, так как дальше своей «Азбуки он не пошел» [25, 3]. В частности, по оценке Ф. Дана, «нэпо-коммунистическая власть давным-давно уже растеряла революционные зубы», и ее лозунгом стал «бонапартистский клич: сытая жизнь и порядок» [11, 5].

На то, что следствием «прогрессирующей инфляции» стал рост цен на промышленные товары, и так не учитывавшие законы рыночной экономики, неоднократно указывал А. Югов [34, 5]. По мнению С. Загорского, через год после введения «вся новая экономическая политика дала те же результаты, что и старая» [13, 6]. Столь же критичными были оценки НЭПа и С. Ивановичем, для которого «советская власть сменяет один тупик на другой и все ее многочисленные перемены курса не более, как выход из одного тупика в другой». Таким новейшим тупиком автор считал провалившийся НЭП, при котором вместо развития производства наблюдался расцвет спекуляции за счет государственных средств. Хозрасчет также себя не оправдал, так как даже минимальное расширение производства привело к «жесточкому кризису сбыта». Советские деньги Иванович квалифицировал как орудие «обмена реальной ценности на мыльные пузыри». Для него «НЭП и порабощение рабочего класса стали синонимами», поэтому «комедия, именуемая социалистическим строительством» завершилась. И неудивительно, ведь «при советском строе капитализм еще большая утопия, чем коммунизм». Вывод главного редактора «Зари» звучал для советской власти как

приговор: большевики «шлепнулись в лужу в погоне за синей птицей капитализма, как раньше шлепнулись в погоне за синей птицей коммунизма». В свою очередь, «с горбом советской власти на спине русский народ не мог и не сможет пройти ни к берегам социализма, ни к берегам капитализма» [15, 63-66].

Далин характеризовал НЭП как «капитализм при коммунизме», политику «коммунизма без его экономики». Для него НЭП не был просто новой экономической политикой: он «видоизменяет и перестраивает все общественные отношения», является переходом от коммунизма к новой системе отношений. Но на практике хозяйственный расчет, «кроме десятка грустных анекдотов», практически ничего не дал. Модной в системе НЭПа стала «подделка под «настоящий» капитализм», но этот «притворный капитализм» не способен бороться «против истинного капитализма, который блокирует его со всех сторон». НЭП оказался «системой производства без гарантий воспроизводства»: «... все друг друга кредитуют, дебетуют, друг другу подписывают векселя, начисляют проценты, ломбардируют и рассуждают о тратах и жирах». Но все это «великолепие» фальшивое. Обострившийся кризис НЭПа проявлялся в том, что «политика убивает экономику», что система всеобщей бюрократической опеки, доставшейся НЭПу в наследство от «классического коммунизма», не дает развиваться тем сторонам экономики, ради которых НЭП и вводился. По мнению автора, подобный кризис мог окончиться только «полной ликвидацией нэповской фазы, т.е. большевистской диктатуры» [8, 2-3].

В публикациях, посвященных теоретическим основам нэповской экономики, меньшевики-эмигранты справедливо указывали на попытки Советской власти идеологически уложить экономические уступки в концепцию «социалистической организации производства» и отмечали «каждую весну и каждую осень какой-нибудь «радикальный поворот», «перелом», какое-нибудь «новое слово» [6, 3]. Понятно, что в связи со смертью Ленина редакция «Вестника» не смогла удержаться от политических выводов, полагая, что процесс разложения большевистской диктатуры в условиях «берущего свое НЭПа» не удалось бы остановить даже Ленину. Раскол в партии осени 1923 г. стал достоянием широкой общественности, а после смерти вождя негативные процессы пойдут вперед «более скорыми темпами», что станет «началом конца» большевистского режима [31, 2].

Хотя, надо признать, что редакция журнала откликнулась на смерть Ленина с чувством скорби: «Перед только что разверзшейся могилой мы вспоминаем, прежде всего, не политического противника, не главу государства, где наша партия находится на нелегальном положении, где во всей силе свирепствует террористическая диктатура, а крупного деятеля рабочего движения, который вместе с незабвенным Ю.О. Мартовым закладывал фундамент классовой организации пролетариата в России». Для меньшевиков, сплотившихся вокруг журнала, смерть двух вождей социал-демократии стала символическим напоминанием о том, «насколько неразрывно были связаны в истории целой полосы русского рабочего движения их имена при всем различии и даже резкой противоположности их политического и морального облика» [31, 2].

Следует сказать, что новая экономическая политика, проводимая большевистским руководством, вызвала сильный интерес в среде эмиграции и породила массу иллюзий и надежд на перерождение режима. Подводя итоги первых лет НЭПа, социал-демократическая эмиграция отмечала основные «болевы точки» советской действительности: безработицу, разрушение семьи, пролетаризацию интеллигенции и пр. В частности С.О. Загорский утверждал, что советская политика, не будучи в состоянии осуществить ни социализма, ни планового хозяйства, ни индустриализации, способствовала насаждению в России низших форм хозяйственной жизни. Еще более

неутешителен был вывод экономиста, что «Советская Россия превратилась снова в буржуазно-капиталистическое государство» [12, 115].

Отсюда проистекала уверенность, что «советская власть выполнила свою объективную миссию» – завершила социальную революцию в России. Она вызвала к жизни новую буржуазию и создала в лице, прежде всего, крестьянства, а затем советской интеллигенции, чиновничества, части хозяйственников средние классы, отсутствие которых составляло ранее слабость экономического и политического общественного уклада России. То есть советская политика заложила основы господства мелкой буржуазной демократии, и «мавр должен уйти». Оставалось признать и санкционировать свершившееся перераспределение богатства и изменение социальных статусов и создать максимально благоприятные условия экономической и политической свободы. Помимо этого перерождению большевистского режима способствовала очевидная тяга партийной верхушки к социальному приспособлению [14, 43, 116-117].

Тем не менее, С. Иванович считал НЭП «очень крупной для большевиков реформой». Развязав несколько частную инициативу, ослабив крепостное положение рабочих и «освободив сотни тысяч людей от пайкового пресмыкания перед властью имущими», НЭП и «хозяйственный расчет» только усилили социально-политическое брожение в стране и вместе с ним ненависть и презрение к власти. Более того, НЭП стал «огромной силой, развязавшей не только частно-стяжательские способности и склонности, но и общественно-культурные тенденции великой страны». Для советской власти, по мнению автора, остался только путь уничтожения НЭПа, но «НЭП неуничтожим. Это адская машина, которая не имеет обратного хода». Тем самым деспотический режим большевиков не оставил народу иных возможностей, «кроме самой решительной и может быть весьма жестокой по формам своим революционной борьбы» [16, 131-133]; [17, 160-161].

И это на фоне охватившего Россию страшного голода, на который не могли не откликнуться меньшевики. Причины голода они вполне обоснованно усматривали в разверстке, реквизициях и конфискациях, то есть во всей советской продовольственной политике, следствием которой стало возвращение натурального хозяйства. Не секрет, что последнее несравненно больше подвержено случайностям и внешним воздействиям, например, засухе [9, 4]. Меньшевики также подвергли критике советскую бюрократическую кампанию по борьбе с голодом, в которой «тонула народная самодеятельность». Пугали и поиски очередного «козла отпущения»: не случайно «Правда» начала борьбу с голодом «канонадой против эсеров» [9, 5].

В противовес большевистским рецептам, ЦК РСДРП в июле 1921 г. выступил со специальным воззванием, в котором спасение страны от голода связывалось с быстрой и широкой помощью из-за границы, развитием частной инициативы и хозяйственной самодеятельности внутри страны, правильной постановкой государственного и кооперативного хозяйства. В свою очередь, для создания условий хозяйственного возрождения должна быть «немедленно и решительно изменена экономическая и общая политика российской республики», т.е. обеспечены свобода печати, собраний и союзов, неприкосновенность личности и пр. Также меньшевики настаивали на созыве экстренных губернских съездов трудящихся для обсуждения мер помощи голодающим и принятии мер к срочному ввозу из-за границы продовольствия. Но квинтэссенцией предлагаемых мер стало изменение общих основ политической власти, т.е. отмена режима партийной диктатуры, террора и произвола [24, 1].

Система политических и социально-экономических мер по преодолению голода включала:

- свободные выборы в советы;

- укрепление за крестьянами всей земли и освобождение их от трудовых повинностей;
- оставление за государством парового транспорта и крупных промышленных предприятий, с которым государство способно справиться;
- сдача в аренду остальных предприятий и даже возврат их бывшим собственникам;
- полная денационализация мелкой промышленности, свобода производства, обмена и транспорта в области мелкого сельского и промышленного производства;
- упорядочение денежного обращения путем восстановления налогов;
- полная свобода рабочего класса в распоряжении своей рабочей силой и независимость профсоюзов от государства;
- допущение во внешний товарооборот кооперации и частника на условиях разрешительной системы [24, 2].

Как видно, система предлагаемых мер выходила далеко за рамки собственно борьбы с голодом и его последствиями. Условно говоря, ее можно рассматривать как некий альтернативный вариант новой экономической политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абрамович Р. Новый курс русской буржуазии // Социалистический вестник. 1921. № 9.
2. Далин Д. Новая буржуазия // Социалистический вестник. 1921. № 18.
3. Далин Д. «Нуллификация» и «натурализация» // Социалистический вестник. 1921. № 9.
4. Далин Д. Логика вещей // Социалистический вестник. 1921. № 17.
5. Далин Д. «Новый курс» в профессиональном движении // Социалистический вестник. 1922. № 4.
6. Далин Д. Опять «перелом» // Социалистический вестник. 1922. № 7.
7. Далин Д. Денационализация // Социалистический вестник. 1923. № 1(47).
8. Далин Д. Кризис Нэпа // Социалистический вестник. 1922. № 15.
9. Далин Д. Голод // Социалистический вестник. 1921. № 13.
10. Дан Ф. Большевики и «единый фронт» // Социалистический вестник. 1922. № 9.
11. Дан Ф. На ущербе // Социалистический вестник. 1922. № 17.
12. Загорский С. Рабочий вопрос в Советской России. Прага. 1925.
13. Загорский С. В Генуе // Заря. Орган социал-демократической мысли. 1922. Берлин. № 1.
14. Загорский С. К социализму или к капитализму? Прага. 1927.
15. Иванович Ст. Из тупика в тупик // Заря. 1922. Берлин. № 3.
16. Иванович Ст. Надо выбирать // Заря. 1922. Берлин. № 5.
17. Иванович Ст. Когда спящий просыпается // Заря. 1922. Берлин. № 6.
18. Ленин отступает // Социалистический вестник. 1921. № 4. 18 марта.
19. Мартов Л. Проблема «единого фронта» в России // Социалистический вестник. 1922. № 13/14.
20. Мартов Л. Диалектика диктатуры // Социалистический вестник. 1922. № 3.
21. См.: Мартов Ю. К вопросу о задачах партии // Социалистический вестник. 1922. № 7.
22. Медведев Б. Бессилие нового курса // Социалистический вестник. 1921. № 16.
23. Натуральный налог и свободная торговля // Социалистический вестник. 1921. № 5.
24. На борьбу с голодом! (Воззвание ЦК РСДРП от 6 июля 1921 г.) // Социалистический вестник. 1921. № 14/15.
25. Осипов Н. Судороги // Социалистический вестник. 1922. № 16.
26. Права собственника и права гражданина // Социалистический вестник. 1922. № 12.
27. Русский рабочий при «государственном капитализме» // Социалистический вестник. 1921. № 19.
28. Соглашение с крестьянством // Социалистический вестник. 1921. № 6.
29. Социалистический вестник. 1923. № 2.
30. См.: Социалистическое страхование // Социалистический вестник. 1922. № 12.
31. Смерть Ленина // Социалистический вестник. 1924. № 2.
32. Чижевский Дм. XI съезд РКП // Социалистический вестник. 1922. № 8.
33. Эф Де. Кризис большевизма // Социалистический вестник. 1922. № 6.
34. Югов А. Кризис НЭПа // Социалистический вестник. 1923. № 21-22.

A. Gavrilov

NEW ECONOMIC POLICY OF BOLSHEVIKS AND MENSHEVIKS PARTY
PRESS: OBJECTIVE OPINION ON SUBJECTIVE PROCESS

Abstract: The article dedicates to the topical scientific and social question: the opinion of the emigrant mensheviks party's press on the Bolsheviks New Economic Policy (NEP) in Soviet Russia. In this work the author analyses the editorials and authors' articles, published in "The Socialist Bulletin" and "Zarya" and the works by mensheviks theorist and journalists. This article shows the opinion of mensheviks on New Economic Policy as a refusal of Soviet authorities from its original plan because of people's opinion and social phenomena of economic collapse of Bolsheviks' system.

Key words: New Economic Policy, mensheveks' emigration, communist dictatorship, economic collapse of Bolsheviks system.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОЛИТИКИ “БУФЕРИЗМА”: МАРИОНЕТОЧНОЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ГОСУДАРСТВО-БУФЕР КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИГРА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РОССИИ*

Аннотация: В статье вычленяется геополитический аспект буферной политики на Дальнем Востоке в русле противоборства двух тогдашних региональных лидеров – Японии и США. Их соперничество сделало возможной активную игру на противоречиях между этими державами, в которую через искусственное государство-буфер и попытались включиться большевики, чтобы отыграть назад утраченные позиции, вернуть России статус дальневосточной региональной державы. Для начала 1920-х гг. эта весьма деликатная тактика дипломатической игры на противоречиях являлась едва ли не единственно возможным для Советской России способом выдавливания Японии с российского Дальнего Востока, кроме разве что потенциально возможного силового. Проанализированы причины, почему далеко не все геополитические потенции государства-буфера были реализованы.

Ключевые слова: геополитика, Дальневосточная республика, Советская Россия, японская интервенция, японо-американские противоречия.

Российская смута и сопровождавший её распад имперской государственности привели к резкому ослаблению позиций России в раскладе сил с сопредельными державами на Дальнем Востоке. Затянувшаяся междоусобица, многовластие и локализм при активных попытках вмешательства извне в русские дела привели к настоящей геополитической катастрофе. В какой-то момент бывший имперский центр перестал контролировать свои традиционные сферы влияния в регионе, по существу отказавшись от механизмов активной внешней политики и уступив их другим державам – Японии, США и, отчасти, Великобритании. Россия как государство оказалась перед реальной опасностью всерьёз и надолго (возможно, что и навсегда) потерять собственные дальневосточные территории.

Короткую историю “буфера” на российском Дальнем Востоке – Дальневосточной республики (ДВР) – в историографической традиции принято увязывать со взятой Советской Россией мирной передышкой, которая аргументировалась необходимостью избежать непосильной для большевиков войны сразу на несколько фронтов, разрухой, продовольственными трудностями, эпидемиями и антибольшевистскими восстаниями в центре страны и в Сибири, ожиданием укрепления внешнего и внутриполитического положения Советской России, прорывом блокады страны, а также накоплением военных сил большевиков в дальневосточном регионе и постепенным выдавливанием отсюда японских интервентов и их марионеток. Такой подход превращает буферный компромисс в едва ли не пассивное для его фактического инициатора – большевиков – ожидание перемен к лучшему, а самое главное, оставляет в стороне геополитический аспект – острое противоборство двух тогдашних региональных лидеров – Японии и США. На самом же деле именно их соперничество сделало возможной активную игру на противоречиях между этими державами, в которую через искусственное марионеточное государство-буфер и попытались включиться большевики, чтобы отыграть назад утраченные позиции, вернуть России статус региональной державы-лидера. Игра на межимпериалистических противоречиях, сделавшаяся

* © Азаренков А.А.

излюбленной стратегемой большевистской дипломатии практически до конца существования СССР, преподносилась под идеологическим соусом, хотя по существу имела геополитический характер.

Следует отметить, что идея стратегического союза с Россией (пусть даже большевистской) против Японии начала прорабатываться с начала 1920-х гг. прежде всего среди американских военных, глубоко разочарованных в результатах вильсоновского антибольшевистского интервенционизма [1]. Немало сторонников она имела среди командного состава ВМФ США, небезосновательно опасавшихся резкого усиления позиций Японии после военного ухода Америки из региона [2].

Провозглашённый де-юре в апреле 1920 г. и утвердившийся де-факто к концу того же года целиком подконтрольный Москве, но формально выдаваемый за вполне независимый, демократический и рыночно-буржуазный буфер создавал внешне привлекательные условия для бизнеса и снимал важное идеологическое препятствие, делая возможным более активное подключение американской дипломатии к противодействию японской экспансии на Дальнем Востоке. Через буферное прикрытие и Вашингтон, и Токио могли разговаривать с Москвой, не поступаясь принципами. Москва могла делать то же самое, сохраняя идеологическую стерильность и не обременяя себя никакими конкретными обязательствами, а при необходимости и в нужный момент – легко отказываясь от тех уступок, которые приняли на себя власти буфера.

Разумеется, скрыть всю эту тактику “тройного коня” (данный термин применительно к Дальневосточной республике первым использовал В.Э. Молодяков [3]) было невозможно: и японцы, и американцы понимали, с кем и с чем они имеют дело, но молчаливо соглашались делать вид, что желают быть обманутыми и играть в предложенную Москвой игру (разумеется, в собственных интересах, через торг с властями “буфера” за разного рода гарантии, компенсации и экономические уступки). В этой связи небезынтересна реакция дипломатического представителя США во Владивостоке на ход работы дальневосточного Учредительного собрания: “Если они (парламентарии так называемой “крестьянской фракции большинства”, полностью подконтрольной РКП (б) и отчасти даже включавшей в свой состав так называемых “скрытых коммунистов” – к крестьянам не имевших никакого отношения. – А.А.) голосуют с коммунистами, то, значит, так хотят, и тут необходимо поставить точку” [4].

Тот, кто хотел убедиться в полной легитимности дальневосточной буферной демократии, остался вполне доволен. Получается, что расчёт строителей буфера – большевиков – на демократическое прикрытие – многопартийность, всеобщие выборы и парламент, призванные нейтрализовать обвинения в прокоммунистическом характере государства-буфера, в принципе оказался верным, хотя и лишь отчасти.

В то же время, несмотря на буфер, официальный Вашингтон (в отличие от Токио) продолжал блюсти максимальную осторожность и шёл лишь на неформальные контакты, предпочитая особенно не афишировать свою связь даже со скрытыми большевиками – властями буфера. Отвечая на вопрос об отношении его правительства к продолжению японского присутствия в регионе, американский дипломат Смит выразился вполне определённо: “Если буфер будет чисто коммунистический, что опасно для дальневосточных стран, то Америка не вмешается. Если же буфер будет демократический, то Америка не только не позволит оккупировать, а будет стремиться к экономическому возрождению края... Концессии Вандерлипа взволновали американских промышленников, и они с жадностью смотрят на Дальний Восток, но капиталы свои дадут только тогда, когда будет не большевизм, а демократизм... Словом, если мы увидим, что проникновение большевизма на Восток можно остановить только ок-

купацией, то протестовать против таковой не будем" [5]. К тому же нужно учитывать, что позиции Москвы в дальневосточном регионе оставались довольно уязвимыми, а перспективы самого большевистского режима в России из-за океана выглядели не слишком определёнными.

С другой стороны, невзирая на создание буфера, задержка эвакуации японских войск с русской территории недвусмысленно указывала на планы будущей экспансии Японии на Дальнем Востоке. Императорское правительство небезосновательно считало главной опасностью для этих планов возможное объединение региона под флагом большевизма. Ответом на образование ДВР стала новая тактика Японии на свёртывание открытой экспансии и переход к не слишком завуалированной военно-политической поддержке российских коллаборантов. Таковые, конечно, нашлись, но в то же время интервенты столкнулись с неприятной для себя тенденцией значительного роста патриотических настроений со стороны широких масс населения Дальнего Востока, в первую очередь в наполненном японцами Приморье [6]. Правда, к началу 1921 г., когда иллюзии относительно буферной демократии среди цензовых элементов и у части интеллигенции начали стремительно таять, указанная тенденция ослабла, хотя и не исчезла совсем. К концу существования государства-буфера она вновь окрепла, но уже, скорее, по причине обнаружившейся недееспособности "белых" режимов братьев Меркуловых и Дитерихса.

Одновременно Япония попыталась расколоть формирующийся фронт других держав во главе с США, недовольных слишком самостоятельной и активной позицией своей азиатской союзницы. С этой целью с начала 1921 г. началось формирование франко-японского альянса для борьбы с большевизмом. Франция стала участницей альянса совсем не случайно: она оказалась самым непримиримым противником большевистского режима, поскольку являлась основным российским кредитором и наиболее пострадала от экспроприации собственности и финансовых активов на российской территории. После эвакуации сил Русской армии барона П.Н. Врангеля из Крыма в декабре 1920 г. у французского правительства возник план поскорее от неё избавиться, перебросив морским путём в российское Приморье. Последнее таким образом превращалось в мощный антибольшевистский форпост, а южная часть Дальнего Востока всерьёз и надолго отрывалась от большевизированной России. Франция обратилась к Японии с предложением оказать Токио содействие в сибирском вопросе, которое выражалось бы в обработке международного общественного мнения с целью признания японских прав на установление временного протектората над российскими территориями. В обмен японское правительство должно было активно поддерживать в военно-политическом отношении "освобождение занятых большевиками сибирских территорий" силами "бывшей армии Врангеля под руководством Семёнова или других русских офицеров" [7].

Япония не только согласилась, но и со своей стороны предприняла усилия по ускорению осуществления этого плана. 7 февраля 1921 г. Япония и Франция потребовали для Владивостока статуса "международного" города [8]. Были устроены и "смотрины" нового военного диктатора. Одиозный атаман Семёнов на эту роль, правда, не подошёл, зато сгодился генерал каппелевской армии В.М. Молчанов. На территории Приморья 26 мая 1921 года при едва прикрытой поддержке Японии была свергнута власть ДВР (первая попытка антибольшевистского переворота во Владивостоке с 30 на 31 марта оказалась плохо подготовленной и потому неудачной) и установлен про-японский марионеточный режим братьев Меркуловых. Теперь Владивосток был готов принять французские суда с формированиями врангелевской армии.

Стремление интернационализировать японское присутствие на Дальнем Вос-

токе и активизация японской политики в Приморье ещё больше беспокоили пока ещё достаточно влиятельный военный истеблишмент США. Не только американские военные, но и Госдепартамент сомневались в надёжности Японии как партнёра для поддержания формируемой Соединёнными Штатами системы равновесия сил в Восточной Азии и не желали бездейственно наблюдать, как Япония медленно, но верно и уверенно продвигалась к установлению протектората над частью российского Дальнего Востока. Ещё больше дипломатов раздражала информация, что инициатива активизации прямой военной поддержки Японии антибольшевистским силам на российском Дальнем Востоке исходила от Франции – недавней союзницы Америки в мировой войне [9].

Таким образом, задача американской внешней политики по блокированию японской экспансии объективно совпадала с интересами большевиков, в свою очередь обеспокоенных перспективой развёртывания нового витка широкомасштабной гражданской войны на Дальнем Востоке. И для Москвы, и для Вашингтона главным противником в регионе однозначно являлась Япония.

Без сомнения, в США не рассматривали именно большевиков в качестве надёжного и долгосрочного союзника против Японии. Тем более, что влиятельные политические силы Америки пока что просто не принимали их всерьёз. Американская сторона сводила свой расчёт к достижению вполне прагматичных дивидендов. Московская власть ещё была слишком слаба, тем более на Дальнем Востоке, чтобы можно было рассчитывать на неё как на силовой фактор в блокировании японского влияния. Скорее всего, Соединённые Штаты попытались задействовать Москву лишь как один из запасных вариантов с целью превентивной активизации российской континентальной массы и её людских ресурсов на борьбу с японской опасностью. Суть нового курса Америки в отношении России (если вообще можно говорить о курсе как таковом) состояла в том, чтобы в дальнейшем воздерживаться от вмешательства в её внутренние дела, дать ей самоопределиваться, по возможности взаимодействуя с большевистским режимом лишь на антияпонской основе.

Основным же вариантом американской политики являлось, без сомнения, дипломатическое и финансовое давление на европейских союзников, считавших японское хозяйничанье на Дальнем Востоке не задевающим их собственных сфер влияния, а также непосредственно на Японию, пока не готовую к открытой военной конфронтации с США.

Стоит отметить, что роль стратегов и офицеров военного флота в определении американской внешней политики после завершения мировой войны всё ещё была важной, хотя и быстро падала. Основной задачей военно-морского лобби было сохранить и впредь преобладающее влияние на политическое руководство США. Главным противником военных здесь выступал американский бизнес, заинтересованный в скорейшей экономической утилизации ёмких дальневосточных рынков, прежде всего китайского, японского и русского. Капитал торопил своих политиков, нуждаясь в компромиссе с Японией и создании стабильной обстановки для масштабной американской экономической экспансии, в частности, в Китае.

Пока обстановка оставалась неопределённой, американский бизнес занимался зондажем возможностей для концессионной деятельности и на территории буферной ДВР (особенно активно с середины 1921 г.). Но, кроме разве что наиболее рискованных пионеров-одиночек, до окончательной политической стабилизации в этой части России вкладывать деньги сюда американцы всё же поостереглись. А когда с японской эвакуацией из Приморья эта масштабная экономическая интервенция Америки, наконец, сделалась возможной, было слишком поздно. К моменту завершения Вашинг-

тонской конференции американский капитал хлынул в Японию и Китай. Эти два рынка оказались столь ёмкими, что полностью поглотили свободные финансовые активы Уолл-стрита и девальвировали привлекательность ресурсов российского Дальнего Востока для заокеанских инвесторов, по крайней мере, в обозримой перспективе.

Впрочем, есть сомнение в том, насколько серьёзные американские компании и деловые люди изначально были готовы вести дела с Россией. И дело здесь вовсе не в большевиках, а в отсутствии коммерческого интереса к русским делам у “серьёзных людей” Америки. Даже до русской революции, когда единственным (хотя для американской стороны и принципиальным) препятствием для сотрудничества с Россией был т.н. “еврейский вопрос”, доля России в общем внешнеторговом обороте США составляла всего-навсего 3% [10]. Учитывая это обстоятельство, вполне допустимо предположить, что на деле рассчитывать на реальную помощь американского бизнеса, не говоря уже о каких-то шагах официальных властей США навстречу России, большевикам всё же не приходилось. Во все не случайно стремление к торговле и инвестициям в большевистскую Россию в основном выказывали авантюрные лица, склонные к лёгкой наживе, часто не имевшие за душой ничего, кроме громких прожектов, либо бизнесмены, прогоревшие у себя дома и естественным образом искавшие выхода из проблем с законом там, где закон отсутствовал вовсе – в России [11].

Следует констатировать и то, что поддержка де-факто против Японии из Вашингтона вряд ли была для Москвы и Читы слишком ощутимой, по крайней мере, в той степени, в какой на это могли рассчитывать сами большевики. В то же время для начала 1920-х гг. весьма деликатная тактика дипломатической игры на противоречиях США и Японии являлась едва ли не единственно возможным для Москвы способом (кроме разве что потенциально возможного силового) выдавливания Японии с российского Дальнего Востока. Имея достаточно ограниченное поле для маневра, большевики, будучи самым слабым в тогдашних условиях игроком, тем не менее, заняли не выжидательную, а оптимально возможную в той ситуации активную позицию, добиваясь в качестве приоритетной задачи ликвидации японской интервенции и максимально быстрого заполнения открывавшихся возможностей к восстановлению геополитических позиций России как региональной державы.

Между тем, усиление давления со стороны держав во главе с США на Японию и падение популярности поддерживаемых последней группировок коллаборантов в регионе способствовали тому, что уже один только временной фактор, даже бездейтельное ожидание повышали шансы России расширить границы своего влияния до берегов Тихого океана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Обстоятельный анализ русской политики президента США В. Вильсона и противоречивые итоги странной интервенции Америки в России подробно проанализированы в сравнительно свежей монографии американских историков см.: Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002.
2. Фукс М.В. Планы сине-оранжевой войны и первые шаги российско-американского военного сотрудничества на Дальнем Востоке // Электронный ресурс: http://www.zaimka.ru/soviet/fuchs2_p1-4.shtml.
3. Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров: Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М., 2005. С.182. Данная монография известного российского историка представляет собой, пожалуй, наиболее глубокий и, насколько это вообще возможно, бесстрастный анализ зигзагов поведения Японии в отношении России в 1920-е гг., а также зачастую принципиальнейших различий в подходах самих японских политиков к русскому вопросу.
4. Информация осведомительного отдела ГПО ДВР от 21 февраля 1921 г. – Российский государственный архив социально-политической истории (Москва; далее – РГАСПИ). Ф. 372. Оп. 1. Д. 1165. Л.

- 11.
5. Сводка осведомительного отдела ГПО ДВР от 21 января 1921 г. – РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 13. Л. 30.
6. Согласно информации, направленной в Москву в начале февраля 1920 г. Владивостокским комитетом РКП (б), отмечался факт “большого сдвига мелкобуржуазных и буржуазных групп, приведший их, за исключением численно ничтожной кучки верных Семёнову и Калмыкову офицерства и спекулянтов, в сторону активного выступления против интервентов”. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 161. Л. 52 об. Аналогичная по смыслу информация фиксируется и из противоположного политического лагеря. В докладе председателя владивостокского комитета партии кадетов И.А. Фихмана о положении на Дальнем Востоке, сделанном на заседании Парижской демократической группы (миллюковского крыла) партии народной свободы (кадетов) 19 января 1922 г., отмечалось что “не только владивостокские левые кадеты, но и местные буржуазные круги ясно понимали всю опасность проникновения и внедрения Японии на Дальнем Востоке и, благодаря этому, отдавали предпочтение большевикам. По общему их мнению, большевизм не может быть жизненным и вечным и рано или поздно исчезнет, а Япония, если внедрится на Дальний Восток, захватит его навсегда или, по крайней мере, на очень долгое время. При этом там, где господами положения явятся японцы, русским (как и вообще европейцам) делать будет уже нечего, и край будет потерян для России. Вследствие этой грозной опасности был весьма сочувственно встречен лозунг объединения против Японии всех местных политических течений, начиная от правой буржуазии и до коммунистов включительно”. – См.: Протокол заседания парижской демократической группы партии народной свободы от 19 января 1922 г. № 21. – Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии: В 6 т. М., 1999. Т. 6. Кн. 1: 1922 г. С. 34-35.
7. РГАСПИ. Ф.144. Оп.1. Д.160. Л.7.
8. Фукс М.В. Планы сине–оранжевой войны... // Электронный ресурс: http://www.zaimka.ru/soviet/fuchs2_p1.shtml.
9. Там же.
10. См.: Протокол заседания Парижской демократической группы партии народной свободы от 16 февраля 1922 г. № 25 // Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии: В 6 т. М., 1999. Т. 6. Кн. 1: 1922 г. С. 79.
11. Подробнее об американских концессиях на Дальнем Востоке России см.: Долгов Л.Н. Экономическая политика гражданской войны: опыт Дальнего Востока России. Комсомольск-на-Амуре, 1996. С. 91-92, 112; Марьясова Н.В. Американские предприниматели-концессионеры на Дальнем Востоке в 1920-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 5. С. 92-100; Она же. Основные направления, принципы и методы концессионной работы в условиях Дальнего Востока России в 20–30-е годы // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Мат-лы межд. науч. конф. (докл. и сообщ.), 18-20 июня 1996 г. Владивосток, 1997. С. 152-159; Она же. История золотопромышленной концессии Д. Винта // Съезд сведущих людей Дальнего Востока. Материалы науч.-практ. ист.-краеведч. конф., посв. 100-летию Хабар. краевед. музея. Хабаровск, 1994. С. 154-156; Она же. Организация концессионной политики и практики в условиях ДВР // Из истории Дальневосточной республики. Сб. науч. тр. Владивосток, 1992. С. 121-135; Мухачёв Б.И. В.И. Ленин и Северо-Восток в период образования и деятельности Дальневосточной республики // В.И. Ленин и Дальневосточная республика. Сб. науч. тр. / Под общ. ред. А.И. Крушанова. Владивосток, 1985. С. 112-128; Попов В.Г. Концессионная политика Советского государства на русском Дальнем Востоке (1922–1944 гг.) // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России. Сб. науч. тр. Владивосток, 1994. С. 117-121; Сараджан Г.С. Дальневосточная республика и США // Из истории Дальневосточной республики. Сб. науч. тр. Владивосток, 1992. С. 135-143; Флёров В.С. Политика в отношении частного капитала на Дальнем Востоке (1922–1925 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1972. Вып. VII. С. 152-166 и др.

A. Azarenkov

THE FOREIGN-POLICY CONTEXT OF THE “BUFFERISM” POLITICS: THE PUPPET FAR-EASTERN “BUFFER-STATE” AS A GEOPOLITICAL GAME OF BOL-SHEVIK’S RUSSIA

Abstract: The article accentuates a geopolitical aspect of the “buffer” politics in the Far East in the course of counteraction between the two regional leaders of that time – Japan

and the USA. Their antagonism made possible an active “game of collision” between these powers, where the Bolsheviks attempted to “switch into” by means of the artificial “Buffer-State” in order to “play back” the lost positions, give Russia back the status of the Far Eastern regional power. For the early 1920’s that rather delicate tactics of the diplomatic “game of collision” was but an only possible for the Soviet Russia way of pressing-out Japan from the Russian Far-East, except for the potential force one. The reasons why not all the geopolitical potentialities of the “Buffer-State” had been realized were also analyzed in the article.

Key words: Geopolitics, Far East republic, the Soviet Russia, Japanese intervention, the Japanese-American contradictions.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ РОССИИ: “ВАШИНГТОНСКАЯ СИСТЕМА” РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И ВОЗВРАЩЕНИЕ СССР НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК*

Аннотация: В статье проанализированы основные черты созданного на Дальнем Востоке в начале 1920-х годов вашингтонского механизма регулирования глобального порядка и региональной безопасности, нацеленного на сохранение статус-кво – уже сложившихся геополитических реалий, выявлены причины его хрупкости и недолговечности. Сделан вывод о том, что статичную региональную систему взорвала не Япония, а бывший пространственно неопределённый фантом и геополитический изгой – большевистская Россия. С ликвидацией марионеточной Дальневосточной республики и провозглашением Советского Союза принципиально изменилось и содержание: возникла новая геополитическая данность. Отныне любая дальневосточная континентальная политика – японская, американская или какая-то ещё – могла базироваться либо на признании и сотрудничестве, либо на соперничестве и конфронтации с СССР. Становилось невозможным формально продолжать игнорировать фактор новой России – СССР как третьего регионального лидера.

Ключевые слова: Вашингтонская конференция 1921-1922 гг., большевистская дипломатия, Дальневосточная республика, образование СССР, японо-американские отношения.

Итоги Вашингтонской конференции по морским вооружениям и дальневосточным региональным проблемам (12 ноября 1921 г. – 6 февраля 1922 г.) стали свидетельством не столько тактического триумфа Америки над Японией, сколько победы американского бизнеса над американскими же военными. Наступила так называемая эпоха “просперити” (1922–1928 гг.) – время экономического бума в США, сделавшего возможным благодаря невиданной прежде активности американского бизнеса на мировых рынках, в особенности дальневосточном, и поощрению этой активности республиканскими администрациями Уоррена Гардинга (1921–1923 гг.) и Кальвина Кулиджа (1923–1924 гг. и 1925–1928 гг.).

Символом тесного альянса бизнеса и политики стал Герберт Кларк Гувер (1874–1972), в 1921–1928 гг. бессменно занимавший ключевой в этом альянсе пост министра торговли США. Преуспевающий крупный бизнес эры “просперити” окрестил его “великим организатором” американской экономики, обеспечив выдвигание Гувера летом 1928 г. кандидатом от республиканской партии в президенты США. Звёздный час Г. Гувера пробил в том же году: он одержал победу на президентских выборах с внушительным отрывом от соперника. В марте 1929 г. гуверовская администрация вступила в Белый дом [1].

Кстати, большевистская дипломатия в 1922 г. (а в последующем и советская историография) излишне оптимистично (и совершенно искажённо) восприняла результаты Вашингтонской конференции. Они подавались как свидетельство резкого обострения “межимпериалистических” противоречий между США и Японией. Утверждалось, что именно Вашингтонская система заложила основу для последующего военного столкновения между Японией и США.

Историографическая традиция оказалась столь живуча, что и теперь господс-

* © Азаренков А.А.

твует унаследованное с советских времён мнение о том, что подписанный 6 февраля 1922 г. в Вашингтоне “Договор пяти держав” об ограничении морских вооружений установил выгодное для США и неприемлемое для их главной соперницы соотношение морских сил, которое Япония приняла лишь вынужденно [2]. Известный специалист по геополитике и “антиатлантист” по убеждениям Карл Хаусхофер, подогревая японские антизападные настроения и амбиции к экспансии в тихоокеанском бассейне, в своё время тоже заявлял, что Вашингтонская конференция была для Японии тем же, чем Версальская для Германии [3].

Любопытно, что в то же время американская, да и в целом западная историография на основе анализа документов из американских архивов, напротив, оценивала период американо-японских отношений, начиная с 1922 г. (и, по крайней мере, до 1924 г. включительно), едва ли не как их “медовый месяц” – время расцвета экономического сотрудничества между США и Японией [4].

Справедливости ради необходимо отметить, что заключённый в Вашингтоне договор о политических и территориальных гарантиях для поддержания нового регионального порядка (т.н. “Договор четырёх держав”) подписывался сроком на 10 лет, определяя предельную границу жизнеспособности “вашингтонской системы” началом 1930-х гг. [5]. Фактически это был региональный пакт 10-летней стабильности, создававший в ближней перспективе политико-правовую основу и механизм для регулирования глобального порядка в Восточной Азии, нацеленного на сохранение статус-кво – уже сложившихся геополитических реалий. Традиционная блоковая политика, провоцирующая недоверие между державами и скомпрометированная своей неэффективностью, приведшей в итоге к мировой войне, отбрасывалась как устаревшая. Так, принятые ограничения тоннажа флотов США, Великобритании и Японии завершали эпоху, когда Британия неоспоримо являлась ведущей морской державой, а значит, делали неосуществимыми надежды Японии на возможность использования стратегического альянса с ней в качестве противовеса американским усилиям заблокировать японскую экспансию на континенте, чтобы лишить Японию стратегического сырья.

Создание многосторонней основы международного регулирования в регионе оформляло принцип партнёрства великих держав на основе коллективных гарантий и должно было создать гораздо более надёжную, нежели блоковая система, основу для устойчивости региональной подсистемы. Таким образом, Запад и, в частности, США в теории получали коллективный инструмент воздействия на политику Токио, который должен был помешать возможному превращению Японии в экспансионистскую державу.

При всех противоречивых историографических оценках “вашингтонской системы” всё же вряд ли справедливо утверждение, что она, унижая Японию, изначально сама по себе создавала конфликтный потенциал, чреватый войной на Тихом океане. Наоборот, это был, пожалуй, единственно возможный в тогдашних условиях механизм, способный нейтрализовать японо-американские противоречия. Другое дело, насколько эффективным оказывался такой механизм на практике, тем более в дальней перспективе.

Гораздо более артикулированная, чем прежде, антияпонская позиция США и держав в Вашингтоне в значительной степени предопределила ужесточение линии буферной дэвээровской (а фактически – советской) дипломатии на переговорах с Японией в Дайрене и Чаньчуне об условиях японской эвакуации с территории российского Дальнего Востока и дальнейших перспективах советско-японских отношений.

Так, 24 ноября 1921 года Политбюро ЦК РКП (б) утвердило предложение нарко-

миндел РСФСР Г.В. Чичерина о “максимальном затягивании” переговоров в Дайрене в качестве дипломатической тактики с тем, чтобы иметь возможность “обождать” результатов Вашингтонской конференции [6]. При этом Москва имела в виду, что Япония, так или иначе, но неизбежно должна будет в самом ближайшем будущем предпринимать шаги по организованному отступлению из России, с тем, однако, чтобы её эвакуация всё-таки не походила на откровенное бегство.

Результаты конференции в полной мере оправдали ожидания большевистского руководства, хотя, как известно, официально РСФСР (и её сателлита – буферную ДВР), в Вашингтон не пригласили. Реакция Москвы на решения конференции последовала незамедлительно.

Так, вряд ли можно считать простым совпадением, что именно в марте–апреле 1922 г., сразу после завершения Вашингтонской конференции, ДВР отклонила возможность подписания уже скорректированных условий договора с Японией в Дайрене под предлогом того, что этот договор по-прежнему не фиксировал дату окончательного вывода японских войск с территории российского Дальнего Востока. В сентябре того же года в Чаньчуне (когда конкретная дата эвакуации японской стороной уже была названа) снова не удалось достичь никакого соглашения о нормализации отношений: японцы хотели исключительных экономических преимуществ (в пикку Америке) по рыболовству, лесоразработкам и нефтедобыче в обмен на Северный Сахалин и дипломатическое признание. Чита и Москва, со своей стороны, требовали предварительного признания, а лишь затем соглашались на переговоры по экономическим вопросам, впрочем, без гарантии каких-либо преференций в пользу Японии.

После завершения эвакуации японских войск и соблюдения ряда приличествующих для внешнего мира демократических формальностей 15 ноября 1922 г. постановлением ВЦИК РСФСР марионеточная Дальневосточная республика официально была ликвидирована, а регион вошёл в состав РСФСР. Любые переговоры с сопредельными государствами, имевшими экономические и прочие интересы на Дальнем Востоке, теперь возможно было вести только напрямую, с Москвой.

А 30 декабря того же года большевистский режим декларировал образование Советского Союза, собранного из нескольких (пока не всех) осколков бывшей Российской империи. Это был не просто формальный акт рождения новой империи. Принципиально изменилось также и содержание: возникла новая геополитическая данность. Отныне любая континентальная политика, будь то японская, американская или какая-то ещё, могла базироваться или на признании и сотрудничестве, или на соперничестве и конфронтации с СССР. Иначе говоря, более просто игнорировать фактор новой России как очевидную реальность, а не некий прежний пространственно неопределённый идеологический фантом становилось просто невозможно.

Тем не менее, рождение СССР адекватно восприняли далеко не сразу и не все мировые державы. Решая задачу восстановления своих геополитических позиций, большевистский режим нуждался в формализации своего нового статуса, форсируя процесс своего официального признания со стороны как Соединённых Штатов, так и Японии.

Что касается Японии, то это знаменательное событие произошло 20 января 1925 г., когда после трудных и долгих переговоров две державы подписали в Пекине Конвенцию об основных принципах взаимоотношений СССР и Японии, закладывавшей базу долгосрочных связей между двумя странами, в том числе последующего соглашения о японских концессиях на территории советского Дальнего Востока. Японцы хотели быть и стали первыми, кто, в полном смысле, прорвался в регион. Они рассуждали вполне прагматично: если захватить российский Дальний Восток силой не

удалось, можно и нужно сделать его доступным другим, мирным путём, через экономическую активность японского капитала. Тем более, что в эти же годы США активно и напористо вытесняли Японию с китайского экономического пространства, тем самым вольно или невольно подталкивая её в советские “объятия”. (Занимательная история о деталях переговоров, их формальных и неформальных участниках, а также реализованных и так и не сбывшихся перспективах советско-японских отношений приведена в обстоятельно фундированной монографии блестящего российского японоведа В.Э. Молодякова) [7].

Совсем иначе дело обстояло с США. Решения Вашингтонской конференции, нацеленные на сохранение статус-кво в регионе, фактически игнорировали большевистскую Россию (а затем и СССР) как региональную державу, равноправного участника “вашингтонского порядка”, превращали её (вместе с тогда действительно фантомным геополитическим пространством – Китаем) в изгоя дальневосточной политики, поскольку исключали эту же геополитическую реальность и её набравшую ускорение динамику.

Очевидно неестественная и временная для разорванного продолжительной российской революционной смутой евразийского пространства ситуация, согласно замыслу вашингтонских “архитекторов”, должна была законсервироваться как минимум на целое десятилетие [8]. Однако уход Японии с российской территории значительно снизил интерес Америки к русским делам, и оптимистичные надежды Москвы на динамику в отношениях двух стран и скорое признание де-юре своего нового регионального статуса со стороны США не оправдались. Администрации республиканцев, изолируя СССР, предпочли не замечать его интересы на Дальнем Востоке, по сути замораживая его потенциальные возможности как самостоятельного игрока и исключая их из геополитического баланса сил в регионе. Подобная политика, как бы её не называли американские политики Дж. Ф. Кеннан (“умеренность и терпение”), Р. Лэнсинг (“наблюдение и выжидание”), Б. Колби (“непризнание”), пожалуй, всё же слишком долго конструировала искусственную реальность, чтобы оставаться реалистичной [9]. К тому же, создав “вашингтонский порядок”, США обратились к внешнеполитическому изоляционизму: их интерес к региону оказался узконаправленным, утилитарным и пассивным [10].

Столь вопиющая геополитическая близорукость Америки в отношении СССР превратилась в одну из основных причин, обусловивших изначальную хрупкость, последовавший на рубеже 1920–1930-х годов кризис, а в последующие несколько лет и развал “вашингтонского порядка”. Не столько запоздалой попыткой наверстать упущенное, сколько принятием произошедшего распада как свершившегося факта стало признание де-юре и установление дипломатических отношений СССР и США в ноябре 1933 г. Влияние военных на американскую политику снова возросло с завершением эпохи процветания в США, начавшейся экономической депрессией и вызванным ею упадком американской внешней торговли, а также растущими опасениями Америки, связанными с активизацией японской экспансии в Китае.

И США, и СССР рассчитывали взаимно заручиться поддержкой друг друга теперь уже не просто в сдерживании амбиций Японии: противоречия между Японией и США, с одной стороны, и между Японией и СССР – с другой были столь острыми, что могли разрешиться в конечном итоге только военным столкновением. Понимание неизбежности войны объективно включало задачу борьбы с японской агрессией в сферу актуальной внешней политики как Москвы, так и Вашингтона, делая Токио их общим противником, а их самих постепенно подталкивало к поиску путей формирования антияпонского военного альянса. Неудивительно, что в данном случае именно

военные, а не дипломаты (как бывает обычно) инициировали процесс сближения двух стран, включая решение об установлении официальных отношений. Причём это были военные именно обеих стран [11].

Официальное признание Советского Союза сначала Японией, а затем и США закрепляло за ним статус третьего регионального лидера, с которым как с равным партнёром соглашались считаться две другие региональные державы. Вялый и статичный “вашингтонский порядок”, уже испытывавший удары от японской агрессии в сентябре 1931 г. и в начале 1932 г., провозглашения буферного государства Маньчжоу-го в марте 1932 г. и, наконец, полной аннексии Маньчжурии к концу того же года, показал свою полную несостоятельность [12]. Следующий, 1933 год можно с полным на то основанием считать рубежом окончательного восстановления утраченных Россией полутора десятилетиями ранее геополитических позиций в дальневосточном регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Подробнее о Г. Гувере см.: Азаренков А.А., Азаренкова Н.Н. АРА и контакты большевистского режима с США // Человек, общество и культура: проблемы исторического развития. Мат-лы научно-практической конф. Комсомольск-на-Амуре, 2005. Ч. II. С. 3-8.
2. См., например: Дипломатический словарь. М., 1984. Т. 1. С. 174.
3. Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров: Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М., 2005. С. 181.
4. Фукс М.В. Планы сине-оранжевой войны и первые шаги российско-американского военного сотрудничества на Дальнем Востоке // Электронный ресурс: http://www.zaimka.ru/soviet/fuchs2_p4.shtml.
5. Системная история международных отношений. 1918–2000. В 4 т. М., 2000. Т. 1: 1918–1945. С. 145.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (Москва; далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 234. Л. 1.
7. Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров... С. 197-269.
8. Подробнее о Вашингтонской конференции и последствиях создания “вашингтонского порядка” в регионе см.: Системная история международных отношений ... С. 143-150.
9. Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002. С. 394.
10. Детальный обзор американских интерпретаций политики изоляционизма в 1920-е годы, её причин и последствий см.: Соколов Н.Н. Американские буржуазные авторы о влиянии изоляционизма на дальневосточную политику США в 20-е гг. // Исторические и историографические вопросы внешней политики империалистических государств. Сб. ст. под ред. С.С. Григорьевича. Томск, 1987. С. 113-131.
11. Фукс М. Планы сине-оранжевой войны... // Электронный ресурс: http://www.zaimka.ru/soviet/fuchs2_p1-4.shtml. См. также: Севостьянов Г.Н. Послы вручают верительные грамоты. Установление советско-американских дипломатических отношений в свете новых документов // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 16-35; Севостьянов Г.Н. Миссия М.М. Литвинова в Вашингтон в 1933 году. Новые материалы // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 148-175; Почтарёв А.Н. О советско-американских военных контактах перед Второй мировой войной // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 6. С. 35-43.
12. Подробнее об отношениях СССР и США и влиянии на их динамику фактора японской экспансии в Восточной Азии см. монографию: Сафронов В.П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931–1945 гг. М., 2001.

A. Azarenkov

THE GEOPOLITICAL CHALLENGE OF RUSSIA: THE “WASHINGTON SYSTEM” OF REGIONAL STABILITY AND THE RETURN OF THE USSR TO THE FAR EAST

Abstract: The article gives analysis of the basic characteristic features of the created in the Far East in the early 1920's Washington mechanism of regulation of the global order and regional safety, which was aimed at the “status quo” preservation – the established geopoliti-

cal realia, the reasons of its fragility and short life were also brought to life. The conclusion was made that the static regional system hadn't been exploded by Japan, the one to blame was a former "disoriented in space" phantom and a geopolitical "pariah" – a Bolshevik's Russia. With the liquidation of the puppet Far-Eastern Republic and declaration of the Soviet Union there came a principal change in the contents: there appeared a new geopolitical phenomenon.

Henceforth any Far-Eastern "continental policy" – Japanese, American or the like could be grounded either on the recognition and cooperation or rivalry and confrontation with the USSR. It was becoming impossible to keep ignoring formally the factor of a new Russia the USSR as the third regional leader.

Key words: The Washington conference 1921-1922, Bolshevik diplomacy, Far East republic, formation of the USSR, Japanese-American relations.

РАЗВИТИЕ УЧЕБНОГО КНИГОИЗДАНИЯ В СИСТЕМЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ*

Аннотация: В данной статье автор рассматривает зарождение и эволюцию учебного книгоиздания в развитии просвещения и профессионального образования России. Основываясь на анализе обширного фактического материала, автор делает вывод о том, что начинает закладываться основа системы вузовского книгоиздания, под которой понимается совокупность специальных организаций и подразделений, занимающихся подготовкой и выпуском учебной и научной литературы, являющейся базой программно-методического обеспечения академического процесса в высшей школе. Начинается систематизация и централизация книжного дела. В условиях неравномерного развития, спадов и трудностей рассматриваемого периода назрела необходимость регламентации многосторонней деятельности учебного книгоиздания.

Ключевые слова: учебное книгоиздание, профессиональное образование, обеспечение вузовского обучения, регламентация книжного дела.

Еще до создания древнейших цивилизаций древний человек изображал на стенах пещеры сцены охоты, которые имели сакральное, магическое значение с одной стороны, но и учебно-методическое с другой – обучали молодое поколение правилам охоты и передавали опыт предыдущих поколений.

Во все времена своего существования человечество стремилось передать накопленные знания последующим поколениям. Наскальная и пещерная живопись – ни что иное, как передача знаний о повадках животных, приемах охоты и культовых обрядах, воинских победах и достижениях культуры.

Жители древнейших известных цивилизаций – Аккад и Шумер пять тысяч лет тому назад изготавливали учебные тексты на глиняных табличках. Позднее создавались целые системы знаний, в частности, – учение об основах мироздания Аристотеля, Евклида и других мыслителей древнего мира и средних веков.

В античном мире знания стали пользоваться «рыночным спросом»¹, а сочинения и труды древних мыслителей использовались в качестве обучающей литературы. Образовательная деятельность античного периода перешла к способу передачи знаний от учителя к ученику «взамен способа от отца к сыну», который стал основным и традиционным способом обучения на протяжении многих веков.

Мыслящие люди не только осознавали комплекс фактов, явлений, результатов деятельности, но и имели потребность систематизировать эти знания и излагать их в логической последовательности и довести весь накопленный материал до своих сограждан. Систематизация в некоторых случаях была настолько фундаментальна, что составляла основу государственной деятельности и политики, науки и техники на целые столетия. Учебники прошедших веков не только систематизировали прошедшее, отражали настоящее, но и были направлены в будущее «...обслуживать не только настоящее, но и будущее. Уже и тогда можно было сказать, что учебник был результатом индивидуального творчества только по автору изложения материала. Автор был один, но выражал он мнение объективно мыслящего сообщества»².

Развитие книгоиздательского дела происходило одновременно с социально-

* © Афанасьев А.Д.

экономическим развитием общества, воплощая в себе его основные достижения и отвечая требованиям той или иной исторической эпохи.

Книга – продукт, созданный в сфере материального производства, имеющий вещественную форму, отличающийся своеобразием и индивидуальностью элементов, характерных для каждого исторического отрезка времени. Книга воздействует на духовный мир человеческой личности, под влиянием книги у читателя возникают различные идеи, формируется образ мысли, возникает совокупное знание, дающее толчок новому витку в развитии общественного сознания.

Изучение исторических предпосылок возникновения и закономерностей генезиса книгоиздания позволит выявить основные этапы развития книги, эволюцию ее форм, содержания, особенности формирования тематики и типов книг, методы их распространения, факторы культурно-исторического воздействия на людей.

Образование раннефеодального древнерусского государства содействовало унификации письма восточнославянских племен. Письменность и грамотность были широко распространены среди самых различных социальных слоев населения Древней Руси. Грамотными были не только представители княжеской власти и духовенства. Сохранились памятники материальной культуры: гончарные изделия, колодки сапожников, пряслица с надписями, сделанные простым ремесленным людом XI–XII вв. Огромный научный интерес представляют берестяные грамоты, обнаруженные при раскопках в Новгороде, Смоленске, Пскове, Полоцке – частные письма горожан, в которых говорится о разных сторонах жизни и быта Новгорода, затрагиваются некоторые юридические и экологические вопросы. Это свидетельствует о том, что грамотность народа уже в этот период носила бытовой, житейский характер и не являлась привилегией знати.

В период правления Ярослава Мудрого начинают переводить с греческого языка «учительную литературу» – сочинения христианских писателей III–XI вв. и жития святых. Особенной известностью пользовались проповеди и поучения Иоанна Златоуста. Переводная историческая литература была представлена на Руси хронографами, на основе которых было создано компилятивное историческое сочинение «Эллинский и римский летописец». Встречаются сведения географического и естественнонаучного характера, упоминания о персонажах античной мифологии и героях античного эпоса, а также многочисленные юридические и административные акты, договоры, грамоты и другие виды деловой письменности. Популярностью пользовались природоведческие книги, пришедшие из Византии.

Крупнейший памятник этого периода – «Русская правда», в котором сжатым, точным языком определяются нормы древнейшего русского феодального права. Со времен Ярослава Мудрого большое распространение получает наиболее значительный вид повествовательной литературы Древней Руси – летописи. Крупнейшим центром русского летописания XI–XII вв. был Киево-Печерский монастырь, летописцы которого создавали летописные своды – драгоценные свидетельства прошлого русской земли.

О выдающихся достижениях древнерусской литературы свидетельствует также всемирно известное «Слово о полку Игореве» по словам В.Г. Белинского, «прекрасный благоухающий цветок славянской народной поэзии», где автор обращается ко всем русским князьям со страстным призывом к объединению для борьбы против общего врага во имя единства Руси³.

Редчайший и драгоценнейший памятник древнего книгописания – знаменитое Остромирово Евангелие – самая ранняя датированная русская книга, написанная писцом дьяконом Григорием по заказу одного из приближенных киевского князя Изяс-

лава – новгородского посадника Остромира в 1056-1057 гг. Другой замечательный памятник – Изборник Святослава» 1073г. считается первой энциклопедией, «...охватывающей широчайший круг вопросов, причем не только богословских и церковно-канонических, но и включающей статьи по ботанике, зоологии, медицине, астрономии, грамматике и поэтике»⁴.

Русские рукописные книги XI–XIII вв. сохранились до наших дней в очень малом количестве (по данным Археографической комиссии от XI в. – 33 рукописи, а от XII в. – 85). По мнению некоторых специалистов, в этот период на Руси имели хождение не менее 85 тысяч одних только церковных книг⁵.

Само существование рукописной книги было, конечно, обусловлено потребностями введения и отправления христианского культа, но книга была не только инструментом религиозной пропаганды, но и инструментом духовно-нравственного воспитания и образования. Вместе с тем книга, дошедшая до нас с самых древних времен, есть один из основных достоверных источников изучения отечественной культуры.

К концу XIV века наряду со старыми центрами книжного дела Новгорода и Пскова появились новые: Тверь, Ростов, Суздаль. По мере возвышения Московского княжества и образования национального, а затем и многонационального русского государства появились книжные собрания в Москве – новом центре русской культуры.

Среди памятников XIV–XV вв. выделяется знаменитая Лаврентьевская летопись, написанная в Нижнем Новгороде монахом Лаврентием. В конце XV в. был составлен полный кодекс библейских книг – Геннадиевская Библия. **Заново сверенный и отредактированный** по многим русским и иноземным источникам текст лег в основу всех последующих изданий церковнославянской Библии. Переписывание книг превратилось к концу XV века в настоящее производство, свидетельствующее о растущей потребности населения не только в церковной, но и в образовательной литературе. И все же рукописный способ размножения книг был недостаточно производительным и не мог удовлетворить этот растущий спрос на книгу.

Специфику развития книги в XIII–XV вв. определяло несколько обстоятельств:

- стремление к возрождению утраченных книжных богатств, воссоздание книжных фондов храмов и монастырей;
- в восстановлении книжных фондов отобразился процесс упорядочения церковной жизни и борьба с католической церковью, когда разгромленная монголами Русь находилась под пристальным вниманием католичества;
- несмотря на разорение и физическое уничтожение книг и книжников, на Руси не исчезают библиофилы, определявшие создание многих книжных собраний и книжных центров, в основном, при домах русских князей, архиереев и в монастырях.

Отношение церкви к книге во многом определило характер книжного производства в XIII–XV веках. Книголюбие рассматривалось как одна из христианских добродетелей. Сведения о книжном деле сохранили литературные памятники Древней Руси (жития, поучения, летописи). Можно отметить, что к XV столетию Русь полностью пережила потрясения Батыева нашествия и вступила в новую стадию развития.

Постепенно новый материал – бумага внедрилась в производство рукописной книги. По подсчетам Л.М. Костюхиной⁶, на основе рукописей ГИМ доля бумажных книг составила на рубеже XIV-XV веков от 17 до 28 процентов. В книгописании к XV веку выработался новый почерк – полуустав, по мнению М.Н. Тихомирова⁷, окончательно сформировавшийся в скрипториях московских монастырей. Новое письмо в отличие от устава было менее торжественным, но при сохранении ясности и четкости букв позволяло быстрее переписывать тексты. Оно окончательно утвердилось в книге с заменой пергамента бумагой.

На протяжении XVI века происходит укрепление централизованного русского государства. Объединение русских земель вокруг Москвы и завершение формирования централизованного многонационального феодального государства сопровождалось борьбой против княжеско-боярской оппозиции и усилением роли более многочисленного класса мелкопоместных феодалов, служилого дворянства и купечества.

Борьба за централизацию государственной власти требовала сосредоточения в руках правительства всех средств идеологического воздействия, важнейшим из которых была книга. Ее функции в XVI веке значительно расширились. Рост феодального землевладения с одной стороны, усиление закрепощения крестьян – с другой, обусловили дальнейшее развитие документальной и актовое письменности. Развитию книги способствовал также рост числа различных государственных учреждений. Появились законодательные памятники – судебники. Выработался особый тип письма – скоропись. С середины XVI века появились писцы-профессионалы, которые переписывали книгу на заказ. Все это свидетельствует о существовании в XVI веке книжного рынка и возросшем спросе на книгу в русском обществе.

Развитию книжного дела способствовало создание общерусских политических и церковно-политических сводов, отражавших идеологию сторонников централизации государства. По инициативе митрополита Макария был составлен крупный памятник общерусской национальной культуры «Великие Четьи Минеи» (месячные чтения в 12 томах), в который вошли книги священного писания, сказания о праздниках, житиях святых, поучения, сочинения святых отцов и популярные на Руси светские сочинения. Заново пересмотренные и отредактированные стилистически и политически, «Великие Четьи Минеи» должны были утверждать церковно-религиозное единство Русского государства. В 1568–1576 гг. на основе Никоновской летописи был создан многотомный Лицевой (иллюстрированный) летописный свод. В нем содержится 16 тысяч превосходно выполненных миниатюр. Впервые в русской книге иллюстрации занимают больше места, чем текст.

В середине XVI века в Московском государстве получила развитие публицистическая литература. Ее авторами были представители различных общественных групп, боровшихся между собой. Среди духовенства велась ожесточенная полемика по религиозным вопросам. В распоряжении русского читателя XVI века были произведения духовной, нравоучительной литературы. «Домострой», написанный или отредактированный Сильвестром содержал наставления, регламентирующие жизнь состоятельного гражданина; нормы общественного, религиозного, семейно-бытового поведения.

Возникновение книгопечатания в Московском государстве совпало с эпохой Ивана Грозного. Это было время упрочения государственности и окончательного утверждения монархического централизованного государства и социально-экономического развития феодального общества Руси XVI в.

Изобретение в Европе печатного стана и развитие производительных сил и ремесла на Руси создавали необходимые предпосылки для учреждения в Москве типографии и перехода от рукописного способа размножения книг к более совершенному и производительному – книгопечатанию.

В русле реформ, проводимых Иваном Грозным, было введение книгопечатания. Укрепление самодержавия (реформа суда, создание стрелецкого войска, учреждение земства и т. д.), решение политических вопросов на Востоке (покорение Казанского и Астраханского царств), огромные просторы, населенные неправославными народами, требовавшими (с точки зрения государственности) христианского просвещения, вызывали насущную потребность в большом количестве книг.

1 марта 1564 года повелением Ивана Васильевича IV и благословением митропо-

лита Всея Руси Макария в первой государственной типографии вышла первая русская точно датированная книга «Апостол» – шедевр полиграфического искусства. Представляет интерес и выбор книги для первого издания. «Апостол» в древней Руси использовали для обучения духовенства. В нем заключены, в контексте борьбы против ересей и неправильного толкования, первые образцы толкования учениками Христа Священного Писания. Это показывает государственно-национальное значение книги в борьбе со «смутой» путем церковного просвещения.

В послесловии к «Апостолу» 1564 года, одном из основных источников по истории начального московского книгопечатания указываются две причины, побудившие Ивана Грозного ввести книгопечатание в Москве:

- потребность в большом количестве церковных книг для вновь строящихся церквей в Москве и других городах, особенно в городе Казани;
- необходимость **исправления «растленных» книг**, в целях оправдания централизации государства.

В 1565 году в Москве Иван Федоров и Петр Мстиславец издают «Часовник» (двумя изданиями) – также богослужебную книгу, служащую в Древней Руси как и «Апостол», для обучения, но не духовенства, а только приобщающихся к грамоте детей. В 1568 году, после отъезда из Москвы Ивана Федорова, его ученики издают «Псалтырь», также являющийся обучающей книгой. В 1574 году в Львове Иваном Федоровым был выпущен первый русский печатный учебник «Азбука», в котором впервые была осуществлена методическая обработка текста: адаптация, деление текста на логически завершённые части: рубрикация, наглядность и доступность изложения⁸.

Главным итогом работы мастеров XVI столетия была организация крупной типографии европейского типа на государственной основе – Московского печатного двора.

Введение книгопечатания явилось важным событием в истории культуры в целом. Его значение приравнивают к введению письменности. Не случайно в символе книжного знака Ивана Федорова использован мотив из жития Святого Кирилла. Сам первопечатник оценивал свою деятельность в тех же словах, что и изобретатель славянской азбуки, называя ее «стрелами духовными».

Введение книгопечатания было закономерным явлением, связанным с политической ситуацией в стране, христианским просвещением на новых восточных территориях государства. Оно приобрело общекультурный просветительский характер. Однако государственная монополия на книгопечатание на Руси ограничивала сферу распространения печатной книги и определяла специфику ее развития в последующие столетия.

Внутренняя и внешняя обстановка в стране в первые десятилетия XVII века была неблагоприятной для развития книжного дела. Изменения в социально-экономических отношениях в Московском государстве привели к усилению феодального гнета, ухудшению положения народных масс и к обострению классовой борьбы, которая нашла свое отражение в расколе православной русской церкви.

Поводом к расколу послужили разногласия по вопросу об отправлении обрядов и исправлении церковных книг. Бурные политические события начала XVII века отрицательно сказались на состоянии культуры русского народа. Религиозное мировоззрение, главенствующее в умах русских людей, обеспечивало доминирующее положение церкви в производстве и распространении книг, отсюда – преобладание литературы церковно-догматического и духовно-нравственного содержания.

Постепенно, в связи с потребностями экономического и культурного развития в обществе усиливается понимание необходимости более широкого образования. Круг

образованных людей становится шире, чем в предшествующем столетии. Образование распространяется среди нарождающегося дворянства и проникает в посадскую среду.

В XVII веке возросло число лиц, владевших крупными книжными собраниями. Все большее место занимает светская литература. Развитие государственного управления, успехи культуры и просвещения приводят к некоторым важным изменениям в издательской деятельности Московского печатного двора: расширяется издательский «ассортимент» Печатного двора, выходят сборники, составленные из произведений византийских, украинских и русских авторов.

Московское издание «Пролога» в 1641 году – первая русская печатная книга для повседневного чтения содержала обширное собрание житийных и нравоучительных статей, и пользовалась большой популярностью у русских читателей.

Особая группа изданий XVII века – буквари и азбуки, предназначенные для обучения чтению и письму. В 1634 году в Москве была издана «Азбука» В.Бурцева, во второе издание которой, были включены вирши *о целях и методах учения* и мы можем рассматривать ее как первое учебно-методическое пособие с аппаратом издания с учетом целевого назначения, ознаменовавшее новый этап оформления учебной книги в самостоятельный тип издания.

В 1648 году вышло первое московское издание «Славянской грамматики» М.Г. Смотрицкого, она была дополнена примерами грамматического разбора предложений из сочинений Максима Грека. Это было подлинно учебное издание, которым пользовались для обучения еще и в следующем веке⁹.

Развитие военного дела и усиление внимания государства к вопросам военного искусства нашло отражение в переводном издании Вальхаузена 1647 года «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», а также в книге, вышедшей в 1699 году – «Краткое обыкновенное учение с крепчайшим и лучшим растолкованием в строении пехотных полков».

В 1649 году выходит в свет первое печатное издание свода русских законов – «Уложение государя царя Алексея Михайловича». Развитие торговли, усиление влияния и роли купечества вызвали появление таких книг, как «Грамота о таможенных пошлинах» (1654), «Считание удобное» (1682).

Однако, несмотря на введение книгопечатания, несовершенство техники книгопечатания, дороговизна печатной книги по сравнению с рукописной, монопольно-государственный характер книгопечатания, привычность населения к рукописной книге, не устранили рукописного производства книг.

Параллельное развитие печатной и рукописной книги характерно не только для России. «В тех случаях, когда по тем или иным обстоятельствам печатная книга не могла удовлетворять общественного интереса, на помощь приходила книга рукописная, не связанная столь тесно с цензурно-политическим контролем, существовавшим за печатным словом»¹⁰.

Увеличение круга читателей из новых социальных слоев приводило к демократизации книги. Рукописная книга постепенно утрачивает религиозный характер, становится светской и более близкой к жизни. В московском обществе возникает интерес к естественным и гуманитарным знаниям, отражающийся в книгах. Пользовались известностью травники, лечебники. В 1627 году впервые была составлена сводная карта Русского государства «Большой чертеж» с подробным рукописным комментарием. Была переведена книга польского астронома Я. Гевеля «Селенография», в которой делались попытки объяснения гелиоцентрического строения Земли. Основную долю занимали книги естественнонаучной и военной тематики. С приближением военных

действий популярность этих книг возрастала. Появились переводы с иностранных изданий: «Книга огнестрельного художества» (1685), «Марсовы дела» (1695).

Развитие русской печатной, преимущественно церковной и рукописной книги на протяжении первой половины XVII века происходит в полной гармонии, взаимно дополняя и обогащая друг друга. Русская православная церковь, ориентированная на духовно-нравственную, религиозную сторону жизни человека, допустила появление светских изданий, добровольно отступала от традиций, учитывая условия времени, в связи с развитием европейской цивилизации, когда потребность в светских изданиях стала ощущаться в обществе. Однако идеология народных масс не могла найти отражение в официальной литературе. Появилось множество запретной литературы и летучих листов, особенно в годы крестьянских волнений.

Распространение, чтение и производство такого рода литературы каралось самым жестоким образом. Преследовалась литература, не соответствовавшая догматам церкви, подвергавшая сомнению те или иные положения церковного учения. **В 1663 году патриарх Филарет повелел отобрать во всех церквях и монастырях церковный устав, напечатанный в 1610 году, и прислать в Москву для сожжения на том основании, что напечатал его «вор, бражник, чернец Логин», изложивший отдельные его положения «своим самовольством».**

Во второй половине XVII века в связи с исправлениями церковных книг преследованию подвергались все прежние издания. Однако монопольное влияние церкви на умы людей значительно пошатнулось. Меняется функциональное назначение книги: она превращается в активного участника в общественной жизни государства.

В.И. Татищев писал: «Чрез обретение тиснения книг и вольное всем употребление, через которое весьма великое просвещение мир получил, ибо чрез то науки вольные возросли и книг полезных умножилось»¹¹.

В начале XVII века в жизни России происходили коренные изменения, вызванные развитием производительных сил и подготовленные всем предшествующим ходом исторического развития. Развивается внешняя и внутренняя торговля, создаются основы промышленности, регулярная национальная армия и флот, укрепляются экономические и культурные связи России со странами Запада и Востока. Растет междunarодный авторитет Российской империи.

Быстрое экономическое и политическое развитие сопровождалось быстрым ростом национальной культуры, науки, просвещения. Порывая с религиозными традициями прошлого, новая русская культура приобрела ярко выраженный светский характер. Были открыты государственные школы разного типа (как общие, так и специальные по точным знаниям), доступные для лиц различного социального положения. Поощрялось развитие точных наук. Плодотворно развивалась русская общественная мысль и публицистика, литература и искусство.

Появилась потребность в учебных книгах, отвечающих требованиям того времени. При подготовке учебных книг необходимо было обеспечить систематизацию знаний и организацию подачи материала и характера изложения. В последующем эти первоначальные насущные требования стали выделяться в сумму признаков, необходимых для учебных изданий, выделившихся в отдельный вид.

Издательская деятельность в первой четверти XVIII века получила широкий размах. До сих пор оно служило преимущественно интересам церкви. Петр I поставил книгопечатание на службу интересам государственного преобразования, развития просвещения и культуры; лично руководил издательским делом, определяя тематику изданий; следил за переводом книг и был редактором многих из них. Благодаря деятельности Петра I была разработана форма подачи материала, требования к эле-

ментам аппарата учебной литературы. Он требовал, чтобы все книги начинались с предисловия, в котором необходимо указывать назначение издания.

В 1703 году вышла «Арифметика» Л. Магницкого – ставшая основным учебником до конца XVIII века, покупателями которой были учащиеся артиллерийского училища, школы математических и навигацких наук и других школ.

В 1705 году в дополнение к Печатному двору по инициативе В.А. Киприанова создана Гражданская типография, специализировавшаяся на издании светской литературы. В типографии выпускались «... арифметики большие и малые, грамматики на разных диалектах, букварики латинословенские, книжицы докторские и врачебные, математического учения, нотного пения»¹². Гражданская типография наладила светское книгоиздание и в первую очередь выпуск литературы для учащихся различных школ.

В 1707–1710 годах была произведена реформа печати. Ее суть заключалась в замене старой кирилловской азбуки с ее сложной графикой и затруднительных в типографском наборе надстрочных знаков, новой гражданской азбукой. В соответствии с новыми требованиями необходимо было значительно увеличить выпуск книг, изменить их тематику.

Московский печатный двор выполнял уже функции издательства. Первым директором был назначен выдающийся деятель просвещения, автор и переводчик Ф.П. Поликарпов (1670–1731), под руководством которого был налажен выпуск книг светской тематики.

В начале XVIII века были открыты типографии Санкт-Петербургская (1711), Сенатская (1718), Александро-Невского монастыря (1719), Морской академии (1721). Типографии выпускали учебные и общеобразовательные книги, военную и морскую литературу, технические пособия и календари. Печатная продукция предназначалась для нужд государственных учреждений и учебных заведений.

В период петровских реформ в России сложилась централизованная система книгоиздания. Возникли специализированные центры книгоиздания, которые обслуживали нужды различных ведомств.

За счет жесткого контроля за деятельностью типографий был налажен выпуск книг, отвечающих потребностям государства в учебной, научной и идеологической сферах.

В 1708 году напечатана гражданским шрифтом первая книга – «Геометрия славенски землемерие», которая представляет собой перевод иностранного учебника по геометрии.

В издательской продукции преобладала законодательная и военная литература, но вся она имела учебный характер. Разнообразна была литература по естественным наукам – математике, механике, технике.

Публиковались труды по географии, механике, математике, архитектуре, живописи и т. д. Тематика книг носила в основном познавательно-образовательный характер. В книгах появляются справочный аппарат, иллюстрации, поясняющие текст, элементы дидактики.

По содержанию эти книги можно разделить на несколько групп: церковные – богословские и иллюстрации к ним; литературные – в основном исторические повести и переработки иностранных произведений, информационные – календари и географические пособия, учебные – прописи, азбуки и пособия по ремеслам.

В целом же книга петровской эпохи носила общеобразовательный, познавательно-обучающий характер. Она быстро вошла в быт русских людей, воздействовала на их сознание, на восприятие окружающего мира.

Развитие книгопечатания стимулировало и расширение круга потребителей.

Книги покупали представители различных сословий: военные чины, представители знати и высших кругов дворянства, купцы и посадские люди, дьяки и подьячие. Среди покупателей книг особую группу занимали учащиеся многих учебных заведений, которых интересовали различные области знаний.

Представители высшей духовной иерархии, простые священники, монахи приобретали книги не только религиозного содержания, но и светские, особенно их интересовала историческая тематика.

После создания Академии наук, при ней, в 1726 году была открыта типография, задуманная как центр научного книгоиздания. Академии было предоставлено монопольное право в области гражданского книгоиздания. Верховный Тайный совет от 4 октября 1727 г. повелел «...друкарням быть в Санкт-Петербурге в двух местах, а именно: для печатания указов в Сенате, для печатания же исторических книг при Академии»¹³.

Перечень печатной продукции составлялся Академическим собранием или конференцией – высшим органом Академии наук, состоящим из ученых, которые определяли произведения для перевода, а также рецензировали рукописи. В основе отбора и допуска книг к печати были коллегиальность обсуждения и обоснованные критерии научной новизны излагаемого материала и аргументация идей¹⁴.

В начале своей деятельности типография выпускала труды своих академиков и переводы с иностранных произведений. Постепенно Академия перешла к универсальному книгоизданию: началось печатание учебников, азбук, словарей, разговорников и научно-популярных книг.

Появились оригинальные труды по истории, географии, естественным наукам. В 1745 году издан «Атлас Российской империи», в 1755 году под руководством С.П. Крашенинникова издан научный труд «Описание Земли Камчатки».

Большим вкладом в развитие академического книгоиздания были работы М.В. Ломоносова. Популярностью пользовались книги по истории государства, например, «Краткий Российский летописец с родословием» (1759). «Риторика» М.В. Ломоносова издавалась неоднократно. В 1751г. впервые было издано собрание сочинений М.В. Ломоносова, которое было большим событием в академическом книгоиздании. В результате книгоиздательской деятельности Академии сложилась модель научной книги, и стал намечаться переход от практических знаний к теоретическим разработкам.

Таким образом, развитие книгоиздания и книжной торговли способствовало продвижению книг к массовому потребителю, хотя было понятно, что необходимы изменения в методах работы с книгой.

Для улучшения книжной торговли руководителем книжного дела Академии И.Д. Шумахером была разработана «Инструкция», которая стала **первым документом**, регулирующим книжную торговлю. В этом документе устанавливались скидки, порядок комиссионерства, правила продажи в другие города. Была введена система предварительных заказов, организована систематическая реклама – выпускался «Список разных избранных новых книг».

Вторая половина XVIII века характеризуется дальнейшим укреплением государства. Политика Просвещенного абсолютизма на первых порах способствовала развитию издательского дела. Огромную роль в росте книжной продукции и расширении тематики книг сыграл указ «О вольных типографиях», опубликованный в начале 1783 года и повелевавший «не различать типографий для печатания книг от прочих фабрик и рукоделий». Указ способствовал расширению издательского дела и развитию частной инициативы. С 1784 года появилось много частных типографий в Петербурге, Москве, Астрахани, Владимире, Воронеже, Ярославле, Тобольске, Калуге,

Смоленске – всего в 17 губерниях.

В конце 80-х – начале 90-х гг. обеспокоенная возросшей силой печатного слова, подрывающего устои крепостного права, Екатерина II принимает ряд мер по введению строжайшей духовной цензуры. В 1787 году подписан указ «О запрещении в продажу всех книг, до святости касающихся».

В 1796 году последовал указ о закрытии вольных типографий и введении в четырех русских городах **«столичной цензуры»**, в соответствии с которым просмотру подлежали все издания, выходившие в России.

В 1798 году созданы цензурные учреждения во всех русских портах для просмотра ввозимых в Россию книг, а в 1800 году ввоз иностранных книг был запрещен. Централизация и строгость светской и духовной цензуры, доведенные до крайности, привели к сокращению количества изданий.

Вторая половина XVIII века была концом господства рукописной книги в репертуаре русского читателя. На смену старопечатной книге, обслуживающей почти исключительно нужды церкви, утилитарно-прагматическим изданиям петровского времени пришли книги Академии наук, Московского университета и «вольных типографий» разнообразные по тематике, содержанию, доступные по цене и широко распространяемые в столицах и провинциальных центрах Российского государства.

Петровские реформы и последующая деятельность Академии наук по книгоизданию создали условия для появления качественно новых книг. Началось формирование типовой научной и учебной книги, расширялась тематика изданий, увеличился книгообмен с зарубежными странами.

Во второй половине XVIII века постепенно складывается особая читательская среда из мелких городских ремесленников, купцов, разночинцев, мелкого чиновничьего люда и т. д. «Вратами учености» для этих людей была «Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие» Н.Г. Курганова, напечатанная в 1769 году, а затем под названием «Письмовника» выдержавшая огромное число изданий. «Эта книга была скорее хрестоматией, чем учебником, и содержала в себе массу разнообразнейшего материала, вполне доступного малообразованному читателю»¹⁵.

XVIII век стал переломным периодом в становлении российского печатного дела. В течение одного века, едва научившись выпускать периодику, сравнительно большими тиражами издавать книги, Россия становится страной, где законодательно регламентируются отношения в такой важной сфере, как издание и распространение информации.

Законодательство России о печати создавалось хаотично, спонтанно, отличалось бессистемностью. Однако в его развитие внесли вклад практически все российские правители, которые сразу почувствовали силу воздействия печатного слова на формирование сознания населения. Они стремились определить принципы государственного управления информационными процессами, выработать нормы взаимодействия. Именно первые акты дали толчок развитию правовой базы российского книгоиздательства, становление и преобразование которой продолжается до настоящего времени.

К началу XIX века Россия являлась одной из крупнейших держав Европы. Наблюдаются крупные изменения в экономике, вызванные развитием новых капиталистических отношений в стране. Особенно заметны сдвиги в промышленном производстве. На основе развития мелких промыслов возникает мануфактурное производство.

Реформы, проводимые Александром I, коснулись не только промышленности, но и культуры, народного образования, книгоиздания. В первой половине XIX века был принят ряд мер по ослаблению цензуры: в марте 1801 года отменен запрет на ввоз

книг из-за границы; в 1802 году издается указ, освобождающий литературу от надзора полиции и управы благочиния, отменявший предварительную цензуру.

В 1803 году был основан Вильнюсский университет, к которому перешла типография от Главной литовской школы. Типография была хорошо оснащена и принимала заказы из Петербурга. В 1804 году был учрежден Казанский университет и ему были выделены средства на создание типографии, в которой выпускались книги по экономическим, медицинским, физико-математическим наукам.

В 1805 году был создан Харьковский университет и при нем типография, которая за 5 лет выпустила 600 наименований учебных и научных книг. Типография Киевского университета (1835) в первой половине XIX века выпустила более 250 наименований книг, в основном учебников и учебных пособий для университета¹⁶.

Развитие русской книги первой половины XIX века определялось важнейшими общеполитическими событиями, связанными с войной 1812 года, а также экономическими факторами, вызванными развитием буржуазно-капиталистических отношений. Для этого периода характерно начало массового издания учебной университетской книги.

С 1825 года царская цензура необычайно усилилась, в связи с восстанием декабристов 1825 года. В 1826 году был издан новый цензурный устав, прозванный «чугунным». Устав вводил сложную цензурную систему: Главное управление цензуры при министерстве народного просвещения; Верховный цензурный комитет, состоящий из трех министров – просвещения, внутренних и иностранных дел; Главный цензурный комитет в Санкт-Петербурге; цензурные комитеты в трех крупных городах – Москве, Вильно, Дерпте.

Особенно трудным для русской печати был конец 40-х – начало 50-х годов. В 1848 году в истории книгоиздательства начинается период «мрачного семилетия». В связи с революцией 1848 года на Западе и усилением народных волнений в России, по всей стране усилился полицейский надзор; был создан социальный комитет под названием «Бутурлинского комитета», облеченный исключительными правами, период работы которого получил название «эпохи цензурного террора».

Однако, усовершенствование техники печати, новые открытия и изобретения, внедренные в процесс книгопечатания, развивали книгоиздательское дело.

Отмена крепостного права в 1861 году в России привела к активному развитию промышленности. Стремительно увеличилась протяженность дорог, которые связали административно-территориальные центры империи. Образовались акционерные и коммерческие банки, способствующие развитию торговли, в том числе книжной. Интенсификация экономики повлекла за собой рост общественного движения и развитие науки и культуры русского общества. Изменилась система просвещения, расширилась сеть учебных заведений различного уровня.

Вторая половина XIX века отмечена подъемом научного творчества в России. Выдающиеся русские естествоиспытатели И.М. Сеченов, А.Н. Бекетов, К.А. Тимирязев и др. выступают энергичными популяризаторами научных знаний. В 80-90 годы начинается деятельность новое поколение русских ученых: И.П. Павлов, П.Н. Лебедев, А.С. Попов, Н.М. Пржевальский. Замечательны изобретения и открытия в различных областях техники А.Н. Лодыгина, П.Н. Яблочкова, А.Ф. Можайского.

Передовая русская общественная мысль питала русскую реалистическую литературу, обогатившуюся в эти годы произведениями Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, А.Н. Островского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.А. Некрасова, а также произведениями талантливой плеяды писателей-разночинцев.

Всеобщее недовольство положением печати привело к изменениям в цензурных

правилах. Наступил конец цензурного террора. 6 декабря 1855 года правительство Александра II прекратило деятельность комитета от 02 апреля 1848 года. Были смещены наиболее реакционно настроенные цензоры. В 1857 году создан комитет по выработке цензурного устава взамен устава 1828 года, и в 1865 году издан новый устав, просуществовавший с некоторыми изменениями и дополнениями до первой русской революции.

Центральное место по изданию научных трудов во второй половине XIX века занимала Академия наук. Большое место в общем объеме издательской продукции занимали издаваемые университетами учебники и учебные пособия, тиражи которых достигали 40 тыс. экз. Развитие науки, техники, медицины и искусства определило потребность в специализации издательств, которые, работая с узкой группой читателей, должны были точно определять их потребность, запросы и интересы, тем самым, заполняя пробелы в книжном репертуаре.

Общий подъем экономики страны в результате проводимых реформ и капиталистического развития во второй половине XIX века, выразившийся также в резком увеличении объема книжной продукции, сопровождался и структурными изменениями в тематике книг. Все это сопровождалось ростом книготорговой сети.

Развитие сети железных дорог и улучшение транспортного сообщения способствовало расширению рынка сбыта книжной продукции и в отдаленных районах. Крестьянство – самая многочисленная часть населения – начинает вовлекаться в процесс потребления книжной продукции. Однако положительные перемены сдерживались низким потребительским спросом, что стимулировало издателей и книготорговцев на снижение себестоимости изданий. Для снижения уровня издержек обращения началось объединение их в крупные издательско-книготорговые фирмы.

В XVIII-XIX вв. были заложены основы отечественного вузовского книгоиздания, когда особое внимание стало уделяться созданию университетов, призванных стать научными, учебно-методическими, административными центрами учебных округов. Одновременно с созданием университетов возникают университетские издательства и типографии¹⁷. Созданный в 1805 году издательский комитет Казанского университета был в то время ближайшим в территориальном плане и единственным издательским центром учебно-научного книгоиздания для Поволжья, Урала и Сибири¹⁸. Во многом именно он определил издательскую активность сибирских авторов и заложил основы сибирской региональной системы вузовского книгоиздания. Созданный в 1888 году Томский университет приступил к формированию собственной издательско-полиграфической базы, которая положила начало научному, а впоследствии учебному книгоизданию в регионе.

Все университеты России в этот период имели автономное управление и создавали издательства, типографии и книготорговые структуры по выпуску и распространению учебной и научной литературы с ориентацией на профессорско-преподавательский состав.

Кроме того, по закону 1865 года труды научных обществ в провинциальных городах могли выходить в свет без предварительной цензуры на основании разрешения местных властей.

Таким образом, в XVIII-XIX вв. начинает закладываться основа системы вузовского книгоиздания, под которым понимается совокупность специальных организаций и подразделений, занимающихся подготовкой и выпуском в основном учебной и научной литературы, являющейся базой программно-методического обеспечения академического процесса в высшей школе. На рубеже XIX–XX веков Российская империя, преодолевая вековую отсталость и последствия пореформенного кризиса,

вступила в новую эпоху.

Промышленный переворот 80-90-х годов создал условия для внедрения капиталистического уклада в экономическое развитие страны, однако это не обеспечивалось соответствующим ростом социального уровня общества.

С 1900 по 1917 годы две войны и три революции оказали существенное влияние на книгоиздательское дело. К 1913 году книгоиздание увеличило объем выпускаемой продукции, и Россия вышла на одно из первых мест в мире по количеству выпускаемых книг.

В годы первой мировой войны наметился спад в книгоиздании: сократился парк полиграфических машин, снизилась производительность труда, спрос на художественную литературу резко упал. Спросом пользовалась литература о войне, патриотические и исторические сочинения. Выходило много малообъемных и малоформатных изданий агитационного и пропагандистского характера. По характеристике этого периода Н.А. Рубакиным, это был «Брошюрный поток»¹⁹.

В сложившихся условиях, при нарастающем потоке изданий, назрела необходимость научного осмысления возникающих книговедческих проблем. Русское библиографическое общество (1900–1930 гг.) и Русское библиологическое общество (1899–1930 гг.) проводили теоретические книговедческие исследования по вопросам научной терминологии, понятийному аппарату и методологии книговедения, основы которого были заложены Н.М. Лисовским.

Назрела необходимость объединения интересов книгоиздателей и книготорговцев. В 1909 году состоялся Первый Всероссийский съезд книгоиздателей и книготорговцев, который в своей работе сделал основной упор на правовые и экономические проблемы. Однако узко корпоративные интересы помешали добиться какого-либо положительного результата. Тем не менее, власти были обеспокоены, что съезд решает вопросы издания «...литературы агитационного (прогрессивного) характера»²⁰.

В 1912 году состоялся II Всероссийский съезд книгоиздателей и книготорговцев, на котором было принято около сорока резолюций по различным проблемам книжного дела, был поднят вопрос о регистрации книжных предприятий с целью получения информации о состоянии книжного рынка, что давало возможность управлять им²¹. Съезд положил начало систематизации и **централизации** книжного дела. В условиях неравномерного развития, спадов и трудностей, рассматриваемого периода назрела насущная необходимость регламентации многосторонней деятельности книгоиздательских и книготорговых предприятий.

Период между Февральской и Октябрьской революциями характеризуется полной свободой слова без всяких ограничений. Создается масса новых издательств, издающих пропагандистскую литературу. Каждая партия и политическая группировка стремилась внедрить в массы свою идеологию. Спрос на книги под влиянием социальных и политических изменений в стране возрос во много раз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базылеева Е.А. Издательская деятельность научных учреждений и вузов Сибири. Вторая половина XIX – начало XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук: ГПНТБ СО РАН. Н., 2001.
2. Баренбаум И.Е. История книги. М.: Книга., 1984. С. 239.
3. Белинский В.Г. Собрание сочинений. СПб., 1903. Т. 6.
4. Блюм А.В. Массовое чтение в русской провинции конца XVIII – первой четверти XIX века. // В кн. История русского читателя. Л., 1973. Вып. 1. С. 49-54.
5. Бородин А.В. Московская гражданская типография и библиотекар Киприановы // Труды ин-та книги, документа и письма. М., 1936. Т. 5. С. 64-78.
6. Ботвинник М.Б. Историография изучения «Азбуки» Ивана Федорова в СССР. В кн.: Книга, библиотеч-

- ное дело и библиография в Белоруссии. Минск, 1974. С. 93-114.
7. Второй Всероссийский съезд книгоиздателей и книготорговцев. Дневник. Вып. 1-5. 1912.
 8. Говоров А.А., Куприянова Т.Г. История книги. М., 2001. 335 с.
 9. Динерштейн Е.А. Корпоративные объединения русских книжников // Сб. «Книга «Исследования и материалы». 1993. С. 152-164.
 10. Ильин Г.И. В зеркале собственной истории // Высшее образование в России. 1997. № 1. С. 27-34.
 11. Костюхина Л. М. Русские рукописные книги – книжное письмо рубежа XIV–XV вв. (по материалам ГИМ) // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 194-200.
 12. Лихачев Д.С. Культура русского народа X–XII вв. М., 1961. 190 с.
 13. Ломоносов М.В. Сборник статей и материалов. Л., 1951. Т. 2.
 14. Михайлов Г.Г. О проблемах создания современных учебников для вузов. Проблемы вузовского учебника: Труды научно-методической конференции. М., 2002. С. 3-5.
 15. Мильчиков А.С. Культурно-историческое значение рукописной книги в период становления книгопечатания // Сб. «Исследования и материалы». 1964. Вып. 9. С. 51-55.
 16. Розов Н.Н. Старейший болгарский «Изборник» и его рукописная традиция // Изв. АН СССР. Сер.: Литература и язык. 1969. Т. 28. Вып. 1. С. 78-82.
 17. Рубакин Н.А. Этюды о русской читающей публике. Факты, цифры, наблюдения. СПб., 1895.
 18. Сапунов Б.В. Некоторые соображения о древнерусской книжности XI–XIII веков // Труды отдела древнерусской литературы ПС РЛ. 1955. Т. XI. С. 315-323.
 19. Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII–XV вв. М., 1992. 157 с.
 20. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. М., Л., 1962 – Т. 1.
 21. Тимофеев Н.С. Рождение российского университетского книгоиздания // Университетская книга. Декабрь, 1996. С. 18-21.

Сноски и примечания:

1. Ильин Г.И. В зеркале собственной истории // Высшее образование в России. 1997. № 1. С. 27-34.
2. Михайлов Г.Г. О проблемах создания современных учебников для вузов. Проблемы вузовского учебника: Труды научно-методической конференции. М., 2002. С. 3.
3. В.Г. Белинский Собрание сочинений. СПб, 1903. Т. 6. С. 358.
4. Розов Н.Н. Старейший болгарский «Изборник» и его рукописная традиция // Изв. АН СССР. Сер.: Литература и язык. 1969. Т. 28. Вып. 1. С. 78.
5. Сапунов Б.В. Некоторые соображения о древнерусской книжности XI–XIII веков // Труды отдела древнерусской литературы ПС РЛ. 1955. Т. XI. С. 323.
6. Костюхина Л. М. Русские рукописные книги – книжное письмо рубежа XIV–XV вв. (по материалам ГИМ) // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 194-200.
7. Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII–XV вв. М., 1992. С. 154-157.
8. Ботвинник М.Б. Историография изучения «Азбуки» Ивана Федорова в СССР. В кн.: Книга, библиотечное дело и библиография в Белоруссии. Минск, 1974. С. 93-114.
9. См. Баренбаум И.Е. История книги. М.: Книга, 1984. С. 39.
10. Мильчиков А.С. Культурно-историческое значение рукописной книги в период становления книгопечатания // Сб. «Исследования и материалы», 1964. Вып. 9. С. 51.
11. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. М., Л., 1962. Т. 1. С. 92.
12. Бородин А.В. Московская гражданская типография и библиотекари Киприяновы // Труды ин-та книги, документа и письма. М., 1936. Т. 5. С. 64.
13. Хрестоматия по истории книги. Ч. 1 / Сост. Т.Г. Куприянова, О.В. Андреева. М. С. 23.
14. См. Говоров А.А., Куприянова Т.Г. История книги. М., 2001. С. 134-135.
15. Блюм А.В. Массовое чтение в русской провинции конца XVIII – первой четверти XIX века. // В кн. История русского читателя. Л., 1973. Вып. 1. С. 49.
16. См. Говоров А.А., Куприянова Т.Г. История книги. М., 2001. С. 164.
17. Тимофеев Н.С. Рождение российского университетского книгоиздания // Университетская книга. Декабрь, 1996. С. 18-21.
18. Базылеева Е.А. Издательская деятельность научных учреждений и вузов Сибири. Вторая половина XIX– начало XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук: ГПНТБ СО РАН. Н., 2001. С. 133.
19. Рубакин Н.А. Этюды о русской читающей публике. Факты, цифры, наблюдения. СПб., 1895.
20. Динерштейн Е.А. Корпоративные объединения русских книжников // Сб. «Книга «Исследования и материалы». 1993. С. 152.
21. Второй Всероссийский съезд книгоиздателей и книготорговцев. Дневник. Вып. 1-5. 1912.

A. Afanasiev

DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL BOOK PUBLISHING IN SYSTEM OF EDUCATION AND VOCATIONAL TRAINING OF RUSSIA

Abstract: The author considers the appearance and evolution of education books publishing in the development of education and professional education in Russia. Basing on the analysis of large actual materials, the author comes to the conclusion that the high school books publishing system fundamentals, consisting of the combination of special organizations and divisions, carrying on preparation and publishing educational and scientific literature, which are the base of program-methodical process in the high school. Book business systematization and centralization is initiated. In the conditions of irregular development, falls and difficulties during the considered period, the necessity of multilateral education books publishing activities became a long felt need.

Key words: Educational book publishing, vocational training, maintenance of high school training, regulation of book business.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ОБ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И ПРИУРАЛЬЕ 1917–1922 гг.*

Аннотация: В статье анализируются новейшие документальные публикации по истории аграрных преобразований 1917–1922 гг. в деревне Среднего Поволжья и Приуралья. Выявлены основные тенденции публикаторской практики, тематика изданий, видовой состав документов, их источниковедческое значение. Определены основные перспективы дальнейшего развития ввода документальных источников в научный оборот.

Ключевые слова: Археография, архивная революция, документальные публикации, исторические источники, крестьянство, аграрные преобразования.

Археографический бум, наблюдающийся в отечественной историографии последние примерно двадцать лет, стал к настоящему времени предметом для обобщающих и тематических исследований. В научном обиходе появилось новое понятие – «архивная революция», вторая содержательная сторона которого, помимо «открытия» архивов, прочно ассоциируется с изданием исторических источников, недоступных или не полностью разрешенных к пользованию ранее. Интерес к прошлому не ограничился разработкой документальных комплексов центральных архивов, вызывавших первоначально повышенный интерес общественности. Активизировавшаяся эдиционная практика вовлекла в этот процесс региональные архивные учреждения, вузы, краеведческие организации. Приметой времени стала индивидуальная инициативность в выборе тематики изданий. Особенно наглядно данный процесс проявился в развитии журнальной археографии. Сборников документов и материалов по истории областей и республик и более крупных регионов издано сравнительно немного, большинство из них появляются со второй половины 1990-х годов, не все отличаются тематической и видовой новизной, часто выполняя функции наполнения традиционных тем дополнительными источниками, преимущественно общественно-политической направленности. На этом фоне не последнюю роль во вводе в научный оборот новых источников об аграрных преобразованиях 1917–1922 гг., более известных как период аграрной революции, сыграли и продолжают играть археографы поволжско-приуральского региона [1, 22].

Изменение историографической ситуации в советском, затем российском общественном знании на рубеже 1980-х – 1990-х годов, закономерно определило расстановку новых акцентов в отечественном и мировом крестьяноведении. Историки впервые получили возможность обратиться к ранее абсолютно недоступным материалам вышших партийно-государственных и исполнительных органов, документов спецслужб (ВЧК и ее приемников), армии. Вновь стали «несекретными» отдельные части фондов других государственных учреждений в центре и на местах. Открывающиеся возможности объективно трансформировали конкретно-исторические исследования в

* Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИИ». Направление 8. Музейные и архивные фонды: изучение, введение в научный оборот, обеспечение нового качества доступа к культурному наследию. ПРОЕКТ: Новые источники по истории и культуре финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья.

© Иванов А.А.

археографо-источниковедческие, а самих ученых на время превратили в публикаторов. Возникло «новое направление» проблем, заключающееся именно в публикации источников. Активный интерес к новым архивным документам привел к появлению не только новых, в том числе и фундаментальных публикаций, не просто наполнил «старые» знания «новым» содержанием, но потребовал и переосмысления прежних подходов к событиям в России в первой половине XX в., к появлению новых концепций прошлого крестьянства на переломных поворотах истории, включая период аграрной революции [2].

Столь значительные практические и теоретические достижения стали возможны благодаря изменениям в организации археографической деятельности, развивающейся по двум направлениям. С одной стороны, тесное сотрудничество российских и зарубежных историков с архивными учреждениями, серийные публикации документов в рамках также интернациональных проектов под эгидой центральных научных и архивных учреждений, с другой – инициативные проекты региональных исследователей, не связанных организационно с крупными научными центрами, но занимающихся по схожей проблематике с опорой на местные архивы.

В 1992 г. по инициативе В.П. Данилова началась разработка двух проектов, предполагавших выявление и публикацию новых источников по истории советского крестьянства, одно из главных мест в которых отводилось 1917–1922 гг.: 1) «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.», 2) «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939 гг.».

Первый проект был поддержан, помимо Института российской истории РАН, Междисциплинарным академическим центром социальных наук (Интерцентром). В рамках программы проекта предполагалось опубликовать десять сборников документов о крестьянских восстаниях в Тамбовской губернии, Поволжье, Европейской России в 1918 г., махновщине, крестьянском и приговорном движении начала XX в., продовольственном положении деревни накануне 1917 г. и др. [3, 563–564]. Большая часть из задуманного была реализована.

Принципиально важное значение для изучения аграрной революции в рассматриваемом регионе имеет сборник документов о крестьянском движении в Поволжье в 1919–1922 гг. [4]. В этом издании впервые в научный оборот вводится огромный пласт документов о совершенно неизвестных или искажавшихся ранее страницах крестьянского сопротивления аграрной политике Советской власти. Публикуемые в сборнике почти семьсот документов в корне меняют сложившиеся ранее стереотипы о крестьянском движении, как о кулацких выступлениях. Поддержав первоначально антипомещичью земельную программу блока большевиков и левых эсеров в 1917 – первой половине 1918 г., крестьянство одной из житниц страны – Среднего и Нижнего Поволжья, столь же непримиримо отказалось выполнять военно-коммунистические мероприятия в области продовольственной политики, военные мобилизации и различные повинности уже с середины 1918 г. и вплоть до введения новой экономической политики. Документы сборника последовательно, день за днем, показывают периоды спадов и подъемов в этом трагическом и жесточайшем противостоянии.

Уникальностью издания и одной из главных причин его содержательной ценности является широкое привлечение документов как центральных (РГВА, РГАСПИ, ГА РФ, ЦА ФСБ), так и местных архивов (всего 14-ти) Самарской, Саратовской, Пензенской, Ульяновской областей, башкирской, мордовской и татарской республик. Таким образом, почти полностью были охвачены регионы под которыми в историко-экономической литературе понимаются территории Среднего и Нижнего Поволжья и частично Приуралья. В то же время, составители не использовали документы архивохра-

нилищ Республики Марий Эл и Чувашской Республики, которые могли бы дополнить выявленный комплекс.

Особую ценность издания составляют документы непосредственно повстанцев-крестьян, дошедшие до нас в очень незначительном количестве и применительно к наиболее значимым проявлениям возмущения, таким как «Чапанная война», движение «Черного орла», «Красной армии Правды» (Сапожкова) и некоторым другим. Все известные публикаторам протестные документы здесь представлены. Не менее значимы документы «пассивного» крестьянского сопротивления: резолюции, указы, жалобы, заявления и т.п.

Сборник документов о крестьянском движении в Поволжье по своему содержанию, подбору и количеству документов (свыше пятисот), имеет взаимодополняемую связь с первым томом российско-французской документальной серии «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939 гг.». Издание ориентировано на публикацию совершенно неизвестных видов источников. Несмотря на то, что внутри первого, как и последующего томов, отсутствует какая-либо территориальная градация, а выбран исключительно хронологически-страноведческий принцип отбора документов с более или менее значительными выдержками сведений аграрной тематики, информация о поволжской деревне, начиная от Нижегородской до Астраханской губерний, одна из наиболее представительных на всех уровнях (губерния, уезд, волость, селение). Специфика периода, выбранного для первого тома, целиком совпавшая со временем аграрных преобразований 1917–1922 гг., в значительной степени предопределила его содержание. Активное и пассивное крестьянское сопротивление – такова главная составляющая документального материала этого тома, в котором представлены оперативные и аналитические документы ВЧК–ГПУ за 1918–1922 гг. и частично материалы комиссариатов по военным делам и внутренних дел, выявленные в Центральном архиве ФСБ РФ и Российском государственном военном архиве: документы местных органов ВЧК за 1918–1920 гг. (двухнедельные и месячные информационные сводки губчека, доклады с мест), документы центрального аппарата ВЧК–ГПУ за 1919–1922 гг. (информационные недельные сводки секретного отдела, госинформсводки информотдела), документы особых отделов армий за 1919–1920 гг., документы по борьбе с повстанцами войск ВЧК–ВНУС за 1918–1922 гг. и др. Начиная с 1921 г. особое место стали занимать госинформсводки, являвшиеся базовым документом для составления других информационных материалов [5].

Противостояние российской деревни и советских мероприятий в аграрной сфере, как составная часть общественно-политической сельской действительности периода крестьянской революции, получили частичное освещение в сборниках документов по истории краев и областей в новейший период. По поволжскому региону подготовлено два подобных издания: по Нижегородской и Самарской губерниям.

Примечателен своим замыслом первый том серии «Общество и власть. Российская провинция», работа над которым ведется с участием архивных ведомств Нижегородской области [6]. При его подготовке был привлечен широкий пласт рассекреченных фондов областных госархива и центра документации новейшей истории. Преимущественное внимание было уделено засекреченным прежде документам губернского и уездных комитетов РКП(б), а также советских учреждений.

Вопросы возникают при знакомстве со структурой книги. На наш взгляд, в ней трудно разглядеть четкую концепцию редколлегии о соотношении историко-культурологических понятий власть/общество. Сборник скорее напоминает не единое по замыслу и подаче материала издание, а совокупность документальных подборок, выражающих авторские трактовки общественно-политических реалий того или иного

периода советской истории в рамках традиционной периодизации. Об этом свидетельствуют достаточно пространные предисловия к каждому из разделов, произвольная тематика и объем последних, как следствие – такие казусы, как двойные публикации документов и различия в оформлении научно-справочного аппарата. Для аграрной истории губернии 1917–1922 гг. том интересен небольшими сводами документов из разделов «Первый год диктатуры партии коммунистов в Нижегородской губернии» и «Политическая обстановка в губернии в годы Гражданской войны».

В сборник документов и материалов о Самарском Поволжье в XX веке, подготовленный сотрудниками Самарского госуниверситета и основанный на местных архивных материалах, а также документах ГА РФ и РГИА, включены новые источники по истории губернии/области за все столетие [7]. Значительная их часть вошла в разделы по довоенному периоду. Для историков-аграрников небезынтересными могут оказаться документы о сломе имперского аппарата управления, организации и деятельности демократических, в том числе и крестьянских, органов самоуправления в губернском центре, уездах и волостях (съездов делегатов, различных комитетов), начиная со свержения монархии. Все это в разделе «1917 год в Самарском крае». Большим достижением сборника следует признать включение во второй его раздел – «В огне гражданской войны» – документов о крестьянском повстанческом движении против большевизма в 1919–1920 гг. Пожалуй, это первая относительно представительная публикация документов и лагеря восставших, и противостоящих ему государственных органов.

При всем положительном значении современных публикаций, ориентированных на ввод в научный оборот, прежде всего, совершенно неизвестных и засекреченных долгие годы документов партийно-государственных и военно-карательных организаций и учреждений, они страдают тем объективным недостатком, что изначально имели в виду показ общественно-политической действительности в ее различных ипостасях. Социально-экономическая тематика и на новом историографическом этапе остается без должного внимания публикаторов.

По Поволжью картина мало отличается от прочих крупных регионов, но именно здесь впервые стали появляться издания и по экономической составляющей аграрных преобразований первых лет Советской власти. Следует отметить несколько изданий, появившихся уже в XXI веке, охвативших территории Марийского края и Чувашии.

Книга «Первая советская весна в деревне» [8] была задумана как тематическая публикация с целью показать реализацию на практике одного из двух основополагающих программных лозунгов крестьянской революции – «Землю крестьянам!». Документы сборника ограничены 1918 годом, которому отводится роль одного из революционных этапов – времени номинального действия Декрета о земле (октябрь 1917 г.) и Основного закона о социализации земли (январь 1918 г.). В сборник включено 182 документа. Их номенклатура не нова в отечественной археографии. Это документы различных уровней складывающейся в 1918 г. властной пирамиды, такие как протоколы заседаний съездов депутатов, исполкомов, земельных органов; их постановления, распоряжения, предписания, вообще, объемная вертикальная и горизонтальная делопроизводственная переписка; значительный блок отчетно-справочной документации по вопросам землеустройства с сопутствующими и отдельно взятыми статистическими сведениями. Положительные качества издания заключаются в максимально полном освещении на конкретно-историческом материале хода земельных преобразований первых революционных лет в одном из локальных районов многонационального Поволжья.

Последующие издания были подготовлены в учрежденной Марийским археогра-

фическим центром серии «История и культура народов Марий Эл в документальных памятниках». Некоторые из них относятся к достаточно редко встречающимся по истории советского крестьянства публикациям документов одной разновидности.

В частности, в первый по хронологии сборник включены опросные листы (анкеты) из ведомства ЦСУ РСФСР, датируемые 1922 г. и посвященные характеристике земельных отношений сельского населения в ретроспективном проблемно-сопоставительном плане [9]. В территориальном плане охватывают Марийскую автономную область с включением в приложение отдельных экземпляров по марийским общинам Вятской, Нижегородской, Пермской и Уфимской губерний. Информативная ценность подобных источников до последнего времени до конца не была оценена исследователями (анкеты были заполнены не менее чем по половине губерний европейской части страны). Между тем, тематическая полнота охвата заданной проблемы в анкетах ЦСУ достойна повышенного внимания историков-аграрников интересующихся пред- и послереволюционной деревней. Надельное, помещичье и прочее «нетрудовое» землеустройство до 1917 г., перераспределение некрестьянских земель в революционный период, земельные переделы после 1917 г., способы и формы «современного» землепользования, аренда земли – таков перечень лишь части тематических блоков опросных листов, разделенных на 21 пункт и 75 вопросов [10, 323]. Источник имеет потенциальные возможности для рассмотрения крестьянского землеустройства в социально-этнической плоскости. Уникальность анкет заключается в их авторском происхождении и значительном представительстве в структуре «открытых» вопросов. В большинстве случаев респондентами выступали сами земледельцы, непосредственно знакомые с сельскохозяйственной действительностью.

Сборник документов о крестьянской общине в 1918–1922 гг., ее роли в регулировании земельных отношений многонационального крестьянства Поволжья, целиком построен на основе документации сельских сходов всех трех уездов Марийской и одного (Чебоксарского) – Чувашской автономных областей [11].

Общеизвестна источниковедческая ценность общинной документации, определяемая ее происхождением и характером. Это источники, которые возникают непосредственно в крестьянской среде и несут на себе отпечаток ее социального быта, традиций, взглядов и устремлений. В них нашли выражение жизнь общины, ее повседневное функционирование. Документы сельского схода конкретны, они вне рамок усредненных величин, обобщающих представлений, непосредственно приближают исследователей к массовым участникам исторических деяний, а их множественный характер, устойчивый формуляр и относительная периодичность принятия, репрезентативны и отвечают требованиям, предъявляемым к массовым документальным комплексам. Общинные приговоры и близкие к ним документы позволяют значительно расширить представление о бытовавшей в годы аграрной революции земельной практике, влиянии на нее природно-географических, исторически сложившихся социально-экономических и этнических традиций и условий, новых веяний и изменений.

В отечественной археографии неизвестно ни одного издания в столь полном объеме реконструирующего низовой уровень крестьянского правотворчества по вопросам конкретного территориального землеустройства. В сборник включено 219 документов из 31 фонда марийского и чувашского госархивов. Среди них: приговоры и протоколы сходов сельских обществ, отдельных групп домохозяев, сельских комитетов и советов, а также различные переходные формы мирского делопроизводства в виде «постановлений», «журнальных постановлений», «договоров», «резолуций» и т.п. Использование подобных источников в исторических исследованиях, их архео-

графический и источниковедческий анализ, следует признать по-прежнему недостаточным в трудах по истории крестьянства России.

Уникальными в своем роде представляются и первые два выпуска издания «Революция 1917–1918 гг. в Марийском крае», каждый из которых посвящен определенному уезду и основан на публикации материалов съездов крестьянских депутатов 1917 – первой половины 1918 г., начиная с протоколов заседания и включая все «околосъездовские» документы [12; 13]. Сама идея составителей была основана на стремлении показать своего рода микроисторический срез повседневной жизни российской провинции в условиях глобальных социальных потрясений. Как представляется, использование для этих целей документов одной разновидности, но не выборочно, а в полном объеме, объективно, явится более достоверным изображением жизни уездного российского социума, чем тематические публикации. Еще один момент, вскрывшийся в ходе работы над названными выпусками – наличие заметной разницы в протекании революционных процессов и отношения к ним местного населения даже в двух соседних уездах, что сказалось, в том числе, на номенклатуре и количестве сохранившихся документальных исторических свидетельств.

Первый выпуск посвящен Царевококшайскому уезду. В состав сборника включен 71 документ. В сборник, посвященный Козьмодемьянскому уезду, вошли 154 документа, включая большое количество удостоверений и списков делегатов [14, 42–43].

В целом, крестьянские съезды и советы революционной эпохи оставили после себя достаточно представительное наследие самых разнообразных документальных материалов. Выполняя функции уездного парламента, съезды крестьянских депутатов должны были реагировать на все злободневные проблемы современности от мирового до узкожитейского уровней. Показом своего рода хроники повседневной провинциальной жизни в условиях глобальных социальных потрясений и определяется главная источниковедческая ценность протоколов крестьянских съездов.

Достигнутые за сравнительно, по историографическим меркам, небольшой срок конца 90-х годов XX – первых лет XXI в. результаты деятельности историков и архивных работников в выявлении, изучении, подготовке к изданию и публикации источников по истории крестьянства Поволжья в период аграрной революции 1917–1922 гг., нельзя не признать значительными. Новые документы существенно уточнили, а по отдельным позициям пересмотрели прежние концепции истории революций в России. На этой базе резко активизировался интерес исследователей к аграрной проблематике в целом, открылись новые плоскости многогранной истории многонационального крестьянства региона. Причем большинство их еще не знает своих исследователей. Первостепенная задача поиска и публикации архивных материалов остается по-прежнему актуальной. Дальнейшие перспективы работы в этом направлении объективно диктуются необходимостью переноса центра тяжести (естественно не в ущерб прочим составляющим) и на социально-экономическую проблематику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Иванов А.А. Крестьянство Поволжья в аграрной революции 1917–1922 гг.: новые источники, современные публикации / А.А. Иванов // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. Чебоксары, 2005. № 3. С. 22–38.
2. Данилов В.П. Проблемы отбора и публикации рассекреченных документов по истории советского крестьянства / В.П. Данилов // Проблемы публикации документов по истории России XX века. Материалы Всероссийской научно-практической конференции научных и архивных работников. Москва, 1–2 июня 1999 г. М., 2001. С. 63–70.
3. Данилов В., Мякинков С., Никулин А. Хроника Центра крестьяноведения и аграрных реформ (1990–2001 гг.) / В. Данилов, С. Мякинков, А. Никулин // Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие

- исследований сельской России. М., 2002. С. 562–568.
4. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922. Документы и материалы / Ответственные редакторы В.П. Данилов, Т. Шанин. М.: РОССПЭН, 2002. 944 с.
 5. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: В 4 т. / Под. ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 1. 864 с.
 6. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1980-е годы: По материалам нижегородских архивов: В 3 т. / Отв. ред. тома А.А. Кулаков, Ж.-П. Депретто. М.; Нижний Новгород; Париж: Ин-т российской истории РАН, 2002. Т. 1. 640 с.
 7. Самарское Поволжье в XX веке: Сборник документов и материалов / Ред. Н.Н. Кабытова, А.В. Храмов. Самара: Изд-во Самарского НЦ РАН, 2000. 512 с.
 8. Первая советская весна в деревне: Крестьянство Марийского края и земельный вопрос в 1918 году: Документы и материалы / Сост., науч. ред., предисл., коммент. А.А. Иванова. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2002. 410 с.
 9. Анкеты ЦСУ РСФСР о землепользовании в Марийской автономной области (1922 г.): Сборник документов / Сост. А.А. Иванов. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2004. 276 с.
 10. Иванов А.А. Опросные листы Отдела земельной статистики ЦСУ РСФСР 1922 г. как источник по истории аграрной революции в деревне Марийского края / А.А. Иванов // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: Материалы I Всероссийской (IX межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья 12–13 мая 2006 г. Самара, 2007. С. 319–325.
 11. Община в аграрной революции: Документы сельского схода о земельных отношениях в национальной деревне Поволжья (1918–1922 гг.) / Сост. А.А. Иванов. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2005. 372 с.
 12. Революция 1917–1918 гг. в Марийском крае: (По материалам уездных съездов крестьянских депутатов). Вып. 1. Царевококшайский уезд / Отв. ред.: А.А. Иванов, С.В. Стариков. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2006. 232 с.
 13. Революция 1917–1918 гг. в Марийском крае: (По материалам уездных съездов крестьянских депутатов). Вып. 2. Козьмодемьянский уезд / Отв. ред. А.А. Иванов, С.В. Стариков. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2007. 148 с.
 14. Иванов, А.А., Стариков, С.В. Документальные публикации по истории органов крестьянского представительства в Марийском крае в 1917–1918 гг. / А.А. Иванов, С.В. Стариков // Отечественные архивы. 2008. № 5. С. 39–47.

A. Ivanov

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE PUBLICATION OF HISTORICAL SOURCES ABOUT AGRARIAN TRANSFORMATIONS ON THE AVERAGE THE MIDDLE VOLGA AND URAL REGIONS 1917-1922

Abstract: The article is devoted to study new documentary publications on history of 1917-1922 agricultural reforms in the village of Middle Volga and Ural regions. The author of the article studies publication subject-matters, types of documents and source study significance. Basic tendencies of document publications on history of peasantry are defined in the paper.

Key words: archives revolution, document publications, historical sources, peasantry, agricultural reforms.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В 1917-1991 гг.*

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу принципов взаимодействия государственной власти и научной общественности Советской России в 1917-1991 гг. Автором выявлены и показаны приоритеты политики советского государства в сфере организации научных исследований, рассмотрены тенденции и противоречия развития сети научных учреждений в стране, проанализирована эволюция политических взглядов научной интеллигенции.

Ключевые слова: наука, государственная власть, научная политика, научно-технический прогресс, научная интеллигенция.

В последние годы Россия переживает кардинальную трансформацию всех сфер жизни общества, включая власть и науку. Серьезные реформы коренным образом изменили характер и направленность научных исследований, саму модель развития научного сообщества. В этих условиях большой научный интерес и непосредственную практическую значимость приобретает изучение опыта взаимодействия государства и науки на различных этапах отечественной истории и, особенно, в ее переломные моменты, когда обновлявшаяся власть определяла и выстраивала новую политику в отношении науки, имея целью изменение модели ее организации и функционирования.

Изучение государственной политики по организации и развитию научных исследований представляет не только научную важность, но и немалый практический интерес в деле реформирования гуманитарных и естественных наук, выработке принципиально новой модели их взаимоотношений с государством. Если до настоящего времени это реформирование было в значительной мере спонтанным, то анализ исторического опыта мог бы придать ему более организованный, целенаправленный и менее болезненный характер. Некоторые из исторически апробированных каналов и методов взаимодействия власти и науки могут быть успешно адаптированы к современности.

В Советской России действовал жесткий государственный контроль над развитием научных исследований. Даже семантика словосочетания «советская наука» со всей определенностью указывает на ее государственный статус. Хотя любое государство обладает привилегией в отношении производства и распространения знаний, советское государство было абсолютным монополистом в этой области. Выступив в широком смысле создателем качественно новой социально-политической и экономической системы в пространстве бывшей Российской империи, советская власть в узком смысле сформировала особый тип науки и интеллектуально-культурной жизни как элементы этой системы [1].

Наука в Советской России использовалась в интересах социалистической модернизации, преодоления научно-технического отставания от развитых стран Запада, обеспечения экономической самодостаточности государства. Посредством законодательного регулирования и госбюджетного финансирования государство последовательно управляло системой организации научной деятельности, регулировало со-

* © Караулов С.А.

циальный состав и численность научного сообщества.

Приоритеты политики советского государства в сфере организации научных исследований сформировались в сложных условиях первых послереволюционных лет, которые характеризуется с одной стороны высылкой представителей «буржуазной» науки за рубеж, с другой – активным участием лояльной научной интеллигенции в общественно-политической жизни страны. Определенная политизация научного сообщества в 1920-е гг. объясняется вынужденной борьбой ученых за сохранение основ старых научных школ. Одновременно происходил неизбежный в советских условиях переход от социального типа элитарного ученого дореволюционной формации к новой «красной профессуре», ориентированной на социалистическую модернизацию общества.

После победы большевиков в революции и гражданской войне начинается новый этап в развитии социально-гуманитарных наук, происходит рождение новой системы гуманитарного знания, противостоящего логике и элементам старой дореволюционной системы [2]. При этом, несмотря на внешнюю оппозиционность, советское общественное сознание во многом сочеталось с теорией и концепциями дореволюционного времени, сохранялись некоторые традиции, определенная преемственность профессиональных кадров и исследовательской проблематики. В рамках утвердившейся и заработавшей новой системы, элементы включенной в нее старой приобрели иной смысл и другое функциональное предназначение.

Сразу после революции в условиях преодоления общегосударственного кризиса остро встала проблема взаимоотношений власти и «старой» научной интеллигенции. Осознавая всю сложность ситуации, политическое руководство молодой Советской республики сделало вынужденную ставку на укрепление сотрудничества между властью и «старой» научной элитой страны [3]. Призывая ученых активно включиться в социалистическое строительство, Г.М. Кржижановский писал в 1928 г.: «Мы глубочайшим образом убеждены, что если научные работники, работая с нами, проанализируют действительность, то увидят, как красноречиво говорит она, что будущее за нас» [4]. Используя потенциал «старой» научной интеллигенции, партия одновременно формировала новые научные кадры, подготовленные в советских вузах [5].

Власть стремилась обеспечить оптимальный баланс между развитием материального производства и демографической сферой, эффективнее использовать кадровые возможности каждого района, в том числе малых и средних городов [6]. Правительство всеми методами добивалось максимально активного участия научной интеллигенции в идейно-политической и производственной жизни страны [7].

В 1920-е гг. происходило непростое сочетание и взаимодополнение старого и нового научных укладов. Сформировавшаяся на этом этапе качественно новая модель отношения власти и науки может быть определена как неравноправное партнерство. Хотя наука испытывала усиливавшееся влияние большевистской идеологии, ее характерной чертой в 1920-е гг. оказался плюрализм во всех аспектах: теоретико-методологическом, институциональном и кадровом, в принципах и системе профессиональной подготовки.

Идеологическое давление на ученых старой школы объективно усилило позиции нового поколения молодых специалистов, чья творческая инициатива, особенно в гуманитарных науках, была полностью ограничена официальным политическим заказом. Активные дискуссии в гуманитарных науках рубежа 1920-х и 1930-х гг. часто выходили за рамки обсуждения методологических аспектов профессионального знания. Они без преувеличения стали коренным переломом, ознаменовав завершение генезиса советской науки и положив начало ее существованию как относительной це-

лостной системы [8].

1930-е гг. стали наиболее критическим периодом взаимодействия власти и научного сообщества. Политический контроль над наукой достигался благодаря широкому распространению выдвиженчества, лишения ученых права заниматься профессиональной работой, агентурной деятельности спецслужб с целью выявления политически неблагонадежных специалистов. Подчинение научного сообщества государственному аппарату стало неотъемлемой частью «великого перелома» в развитии страны.

В 1930-е гг. в общих чертах сформировалась система идеологического контроля над дисциплинами социально-гуманитарного цикла [9]. В дальнейшем развитии советского социогуманитарного знания выделяются два хронологических периода: с конца 1930-х по середину 1950-х гг., когда превалировала модель государственного диктата в отношении науки; и с середины 1950-х до середины 1980-х гг., когда отношения государства и науки приобрели нормальный (в контексте советской системы) характер. Изменение в отношении власти к науке были связаны с эволюцией самой политической системы страны, которая от революционного самоутверждения перешла к стабилизации своего развития. Государственный диктат постепенно сменился патерналистским отношением к науке.

Государственный патернализм в естественных науках позволил мобилизовать усилия научного сообщества на нужды индустриализации, создание эффективного военно-промышленного комплекса, обеспечить решающий перевес советской науки в переломные годы Великой Отечественной войны.

Великая Отечественная война оказала двойственное влияние на развитие советской науки. С одной стороны, война стимулировала рост прикладных работ, направленных на удовлетворение неотложных потребностей фронта и тыла, с другой – она отрицательно сказалась на развитии фундаментальных исследований. В годы войны сеть научных учреждений в СССР не только не сократилась, но продолжала расширяться. Нельзя не отметить особую роль образованного в июле 1941 г. Научно-технического совета Государственного Комитета Обороны, в состав которого вошли видные ученые (А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица, С.И. Вавилов, Н.Н. Семенов). Деятельность совета способствовала оперативному выполнению заданий фронта и тыла, повышению эффективности исследований. Выполняя государственный заказ, ученые вели разработку новых технологий выпуска металла, вооружений, боеприпасов, использования сырьевых ресурсов, освоения новых производственных мощностей.

В послевоенный период правительственное поощрение научной деятельности интеллигенции, особенно в области технических наук, во многом было вызвано военным противостоянием двух систем и конкуренцией на рынках вооружений [10]. Повышение внимания власти к проблемам развития естественных наук ярко иллюстрирует реализация ядерной программы СССР.

Исторически сложившаяся в СССР система управления, планирования и координации научно-исследовательских работ являлась одним из тех определяющих факторов, которые обеспечивали концентрацию научных сил и материальных ресурсов для решения важнейших научных и научно-технических проблем. Позитивные моменты государственной стратегии включали: масштабное развитие исследовательской деятельности; создание разветвленной национальной системы образования, отличавшейся фундаментальным характером профессиональной подготовки; поддержку экспедиционной деятельности.

За годы советской власти произошли серьезные структурные изменения в системе управления наукой. В результате реорганизации Академии наук СССР, проведен-

ной под непосредственным руководством Политбюро ЦК ВКП(б), ее статус приобрел тройственный характер (сообщество научных деятелей, ассоциация научно-исследовательских учреждений, советское учреждение).

Благодаря повышенному государственному вниманию и участию социальный статус естественных наук в стране беспрецедентно вырос. Это нашло воплощение в форсированном развертывании институциональной структуры науки, масштабной подготовке профессиональных кадров, кардинальном расширении и актуализации проблематики [11].

Патернализм государства в отношении советской науки проявился в иерархическом принципе ее организации и унификации профессиональной учебной подготовки. Хотя это лишало науку гибкости, взамен она получила значительное расширение сферы преподавания и кардинальное расширение масштабов подготовки профессиональных кадров [12].

Следует подчеркнуть стабильную государственную поддержку науки, часто вне зависимости от ее результативности, что предоставило ученым возможность удовлетворять свое интеллектуальное любопытство за счет государственного бюджета. В то же время, власть стремилась управлять проблематикой исследований в зависимости от приоритетных народнохозяйственных задач [13].

Определенная экономическая изоляция СССР создала благоприятные условия для масштабных научных исследований внутренних природных богатств страны. Совершенствовались организационные формы экспедиционной деятельности [14]. Еще в апреле 1930 г. было утверждено Положение о Совете по изучению естественных производительных сил СССР, задачей которого являлось «общее руководство научно-исследовательской деятельностью учреждений АН СССР в той части, которая имеет целью изучение производительных сил Союза» [15]. Освоение природных ресурсов СССР обеспечило форсированное развитие основных отраслей тяжелой промышленности, главным образом, машиностроения, электроэнергетики, топливной, металлургической и химической промышленности [16]. Экспорт природных ресурсов принес в бюджет страны солидные средства за сравнительно короткий срок.

В 1950-1980-е гг. политика государства в сфере развития гуманитарных наук носила крайне противоречивый характер, поскольку именно обществоведение было призвано отражать все существенные колебания официального идеологического курса [17]. Сама внутринаучная динамика, в конечном счете, зависела от изменений в государстве и его стратегии, ведь именно коммунистическая власть была подлинным творцом как института советской науки, так социополитической системы, интеллектуально-культурного пространства, элементом которой она выступала.

В условиях «железного занавеса» советское социогуманитарное знание развивалась во многом самостоятельно и независимо от западных образцов. Однако с точки зрения интеллектуальной проработки, глубины и содержательности теоретических проблем советская наука в целом не уступала ведущим западным национальным школам.

Вектор теоретических изысканий определялся общегосударственными задачами, решаемыми на том или ином этапе развития страны. Общественные науки, призванные обслуживать партийные доктрины, все более утрачивали функции социальной критики, прогнозирования общественного развития. Разработки партийных теоретиков служили основанием для формирования обществоведческого знания, что ограничивало направления научных исследований [18]. Гуманитарные науки все более утрачивали свою связь с современностью.

На завершающем этапе индустриальной модернизации большое значение пар-

тийно-государственное руководство придавало связи науки и производства. Научные центры на производстве были представлены различными конструкторскими бюро и научно-исследовательскими институтами, которые занимались разработками прикладного характера для своих промышленных предприятий. С конца 1960-х гг. в Советском Союзе появляются такие формы соединения науки с производством как ПО (производственные объединения), НПО (научно-производственные объединения), МНТК (межотраслевые научно-технические комплексы). Целью их создания являлось стремление обеспечить более быстрое прохождение процесса внедрения в производство результатов научных исследований [19].

Руководство страны стремилось проводить сбалансированную научно-техническую политику. Принимая очередной пятилетний план развития народного хозяйства, всегда определялись задачи по развитию науки и техники и внедрению их достижений в производство. Государство стремилось ориентировать проводимую научную политику на приоритетные направления каждого нового этапа научно-технической революции [20]. В целом, 1970-1980-е гг. оказались для советской науки парадоксальным временем одновременно ее расцвета и вызревания кризисных тенденций, связанных с общей экономической ситуацией в стране.

Основная масса интеллигенции в советский период имела весьма скромные доходы [21]. В то же время, экономическое стимулирование научных и производственных коллективов, а также отдельных ученых в создании, выпуске и внедрении новых, более прогрессивных видов продукции являлось важной сферой управления наукой [22].

На завершающем этапе индустриальной модернизации техническая интеллигенция заняла одно из самых прочных положений в обществе. Известный спор «лириков и физиков» был окончательно решен государством в пользу последних. Значительные объемы государственного финансирования научных разработок способствовали укреплению социального статуса ученых и их особому положению в советском обществе.

Занимаясь научной деятельностью, многие ученые в условиях советской системы старались сознательно игнорировать политические и идеологические вопросы. Встречи и беседы с руководством страны стали для них вынужденной необходимостью. Выполняя идеологические задачи, поставленные руководителями партии и правительства, они стремились не отходить от конкретных научных проблем.

Большое внимание партия и правительство уделяли материальному обеспечению научных кадров, которые осознавали всю степень ответственности за научный прогресс страны. Пристальное внимание руководства к информационному обмену в науке, формирование научных кадров, создание прослойки гуманитарной и технически образованной интеллигенции – очень типично для всех съездов и пленумов советского периода. В то же время проблеме повышения эффективности функционирования всей научной сферы уделялось внимания намного меньше, чем задачам количественного увеличения научного потенциала.

Если в советский период власти стремились проводить единую государственную политику в области технического прогресса, капитальных вложений в наукоемкие отрасли, оплаты труда, цен, прибыли, финансов и кредита, то в 1990-е гг. наметилось снижение государственного контроля над связью науки и производства, что в целом, имело негативные последствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Соловей Т.Д. Историческая эволюция государственной политики в отношении гуманитарных наук в России (XIX – начало XXI вв.). Автореф. дисс. д.и.н. М., 2005. С. 17.

2. Наука о науке: Сб. статей. М., 1966. С. 193.
3. Калинин М.И. Избранные произведения. М., 1960. Т. 2. 1926-1932 гг. С. 203.
4. Кржижановский Г.М. Задачи социалистического строительства и научные работники // Научный работник. 1928. №5-6. С. 11.
5. Иванова Л.В. Формирование советской научной интеллигенции. 1917-1927. М., 1980. С. 55-159.
6. История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1984. С.576.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1-е изд. Т. 13. М., 1984. С. 143, 312.
8. Советская наука: Итоги и перспективы, 1922–1982: Сб. статей. М., 1982. С. 32.
9. Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. С. 239.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1956-1960. Т. 9. М.: Политиздат, 1986. С. 438.
11. Лельчук В.С. Научно-техническая революция и промышленное развитие СССР. М., 1987. С. 95.
12. Иванова Л.В, Есаков В.Д. Первые шаги советской науки и распространение научных знаний среди народных масс / Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры 1917 - 1927 гг. / Отв. ред. М.П. Ким. М., 1985. С. 191.
13. Соколов Е.Е., Фролов А.В. Роль КПСС в ускорении темпов интенсификации производства. М., 1983. С. 48.
14. Развитие наук о Земле в СССР. М., 1967. С. 248.
15. Организация советской науки в 1926-1932 гг. С. 223.
16. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 170-224.
17. Тимофеева Е.Г. Государственная политика в сфере обществоведческого образования российской молодежи в 50-е – 90-е годы XX века. М., 2004. С. 22.
18. Модернизация российского образования: документы и материалы. М., 2002. С. 28.
19. Смирнов В.Ф., Травин В.И. В авангарде научно-технического прогресса. М., 1975. С. 79.
20. Борьба КПСС за ускорение научно-технического прогресса в период зрелого социализма. Л., 1984. С. 91.
21. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 148. Л. 83.
22. Наука в экономической структуре народного хозяйства. М., 1990. С. 105.

S. Karaulov

PUBLIC AUTHORITIES AND INTELLECTUALS IN SOVIET RUSSIA: THE EVOLUTION OF IN THE 1917-1991 BIENNIUM

Abstract: This article is devoted to integrated analysis of interaction between public authorities and scientific community of Soviet Russia in the 1917-1991 biennium. The author identified and are shown in the Soviet Union's policy priorities in the field of research, reviewed the trends and contradictions of the development of a network of academic institutions in the country, analyzed the evolution of the political views of the scientific intelligentsia.

Key words: Science, the government, the scientific policy, scientific and technical progress, scientific intelligency.

ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СССР В 1950-Е ГОДЫ. ПОЛИТИКА РУКОВОДСТВА ХРУЩЁВА*

Аннотация: В статье рассматривается процесс военно-экономического развития СССР в период нахождения у власти Н.С.Хрущёва, состояние экономики страны в свете развития военно-промышленного комплекса.

Ключевые слова: Хрущев, военно-экономическое развитие, научно-технический прогресс, Пленумы ЦК КПСС, гонка вооружений.

Советский Союз в 50-х – начале 60-х гг. вступил в новую стадию научно-технического прогресса. В большинстве западных государств было построено общество массового потребления, ведущими отраслями хозяйства стали те, которые производят товары длительного пользования. К началу 60-х гг. XX века на Западе стали осознавать особую ценность информации, начали закладываться основы информационного общества, особенно активно информационный прогресс ощущался в военной области.

В стране о необходимости перемен в области технического прогресса было заявлено в 1955 г. В первую очередь этим занялась КПСС. На Пленуме ЦК КПСС в постановлениях в мае, затем в июле 1955 г. указывалось на необходимость ускорения научно-технического прогресса, внедрения в народное хозяйство передового опыта и достижений науки и техники. В это время был образован Государственный комитет Совета Министров СССР по новой технике. На июньском Пленуме ЦК КПСС в 1959 г. были рассмотрены вопросы ускорения научно-технического прогресса в промышленности и строительстве. На этот период было создано и освоено производство свыше 5 тыс. новых типов машин и оборудования.

Прежде всего, изменения коснулись оборонных отраслей. Два самостоятельных военных ведомства (Военное министерство СССР и Военно-морское министерство СССР) были снова объединены в 1953 г в одно Министерство обороны СССР. С этого же года начался новый этап в развитии советских Вооруженных сил. Он характеризовался широким внедрением ракетного и другого современного оружия, созданием особого вида Вооруженных сил – РВСН. Водородная бомба была испытана в августе 1953 г. Необходимость форсированного развития атомной промышленности диктовалась возрастающей угрозой со стороны США реализации планов нападения на СССР.

Соотношения ядерных потенциалов в 50-65 гг.

	США	Россия	Англия	Франция
1950	369	5	0	0
1955	3037	200	10	0
1960	20 434	1605	30	0
1965	32135	6129	310	32

[2]

Значительным успехом в ракетостроении стало создание ядерных боеголовок. В советских конструкторских бюро были созданы сверхзвуковые истребители и реактивные бомбардировщики. В первой половине 1950-х гг. был завершен процесс

* © Кузьминский И.С.

моторизации всей армии. В 1953 г. начато строительство атомных подводных лодок (АПЛ).

Для укрепления оборонных отраслей хозяйства были образованы новые Министерство среднего машиностроения (основное в атомном производстве) и Министерство общего машиностроения (ракетостроение и освоении космоса).

Развернулась гонка вооружений, которая определяла развитие экономики обеих сверхдержав. Н.С. Хрущев считал, что в противостоянии с США главным козырем будет ракетная отрасль. В 50-х годах конструкторским бюро Королева были созданы межконтинентальные баллистические ракеты.

В Советском Союзе за короткий период было создано и освоено новое серийное производство нескольких поколений скоростных истребителей, у каждого из которых резко росли скорость и высота полёта, вооружение и оснащение всё более «умной» радиолокационной, лазерной и электронной аппаратурой. В 1954 году в СССР был запущен в серийное производство МИГ-19 со стреловидным крылом – первый в стране сверхзвуковой истребитель. Примерно в это же время в КБ А.Яковлева проектировали истребитель-перехватчик ЯК-25, скорость которого достигала 1090 км/ч, при дальности полёта до 3000 км. В начале 60-х годов им на смену пришло поколение новых истребителей с ещё более высокими скоростями и новым ракетным вооружением. Научной базой такого стремительного обновления боевых машин служили достижения советских теоретиков аэродинамики и других наук, материальной основой – создание новых материалов с высокой удельной прочностью и стойкостью к высоким температурам.

Таким образом, развитие экономики параллельно сопровождалось военными преобразованиями. Наглядно это было видно на примере развития ракетных войск, к сожалению часто в ущерб другим видам, например авиации и военно-морскому флоту.

Первая в мире атомная электростанция заработала в Обнинске в 1954 г. В 1959 г. на воду был спущен первый в мире атомный ледокол «Ленин». В 1958 г. введена в строй первая очередь крупнейшей в мире атомной электростанции мощностью 600 тыс. кВт. и создан самый мощный в мире ускоритель заряженных частиц с энергией до 10 млрд электрон-вольт.

Запуск первого в мире искусственного спутника Земли был осуществлен 14 октября 1957 г. в СССР. В январе 1959 г. – запуск первой многоступенчатой космической ракеты в сторону Луны, которая с вымпелом СССР достигла поверхности спутника.

Первый полет человека в космос состоялся 12 апреля 1961 г. советский космический корабль «Восток» с летчиком-космонавтом Ю.А. Гагариным на борту совершил полет вокруг земного шара и благополучно вернулся на Землю. В августе 1962 г. – новый космический полет летчиков-космонавтов А. Николаева и П.Поповича. В июне 1963 г. запуск космического корабля «Восток-6», пилотируемого первой в мире женщиной-космонавтом В.В. Терешковой. В октябре 1964 г. на орбиту Земли впервые в мире выведен трехместный космический корабль «Восход».

Всё это, несомненно, говорило об успешном военно-политическом развитии СССР в пятидесятых годах.

Но надо признать, что, выйдя вперед в освоении космоса и в использовании мирного атома СССР, к сожалению, отстал от США в производстве электроники. Развитие Центра микроэлектроники в г. Зеленограде, хотя и сыграло свою положительную роль, но опоздание стало постоянным.

Промышленность во второй половине 1950-х годов показала лучшие в истории советской промышленности показатели (использование основных производственных

фондов, темпы развития некоторых отраслей, в частности машиностроения, росту национального дохода). В это пятилетие были введены в действие крупные металлургические и перерабатывающие предприятия. Преобразования в экономике потребовали изменения в структуре управления, так Совет Народного Хозяйства СССР был образован в 1962 г., а в 1963 г. Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ) СССР. Но темпы роста промышленности были недостаточны. По данным ЦРУ среднегодовой рост промышленной продукции (индустриальное производство) в СССР снизился с 8,6% в 1956-1959 гг. до 6,7% в 1960-1963 гг. В постсталинскую эпоху инициатива по преобразованиям в сфере экономики, впервые была проявлена со стороны Л.П. Берии и Маленкова. Так, по предложению Берии было прекращено финансирование и заморожено строительство ряда крупных сооружений, особой надобности в которых не было. Им же был поставлен вопрос о неэффективности колхозного строя.

Одним из путей увеличения сельскохозяйственной продукции стало освоение новых целинных земель, что значительно увеличило сбор сельскохозяйственной продукции, однако видимые преимущества новых земель были быстро исчерпаны. Из-за засушливости, эрозии почвы, недостатка минеральных удобрений, текучести кадров, урожайность зерновых снижалась. В среднем в 1959-1965 гг. себестоимость производства пшеницы на целине была в 2-3 раза выше, чем в районах гарантированного земледелия. К тому же стремление интенсифицировать крестьянский труд вылилось в очередное наступление на личное подсобное хозяйство. С хлебом опять начались перебои, его пришлось закупать за валюту.

Продолжалось преобразование колхозов в совхозы. Если в 1955 г. в совхозы были преобразованы 257 колхоза, то в 1956-1960 гг. – 14763. Эти мероприятия нанесли существенный вред сельскому хозяйству. Большинство совхозов оказалось убыточными. Происходило искусственное превращение колхозников в сельскохозяйственных рабочих. В 1957-1958 гг. все оставшиеся колхозы были переведены на гарантированную заработную плату. При этом внедрялся принцип уравнительности, что существенно понижало производительность труда. О пенсионном обеспечении колхозников, однако, власти озаботились лишь в 1964 г.

Определенные положительные изменения в материальном и социально-правовом положении колхозников имели место, но в целом спонтанные реформы привели лишь к окончательной ломке чудом сохранившихся после сталинской коллективизации традиций, дальнейшему отчуждению крестьян от земли и, как следствие, катастрофическим для России последствиям.

Современники считают, что у Хрущева было три сверхпрограммы: целина; расширение посевов кукурузы, гороха и чудо-приемов; а также животноводство – «сильнейшая торпеда под капиталистические устои». С этими программами связывают четыре провала: все три программы не выполнены, а вместе с тем не выполнен в целом план «крутого подъема» сельского хозяйства. Сельскохозяйственное производство в СССР, как показывал анализ ЦРУ, в период 1950-1965 гг. увеличилось на 70%, но две трети прироста произошли в 1954-1958 гг. В расчете на душу населения выпуск в 1965 г. был меньше, чем в 1958 г.

Тем не менее, в 1956-1960 гг. впервые было достигнуто реальное повышение жизненного уровня людей. Продовольственное снабжение страны улучшилось. В стране стали продаваться фасованные продукты, появились магазины самообслуживания. В 1956 г. увеличен размер пенсионного обеспечения. Была отменена уголовная ответственность за прогулы и самовольный уход с предприятия, она заменялась дисциплинарной ответственностью. В 1957 г. повышен размер минимальной зарплаты рабочих и служащих и прекращена принудительная подписка на государственные займы.

Увольнение работника стало допускаться только с согласия комитета профсоюза. На одну треть увеличился номинальный доход семей промышленных рабочих. С 1956 г. сокращена продолжительность рабочего дня в предвыходные и предпраздничные дни, а также для работающих подростков – в течение всей недели, увеличилась продолжительность отпусков по беременности и родам. В мае 1960 г. был введен семичасовой рабочий день.

В заслугу Н.С. Хрущеву следует отнести широкий размах жилищного строительства. По всему Советскому Союзу быстро строились крупнопанельные дома, которые за короткий срок позволили впервые в стране отчасти решить жилищную проблему. В этих домах выросло не одно поколение советских людей. Многие из этих домов стоят и до сих пор.

Но бессистемность, волюнтаризм в принятии решений привёл к тому, что просчёты в стратегии к началу 1960-х годов в экономике стали сказываться как во внутренних, так и внешних отрицательных факторах: замедление роста трудовых резервов, изнашивание оборудования, увеличение военных расходов, падение урожайности. Начиная с 1961 г., происходит непрерывное снижение темпов развития советской экономики, отягощенной гонкой вооружений. Кризис, в свою очередь, вызвал некоторое ужесточение режима. В чем оно конкретно выражалось? Была введена уголовная ответственность за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов; в мае 1961 г. – смертная казнь за «экономические преступления». С 1962 г. смертная казнь применялась для лиц, осужденных за взяточничество. Началась борьба с «паразитическими элементами».

Для выхода из экономического кризиса правительству пришлось прибегнуть к непопулярным мерам, а именно к денежной реформе и повышению розничных цен на мясо и масло. В 1961 г. (с 1 января) были изменены масштабы цен (проведена деноминация) и проведена замена денежных знаков (10 старых рублей обменивались на 1 новый рубль). Десятикратная деноминация привела к повышению цен на колхозном рынке. Повышение цен на мясные продукты ощутимо сказалось на бюджете граждан. Засуха 1963 г. еще более усугубила положение с продовольствием.

В Москве, Челябинске, Донецке и Тамбове прокатились волнения рабочих. 1-2 июня 1962 г. прошла демонстрация рабочих в Новочеркасске.

Таким образом, военно-экономическое развитие СССР в 1950-х гг. характеризовались непоследовательностью в принятии решений, слабым просчётом стратегических решений. Это привело к тому, что в стране нарастало социально-политическое напряжение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абрамова Ю.А. Взаимодействие руководства КПСС и Советской армии в период «Хрущёвской оттепели» Автореф. дис. канд ист. наук. 2004 г.
2. Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век М.: ИздАТ, 2006 книга 5.
3. Глазунов М.Н. Экономические проблемы социализма: опыт СССР // Философия хозяйства. 2002. № 6(24).
4. Горинов М.М., Данилов А.А., Дмитренко В.П. История России. Часть 3. XX век: выбор моделей общественного развития. М.: Знание, 1994.
5. Емельянов Ю.В. Хрущев. Смутьян в Кремле. М.: Вече, 2005.
6. Кожинов В. Россия. XX век: 1939-1964. Опыт беспристрастного исследования. М.: Эксмо - пресс, 2001.
7. Зубкова Е.Ю. Реформы Хрущева: культура политического действия // Свободная мысль. 1993. № 9. С. 97-107.
8. Зубкова Е.Ю. Общество и реформы 1945-1964. М.: «Россия молодая», 1993. 200 с.
9. Офицерский корпус в политической истории России (Хрущевская «оттепель» и армия). Документы и

материалы 1954-1964гг. Серия «Армия и политика» в 12 томах. т. 8. Калуга: И.П. А.Б.Кошелев. Изд-во «Эйдос», 2006. 1014 с.

10. Широкопад А.Б. Флот, который уничтожил Хрущёв. М.: АСТ/ ВЗОИ 2004. 448 с.

I. Kuzminsky

USSR'S MILITARY AND ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE 1950s. KHRUSHCHEV GOVERNANCE POLICY

Abstract: In this article the process of USSR's military and economic development under Khrushchev's governance as well as USSR's economy under industrial and military complex development is considered by the author.

Key words: Khrushchev, military-economic development, scientific and technical progress, Plenums of the Central Committee of the CPSU, race of arms.

МАССОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: «ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО» В ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

Аннотация: «Ленинградское дело» стало одним из самых массовых из всех послевоенных репрессий. Кадровые чистки прошли как в центральных органах власти, так и на местах. Руководство ЦК ВКП(б) в период 1949 – 1950 гг. дважды обращалось к работе Горьковского обкома партии, принимая Постановления, осуждавшие М.И. Родионова и С.Я. Киреева. В итоге, был обновлен аппарат обкома, аппарат Горьковского горкома и руководство ряда районов.

Ключевые слова: сталинские репрессии, «Ленинградское дело», Горьковская область, постановления ЦК ВКП(б), кадровая чистка.

Одним из актов массовых политических репрессий после Великой Отечественной войны было так называемое «ленинградское дело». Его жертвами стали сотни партийных и советских работников, в том числе члены Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б), которые после Великой Отечественной войны были выдвинуты из Ленинграда на руководящую работу в центральные и некоторые областные партийные организации. Среди них находились первый секретарь Ленинградского горкома и обкома П.С. Попков, секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецов, а также председатель Совета Министров РСФСР М.И. Родионов, тоже в прошлом ленинградец. Всем осужденным было предъявлено обвинение в том, что создав антипартийную группу, они проводили «вредительско-подрывную» работу, направленную на отрыв и противопоставление Ленинградской партийной организации ЦК партии, превращение ее в опору для борьбы с партией и ЦК ВКП(б). Организаторы «антипартийной группировки» были исключены из партии и приговорены к расстрелу, а несколько человек к длительным срокам лишения свободы. Аресты и судебные процессы продолжались и в 1951-1952 гг., общее количество погибших по «Ленинградскому делу» составило около 30 человек.

Одновременно с кадровыми перестановками в центральном аппарате партии начинаются чистки руководства на местах. Они проходили без лишнего шума, не было разоблачительных статей в центральной печати, не было организовано митингов трудящихся против врагов партии. Как отмечают в своем исследовании А. Пыжиков и А. Данилов, даже руководящие сотрудники, приближенные к центрам власти, не представляли реальных масштабов «ленинградского дела». Ходили лишь слухи и разговоры об арестах и расстрелах. Реальную картину событий рубежа 40-х — 50-х гг. сумел прояснить только XX съезд КПСС [6, 252].

Одним из видных руководителей, проходивших по этому делу стал М.И. Родионов, работавший в годы войны первым секретарем Горьковского обкома ВКП(б). Его талант как руководителя особенно ярко проявился в условиях военного времени, когда Михаил Иванович возглавил Горьковский городской комитет обороны и занимался вопросами реорганизации горьковской промышленности, руководил мобилизацией населения и материальных ресурсов на строительство оборонительных рубежей, созданием народного ополчения, вопросами приема, размещения эвакуированных и т.д. Он знал о нуждах простых людей, встречался с ними, читал их письма, чем завоевал у них огромный авторитет и уважение. За образцовое выполнение заданий ГКО и пра-

* © Лосева И.В.

вительства он был награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 степени и многими медалями.

23 марта 1949 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) по отчету «О работе Горьковского обкома ВКП(б)», в котором отмечалось, что М.И. Родионов «допустил вредную практику опеки над Горьковской областью, своими неправильными действиями приучал некоторых руководителей партийных и советских органов области к иждивенчеству». В нем указывалось, что Горьковский обком партии «допустил крупные ошибки и недостатки в руководстве партийной работой, промышленностью и сельским хозяйством», а также «недостаточно воспитывал руководящие кадры в духе соблюдения государственных интересов, не вел должной работы с проявлениями иждивенческих настроений» [3, 198]. 9 пункт постановления – «Признать необходимым укрепить руководство Горьковского обкома ВКП(б)» – фактически санкционировал кадровую чистку в партийном аппарате области и требовал усиления политического воспитания среди руководства местной партийной ячейки. Данное постановление надолго определило отношение центральной власти к руководству Горьковской области.

В результате судебного процесса М.И. Родионов был приговорен к расстрелу. Помимо Родионова, острой критике подверглись председатель облисполкома Н.В. Жильцов и председатель Горьковского горисполкома А.М. Шульпин. На V пленуме Горьковского обкома ВКП(б), проходившем 12-13 апреля 1949 г. и обсуждавшем постановление ЦК, Жильцов и Шульпин, обвинялись в «политических ошибках», «антигосударственных действиях», и в том, что «урывали у государства побольше, хотели дать ему поменьше» [4, 6].

В начале 1950 г. ЦК ВКП(б) вновь обращается к работе Горьковского обкома, принимая постановление «О первом секретаре Горьковского обкома ВКП(б)», которым в то время работал С.Я. Киреев. В отличие от предыдущего постановления 1949 г., его текст нигде не публиковался, а с содержанием ознакомился только партактив. На VIII закрытом пленуме Горьковского обкома партии, проходившем 19 января 1950 г., выступавший заместитель заведующего отделом партийных профсоюзных, комсомольских органов ЦК ВКП(б) А.А. Дедов отмечал, что ЦК партии, наблюдая за работой Горьковского обкома партии, пришел к выводу, что «бюро Горьковского обкома партии неудовлетворительно выполняет постановление ЦК ВКП(б) по отчету Горьковского обкома партии». Дедов отмечал, что руководство области «неправильно ведет линию в подборе и расстановке кадров..., не развивают критики» [1, 295]. Вину местной парторганизации ставили преступления, связанные с растратой государственных средств, а также «неправильные (по оценкам ЦК) отношения, которые сложились у руководящих работников Горьковской области с Родионовым». В своей речи первый секретарь Горьковского обкома ВКП(б) С.Я. Киреев признал «серьезную вину» перед ЦК партии. «Мы пытались исправить ряд ошибок, мы кое-что исправили, но мы по-настоящему не довели дело до конца, особенно с расстановкой кадров, с вопросами критики и самокритики» [1, 298].

Стоит отметить, что действительно, Горьковский исполком получил от правительства 31 млн. рублей. Но эти средства пошли на повышение зарплаты учителям, восстановление транспорта, в том числе и строительство троллейбусной линии, пополнение трамвайного хозяйства, строительство домостроительного комбината, завода машинок для стрижки, торфобрикетного завода, планетария и других объектов. За восстановление и развитие городского транспорта г. Горький получил 1 место в соревнованиях 1948 г. [7, 30].

Кадровая чистка коснулась почти всех партийных областных структур. В 1950 г. со своих постов были сняты первый и второй секретари Горьковского обкома партии

С.Я. Киреев и В.В. Тихомиров. Оба они были направлены на производство. Тихомиров стал коммерческим директором небольшого завода Втормет в Горьком, а Киреев начальником цеха одного из заводов Челябинской области. Председатель Горьковского горисполкома А.М. Шульпин также был снят с занимаемой должности за «разбазаривание государственных средств» и исключен из партии. Первым секретарем Горьковского обкома ВКП(б) стал Д.Г. Смирнов. На 1/3 был обновлен аппарат обкома, более чем на 40% аппарат Горьковского горкома, а также обновлено руководство ряда партийных, советских, хозяйственных районов. Ряд хозяйственных руководителей были исключены из партии. За 10 месяцев 1950 г. Горьковский обком выдвинул на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу 709 человек, из которых более половины были молодыми членами партии с низовой работы [2, 238].

Поскольку процессы были закрытыми и «ленинградское дело» не освещалось в советской печати, трудящихся не допустили к обсуждению «дела». Слишком близки к народу были эти руководители, что могло спровоцировать появление вопроса «Кто виноват?». И этот вопрос мог относиться уже не только к местному руководству, но и центральному. Однако, у местного населения, тем не менее, возникал определенный интерес к происходящим событиям. Так, во время предвыборной кампании 1950 г. в Воскресенском районе Горьковской области у агитатора поинтересовались, почему сняты Киреев и Родионов [5, 71].

«Ленинградское дело» явилось результатом политических разборок правящей элиты, исходом борьбы за влияние, которая велась между двумя блоками в руководстве страны — блоком Жданова и Кузнецова, с одной стороны, и блоком Маленкова и Берия — с другой. В Горьковской области она стала толчком к чистке партийного аппарата, резкому обновлению руководящих кадров. В вину горьковскому руководству, в отличие от ленинградского, ставили хозяйственные растраты, а не действия против ЦК ВКП(б). Реабилитация репрессированных партийных и хозяйственных работников Горьковской области началась лишь только после XX съезда КПСС, на котором было объявлено о фальсификации «ленинградского дела».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Выступления участников VIII пленума Горьковского обкома ВКП(б) об ошибках, допущенных обкомом партии // Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 - 1953 г. Том 3. / Сост. А.А. Кулаков, В.В. Смирнов, Л.П. Колодникова. М.: Институт Российской истории РАН, 2005. 1080 с.
2. Гордеева Л.П. Драма на Волге / Л.П. Гордеева, Е.И. Кильсеев, П.А. Розанов // Ленинградское дело. Л.: Лениздат, 1990. 416 с.
3. КПСС в резолюциях, решениях партии ... т. 8. 523 с.
4. Заседание V пленума от 12 – 13 апреля 1949 г. // Государственный общественно-политический архив Нижегородской области Ф. 3, Оп. 1, Д. 7008.
5. Отчеты и мероприятия о состоянии массово-политической работы в период подготовки к выборам 1950 г. // Государственный общественно-политический архив Нижегородской области Ф. 3, Оп. 1, Д. 7733.
6. Данилов, А., Пыжиков, А. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 годы / А. Данилов, А. Пыжиков. - М.: Олма- Пресс, 2002. 319 с.
7. «Эхо ленинградского дела» // Диалог (Горький) 1989. № 12. С. 27–31.

I. Loseva

MASS POLITICAL REPRISALS IN THE RUSSIAN PROVINCE: THE “LENINGRAD CASE” IN GORKOVSKAYA REGION

Abstract: “Leningrad case” became one of the most mass postwar repressions. Stuffing purges were done in central government and in local authorities. The government of ЦК ВКП(б) in the period of 1949-1950 turned to the work of Gorkovsky regional committee

of the party passing the resolutions which condemned M.I. Rodinov and S.J.Kireev. As the result regional committee apparat, the apparat of Gorkovsky city committee and some local authorities were renewed.

Key words: Stalin reprisals, «the Leningrad business», Gorki area, Central Committee VKP decisions, personnel cleaning.

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ МОНОКОНЦЕПЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ШКОЛЬНОМ УЧЕБНИКЕ А.В. ШЕСТАКОВА *

Аннотация: В статье автор впервые в практике историографических исследований анализирует процесс формирования основ марксистской концепции истории СССР сквозь призму создания одного из первых школьных учебников – «Краткого курса истории СССР» под редакцией А.В. Шестакова. Им впервые введена в оборот категория «моноконцепция» (применительно к советской интерпретации отечественной истории), которая убедительно раскрывается на уровне основных признаков.

Ключевые слова: моноконцепция отечественной истории, школьный учебник как историографический источник, государственная политика в области школьной истории.

Проблема формирования исторического сознания молодёжи стоит сегодня в центре внимания мировой научной общественности. Особенно актуальна эта проблема для нынешнего российского общества и государства, которое целиком не освободилось от кризисных явлений, вызванных изменением структуры и содержания образовательной системы, переходом к Единому государственному экзамену в общеобразовательной школе и многоуровневому обучению в вузах (предусмотренных Болонскими соглашениями). Наблюдающаяся зачастую размытость идеологических ориентиров приводит к тому, что в историческом образовании, как школьном, так и вузовском, отсутствуют чёткие образовательные, воспитательные и развивающие цели.

В совсем недавнее время были модными тезисы о «деидеологизации образования», «деидеологизации истории». Подобные вопросы ставили многие известные русские учёные историки, в том числе В.О. Ключевский и С.Ф. Платонов. Если в начале своего творческого пути они призывали к тому, что научная лаборатория историка должна быть свободна от политических идей, то впоследствии и В.О. Ключевский и С.Ф. Платонов утверждали обратное.

Историческая наука служит не мёртвым, история служит живым. В ней концентрированно реализуются социальные функции исторического познания: воспитательная, социальной памяти, прогнозирующая выяснения закономерностей истории. Связующим звеном между историей и обществом является школьное историческое образование. Отсутствие условий для реализации воспитательной функции истории – яркий показатель кризиса исторического познания. Не случайно становление советской моноконцепции (сейчас её называют по-разному – «марксистско-ленинская», «сталинская» моноконцепция) отечественной истории шло через создание школьных учебников истории. Можно по-разному оценивать историографический процесс 30-х гг. XX в., но трудно отрицать факт мощнейшего влияния школьной истории на формирование исторического сознания общества.

Введение в научный оборот понятия моноконцепции отечественной истории требует её расшифровки. В буквальном смысле историческая концепция – это система исторических взглядов. Научная модель понятия исторической концепции отечественной истории включает три основных компонента: 1) политическую позицию;

* © Фукс А.Н.

2) методологию; 3) решение центральных проблем отечественной истории. Суть концепции не может быть понята вне анализа её теоретико-методологических и политических основ. Хочет того историк или нет, но он занимает определённые теоретико-методологические и политические позиции, которые реализуются в решении конкретно-исторических проблем. Выбор той или иной методологической схемы и определяет вариант концепции, носит ли она плюралистический, эклектический характер или является моноконцепцией. Примером плюралистического подхода к оценке истории может служить либеральная историография, в которой господствовали позитивистские принципы построения исторического процесса. В основе методологии позитивизма лежала теория фактов. Суть её в том, что на ход истории влияют различные факторы исторического процесса: экономический, социальный, политический, географический, этнографический и т.д. В истории русской исторической мысли можно проследить несколько господствующих моноконцепций отечественной истории. В эпоху древней Руси и раздробленности – это провиденциалистический подход (Бог определяет историю). Для дворянской историографии – это монархическая концепция, в основе которой методология рационализма и прагматизма (в центре истории личность государя, монарха, отсюда главное внимание – политическим событиям). Для советской исторической науки стержень моноконцепции – развитие производительных сил общества. Новизна избранной темы статьи определяется отсутствием в современной исторической и историко-методической литературе специальных исследований, посвященных анализу становления концепции истории СССР в школьных учебниках истории.

На рубеже 30-х годов И.В. Сталин и его окружение как никогда понимали роль и значение идеологического фактора в стабилизации общественной жизни страны. Сконцентрировав в своих руках всю политическую власть в государстве, И.В. Сталин поставил одной из главных идеологических задач создание концепции отечественной истории на методологических основах марксизма. Эта задача решалась поэтапно. Первый этап предусматривал разгром академической науки; второй – М.Н. Покровского и его школы; третий – переход всей исторической науки на единые теоретико-методологические позиции марксизма и внедрение в среднюю школу соответствующей концепции истории.

Используя репрессивные методы, И.В. Сталину достаточно быстро удалось покончить с существованием альтернативных взглядов на построение русской истории. В 1928 - 1929 гг. был завершён разгром академической науки.

Создание новой схемы отечественной истории шло через критику исторических воззрений М.Н. Покровского, взгляды которого целиком не укладывались в «прокрустово ложе» формационной теории и теории классовой борьбы, а по некоторым сюжетам ещё и не соответствовали историческим симпатиям И.В. Сталина.

В начале 30-х годов свидетельством изменения государственной политики в области исторического образования, направленной на установление стабильной системы и содержания школьной истории, явился ряд правительственных постановлений. К ним относятся постановления ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 года «О начальной и средней школе»; «О структуре начальной и средней школы в СССР» от 15 мая 1934 года, Народный комитет просвещения восстановил в школе историю как самостоятельный учебный предмет и приступил к разработке новых учебных планов и программ.

Постановление ЦК ВКП(б) от 9 июня 1934 года «О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР» [1] на долгое время определило структуру и содержание исторического образования в

младших и средних классах.

Новая структура исторического образования могла быть реализована лишь при условии создания новых учебников истории. Для подготовки конспектов учебников стали организовываться различные авторские группы. О том пристальном внимании, которое уделяло руководство страны проблемам школьной истории, свидетельствует тот факт, что на один из первых конспектов учебника по истории СССР для 8-9 классов, составленный группой М.М. Ванага, последовала незамедлительная реакция. В начале августа 1934 года И.В. Сталин, С.М. Киров и А.А. Жданов написали «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР». Подчёркивая важность «замечаний», руководители партии и государства вынесли их на одобрение ЦК ВКП (б) и его Политбюро, а также на СНК СССР. Сами по себе «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» имеют безусловно историческую ценность, как источник, свидетельствующий о политических и методологических постулатах Сталина и его окружения в оценке отечественной истории. Одно из главных замечаний касалось вопроса о том, что в представленном конспекте учебника по истории СССР нет главного – истории народов СССР. По мнению авторов, это «... конспект русской истории, а не истории СССР, т.е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР». «Нам нужен такой учебник истории СССР, – писали И.В. Сталин, А.А. Жданов и С.М. Киров, – где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР – это, во-первых, – и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории, – это во-вторых» [2].

В «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» давалась принципиальная критика и соответственно установки по ряду других вопросов: о периодизации истории СССР; об «аннексионистской – контрреволюционной роли царизма» и истоках национально-освободительного движения покорённых царизмом народов России; о «контрреволюционной роли русского царизма во внешней политике со времён Екатерины II до 50-х годов XIX столетия и дальше»; о крестьянских восстаниях и войнах; о понятии революция и контрреволюция; о значении Октябрьской революции в мировой истории и истории народов нашей страны [3]. Выделенный в «Замечаниях» спектр проблем отечественной истории оказался в центре развёрнувшихся дискуссий по дальнейшей работе над составлением новых учебников для начальной и средней школы.

По постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) от 3 марта 1936 года был объявлен конкурс на составление лучшего учебника по истории СССР для 3 и 4 классов начальной школы. За выполнение этой задачи взялись многие коллективы историков. На конкурс проектов учебника было предоставлено 46 рукописей. В августе 1937 года правительственная комиссия подвела итоги конкурса. Первую премию решили никому не присуждать, а вторая досталась авторам «Краткого курса истории СССР», созданного кафедрой истории СССР Московского педагогического института им. В.И. Ленина под руководством А.В. Шестакова. Основными авторами «Краткого курса истории СССР» являлись А.В. Шестаков, Н.Г. Тарасов, Н.Д. Кузнецов, А.С. Нифонтов. В работе над учебником принимали также участие Б.А. Гарданов, Ю.В. Готьё, Д.Н. Никифоров, Н.Д. Фирсов и некоторые другие историки. Однако главная заслуга в появлении этого учебника принадлежит Андрею Васильевичу Шестакову, который неоднократно редактировал тексты учебника и являлся автором трети учебного материала. «Краткий курс истории СССР» почти на два десятилетия стал учебником для начальных классов, выдержав ряд переизданий. По существу впервые основы советской моноконцепции отечественной истории были последовательно изложены в учебнике под редакцией А.В. Шестакова. Отметим, что конкурс учебников проводился

не только по инициативе правительства, но и при участии и постоянном контроле со стороны правительственной комиссии. Сам макет «Краткого курса истории СССР» трижды перерабатывался после его просмотра в правительственной комиссии. Мы не ставим задачу создать панегирик сталинскому руководству, однако опыт проявления государственной воли в вопросах школьного исторического образования весьма поучителен и показателен. Изданием в 1940 году учебников по истории СССР для 8, 9, 10 классов под общей редакцией академика А.М. Панкратовой завершился процесс создания стабильных учебников по истории СССР для средней школы. Концепция истории СССР в учебниках для старших классов, написанных авторским коллективом научных сотрудников Института истории Академии наук СССР в составе А.М. Панкратовой, С.В. Бахрушина, К.В. Базилевича и методиста А.В. Фохт, носила развёрнутый характер: учебник для 8 класса насчитывал 258 страниц текста; для 9–282 страницы; для 10–368 страниц. Тем не менее, пальма первенства в создании советской моноконцепции отечественной истории принадлежит «Краткому курсу истории СССР» под редакцией А.В. Шестакова.

Одной из ключевых проблем отечественной историографии является проблема периодизации. Новая концепция истории страны требовала новой периодизации, контуры которой были чётко намечены И.В. Сталиным. Задача авторов любого учебника по истории СССР – найти все пять общественно-экономических формаций в истории страны. Хронология концептуальных построений не М.Н. Покровского, не тем более его предшественников – представителей академической науки В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, реализации этой цели не соответствовали. «Схема нового учебника, – отмечал А.В. Шестаков, – коренным образом отличается от работ Покровского и, в частности, от его «Русской истории в самом сжатом очерке», где смена общественно-экономических формаций дана в качестве голых социологических понятий» [4]. А.В. Шестаков был не одинок в своей критике. Так, например, методист А. Стражев тоже считал учебник Покровского («Русская история в самом сжатом очерке») неудобным для школы из-за его периодизации, в основе которой лежали «социологические обзоры: промышленный капитализм, крепостническое государство, революционная буржуазия, народническая революция, рабочее движение» [5].

Основополагающими для авторов нового школьного учебника были директивы правительства. «Периодизация в этом учебнике, – констатировал Шестаков, – проводится согласно указаниям товарища Сталина составителем учебника по истории партии...» [6]. Положив в основу периодизации марксистскую теорию о смене формации, А.В. Шестаков и его коллектив впервые в учебной литературе выдвинули новую схему этапов исторического процесса. Учебник начинается с изложения истории первобытно-общинного строя на территории СССР. Далее следует характеристика феодальной и капиталистической формаций, и заканчивается учебник изложением истории советского периода до 1936 г. Впервые в учебной литературе рассматривались такие темы, как Февральская и Октябрьская революции 1917 г., Гражданская война, НЭП, коллективизация, культурная революция. В дальнейшем такое деление истории прочно вошло во все советские учебные пособия и учебники по отечественной истории. Учебник под редакцией А.В. Шестакова был первым школьным пособием, который устанавливал своеобразный канон формационной периодизации исторического процесса, строго соблюдавшийся в дальнейшем и не предназначавшийся для споров и дискуссий.

В 1930-е гг. среди историков развернулась дискуссия о генезисе феодализма в древнерусском государстве. Составной частью её была дискуссия о рабовладельческой формации. Началом её послужил доклад Б.Д. Грекова «Рабство в Киевской Руси», сделанный в марте 1933 г. на заседании историков в Государственной Академии ис-

тории материальной культуры (ГАИМК) [7]. Основной лейтмотив доклада Грекова заключался в отказе от взглядов В.О. Ключевского, М.Н. Покровского, которые считали, что Киевская Русь являлась рабовладельческим государством [8]. Он выдвинул новую концепцию, согласно которой на основе разложения первобытнообщинного строя у восточных славян складывается феодальный строй [9]. Но среди историков не было единства. Одни (М.Н. Мартынов, Ю.В. Готье, А.Г. Пригожий и т.п.) поддерживали идею Б.Д. Грекова, другие (И.Л. Смирнов, В.В. Мавродин и т.п.) считали, что в IX-X веках на Руси был рабовладельческий строй. Несмотря на то, что большая часть участников дискуссии согласилась с выводами Грекова, тот вынужден был частично согласиться с другой точкой зрения, признав, что в начальный период Русь имела «рабское развитие общества». Отрицая наличие рабовладельческого строя в Киевской Руси, Греков считал, что рабство у славян носило патриархальный характер [10]. Лишь значительно позднее в середине 1950-х годов в результате дискуссии большинство отечественных историков при характеристике общественного организма Киевской Руси пришли к выводу о том, что Древняя Русь – это государство раннефеодального типа. Эта точка зрения господствует и на сегодняшний день в исторической науке. Все-таки в учебнике А.В. Шестакова в отличие от учебника по истории СССР под ред. А.М. Панкратовой не получило адекватного отражения позиция Б.Д. Грекова о наличии феодальных отношений в Киевской Руси. В «Кратком курсе истории СССР» при характеристике киевского общества постоянно упоминается категория «рабы»: «родовые и племенные вожди захватывали большие участки земли и заставляли своих рабов обрабатывать их»; «в Русской Правде» изложены правила, как оберегать права рабовладельцев, владельцев земель и купцов» и т.п. [11].

Дискуссия, развернувшаяся в 1930-х гг., о генезисе феодализма вокруг создания новых учебников по истории СССР свидетельствовала о том, что формирование официальной концепции истории СССР способствовало появлению новых, весьма аргументированных научных точек зрения на историю древнерусского государства.

В содержании школьного учебника А.В. Шестакова нашёл своё отражение вопрос о происхождении русского государства тесно связанный с проблемой генезиса феодализма. В середине 1930-х гг. в советской историографии прочно укрепилась концепция воинствующего антинорманизма. (В каждой советской программе по школьной истории, утверждавшейся ежегодно вплоть до 1991 г., ставилась задача при изучении темы «Киевская Русь» – показать реакционную сущность норманнской теории.) Учебник А.В. Шестакова подвергся критике за то, что автор не отрицал факт существования Рюрика и правления варяжских князей. Более того, в содержании учебника признавалась роль варягов в укреплении государства [12]. По существу Шестаков повторил позиции В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова по норманнскому вопросу. Он писал в учебнике, что варяжские князья «скоро смешались со славянскими и приняли их язык», при этом полагая, что процесс образования государства начался задолго до правления варягов на Руси, которые «пришли ... на готовые государственные отношения...» [13]. Последующие переиздания «Краткого курса истории СССР» уже отвечали программным требованиям в трактовке «варяжского вопроса».

В рамках дискуссии по проблеме «генезиса феодализма» одним из ключевых вопросов был вопрос о феодальной раздробленности, её причинах, характере, хронологическом охвате. Термин «удельное время» не вписывался в канву новых концептуальных построений. Еще М.Н. Покровский в «Русской истории в самом сжатом очерке», игнорируя понятие «удельная Русь», затушёвывал значение этого периода в развитии русской государственности. Вслед за В.О. Ключевским он полагал, что раздробление государства – результат ослабления торговых городов юга России и пере-

мещения торговых путей. В своем учебнике М.Н. Покровский сразу после изложения истории Киевской Руси переходил к рассмотрению процесса образования единого русского государства, которое называл «Московским». Впервые в историографической практике проблема феодальной раздробленности получила адекватное отражение в школьном учебнике под редакцией А.В. Шестакова. «Иначе чем у Покровского, – отмечал Шестаков, – трактуется нами вопрос о распаде Киевского государства на три составные части: Галицко-Волынское княжество, Новгородскую землю и Владимиро-Суздальскую Русь. Этот распад связывается с процессом феодального дробления Киевского государства» [14]. В учебнике А.В. Шестакова указывались социально-экономические причины наступления периода феодальной раздробленности. Он писал, что в результате роста феодальных отношений и развития на этой основе сельского хозяйства и городов Киевское государство стало распадаться на отдельные, слабо связанные между собой феодальные княжества. Кроме того, А.В. Шестаков связывал дробление государства и с усилением классовой борьбы, а также – с ослаблением центральной власти: «стремление к сепаратизму и междоусобицы великих князей лишали Киев прежнего значения центра» [15]. Однако, в рассматриваемый период в советской историографии до конца не были определены хронологические рамки периода феодальной раздробленности, что и нашло своё отражение в учебнике под редакцией А.В. Шестакова. Если в макете учебника начало раздробленности государства определялось XI веком, то в самом учебнике – XII веком; в «Подсобном материале...» – XI веком; в «Очерках истории СССР» – серединой XII века.

Любопытна в историографическом плане позиция авторов «Краткого курса истории СССР» на процесс образования централизованного государства. В статье «Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР» А.В. Шестаков подчёркивал, что в вопросе о создании русского национального государства авторы учебника руководствовались указаниями Сталина, которые тот выдвинул в докладе на X съезде партии (1921); опираясь на этот доклад, Шестаков определял две главные причины: 1) внутренняя политика самодержавной власти, «ведущей борьбу против феодальной раздробленности». 2) Внешняя угроза со стороны «крымских татар, татар-ногайцев, борьбы с Литвой и др.» [16]. Марксистская методологическая идея о прогрессивном значении процесса централизации государства для исторических судеб народов России была поддержана авторами учебника. В «Подсобном материале...» выделялись слова Ф. Энгельса из его работы «О разложении феодализма и развитии буржуазии»: «Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть... была прогрессивным элементом, – это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке...», и тут же приводилась аналогия с русским государством: «Такого рода явления имели место и в Восточной Европе» [17]. Тесно с этой же идеей связана оценка внутренней и внешней политики Ивана IV Грозного, а также такого «феномена» русской истории как «опричнина». В учебнике А.В. Шестакова получила полное подтверждение сталинская оценка исторической роли Ивана Грозного. Авторы учебника пытались обойти отрицательные стороны правления Грозного. Если в макете учебника ещё говорилось об убийстве Иваном IV своего старшего сына в припадке ярости, и о том, что государство «становится тюрьмой народов, где народы томились под властью царя и помещиков» и, что «эту злую власть не раз пытались сбросить угнетённые массы», то в самом учебнике этого текста нет [18]. Не случайно и то, что материал о периоде правления Ивана Грозного занимает сравнительно больший объём в учебнике. Если ему была уделена целая глава, включавшая в себя два параграфа, то деятельность других царей (кроме Петра I) не очень интересовала авторов. Так, например Екатерине II было уделено всего половина страницы учебника [19]. Очень

мало говорилось об Алексее Михайловиче и Николае II. Думается, что такое отношение к личности Ивана IV не было случайным. Оно во многом обуславливалось симпатиями И.В. Сталина к этому царю. Известный русский историк и философ Г.П. Федотов, находясь в эмиграции и анализируя учебник Шестакова язвительно писал: «Не без удовольствия мы узнаём, что настоящий сталинский герой – это Иван Грозный. Изображение его царствования свободно от всякого обличительства. Вся вина за его характер, за опричнину возлагается на боярство» [20]. В другой статье Федотов Г.П. прямо сравнивает Сталина с Грозным: «Мы часто говорим о национализации русской революции. Но что это значит? Это значит, что в ней победил не Ленин и не Бакунин, боровшиеся друг с другом первые годы, а Иван Грозный. Сталин и есть перевод его на современность» [21]. В «Подсобном материале по изучению истории СССР» авторы высказались более однозначно. Они не соглашались с историками, которые давали отрицательную оценку деятельности Ивана Грозного. Опричнина ими оценивалась положительно, так как «дала возможность Ивану IV сломить боярство, тянувшую страну назад к феодальной раздробленности». «Для XVI века, – делался вывод в учебном пособии, – это было прогрессивным явлением, поскольку через это укреплялось русское государство, отбивавшееся от нападения врагов со всех сторон». Таким образом, в исторической науке того времени заметна тенденция к восхвалению Ивана IV. В начале 1940-х годов И.В. Сталин и А.А. Жданов лично задавали тон апологетике царя. Это проявилось в постановлении ЦК ВКП(б) «О кинофильме «Большая жизнь» (1946 год), в котором давалась хвалебная оценка политике опричнины. Идеализации образа Грозного немало способствовали ряд произведений литературы, искусства, кинематографа (кинофильм «Иван Грозный»), да и самой исторической науки. Так, например, книга Р.Ю. Виппера «Иван Грозный» [22] была переиздана трижды – в 1942, 1944, 1946 годах. За неё он был удостоен Сталинской премии. Таким образом, в советской историографии прочно утверждался взгляд на опричнину, синтезировавший позиции С.Ф. Платонова и Р.Ю. Виппера. Нельзя не согласиться с позицией А.А. Хорошкевича, который отмечал, что произошёл синтез предшествовавших представлений об опричнине и Грозном: сочетания государственной закономерности этого феномена (Платонов) с восхвалением его творца (Виппер) [23]. Иногда возникали абсурдные ситуации. Так, по воспоминаниям современников, М.В. Нечкина, сдавая в печать очередную рукопись, своевременно по совету академика Е.В. Тарле заменила во всём тексте понятие «реакционный характер опричнины» на «прогрессивный характер опричнины», что позволило ей, по меньшей мере, избежать критики в свой адрес.

Центральной проблемой марксистской историографии была проблема роли и значения классовой борьбы в истории. Естественно, этот вопрос занимал ключевое место в любом советском учебнике. Не являлся исключением и «Краткий курс истории СССР» под редакцией А.В. Шестакова. Зачастую историки вынуждены были гипертрофировать значение классовой борьбы как фактора исторического процесса. Уже на первых страницах учебника звучит эта тема: «Чему научит эта книжка. Она расскажет вам, как жили люди в старину, как боролись народы СССР со своими угнетателями и врагами...» [24]. Если в макете учебника о восстании Савмака не сообщалось, то в самом учебнике эта «ошибка» была устранена. В параграфе № 4 рассказывалось: «Скифы-рабы под руководством раба Савмака подняли восстание против своих угнетателей и захватили власть в свои руки» [25]. В дальнейшем восстание Савмака вошло во все советские учебники, оно являлось одним из первых примеров активного классового сопротивления в курсе истории СССР. Историю древнерусского государства, как и все последующие этапы, авторы учебника также рассматривали с позиции решающей роли классовой борьбы в общественном развитии. «Феодальные

отношения в Киевском государстве, – отмечалось в учебном пособии, – развивались на основе классовых антагонистических противоречий между князьями, боярами и церковью, с одной стороны, и трудящимися массами смердов и ремесленников, с другой» [26]. А.В. Шестаков подчёркивал, что в его учебнике в отличие от других обращается внимание на классовое расслоение славян уже в VIII веке [27]. Включение в тему «Киевское государство» отдельного параграфа, посвященного народным восстаниям в Киевском княжестве, вызывало недоумение в среде историков-эмигрантов. Г.П. Федотов считал, что авторы учебника «высасывают из пальца» факты, подтверждающие их взгляды. Однако позицию Г.П. Федотова понять можно (перепубликация его статьи в советской периодике относится к периоду переосмысления отечественной истории) – для него неприемлема марксистская интерпретация российской истории. Тем не менее, тема народных восстаний в древнерусском государстве является востребованной и в современной историографии, соответствующие разделы присутствуют во всех учебниках Федерального комплекта и соответственно входят в содержание Единого государственного экзамена.

В учебнике под редакцией А.В. Шестакова уже прочно укрепилось понятие «крестьянские войны». Если в дореволюционной историографии эта категория практически не использовалась в учебной литературе (за исключением «Учебника русской истории» И.М. Катаева), а в либеральных учебниках крестьянские движения, также как и в официально-охранительных, рассматривались как «бунт», тормозящие ход истории, разрушающие устои государственности, то в рассматриваемом учебнике достаточно много места уделено истории крестьянских восстаний. В содержании учебника А.В. Шестакова крестьянской войной признаются движения Болотникова, Разина, Булавина, Пугачёва. Эта историографическая традиция была воплощена и во всех последующих школьных учебниках по истории СССР, несмотря на то, что общепринятым взгляд на восстание Булавина как на крестьянскую войну стал лишь в начале 1960-х гг. после выхода монографии Е.П. Подъяпольской [28]. А.В. Шестаков неоднократно высказывался в научной периодике о характере и причинах крестьянских войн. Он выделял ряд факторов, влиявших на ход крестьянских войн: 1) колониальная политика феодально-крепостнической России; 2) голод, свирепствовавший в эпоху Смуты и Пугачёвщины; 3) особенности климатических условий; 4) внешняя политика России; 5) наступление правительства на вольности казаков и попытка превратить их в орудие своей колониальной политики [29]. Всё это было отражено и в школьном учебнике. Так, рассказывая о крестьянской войне в начале XVII века, авторы учебника отмечали: «Положение крестьян при Годунове очень ухудшилось... В стране три года подряд был неурожай. Наступил страшный голод... Начались разные болезни... » [30]. В параграфе, посвященном восстанию Пугачёва говорилось: «Царские правительства лишали уральских казаков их вольностей, облагали их обременительными налогами... » [31]. Основную причину крестьянских войн авторы видели в усилении крепостнического гнёта [32]. К сожалению, термин «крестьянская война» необоснованно исчез со страниц школьных учебников в 90-х годах XX века. Он только присутствовал в учебниках по всеобщей истории при изучении хода крестьянской войны в Германии. В большинстве учебников, входящих сегодня в Федеральный комплект, движение Пугачёва рассматривается со всеми признаками крестьянской войны. Движения Разина, Булавина, Болотникова рассматриваются как крестьянские восстания, хотя в каждом из них присутствуют явные признаки крестьянской войны.

В статье не представляется возможным затронуть весь спектр проблем, вокруг которых шли активные дискуссии в 30-е гг. XX века. В процессе создания первых советских учебников по истории СССР на первый план также вышли проблемы «гене-

зиса крепостного права», «формирование абсолютизма», «история русских революций» и ряд других. Все они нашли отражение на страницах «Краткого курса истории СССР» под редакцией А.В. Шестакова. Школьный учебник под редакцией Шестакова А.В. использовался в школах до 1956 года. Он выдержал 12 изданий, был переведен на многие языки народов СССР, а также на английский, немецкий, французский. Общий тираж его достиг 30 млн. экземпляров.

Несмотря на жёсткое идеологическое давление можно сделать вывод о том, что советская историческая наука не находилась в стагнации в рассматриваемый период. Появлялись новые взгляды, подходы, ряд из которых востребован современной наукой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сборник руководящих материалов о школе. М.: АПН РСФСР, 1952.
2. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917-1947 гг. Вып. 1 М.; Л.: АПН РСФСР, 1947. С. 184-186.
3. Там же.
4. Шестаков А.В. Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР» // Историк-марксист. 1937. №3. С. 88.
5. Стражев А. Учебник истории царской России // Борьба классов. 1934. № 5-6. С. 62.
6. Шестаков А.В. Как преподавать историю СССР по новому учебнику истории // Исторический журнал. 1937. № 9. С. 79.
7. 50 лет советской исторической науки. Хроника научной жизни 1917-1967 гг. М., 1971. С. 178.
8. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. / Избранные произведения. М., 1967. Кн. 3. С. 39; Ключевский В.О. Краткое пособие по Русской истории. М., 1992. С. 39.
9. Проблемы истории материальной культуры. № 3-4. С. 79.
10. Греков Б.Д. Была ли Древняя Русь рабовладельческим обществом? // Борьба классов. 1935. № 3. С. 70-71; Он же. Рабство и феодализм в Древней Руси // Известия ГАИМК. Вып. 86. 1934. С. 49.
11. Краткий курс истории СССР. Учебник для 3 и 4 классов. / Под ред. А.В. Шестакова. М., 1937. С. 18-19.
12. Историк-марксист. Кн. 4. 1938. С. 124.
13. Шестаков А.В. Как преподавать историю СССР по новому учебнику истории // Исторический журнал. 1937. № 9. С. 83.
14. Очерки по истории СССР / Под ред. А.В. Шестакова. Ч. 2. Ташкент, 1940. С. 30.
15. Очерки по истории СССР. ч.2.1941.с.12; Шестаков А.В. Ответ на критику «Материалов по истории СССР» / Пропагандист и агитатор РККА. №20. 1938. С. 41; Подсобный материал по изучению истории СССР. / Под ред. А.В. Шестакова. Ч. 1. М., 1939. С. 121.
16. Шестаков А.В. Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР». С. 89.
17. Подсобный материал по изучению истории СССР. Ч. 1. С. 127-128.
18. Учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР. (Макет) / Под ред. А.В. Шестакова. М., 1937. С. 29.
19. Краткий курс истории СССР. С. 38.
20. Федотов Г.П. Как Сталин видит историю России? // Вопросы философии. №8. 1990. С. 159.
21. Федотов Г.П. Завтрашний день // Современные записки. - Париж. 1938. № 66. С. 357.
22. Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1922.
23. Хорошкевич А.Л. Опричнина и характер русского государства в советской историографии 20-х–50-х гг. // История СССР. № 6. 1991. С. 90.
24. Краткий курс истории СССР. С. 4.
25. Там же. С. 9
26. Очерки по истории СССР. Ч. 2. Ташкент, 1941. С. 30.
27. Шестаков А.В. Как преподавать историю СССР по новому учебнику. С. 83.
28. См. Мавродин В.В. Советская историография крестьянских войн в России // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л., 1967. С. 76.
29. Исторический сборник. №1. 1934. С. 290.
30. Краткий курс истории СССР. С. 43.
31. Краткий курс истории СССР. С. 69; Подсобный материал по изучению истории СССР. Ч. 2. С. 147.
32. Краткий курс истории СССР. С. 39.

A. Fouks

FORMATION OF THE SOVIET MONOCONCEPT OF THE RUSSIAN HISTORY
AND HER REFLECTION IN SCHOOL TEXTBOOK EDITED BY A.V. SHESTAKOV

Abstract: In this article the author first in the practice of historiographic research examines the process of forming the foundations of the Marxist concept of history of the Soviet Union through the prism of one of the first textbooks - «a short course of history the USSR», edited by A.V. Shestakova. They were first introduced in the turnover category «monokontseptsiya» (in relation to the Soviet interpretation of national history), which is clearly disclosed at the level of the main features.

Key words: The Russian history monoconcept, the school textbook as a historiographic source, a state policy in the field of school history.

КОНВЕРСИЯ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945-1946 гг.)*

Аннотация: В статье рассматривается опыт проведения конверсии оборонного производства в первые послевоенные годы, анализируются проблемы, ошибки и просчеты при перестройке промышленности на мирные рельсы на примере работы оборонных наркоматов, что имеет большой научный и практический интерес при проведении политики реформирования военно-промышленного комплекса страны в современных условиях.

Ключевые слова: конверсия, «холодная война», реконструкция, рентабельность, производительность труда.

Приближение окончания войны настоятельно вызывало необходимость начать практическую работу к переходу на мирное хозяйственное строительство.

Одним из первых шагов в проведении политики частичной конверсии военного производства являлось постановление ГКО от 30 декабря 1944 г, согласно которому созданной в недрах Оперативного бюро ГКО комиссии под председательством Л.П. Берия поручалось предоставить план сокращения тех видов вооружения и боеприпасов, по которым имелись достаточные запасы, и заявки по которым в последнее время стали сокращаться. Буквально на следующий день ГКО принял по представлению Оперативного бюро постановление «О некотором сокращении производства и поставок химического вооружения и химической защиты в первом квартале 1945 г.». Вскоре (3 января 1945 г.) последовало новое постановление ГКО «О сокращении производства артиллерийского, минометного и стрелково-пулеметного вооружения», согласно которому, в частности, прекращалось производство 107 мм минометов с января 1945 г. на Иркутском заводе тяжелого машиностроения [1].

Процесс сокращения военного производства сопровождался передачей ряда предприятий из состава оборонных наркоматов в гражданские отрасли промышленности. Так, решением СНК СССР от 28 февраля 1945 г. Омский завод «Машиностроитель» был передан из системы Наркомата вооружения в ведение Наркомата совхозов СССР со всем оборудованием и материалами по балансу на 1 января 1945 г. [2].

Однако к широкомасштабной конверсии промышленности приступили только после выхода постановления 26 мая 1945 г. постановления ГКО «О мероприятиях по перестройке промышленности в связи с сокращением вооружения». Согласно принятому решению был утвержден список предприятий освобождавшихся от выпуска вооружения и переводившихся на выпуск гражданской продукции. Наркоматы оборонной промышленности обязывались предоставить в СНК СССР и Госплан СССР свои предложения о номенклатуре и размерах производства гражданской продукции на освобожденных мощностях от производства вооружения. В связи с частичным переводом оборонной промышленности с военной на гражданскую продукцию наркомам и директорам предприятий разрешалось на период освоения новых видов производств выплачивать рабочим в течение одного-двух месяцев заработную плату по фактическому заработку за последние три месяца [3].

Проведение в жизнь политики сокращения военного производства и увеличения выпуска гражданской продукции с самого начала носило противоречивый харак-

* © Шевченко В.Н.

тер. С одной стороны, жизненно необходимым являлся перевод промышленности на мирные рельсы, на производство потребительских товаров за счет резкого сокращения военного сектора экономики. С другой стороны, ярко проявлялось стремление законно сохранить во многом уникальное военное производство и наращивать выпуск новых видов оборонной продукции, которое подкреплялось начавшимся вскоре после войны «похолоданием» во взаимоотношениях между вчерашними союзниками по антигитлеровской коалиции, переросшими затем в «холодную войну».

Конверсия потребовала реорганизации системы управления военно-промышленным комплексом страны, целью которой было повышение технического уровня гражданских отраслей и создание новых военных производств. Общее количество оборонных наркоматов уже в 1945 г. сократилось. Наркомат боеприпасов был преобразован в Наркомат сельскохозяйственного машиностроения, Наркомат минометного вооружения – в Наркомат машиностроения и приборостроения, Наркомат танковой промышленности – в Наркомат транспортного машиностроения. Практически все военное производство было сконцентрировано, кроме вышеперечисленных наркоматов, в наркоматах авиационной и судостроительной промышленности.

Резко уменьшилось количество предприятий, находившихся в их подчинении и выпускавших оборонную продукцию. Процесс сокращения общего количества оборонных предприятий коснулся, прежде всего тех заводов, которые выпускали устаревшие образцы вооружения и боевой техники и которые уже не были необходимы в прежних количествах. Это привело к тому, что уже в третьем квартале 1945 г. объемы производства военной продукции на предприятиях НКБ сократились в 5,6 раз, НКМВ – 3,6 раз, НКАП – 2,3 раза. К концу этого периода объемы производства в Наркоматах военной промышленности и машиностроения сократились до уровня 1940 г. [4].

Начавшаяся во второй половине 1945 г. конверсия военного производства вела не только к снижению объемов выпуска валовой продукции, но и к изменениям в структуре и недрах оборонных наркоматов и в целом военной промышленности. Так, выпуск объемов валовой продукции предприятий оборонной промышленности в целом в 1946 г. предполагалось сократить по сравнению с 1945 г. на 36%, при этом выпуск военной продукции снижался почти в 2,4 раза, а производство продукции гражданского назначения, соответственно увеличивалось в 2,3 раза. Характерно, что при планировании объемов выпуска военной и гражданской продукции для разных наркоматов наблюдался широкий разброс. Наибольшему воздействию конверсионных процессов подвергались предприятия Наркомата боеприпасов, где планировалось сокращение общего объема выпуска продукции почти в 1,9 раза, в том числе военной почти в 5 раз, при росте выпуска гражданской свыше, чем в 2,6 раза. При этом следует отметить, что даже при снижении выпуска военной продукции на предприятиях Наркомата боеприпасов сохранялось и даже наращивалось производство широкой номенклатуры изделий военного назначения – порохов, взрывчатых веществ, химических боеприпасов [5].

Так, учитывая необходимость существования в Сибири снаряжательного завода и исходя из директивы Минсельхозмашиностроения о сохранении на заводе №635 производства боеприпасов, летом 1946 г. был разработан план восстановления мощностей на предприятии. Однако в силу значительной амортизации его временного здания, оборудования, сооружений и жилья, возобновить свою деятельность в прежнем объеме завод не мог. Поэтому в целях восстановления утраченных за время войны мощностей было выделено 30880 тыс. руб. капитальных вложений, в том числе на промышленное строительство – 10839 тыс. руб., на культурно-бытовое – 20410 тыс. руб. [6].

Предприятия авиационной и радиотехнической промышленности хотя и рез-

ко снизили объемы производства в связи с проводившейся конверсией, но в целом сохранили свой экономический потенциал. Практически ни один завод этих отраслей военной промышленности не прекратил свое существование и не изменил своего профиля. Сложность перестройки в деятельности этих предприятий состояла не только в том, что им необходимо было освоить выпуск гражданской продукции, но прежде всего в том, что им предстояло осваивать новые типы самолетов, переходить на создание и выпуск более совершенных радиотехнических средств.

Процесс реорганизации промышленного производства в Сибири начался с первых послевоенных дней. Уже в мае-июне 1945 г. практически все предприятия союзного и республиканского подчинения, входившие в годы войны в номенклатуру оборонной промышленности краев и областей Сибири прекратили выпуск военной продукции. Резко сократилось общее количество заводов, остававшихся в подчинении военных ведомств. В Восточной Сибири к концу 1945 г. оставалось действовавшими практически три завода – два в Красноярске (№4 НКВ и №327 НКЭП) и один в Иркутске (№39 НКАП). Более милитаризованной оставалась экономика Западной Сибири, особенно в Новосибирской области, где был в основном сохранен накопленный в годы войны военно-промышленный потенциал.

Сокращение производства на предприятиях оборонных наркоматов в первые послевоенные годы не сопровождалось увеличением объемов выпуска продукции в других отраслях промышленности. Демилитаризация привела к ухудшению состояния индустриального сектора экономики, так как сократившийся объем выпуска военной продукции лишь в незначительной степени возмещался увеличением выпуска гражданской продукции. Одной из основных причин сложившегося положения являлась низкая степень диверсификации подавляющего большинства промышленных предприятий, специализировавшихся на узкопрофильных технологиях и оборудовании и изготовлявших конечную сложную военную продукцию, требовавшую развитой кооперации и высокой квалификации рабочих кадров. Даже частичная конверсия сильно влияла на выполнение плановых государственных заданий.

Проведение конверсии в каждой отрасли народного хозяйства, на отдельном предприятии имели свои особенности и трудности, исходя из специфики производства. Вместе с тем, как свидетельствует практика, подавляющее большинство промышленных предприятий (военных, гражданских) оказались неготовыми быстро перестроить свое производство на выпуск необходимой мирной продукции. Необходимо было не столько перестроить производство, сколько организовать его заново, провести техническое перевооружение предприятия.

Так, несмотря на резкое снижение производственной программы на 1945 г. по основным видам военной продукции, выполнение плана по кварталам на заводе №4 НКВ неуклонно снижалось: со 109% в первом квартале до 95,3% в третьем квартале. Еще хуже обстояли дела с выпуском гражданской продукции, выполнение программы по которой за этот период упало с 315% до 91%. Выпуск валовой продукции сократился с 98 млн. рублей до 67 млн. рублей. Ни по одному виду гражданской продукции (насосы для нефтяных скважин, вертлюги для нефтяных вышек, передвижные компрессорные установки) и товарам народного потребления (мясорубки, утюги, кровати и другое) плановые задания не были выполнены, а к подготовке новых производств под изделия для угольной промышленности по программе на 1946 г. завод №4 НКВ фактически не приступил. По плану на 1946 г. выпуск гражданской продукции увеличивался вдвое [7]. Провал даже частичной конверсии во многом объяснялся проводившейся в тот период коренной реконструкцией завода, с переходом на выпуск новых видов военной продукции, с крупносерийного производства на единичное, в

силу чего недостаточно внимания, сил и средств уделялось на организацию выпуска гражданской продукции.

Медленно перестраивали свою работу заводы сельскохозяйственного машиностроения НКМВ. Из-за недостатка топлива, электроэнергии, металла практически была сорвана программа по выпуску тракторов, комбайнов, плугов, сеялок и другой сельскохозяйственной техники за 1945 г. Так, введенная в эксплуатацию в апреле 1945 г первая очередь Красноярского завода №703 НКМВ по производству комбайнов фактически оказалась неподготовленной к выпуску мирной продукции. Из-за плохого материально-технического снабжения, которое осуществлялось более чем 60 заводами-поставщиками, располагавшимися иногда в 6-7 тыс. км от Красноярска, завод смог выпустить только 176 комбайнов, вместо 400 по плану в первом полугодии 1945 г. Проектная мощность будущего завода комбайнов составляла 3000 единиц в год [8].

Перестройка работы оборонной промышленности Сибири в новых условиях хозяйственной деятельности осуществлялась в зависимости от реальной необходимости того или иного предприятия и востребованности его продукции. Вместе с тем, выделяемых ассигнований на материально-техническое перевооружение, перестройку производства на новые технологии явно не хватало, что было вполне естественно, так как основные усилия в первые послевоенные годы были направлены на восстановление разрушенного народного хозяйства в западных районах страны, в том числе и на развитие военно-промышленного комплекса. Развитие мирных отраслей производства происходило прежде всего за счет собственных накоплений и ресурсов. Соответственно показатели роста основных производственно-промышленных фондов промышленности Сибири были низкими, что вело к сужению реальных возможностей наращивания объемов выпуска необходимой продукции.

Перевод промышленности на мирные ресурсы осложнялся ухудшением материально-технической базы, оборудование большинства предприятий сильно изнашивалось, нуждалось в капитальном ремонте, морально устарело и требовало замены. С другой стороны, недостаток необходимого оборудования усугублялся демонтажем и отправкой значительной части станков и механизмов на восстанавливающиеся заводы европейской части страны. В какой-то мере компенсировать этот недостаток удавалось за счет вывоза материалов и оборудования по репарациям и соглашениям из Германии, Японии, Финляндии и других стран фашистского блока.

Прибывавшее оборудование безусловно представляло собой огромную ценность, способствовало перевооружению промышленности и в целом подъему экономики. Часть трофейного оборудования, прежде всего для военных заводов, направлялась в Сибирь. Однако использовать это ценнейшее и порой просто уникальное оборудование далеко не всегда в полной мере удавалось. Небрежное, а порой просто преступное отношение привело к тому, что нередко оно прибывало в нерабочем состоянии, часто разукomплектовано, а то и просто разрушено в ходе погрузки, перемещения и на местах разгрузки. Это создавало большие проблемы для предприятий, задерживало его использование в производстве, так как приходилось проводить значительный ремонтно-восстановительный объем работ.

Конверсия и перестройка народного хозяйства на мирные рельсы сопровождалась постепенным переходом на довоенный режим рабочего времени. Восстановление 8-часового рабочего времени привело к тому, что фактически отработанное в режиме рабочего времени одним рабочим в сентябре 1945 г. по сравнению с сентябрем 1944 г. сократилось на 20% или на 44 часа, в том числе за счет ограничения сверхурочных работ – на 24 часа. Продолжительность рабочего дня на предприятиях оборонных Наркоматов (НКБ, НКВ, НКАП) фактически уменьшилась до 7,5-7,6 часов, а число от-

работанных одним рабочим дней в сентябре 1945 г. составило по этим наркоматам от 19,2 до 19,7 дней [9]. Резкое снижение продолжительности рабочего времени не могло не отразиться на производственной деятельности предприятий, снижение средней выработки на одного рабочего.

Переход к мирному укладу жизнедеятельности и отказ от тотальной мобилизации трудовых ресурсов не могли не сказаться на обеспечении предприятий рабочей силой, что было связано в первую очередь с возросшей текучестью кадров. С заводов увольнялись и возвращались на прежнее место жительства прибывшие в Сибирь по эвакуации со своими предприятиями наиболее квалифицированные работники (рабочие, техники, инженеры и служащие), составлявшие зачастую костяк трудовых коллективов. С заводов уходили по семейным обстоятельствам женщины, пенсионеры, 14-15-летние дети. Восстановление отпусков, отмененных в годы войны, способствовали тому, что многие работники, мобилизованные из сельской местности, других краев и областей, поехав в отпуск не возвращались на прежнее место работы. Тяжелые материально-бытовые условия, сложности в производственной сфере в период перестройки также способствовали сокращению численности работников предприятий. Критическое состояние с квалифицированными кадрами, особенно с инженерами и техниками, приводило к тому, что на заводах ряд цехов, участков, отделов оставался без технических руководителей, что неизбежно вело к значительному ухудшению технологической дисциплины и качества продукции. Только за 1945 г. и первый квартал 1946 г. с завода №69 НКВ ушло 2343 человека (свыше 50% списочного состава), в основном высокой квалификации, в том числе 95 дипломированных ИТР [10].

Изменения в отраслевой структуре производства в связи с резким сокращением заказов на крупносерийное производство устаревшей военной техники и переход на выпуск более совершенной и сложной боевой техники и вооружения, а также освоение производства гражданской продукции неизменно повышали требования к уровню квалификации рабочих и ИТР. Имевшийся уровень подготовки работников был вполне достаточным для массового производства однотипной военной продукции, в условиях же налаживания выпуска широкого ассортимента гражданской продукции и во многом уникального вооружения и военной техники, становился явно недостаточным.

Снижение производительности труда и сокращение объемов промышленного производства неизбежно вело к повышению себестоимости продукции, особенно на предприятиях оборонной промышленности, так как при ограниченном выпуске гражданской продукции, а также единичном и мелкосерийном производстве военной продукции уровень себестоимости единицы изделия был значительно выше, чем при массовом или крупносерийном производстве. Среди других факторов удорожания себестоимости промышленной продукции по-прежнему являлся высокий уровень потерь от брака и непроизводственные расходы.

Уже первый опыт работы показал, что по мере увеличения заказов на выпуск гражданской продукции, рентабельность предприятий оборонной промышленности стала неуклонно снижаться, несмотря на значительное увеличение цен на новые военные изделия. Одной из основных причин убыточности военных заводов являлись низкие цены на большинство выпускаемого ими оборудования и машин гражданского назначения. Утвержденные еще с довоенных времен, они уже не соответствовали усложнению их производства в связи с происходившей модернизацией, созданием новых образцов продукции гражданского назначения. Производственные затраты на единицу изготавливаемой продукции, расходы на сырье и материалы росли значительно быстрее, чем установленные государством цены. В какой-то мере снизить уровень

убыточности производства гражданской продукции на оборонных предприятиях помогало выполнение заказов, не вошедших в обязательный преysкурaнт гражданских изделий, цены на которые устанавливались на договорных началах.

Таким образом, начавшийся в конце войны процесс конверсии военного производства в Сибири неизбежно вел к снижению количественных и качественных показателей в деятельности промышленных предприятий. Спад промышленного производства наблюдался практически во всех регионах Сибири. Объемы выпуска промышленной продукции уровня 1945 г. в Красноярском и Алтайском крае были достигнуты только в 1947-1948 гг., а в Новосибирской и Омской областях – в 1951 г. [11]. Основными причинами такого положения являлись слабое внедрение новой техники и технологии, плохая материально-техническая база, отсутствие устойчивых производственных связей, недостатки в организации производства и труда. Кроме того, те отрицательные явления в экономике страны (снижение квалификации, ослабление хозрасчета, невнимание к финансовому состоянию предприятий и др.), которые в годы войны были не так заметны благодаря высокой организации работы военных заводов, при переходе к мирным условиям деятельности стали сказываться со всей силой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Российский Государственный архив социально-политической истории. (РГАСПИ) Ф.64, Оп. 1, Д.345, Л.368; Д.348, Л.Л. 24, 45.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 4372, Оп. 45, Д. 494, Л. 13.
3. Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968. С. 231-233.
4. Российский Государственный архив экономики. (РГАЭ) Ф. 7733, Оп. 36 с. Д. 1979. Л. 3.
5. РГАЭ Ф. 4372, Оп. 94, Д. 1464, Л. 114.
6. Государственный Архив Новосибирской области (ГАО). ФП.-4, Оп. 10, Д. 27, Л. 45, 46.
7. Архивное агентство Красноярского края (АА ККК). Ф.-852, Оп. 1, Д. 117, Л. 15.
8. РГАЭ Ф.4372, Оп. 46, Д. 494, Л. 50-54.
9. РГАЭ Ф.7733, Оп. 36 с, Д. 1979, Л. 8.
10. ГАО ФП.-4, Оп. 10, Д. 513, Л. 54.
11. Индустриальное освоение Сибири: опыт послевоенных пятилеток 1945-1960 гг. Новосибирск, 1989, С. 61,62.

V. Shevchencko

MILITARY INDUSTRIAL PRODUCTION CONVERSION DURING FIRST POST-WAR YEARS (1945-1946)

Abstract: The article deals with military industrial production conversion during first post-war years. The author analyses the problems, errors and drawbacks in industry reconstruction of defense people's commissariats. This research has theoretical and practical value while conducting military industrial complex reform policy in modern conditions.

Key words: conversion, re-conversion, "Cold War" reconstruction, profitability, labour productivity.

РАЗДЕЛ III. НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Эрлихсон И.М.

ЭКОНОМИКО-СОЦИАЛЬНАЯ АНТИУТОПИЯ Б. МАНДЕВИЛЯ «БАСНЯ О ПЧЕЛАХ»: ЦЕЛИ НАПИСАНИЯ, ИДЕЙНАЯ ПАРАДИГМА И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ*

Аннотация: Статья посвящена проблемам развития английской утопической мысли эпохи раннего Просвещения (1689-1714). Анализ сюжета и стилистических особенностей «Басни о пчелах» Б. Мандевиля, написанной в рамках жанра антиутопии и сатиры, позволяет выявить характер мировоззрения автора, а также создать целостное представление о развитии политико-философской и экономической мысли и воссоздать социальную и культурную обстановку вышеуказанной эпохи.

Ключевые слова: Англия, XVIII век, общественная мысль, антиутопия, меркантилизм.

Одним из косвенных последствий Славной революции 1689 года стал углубляющийся кризис классической социальной утопической мысли. Этот факт отмечал авторитетный исследователь английской утопии А. Мортон [6, 107-108], его же подчеркивала в отношении народных и так называемых «кооперативных» утопий известный советский историк Т.А. Павлова [8]. Еще одним свидетельством кризиса классической социальной утопии является появление антиутопий: произведений, либо отрицающих саму возможность построения обществ социального справедливости и благоденствия, либо описывающих отрицательные результаты попыток создания идеальных и совершенных миров. К числу таких относятся «Остров Пайна» [1678] Г. Невилля, «Консолидейтор» Д. Дефо [1705], «Остров удовольствия» Э. Уорда [1709]. Представляется вероятным, хотя и требующим доказательств, что этот ряд антиутопических произведений может быть дополнен поэтическим памфлетом Бернарда Мандевиля «Возроптавший улей, или Мошенники, ставшие честными». Цель басни, которую автор объяснил в «Предисловии» к изданию 1714 г, сводилась к доказательству «невозможности пользоваться имеющимися в распоряжении могущественной нации благами и обладать всеми благословенными добродетелями, равно как невозможно достичь богатства, ведя беспорочный образ жизни» [18, 6-7]. Именно резкий контраст между данным подходом и концепцией Т. Мора о противности общественному благу пороков человеческой натуры дали основание высказать гипотезу о том, что «Басня о пчелах» является одной из наиболее ранних антиутопий [9, 38-39].

К критическому осмыслению общефилософских, этических, экономических и социальных идей Мандевиля обращались не только его современники Ф. Хатчесон, Д. Юм, Э. Шефтесбери, Ш. Монтескье, но и философы, историки, публицисты XIX и XX

* © Эрлихсон И.М.

вв. Идеи Мандевиля обратили на себя внимание многих выдающихся экономистов, от А. Смита и К. Маркса до Ф. Хайека и Дж. Кейнса. В данном же исследовании мы попытаемся провести анализ экономико-социальных воззрений Мандевиля в контексте генезиса общественной мысли Англии второй половины XVII - начала XVIII века и определить жанр басни с использованием методологии современной теории утопий. Небольшое стихотворение «Возроптавший улей или Мошенники, ставшие честными» в первый раз появилось в 1705 году. Второе, но уже расширенное издание, наряду с поэмой включающее «Предисловие» и философское эссе «Исследование о происхождении моральной добродетели» и имевшее новое, вошедшее в историю философской и экономической мысли, название «Басня о пчелах, или пороки частных лиц, блага для общества», было напечатано в 1714 г. Именно в приложениях содержались комментарии к стихам, которые были «построены как конкретные пояснения и подтверждения мыслей, сформулированных в строках поэмы, но в сущности (приложения — И.Э.) имели и самостоятельное значение, поскольку в развернутой и законченной форме излагали взгляды автора на «вопросы торговли и экономики, политики и этики, религии и воспитания», именно в этих приложениях содержались и анализ человеческих аффектов и знаменитые парадоксы Мандевиля» [9, 18-19]. В 1723 г. появилось новое издание «Басни», кроме ранее опубликованного материала содержащее две работы «Опыт о благотворительности и благотворительных школах» и «Исследование о природе общества», которые, по сути, являлись детализированными комментариями к «Возроптавшему улью». Именно это издание по не вполне установленным биографами причинам стало предметом судебного преследования и чрезвычайно резкой критики со стороны общественности, которая сочла книгу в высшей степени безнравственной и аморальной. Сам же автор, «втянувшись в полемику, уже не смог с ней развязаться. До конца своих дней он вынужден был разъяснять и растолковывать свои взгляды, изыскивать формы защиты, писать на тему «Басни» все новые страницы. А книга жила» [9, 22].

Использование методологического аппарата современной теории утопий для определения жанра, в котором написан памфлет Мандевиля, и для анализа гипотезы А.Л. Субботина, считавшего это произведение одной из первых антиутопий, делает необходимым кратко воспроизвести сюжет «Возроптавшего улья...». В басне рассказывается история богатого пчелиного улья, который славился своими законами и военной мощью, в котором процветали промышленность, торговля, наука, но который одновременно был рассадником широчайшего спектра человеческих пороков. Мошенничество и обман являлись неотъемлемой частью любой профессиональной деятельности, будь то политика, торговля, юриспруденция, религия, военное дело и даже медицина.

И были в улье в том едва ли
Занятя, где бы ни плутовали. [3, 11].

Но, как ни парадоксально, именно повсеместный обман был основой процветания и величия улья: порок каждого отдельно взятого члена пчелиного общества, благодаря умелому управлению ульем, способствовал гармонии.

Пороком улей был снедаем,
Но в целом он являлся раем...
Весьма искусное правленье
Всех пчел хранило единенье [3, 14].

Когда же обитатели улья, устав от непрерывного обмана, взмолились богам, чтобы те сделали их честными, Зевс, «сверкнувши грозным оком», удовлетворил их просьбу, и жизнь в улье изменилась до неузнаваемости. Адвокаты перестали затягивать дела, министры – брать взятки, священники усердно молились, врачи облегчали страдания больных, понизились цены, юные моты стали жить по средствам. И лишь одно омрачало столь идиллическую картину: с ограничением потребностей и опрощением жизни свернулись целые отрасли производства, пришли в упадок ремёсла, искусство и торговля. Лишившийся бывшего торгового и военного могущества, улей подвергся нападению «коварных соседей» и выстоял лишь ценой полного разорения.

Настолько пчелы опростили,
Что все в дупло перелетели,
Где, честной бедностью своей,
Гордась, живут до наших дней [3, 20].

Таким образом, абстрагируясь от аллегоричности формы, из сюжета можно выделить три основных хода автора. Это описание существующего состояния социума со всеми его внутренними недостатками, но успешного на государственном уровне; моделирование нового состояния общества, лишенного внутренних недостатков; описание последовавшей за этим постепенной деградации условий жизни в смоделированном «стерильном» социуме и наступившего государственного упадка. Именно эти сюжетные ходы определяют жанровые особенности произведения и будут объектом нашего анализа.

По существующим сегодня философским представлениям об утопическом сознании, утопиях и утопическом - «антиутопию», как самостоятельный жанр, можно очертить следующей совокупностью отличительных особенностей:

- антиутопии есть результат исторической эволюции социальной утопии: «...рисую картину идеального ... мира люди ... задумываются о том, как может выглядеть мир, ... в котором они жить не желали бы и появление которого они хотели бы предупредить [7, 18];

- причины появления «антиутопий», при всем их многообразии, сводятся в первую очередь к критике идей, положенных в основу создаваемых утопистами идеальных социумов всеобщего равенства и благоденствия;

- хотя в настоящее время отсутствует абсолютное единогласие в дефиниции термина «антиутопия», тем не менее, специалисты в этой области относят к «антиутопиям» произведения, характерным признаком которых является отрицание утопизма как такового, и описание в противопоставление ему негативного тупикового мира, возникающего в динамическом развитии некоей искусственно смоделированной утопистом ситуации. Рассмотрение основных сюжетных ходов, использованных Мандевилем в его памфлете, сквозь призму современной теории утопий позволяет отнести «Возроптавший улей...» к жанру антиутопии. А это в свою очередь ставит вопрос о том, какие цели преследовал Мандевиль, выбрав столь редкий для своего времени жанр. Проблема целеполагания автора при работе над «Басней...» в доступной библиографии работ о Мандевиле никогда не акцентировалась либо решалась достаточно прямолинейно. «Басню...» рассматривали как сатирическую атаку на «Общества для исправления нравственности» [17, 6], как обличение христианского ригоризма и лицемерия [15, 325], как критику пороков английского общества в целом, религиозное лицемерие которого удобно сочеталось с поклонением золотому тельцу [11]. В марксистской политэкономии за Мандевилем закрепилась репутация критика капиталистических отношений и буржуазного общества, а М.В. Марков [4, 144] видит «гениаль-

ность автора в том, что в период зарождения капиталистического строя он смог дать его остроумное и в основном верное описание».

Представляется, что выяснение целевых установок Мандевиля в работе над «Басней ...» в период 1705-1724 гг. должно стать понятным из анализа его отношения к существовавшему в начале XVIII века государственному и экономическому устройству Англии. Во всех произведениях мыслителя видна как безусловная лояльность базовым принципам построения политической власти и экономики, так и обеспокоенность кризисными явлениями в экономике и наличием нерешенных социальных проблем, главной из которых в то время была пауперизация и обнищание масс. «Его социально-экономическая программа рисовала образ буржуазного мира ..., если и не лучшего из миров, то, во всяком случае, лучшего из всех существовавших. Мыслитель считал, что «Должны быть обеспечены собственность и равные права всех людей. Торговля главное, но не единственное условие необходимое для величия страны. Искусство сделать народ счастливым и процветающим заключается в том, чтобы предоставить каждому возможность иметь занятие» [9, 70]. Среди исследователей творчества Мандевиля отсутствует единое мнение относительно его экономических пристрастий. Ф. Кайе считал, что «в «Басне...» Мандевиль вполне определенно излагает теорию, ныне известную как теорию *laissez-faire* и господствовавшую в экономической мысли более ста лет...» [18]. Еще более определенно высказывался Дж. Фуц: «Общественное благополучие, по мнению Мандевиля, должно основываться на свободной экономической деятельности. Государство не должно было вмешиваться в экономическую политику, за исключением случаев защиты прав собственности, общественного порядка и предоставления работы безработным в случае необходимости» [13, 84].

Более взвешенно, и это представляется мотивированным особенно в контексте замечания Т. Грегори: «Ни в один период английской экономической истории, как в эпоху Реставрации, не прослеживалась такая явственная тенденция подведения фактов под предвзятое мнение. Экономическая история конца XVII - начала XVIII вв. ознаменована поиском предшественников Адама Смита и учения *laissez-faire*» [14, 37], относятся к творчеству Мандевиля другие весьма авторитетные ученые. Так Дж. Винер осторожно замечает, что «многие, включая и экономистов, ошибочно причисляют Мандевиля к пионерам экономического индивидуализма в экономике и называют его предшественником Адама Смита. Это неверная интерпретация Мандевиля – ... прочесть его афоризм «частные пороки, общественные добродетели» как девиз теории *laissez-faire*, утверждающий естественную гармонию между частными интересами и общественным благом» [20, 11]. А.Л. Субботин также приходил к заключению о том, что взгляды мыслителя весьма близки к представлениям позднего меркантилизма. И такая оценка творчества Мандевиля, с научной точки зрения, представляется наиболее взвешенной.

Действительно, Мандевиля никак нельзя отнести к ученым, профессионально занимавшимся проблемами политической экономии. Более корректно видеть в нем реформатора, т.е. экономического мыслителя, который, принимая основные положения меркантилизма, старается устранить или согласовать с меняющейся экономической практикой слабые места этого учения. Начав свой анализ с положения о том, что национальная экономика пребывает в состоянии депрессии, Мандевиль сосредоточил свою реформаторскую деятельность на поиске путей стимулирования экономической активности, снижения безработицы и пауперизма. И здесь центральное место занимает его представление о трате как важнейшем средстве стимулирования занятости населения. Подобные идеи в хаотическом виде встречаются и в работах других поздних меркантилистов С. Фортри, Н. Барбона, Д. Нортона, которые также

считали потребительские расходы средством достижения полной занятости. Однако вышеупомянутые мыслители говорили о важности трат на товары отечественного производства, стимулирующих занятость и не оказывающих негативного влияния на сферу торговли. Такой подход был тесно связан с широко распространенным среди меркантилистов мнением о недопустимости расходов на излишества. Мандевиль же, по утверждению Дж. Фуца, создал «теорию, до сих пор не превзойденную по силе и форме. ... Он разрубил гордиев узел, отвергнув какое бы то ни было различие между роскошью и обычными товарами, даже при условии, что первая была импортом... Более того, Мандевиль отрицал какое бы то ни было различие между минимально достаточной собственностью и роскошью; для него не имело значения, какой вид труда был бы востребован, если было достигнуто состояние максимально полной рабочей занятости. Для него не важно, являются ли полученные блага законной необходимостью или роскошью в чистом виде, потому что, если нужды людей бесконечны, то все, что может удовлетворить их, не имеет границ: то, что для одних избыточно, для других не более чем необходимость...» [13, 86]. Указанная идея не была просто намерением, проскальзывающим то здесь, то там, как было в произведениях современных ему экономических публицистов, Мандевиль посвятил ей большую часть книги, сделав ее ядром своей теории. Следовательно, в противовес всем существующим мнениям, он рассматривал расточительность и трату денег как важное средство достижения полной рабочей занятости. И такой подход к вопросам потребления, понимание стремления человека к максимально полному удовлетворению своих потребностей самым непосредственным образом подвели Мандевиль к анализу того, как эти естественные интересы людей соотносятся с процессом экономического развития.

Уже античные философы считали личностные интересы, обусловленные самой природой человека, одним из определяющих факторов в поступательном развитии человеческого общества. «С первыми проявлениями капитализма и европейской Реформации ранние представители буржуазной идеологии делают первые попытки вывести те или иные поступки людей из их потребностей или интересов» [2, 20]. В XVII-XVIII веках английские моралисты Э. Шефтсбери, Ф. Хатчесон и философы-просветители К. Гельвеций, П. Гольбах, Д. Дидро и др. также старались объяснить всё многообразие общественной жизни с помощью интересов. В это же время проблема интересов начала привлекать внимание и экономистов. Но для меркантилизма с его доминантой государственности личностные интересы рядового человека просто не существовали, он воспринимался объектом, а не субъектом экономической деятельности. «Меркантилизм - экономическая стратегия, направленная на достижение политического могущества в мире жесткой конкуренции. Направления меркантилизма как практической политики сводились к осуществлению всеобъемлющего государственного контроля над всеми секторами национальной экономики» [12, 179]. Главная идея меркантилизма, по мнению авторитетного исследователя Э. Хекшнера, заключается в следующем: «Взять людей такими, какие они есть, и вести их в направлении, необходимом для процветания государства» [16, 293]. Меркантилисты традиционно указывали на то, что личные интересы противоречат общественному благу. И в этом контексте определение Мандевилем личностных интересов людей как движущей силы экономики можно считать его самым важным вкладом в реформирование меркантилизма и вершиной его научного творчества в экономике.

Исходя из своего понимания человеческой психологии, Мандевиль полагал, что открыл главную движущую силу экономической активности – человеческие потребности и аффекты. Именно в них он видел одно из проявлений личностного интереса: «... я покажу, что те, кто воображает, будто наши общественные добродетели и при-

ятные качества так же выгодны обществу, как и отдельным лицам, которые ими обладают, совершают грубую ошибку... потребности, пороки и несовершенства человека в сочетании с различными суровостями воздуха и других стихий содержат в себе семена всех искусств, производства и труда...» [3, 216, 225]. Мандевиль одним из первых осознал и отметил, что стремление к преобразованию окружающей действительности является одной из главных антропологических характеристик человека, и в том, что он стремится улучшить в основном личное пространство, нет ничего постыдного. «Именно этому соревнованию и постоянному стремлению превзойти друг друга мы обязаны тем, что после всех многочисленных разнообразных движений и изобретений моды... всегда еще остается *plus ultra* для изобретательных людей; и именно это дает работу беднякам, прищипоривает трудолюбие и поощряет искусного ремесленника искать дальнейшего усовершенствования» [3, 75].

С другой стороны, столь превозносимые традиционным меркантилизмом бережливость и самоограничения Мандевиль рассматривал в качестве главной причины малой экономической активности. Он называл экономность мнимой добродетелью, бесполезной для страны, занятой в торговле, в которой миллионы тем или иным образом должны заниматься трудом. «Благоразумная бережливость, которую некоторые люди называют экономией, служит самым верным способом увеличить состояние семьи; некоторые воображают, что тот же самый способ, примененный в отношении целой страны, будет иметь для нее те же самые последствия. Если вы хотите получить бережливое и честное общество, - продолжал он, - тогда наилучшая политика состоит в том, чтобы сохранить общество в состоянии первобытной простоты, стремиться не увеличивать их численность; пусть они никогда не знают иностранцев и не знакомятся с излишествами, удаляйте и прячьте от них все, что может возбудить их желание или усовершенствовать их разум» [3, 107-109]. Расточительность же, напротив, предлагает тысячи изобретений, мешающих людям сидеть сложа руки, и является источником «огромного разнообразного труда, который способна изобрести человеческая фантазия, дабы обеспечить честный способ заработать на жизнь огромному числу трудящихся бедняков, которые необходимы, чтобы существовало большое общество» [3, 217]. Следовательно, абсолютно бесплодной, с точки зрения приумножения национального благополучия, Мандевиль считал восхваляемую Р. Стилем «порождающую истинное счастье удовлетворенность собой» [1, 115]. «Довольством я называю ту спокойную безмятежность духа, которой наслаждаются люди, когда думают, что они счастливы, и остаются удовлетворенными таким положением, в котором они находятся. Это такая добродетель, одобрение которой очень рискованно и сомнительно», - парировал Мандевиль» [3, 143].

Ставя в центр своей концепции о движущих силах экономического развития частные интересы всех участников экономической деятельности, Мандевиль, однако, не верил ни в спонтанный порядок, зарождающийся из эгоистичных действий людей, ни в идею естественной гармонии между ними. Для того, чтобы обуздать низменные человеческие инстинкты, по мнению мыслителя, необходимы сильная власть и мощный бюрократический аппарат. «Первая забота всех правительств состоит в том, чтобы при помощи самых суровых наказаний укротить его (народа — И.Э.) гнев, когда он приносит вред, и тем самым, усилив его страхи, предотвратить те беды, которые он мог бы вызвать» [3, 121]. Вместе с тем, как тонкий знаток человеческих слабостей, Мандевиль осознавал, что «ожидать, что у власти будут добродетельные люди, значит обнаружить полное незнание человеческой природы» [19, 335]. Из всего этого совершенно очевидно, что идеал общественного устройства Мандевиля вовсе не заключался в безудержном неконтролируемом разгуле человеческих пороков, а «Басня ...» ме-

нее всего была сатирой на добродетель, и ее автор не брал «на себя задачу разрушить сами основы моральной добродетели и поставить на ее место порок» [3, 324]. Мандевилль называл свое творение «книгой суровой и возвышенной нравственности», и утверждал, что «во всех обществах, больших и малых, долг каждого его члена – быть добрым, добродетель следует поощрять, порок не одобрять, законы соблюдать, а правонарушителей наказывать» [3, 135]. При этом, в отличие от Шефтсбери, презиравшего тех, «у кого нет лучших соображений в пользу честности, кроме страха перед виселицей и тюрьмой» [10, 315], мыслитель оставался жестким реалистом и полагал систему наказаний одним из наиболее действенных инструментов государственного управления: «... абсолютная глупость – утверждать, что власть не должна вершить зла, если из этого можно извлечь пользу» [19, 165].

Глубокое понимание диалектики взаимоотношений людей как субъектов экономической деятельности и необходимого государственного управления позволило Мандевиллю коренным образом реформировать меркантилистские представления об эффективных границах государственного регулирования. Начало XVIII века ознаменовалось системным кризисом меркантилизма, на основе которого строилась государственная политика. При этом не только представители средней буржуазии, но и «...все прогрессивные мыслители, будь то физиократы, поздние меркантилисты или либералы, испытывали антипатию к тем, кто пользовался преимуществом политической или социальной власти в целях присвоения большей доли дохода» [5, 16]. Однако только Мандевилль увидел сбалансированные границы государственного участия в регулировании экономики, которые бы расширяли отраслевое поле промышленного и аграрного производства, способствовали росту занятости, не устанавливали бы искусственные барьеры вхождения в бизнес и при этом не отступали от фундаментальных принципов меркантилизма. По его представлениям, функция государства должна сводиться к тому, чтобы формировать благоприятный психологический климат для развития экономики: «Великое искусство создания счастливой нации и обеспечения ее процветания заключается в наделении каждого возможностью работать; чтобы достичь этого, власти в первую очередь должны развивать широкий спектр мануфактур, искусств и ремесел, какие только может выдумать человеческий разум; во-вторых, они должны благоприятствовать развитию сельского хозяйства и рыбного промысла в любых их разновидностях», а «... главное дело политика в целом – стимулировать и, если он сможет, вознаградить все хорошие и полезные действия с одной стороны; и с другой, наказать или хотя бы препятствовать всему, что пагубно влияет на общество» [19, 321].

В более традиционном для меркантилизма стиле выдержаны представления Мандевилля о решении проблем занятости и пауперизма, хотя и здесь имели место элементы реформаторства. По мнению мыслителя, за счет стимулирования государством предпринимательской активности должно быть создано такое количество рабочих мест, которое обеспечит полную занятость, но при этом бедные должны получать зарплату, не превышающую прожиточный минимум, и должны постоянно тратить то, что они получают. Тем самым у бедняков появляется стимул к постоянному труду, а в экономике создаются дополнительные потребительские ниши. Одновременно с этим сохраняются внутренние механизмы, препятствующие размыванию имущественных границ — Мандевилль считал нежелательным переход бедняков в категорию более состоятельных членов общества. Этим, в частности, объясняется его негативное отношение к образованию бедных и ставшее, по мнению ряда исследователей, одной из наиболее вероятных причиной столь ожесточенных нападок и преследований мыслителя.

Таким образом, анализ «Басни...» в совокупности со всем корпусом приложений и дополнений, появлявшихся во вновь публикуемых изданиях, позволяет определить мировоззренческую позицию ее автора. Безусловно, все предложенные Мандевилем новые концепции понимания движущих сил экономического развития, границ государственного регулирования экономической деятельности, а также пути решения социальных проблем занятости и борьбы с пауперизмом осуществимы в рамках существующего политического и экономического устройства Англии конца XVII — начала XVIII веков. В этом контексте антиутопия Мандевилля родственна и может быть отнесена к утопическим экономико-социальным проектам обеспечения занятости и борьбы с нищетой, которые предлагались П. Чемберленом, П. Корнелиусом и Дж. Беллерсом. Мыслитель, как и перечисленные утописты в своих проектах, переходит, хотя и с несколько разных позиций, к персонификации работающего индивида: Корнелиус и Беллерс для своих общин подбирают профессионально подготовленных, желающих работать и улучшать свое имущественное и социальное положение бедняков, а Мандевиль идет значительно дальше, видя в каждом активном субъекте экономики ее развивающееся начало. В этом смысле мы можем говорить о неких зачатках индивидуализма, столь характерного для грядущей эпохи Просвещения.

Вместе с тем, гипотеза о том, что в мыслитель в своих работах предвосхитил положения классической политэкономии А. Смита не находит серьезных доказательств, т.к. центральные представления этих учений: анализ природы появления прибыли, «игра с ненулевыми суммами», «концепция невидимой руки», теория *laissez-faire*, в произведениях Мандевилля отсутствуют. Лишь в отдаленной степени можно рассматривать выдвинутую мыслителем сугубо философскую идею об аффектах как мотивах экономического поведения человека как предвосхищение отдельных положений А. Смита о моральных мотивах поведения хозяйствующего субъекта. Более убедительным представляется вывод о меркантилистических убеждениях мыслителя. Предложенные им новации о личностных интересах субъектов экономической деятельности как движущей силы экономического развития и перенос эпицентра государственного регулирования с предоставления отраслевых или монопольных преференций на стимулирование развития отраслей промышленности с высокой потребностью в трудовых ресурсах и на организацию законодательного поля, в смысле гарантий прав собственности и одинаковых конкурентных условий, никоим образом не выходят за рамки основных принципов зрелого меркантилизма.

Вместе с тем, между работой Мандевилля и утопиями Чемберлена, Корнелиуса и Беллерса безусловно есть и отличия. Главным из них является то, что, в отличие от социальных реформаторов, стремящихся не только обеспечить трудовую занятость бедняков и пауперов, но и решить их социальные проблемы, мыслитель оставался последовательным носителем буржуазного мировоззрения, для которого классовое и имущественное расслоение общества было естественным и неизменным. В отличие от работ вышеупомянутых мыслителей, жанровая принадлежность которых очевидна, идеи Мандевилля были настолько неоднозначны, что «Басню» характеризовали с разных, порой противоположных позиций. Дж. Фуц называл ее «индивидуалистической утопией высокой исторической значимости. Эта утопия, ставшая катализатором идей, благодаря своей силе и откровенности освободила многих людей от вечного поиска оправдания их действий и отправила их по волнам океана экономической свободы» [13, 93]. Но проведенный анализ позволяет, скорее, согласиться с Л.А. Субботиным: «Об Утопии, о Золотом веке говорится в заключительных стихах «Возроптавшего улья». И тогда напрашивается мысль: не следует ли рассматривать мандевилевскую басню и как одну из ранних антиутопий? Развитие сюжета мандевилевской «Басни»,

если позволить себе аналогию, подобно ходу логического доказательства посредством сведения к абсурду, где в роли «абсурда» выступает как раз Утопия» [9, 39-40].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аддисон Дж. Стил Р. Эссе из журнала «Зритель», 19 мая, 1711// Англия в памфлете. М., 1987.
2. Канапухин П.А., Хаустов Ю.И. Генезис научных представлений об экономических интересах. Вестник ВГУ, серия «Экономика и управление». 2005. № 2.
3. МанDEVиль Б. Басня о пчелах или пороки частных лиц – блага для общества. М., Наука, 2000.
4. Марков М. В. «Басня о пчелах» МанDEVилья и ее восприятие в экономической науке XVIII-XX вв. // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2003. Вып. 1.
5. Мокир Дж. Меркантилизм, Просвещение и промышленная революция// Экономический Вестник Ростовского государственного университета. 2006, Т. 4. № 1.
6. Мортон А.А. Английская утопия. М., 1963.
7. Морщикина Л.А. Классические и неклассические утопии в контексте социально-философских исследований. Дисс. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2004.
8. Павлова Т.А. Английская народная утопия. М., 1998.
9. Субботин А.Л. Бернард МанDEVиль. М., 1986.
10. Шефтсбери. Sensus communis //Шефтсбери. Эстетические опыты. М., 1975.
11. Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2.
12. Buck W.P. The politics of mercantilism. New York, 1974.
13. Fuz J. K. Welfare economics in English utopias. The Hague, 1952.
14. Gregory T.E. The economics of employment in England, 1660-1713// Economica. -1921.- № 1.
15. Harth Ph. The satiric purpose of The Fable of the Bees. - Eighteenth Century Studies. 1969, Vol. 2.
16. Heckscher E. Mercantilism. L.1934. Vol. 2.
17. Horne T. The social thought of Bernard Mandeville. New York, 1978
18. Mandeville B. The Fable of bees// ed. by F.B. Kaye. L., 1924.Vol.1
19. Mandeville B. The Fable of bees// ed. by F.B. Kaye. L., 1924.Vol.2.
20. Viner J. Inroduction// Mandeville B. A letter to Dion. Berkeley,: Augustan reprint, 1953.

I. Erlihkson

ECONOMIC-SOCIAL DYSTOPIA OF «THE FABLE OF THE BEES» BY B. MANDEVILLE'S: THE WRITING PURPOSES, AN IDEOLOGICAL PARADIGM AND GENRE FEATURES

Abstract: The article is devoted to English utopian thought development in the Early Enlightenment epoch (1689-1714). The analysis of the plot and stylistic peculiarities of «The Fable of the bees» by B. Mandeville written in the genre of dystopia and satire allows to discover political ideology character of the investigated author, to give a full insight of political, philosophical and economic thought development and to reconstruct socio-cultural atmosphere of aforesaid period.

Key words: England, 17th century, social thought, dystopia, mercantilism.

КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ФРГ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЛЕВАЦКИМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАКТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ И ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ С НАЧАЛА 1970-Х ГГ. ДО НАЧАЛА XXI В. *

Аннотация: Автор статьи рассматривает эволюцию методов и влияние контр-террористической деятельности в ФРГ на законодательство и в целом на социально-политическую ситуацию в стране во второй половине XX – начале XXI вв. Также в статье сделана попытка прогнозирования политических последствий контртеррористической деятельности в ФРГ и предложены способы ее усовершенствования без наступления на демократические права и свободы граждан.

Ключевые слова: терроризм, ультралевые, RAF, история ФРГ.

Одним из последствий «студенческой революции» 1968 г. стало появление целого ряда левацких террористических групп, таких, как «Прямое действие» во Франции, «Красные бригады» в Италии, «Фракция Красной армии» («Rote Armee Fraktion», RAF, другое название – «Группа Баадера-Майнхоф») и «Революционные ячейки» в ФРГ. Эти группы, объясняя свои действия левой идеологией, не предложили, однако, достаточно состоятельной теории политического развития, а выступали лишь за немедленное свержение капиталистического строя, в качестве средства революции избрав акты «индивидуального террора», который подвергал критике сам вожь Великой Октябрьской революции В. И. Ленин¹.

На наш взгляд, судьба RAF – хрестоматийный пример деятельности левацких террористических организаций, члены которых настаивают на скорейшей насильственной смене общественно-экономических формаций без учета объективных факторов, которые должны сформироваться для такой перемены. Это ведет к многочисленным и бессмысленным жертвам, как среди членов самих таких групп, так и среди тех, кого они избирают объектами своих терактов, не говоря уже о рядовых гражданах, которые в больших количествах погибают при проведении акций. По словам специалиста по истории военных режимов Е. Н. Пашенцева, «Темпы развития революции ставились леваками в зависимость не от готовности народных масс, наличия и зрелости их политического авангарда, а от субъективного желания добиться скорейшим образом «скачка в революции». «Скучный» процесс подготовки «скачка» сводился к революционной риторике»². По этому пути пошла и RAF. Такие группы, многие из которых сформировались в рамках студенческого движения 1968 г. и ставили своей целью противодействие как западной модели капитализма, так и бюрократической диктатуре Восточного блока, почти всегда (в большинстве случаев против собственного желания), начинали играть на руку им обоим.

Террорист-левак поначалу стал для германских властей принципиально новым типом преступника, что видно из тактики противодействия властей ФРГ акциям RAF. Осени 1970 г. первый состав RAF совершил ряд преступлений в разных городах ФРГ. В этой ситуации 29 января 1971 г. был подписан акт ÖS 6-625 050/14 о том, что Федеральное управление уголовной полиции (Bundeskriminalamt – БКА) начинает преследование «Группы Баадера – Малера – Майнхоф». Полиция собирает все сведения о «Группе Баадера – Майнхоф», поддерживает тесный контакт с «региональными спе-

* © Базаркина Д.Ю.

циальными комиссиями», основанными в западногерманских землях, и координирует их действия.

Сотрудничавший с БКА политолог Вилли Терстиге сообщал в своем отчете: «Большие трудности создавал новый тип преступника... Полиция привыкла бороться с «правильными» уголовниками – в большинстве случаев с соответствующим опытом, который часто начинался с магазинной кражи... Еще существовали изменники родины. Теперь, однако, приходится иметь дело с людьми, которые «вышли из 68-го года», нередко владели недюжинным умом, происходили из среды рафинированной интеллигенции, нередко были детьми университетских профессоров... К тому же ранее присутствовал мотив. Теперь полиция столкнулась с людьми, которые действовали более или менее бескорыстно. Они не хотели наживаться, как бухгалтер-мошенник. Они хотели создать новое сознание – для Вьетнама, для третьего мира... Это были в значительной степени вышедшие из-под контроля дети буржуазии»³.

Таким образом, с самого начала обращалось внимание на то, что члены левацких групп – часто люди образованные. Действительно, в первом составе RAF преобладали представители интеллигенции (студенты), о чем заявляет в своих исследованиях политолог И. А. Морозов⁴.

Убийства генерального прокурора Зигфрида Бубака и исполнительного директора концерна «Даймлер-Бенц» Ганса-Мартина Шляйера потребовали от полиции новой мобилизации. Обнаруженная в марте 1991 г. тайная система связи RAF позволила службам безопасности не только выявить растущие разногласия в среде «красноармейцев», но и доказать причастность многих людей к деятельности RAF. Кроме того, 27 марта 1991 г. были арестованы пятеро сотрудников «Штази» (Staatssicherheitsdienst, сокращенно «Stasi» – Служба государственной безопасности ГДР), которых обвинили в том, что с 1978 по 1984 г. они тренировали «красноармейцев» на базе «Штази» рядом с Франкфуртом-на-Одере, в частности обучали террористов стрелять из гранатомета RPG 7, который использовался в нападениях на генерала Ф. Кройсена и на американскую военную базу в Рамштайне в 1981 г.⁵ Этот успех спецслужб стал причиной того, что к весне 1992 г. члены RAF, вероятно, осознали, что продолжение вооруженной борьбы на базе прежней идеологии и в столь сложном положении невозможно и объявили о прекращении вооруженной борьбы.

Рассмотрим кратко основные последствия деятельности RAF. «Немецкая осень» 1977 г., время самых жестоких терактов RAF, стало временем чрезвычайных законов при необъявленном чрезвычайном положении. До настоящего времени изоляция, в которой находились арестованные члены RAF, считается причиной того, что так мало процессов по их делам удалось выиграть их адвокатам.

1 октября 1977 г. в набор поступил Федеральный закон 66/1977 – «Закон об изменении введения к закону о судопроизводстве». Были опубликованы семь параграфов, в которых говорилось об изоляции преступника⁶, история возникновения которой является для парламентаризма в ФРГ беспрецедентной. Ни один закон не принимался в ФРГ так поспешно. Он был разработан тогдашним федеральным министром юстиции Гансом-Йохеном Фогелем (СДПГ) и явился первым в ряду антитеррористических законов в ФРГ, принятых после терактов 1970-х гг.

На год позже, в следующем антитеррористическом законе, разделительные стекла вводились при беседе между защитником и обвиняемым, расширялся список причин отзыва адвоката, облегчался порядок обыска квартир, вводились контрольные пункты для проверки личностей. В дальнейшем это значительно упростило представление доказательств в уголовных процессах.

Уголовная полиция и федеральная прокуратура были убеждены в том, что пол-

ная изоляция арестантов из террористических групп могла бы облегчить уголовное преследование и предотвратить новые преступления. Это была ошибка с тяжелыми последствиями. Закон об изоляции применялся не только против террористов RAF. Стремление изолировать террористов исключало все попытки включения их в общество. Эта реакция властей породила в среде сторонников RAF повышенное внимание к теме изоляции, что придавало уверенности арестованным террористам в том, что соратники на воле борются за них. «Пытки изоляцией» породили сочувствие к заключенным, которое мы встречаем в публикациях до настоящего времени. Так, Г. Прантль говорит о «ресоциализации» системы уголовных наказаний, проблему которой было вынуждено решать государство после RAF⁷.

Также отклонения от моральных норм видят в использовании «главных свидетелей», которые оставались безнаказанными, выдавая правосудию своих бывших соратников. Три раза – в 1975, 1977 и 1986 гг. – «главный свидетель» подвергся единой публичной критике общественности как воплощение несправедливости. Под одним из протестов подписались 90 профессоров уголовного права. В 1989 г. консервативное законодательство восстановило положение о «главном свидетеле». Это удалось благодаря тому, что одновременно был введен жесткий, грозивший штрафом запрет на ношение скрывающей лицо одежды, направленный против демонстрантов. На этом запрете сконцентрировалась общественная критика, не обратив внимания на положение «главных свидетелей». Так же это удалось уже в 1981 г. в новом законе о наркотических веществах. Таким образом, положение «главных свидетелей» было прописано в §31 Уголовного кодекса ФРГ до 1994 г.⁸.

Это ужесточение преследования потенциальных террористов привело к новой волне радикализации молодежи в объединенной Германии. Веским доказательством того, что левый экстремизм (в данной статье мы используем этот термин как синоним левачества, следуя за многими немецкими авторами – Д. Б.) до сих пор расценивается как среда, из которой исходит реальная угроза новых терактов, являются официальные заявления Ведомства по охране конституции ФРГ, опубликованные на Интернет-сайте учреждения по адресу: www.verfassungsschutz.de. Если политическим интересом начала 1990-х гг. было показать связь RAF со «Штази», то сейчас идет активное переосмысление роли левоэкстремистского движения, как самими его представителями, так и властями. Однако официальная версия событий мало изменилась и в настоящее время. С точки зрения специалистов Ведомства по охране конституции, 1990-е гг. стали временем затишья в левоэкстремистской среде в связи с распадом Советского Союза и с «крушением коммунизма». Это подтверждают и сами бывшие члены RAF.

С 1990-х гг. все более размытыми становятся границы между автономными группами левых экстремистов и террористическими организациями. Таким образом, берлинская организация «Класс против класса» совершила более пятидесяти поджогов и шесть взрывов. Группа «К.О.М.И.Т.Е.Е.» в 1994 г. подожгла районную контрактную воинскую часть в Бад Фрейенвальде. Склонность к террористической активности продемонстрировала наиболее непримиримая часть автономий в ответ на письмо, в котором было объявлено об окончательном самороспуске RAF в 1998 г. Автономии настаивали в Геттингенской прокламации «EinSatz» на продолжении борьбы против «капиталистического варварства»⁹.

В последние годы отмечается рост числа приверженцев левого радикализма: по сведениям из того же источника, группы существуют в почти всех больших городах, в частности, в густонаселенных центрах Берлина, Гамбурга, области Майна Рейнской области, районе Дрездена / Лейпцига, а также в более мелких университетских городах, таких, как Геттинген и Фрайбург. Численность состоящих в них людей – примерно

6000 человек (в 2005 г. примерно 5500 человек). Публикаций движения насчитывается более пятидесяти; изданиями федерального значения являются, прежде всего, издающееся в Берлине «Временное Соглашение», а также подпольный листок «Радикал»¹⁰. Эти леворадикальные организации и расцениваются Ведомством по Охране конституции как потенциальный источник экстремизма. Нельзя не обратить внимания на то, что сторонники западной либеральной модели часто отождествляют левых радикалов с террористами-леваками, возможно, чтобы снять угрозу, которую леворадикальные движения могут представлять для официальных властей в будущем.

В сплочении существующих сегодня автономий их представители видят следующие возможности:

- сделать видимой для общества «незаконность и бессмысленность» встреч лидеров Большой Восьмерки;
- обеспечить критическую для сторонников глобализации массовую мобилизацию;
- осуществлять акции протеста;
- перейти в критике процессов глобализации полностью на левые позиции¹¹.

Последнее заявление настораживает тем, что в нем можно увидеть опасность перехода леворадикальных молодежных групп к догматизму (вернее было бы, на наш взгляд, заявить о необходимости совершенствования теоретической базы левого движения в соответствии с требованиями времени). В этих заявлениях мы также видим потенциальную опасность отождествления левого движения в целом с теми левозэкстремистскими элементами, которые могут выйти из антиглобализационного движения и выступить за насильственные меры, не обоснованные достаточно состоятельной политической теорией.

Эти заявления встречают критику скептиков, которые видят во всем этом «левую спекуляцию», применяемую лишь для того, чтобы «приукрасить» реальное положение вещей. По их мнению, левое движение, несмотря на все успехи, занимает в настоящее время оборонительную позицию. Сомнительно, что демонстранты, пытавшиеся сорвать встречи лидеров государств Большой Восьмерки, высказывали общие цели. Таким образом, леворадикальное движение Германии сейчас более, нежели в активной практике, нуждается в разработке теории общественного развития, отвечающей современным требованиям¹².

Что касается современных методов, которые используют власти в борьбе с терроризмом, отношение к ним остается двойственным. С одной стороны, безопасность граждан государства требует привлечения новых тактик и методов. С другой стороны, эти методы часто встречают осуждение и сопротивление в обществе.

Один из последних скандалов вокруг антитеррористической политики в Германии связан с высказываниями министра внутренних дел Германии Вольфганга Шойбле, который заявил в интервью еженедельнику Stern, что «в вопросах борьбы с терроризмом нужно действовать без оглядки на конституцию». По мнению министра, в первую очередь необходимо отказаться от презумпции невиновности. «Что более правильно: позволить случиться десяти терактам или не дать это сделать тому, кто и так не собирался осуществлять теракт? По-моему, перестраховка никому не мешала», — развил он свою мысль. Поддержала планы Шойбле и министр юстиции, член Социал-демократической партии Германии Бригитта Цюприс: «Презумпция невиновности не может работать в вопросах борьбы с террористическими угрозами»¹³.

Следуя этой логике, считают в редакции журнала «Эксперт», «презумпция невиновности будет распространяться лишь на вынесение приговора судом, в то время как все следственные действия, направленные на борьбу с терроризмом, начнут исходить из того, что каждый проживающий в стране человек замышляет теракт»¹⁴.

Ранее в Германии был принят закон о создании единой информационной системы в борьбе с терроризмом. Это означает беспрепятственный обмен данными между 38 различными службами, сообщает радио «Свобода»: «Бундестаг одобрил документ, согласно которому к базе данных получают доступ 38 организаций и служб. Работники полиции и разведки смогут получить общие сведения об интересующих их лицах, проживающих в Германии, а также найти их фотографии. По особым запросам следователям будет предоставляться дополнительная информация, например, сведения о телефонных номерах и переговорах, о пользовании Интернетом и т.п.»¹⁵

На фоне этих событий все чаще антитеррористическая политика в ФРГ становится предметом критики. Что касается конкретных предложений по противодействию терроризму, как считает исследователь психологии терроризма И. Е. Иванов, прежде всего, необходимо выработать правовые и организационные гарантии защиты прав граждан от злоупотребления возможностями борьбы с терроризмом, от выхода должностных лиц за пределы Конституции, чем бы они ни пытались оправдаться. Одной из таких гарантий является жесткая индивидуальная ответственность за принимаемые решения и осуществляемые действия.

Тот же исследователь предлагает «пересмотреть широко распространенное мнение, в соответствии с которым приоритет в организации борьбы с терроризмом должен принадлежать спецслужбам и правоохранительным органам. Если мы обратимся к упоминавшемуся опросу руководителей контртеррористических подразделений, то увидим, что в качестве факторов, порождающих сегодня терроризм, выступают социальные, экономические и политические причины, рычаги прямого воздействия на которые находятся вне компетенции органов безопасности и правоохраны». Главными субъектами борьбы с терроризмом должны быть само государство, законодательная и исполнительная ветви власти, считают исследователи психологии терроризма¹⁶.

Только на длительном пути к гражданскому обществу, справившись с факторами появления терроризма, возможно победить эту проблему и достичь мира и взаимопонимания в любом государстве. Для этого сегодня как никогда необходимо налаживание диалога различных политических сил, что относится не только к положению в Германии, но и к ситуации во всех остальных странах, где активно идет обсуждение проблемы международного терроризма. В данном случае неважно, идет речь о левацком или об этнорелигиозном терроризме, особенно сейчас, когда в ряде случаев исламские лозунги используются представителями стоящих на распутье групп левацкого толка. Важно понять, что толкает людей на путь террора и бороться не с симптомами болезни, а с ее причиной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вэйг Т. Телемечтатели: Фракция Красной Армии: 1963 - 1993. Гродно, 2004.
2. Германия: создана единая база данных для борьбы с терроризмом // Полит.Ру // www.polit.ru/news/2006/12/02/_terror_germ.html
3. Долой бундесконституцию! // «Эксперт Украина» №16 (114).23.04.2007 // www.expert.ru/printissues/ukraine/2007/16/news_borba_s_terrorizmom/
4. Иванов И. Е. Психология терроризма. Предупреждение и пресечение террористических актов. СПб. 2005.
5. Ленин В. И. С чего начать? // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1972. Т. 5.
6. Ленин В. И. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1972. Т. 6.
7. Ленин В. И. Революционный авантюризм // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1972. Т. 6.
8. Морозов И. А. Политический экстремизм – леворадикальные течения. Волгоград, 2002.
9. Пашенцев Е. Н. Военные режимы: история и современность. М., 1997.
10. Analyse & Kritik. Zeitschrift für Sozialtheorie // www.analyse-und-kritik.net.

11. Der Verfassungsschutzbericht 2006. Bundesministerium des Innern. Berlin, 2006.
12. Der G8Prozess als erfolgreiche politische Imagination // Gipfelsoli Infogruppe: Meldungen über globalisierte Solidarität und die Proteste gegen unsolidarische Globalisierung // gipfelsoli.org.
13. Extremistische Globalisierungskritik nach Heilgendamm. Köln, 2008.
14. Kailitz S. Politischer Extremismus in der Bundesrepublik Deutschland. Eine Einführung. Wiesbaden, 2004.
15. Linksextremismus in der Bundesrepublik Deutschland. Allgemeine Entwicklung. Landesamt für Verfassungsschutz Baden-Württemberg, 2003.
16. Peters B. RAF: Terrorismus in Deutschland. Stuttgart, 1991. S. 105.
17. Prantl H. Verdächtig. Der starke Staat und die Politik der inneren Unsicherheit. Hamburg – Wien, 2002.
18. Rau M. Country Report Germany // TrackingTheThreat.com – a database of open source information about the Al Qaeda terrorist network // www.trackingthethreat.com/genBinaries/1055_entity.pdf;
19. Zöller V. Liberty Dies by Inches: German Counter-Terrorism Measures and Human Rights // German Law Journal No. 5 (1 May 2004) – Special Edition.

Сноски и примечания:

1. Ленин В. И. С чего начать? // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1972. Т. 5. С. 7-8; Он же: Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1972. Т. 6. С. 375-376; Он же: Революционный авантюризм // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1972. Т. 6. С. 380-387.
2. Пашенцев Е. Н. Военные режимы: история и современность. М., 1997. С. 35.
3. Peters B. RAF: Terrorismus in Deutschland. Stuttgart, 1991. S. 105.
4. Морозов И. А. Политический экстремизм – леворадикальные течения. Волгоград, 2002. С. 46-47.
5. Спорность этих обвинений обсуждается исследователями до настоящего времени.
6. Rau M. Country Report Germany // TrackingTheThreat.com – a database of open source information about the Al Qaeda terrorist network // www.trackingthethreat.com/genBinaries/1055_entity.pdf; Zöller V. Liberty Dies by Inches: German Counter-Terrorism Measures and Human Rights // German Law Journal No. 5 (1 May 2004) – Special Edition.
7. Prantl H. Verdächtig. Der starke Staat und die Politik der inneren Unsicherheit. Hamburg – Wien, 2002. S. 30 – 31.
8. Prantl H. Verdächtig. Der starke Staat und die Politik der inneren Unsicherheit. Hamburg – Wien, 2002. S. 32 – 33.
9. Kailitz S. Politischer Extremismus in der Bundesrepublik Deutschland. Eine Einführung. Wiesbaden, 2004. S. 126.
10. Der Verfassungsschutzbericht 2006. Bundesministerium des Innern. Berlin, 2006. S. 151.
11. Der G8Prozess als erfolgreiche politische Imagination // Gipfelsoli Infogruppe: Meldungen über globalisierte Solidarität und die Proteste gegen unsolidarische Globalisierung // gipfelsoli.org.
12. См. подробнее: Analyse & Kritik. Zeitschrift für Sozialtheorie // www.analyse-und-kritik.net.
13. Долой бундесконституцию! // «Эксперт Украина» №16 (114).23.04.2007 // www.expert.ru/printissues/ukraine/2007/16/news_borba_s_terrorizmom/
14. Долой бундесконституцию! // «Эксперт Украина» №16 (114).23.04.2007 // www.expert.ru/printissues/ukraine/2007/16/news_borba_s_terrorizmom/
15. Германия: создана единая база данных для борьбы с терроризмом // Полит.Ру // www.polit.ru/news/2006/12/02/_terror_germ.html
16. Иванов И. Е. Психология терроризма. Предупреждение и пресечение террористических актов. СПб. 2005. С. 61-63.

D. Bazarkina

THE COUNTER-TERRORIST POLICY IN FRG: THE COUNTERACTION TO THE LEFTIST TERRORIST ORGANIZATIONS. THE IMPROVEMENT OF THE PRACTICAL METHODS AND THE CHANGES IN THE LEGISLATIVE SYSTEM FROM THE BEGINNING OF 1970TH TO THE BEGINNING OF 21ST CENTURY

Abstract: The author of the article has a good look at the evolution of methods of counterterrorist activities in FRG and their influence upon the legislative system and the political situation in the country as a whole in the second half of the 20th – at the beginning of 21st centuries. Efforts were made to forecast the political consequences of the counterterrorist

activities in Germany and the ways of its improvement are suggested without the offensive against the democratic rights and freedoms.

Key words: terrorism, ultra-left/leftists, RAF, history of FRG.

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ (1945-1989 г.)*

Аннотация: Изучение процесса формирования проблематики исторических исследований в зарубежной историографии Восточной Пруссии в новейшее время является одной из наименее изученных тем в отечественной историографии. Вместе с тем, подобный анализ, основанный на системном подходе, открывает перед исследователем новые теории, методики и методы, способные существенно обогатить лабораторию историка и расширить масштаб историографических исследований. В рамках данной статьи предлагается рассмотреть достижения польской историографии Восточной Пруссии в послевоенный период с 1945 по 1989 гг.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, польская историография с 1945 по 1989 г., «возвращенные земли» Польши, системный подход и историографический анализ, историография, формирование новой исторической памяти.

Изучение процесса формирования проблематики исторических исследований в зарубежной историографии Восточной Пруссии в новейшее время является одной из наименее изученных тем в отечественной историографии. Вместе с тем, подобный анализ, основанный на системном подходе, открывает перед исследователем новые теории, методики и методы, способные существенно обогатить лабораторию историка и расширить масштаб историографических исследований. В рамках данной статьи предлагается рассмотреть достижения польской историографии Восточной Пруссии в послевоенный период с 1945 по 1989 гг. Выбор данного хронологического периода отнюдь не случаен и продиктован типологическими чертами исторической науки, а также наличием определенных процессов формирования проблематики исторических исследований, ясно прослеживающимся с 1945 г. – время вхождения части территорий Восточной Пруссии в состав Польши, и по 1989 г. – когда наступил системный кризис историографической науки и её организационная перестройка. Автором умышленно оставлены за рамкой статьи средневековая история Восточной Пруссии^{**}, для того, чтобы не вводить читателя в заблуждение и показать отношение к послевоенной истории Восточной Пруссии, а также процесс формирования новой исторической памяти и проблематики исторических исследований.

Эволюция теоретико-методологических подходов в польской историографии отчетливо прослеживается в первое послевоенное десятилетие. Согласно решениям Потсдамской конференции, в 1945 г. к Польше отошли «бывшие немецкие территории на востоке, от линии, пролегающей от Балтийского моря прямо на запад от Свиноустья и оттуда по реке Одре до Нисы, а от Нисы до границы с Чехословакией, включая ту часть Восточной Пруссии, которая не была отдана под управление СССР»^{***}. Это были земли, составлявшие 21,3% территории Германии, на которых проживало 11,4% немецкого населения. Этот исторический факт поставил перед историками ряд вопросов о прошлом этих регионов и сделал доминантой, прежде всего, социальную фун-

* © Гончаров В.В.

** См. о российской историографии Восточной Пруссии: Gonczarow W., Matuzowa V., *Badania nad zakonem krzyzackim w historiografii rosyjskiej* (1995-2005)/ *Zapiski Historyczne*, T. 71., Zeszyt 4. Torun, 2006. S. 107-115.

*** Текст трактата опубликован в Skubiszewski K., *Zachodnia granica Polski w swietle traktatow*. Poznan, Instytut Zachodni, 1975. S. 330-331.(368 s.) (*Studium niemcoznawcze instytutu zachodniego*, nr. 26), см. также Klafkowski A., *Die deutsch-polnische Grenze nach dem II. Weltkrieg*. Poznan, 1970. S. 7.

кцию исторического знания. «Бывшие немецкие территории» имели свою историю, а население – историческую память. В попытке обойти острую тему депортации немцев (или *Vertreibung* в немецкой историографии) лишь скажем, что переселенческая политика и прибытие колонистов, потребовали от исторической науки новых подходов, способствующих формированию новой исторической памяти и исполнению социального заказа. По мнению историков послевоенного времени, связующим звеном, между «новой» и «старой» историей Восточной Пруссии должна была стать концепция «возвращенных земель»^{*}. Эволюция этого понятия прослеживается еще в межвоенной польской историографии (1918-1939 гг.), однако именно после 1945 г. категориальный и понятийный аппарат был дополнен историко-политическим смыслом. По мнению польского исследователя Я. Ясинского, «возвращенные земли были синтезом политической мысли поляков, берущей свое начало с начал средневекового пясцовского государства, а с другой – из программы его строительства в XIX-XX вв., идущего дальше чисто исторических аргументов»^{**}. В 50-е годы XX в. польская историография приняла обозначение «западные земли», «западные и северные земли Польши» или «земли над Одрой и Балтикой»^{***} в отношении территорий в Восточной Пруссии, а также в Поморье и Силезии. Однако именно в 60-70 гг. XX века термин «возвращенные земли» приобрел характер историографической доминанты, стал своеобразным символом, объединяющим историков. С 1989 г. политико-прагматический термин «возвращенные земли», описывающий земли у Одры, Нисы и Паслека, сопровождался сокращением «т.н.». И если во времена господства марксистской историографии он не вызвал никаких нареканий, и даже успел потерять впереди стоящее сокращение «т.н.», то сегодня, когда вся фразеология науки коммунистической Польши подвергается пересмотру и корректуре насчет этого термина нет однозначного мнения^{****}.

Впервые, историки оформили историографическую концепцию «возвращенных земель» в 1948 г. на первом, после войны профессиональном съезде во Вроцлаве. Тогда, среди множества тем, которые касались зарождения польского государства, рабочего движения в Польше, особое место заняли земли на севере и в Восточной Пруссии. Итогом формирования процессов историографической проблематики исследований должно было стать как выполнение социального заказа, так и создание идеологически верных взглядов на прошлое страны и формирование новой исторической памяти, для признания легитимности складывающемуся в стране тоталитарному режиму партии-государства^{*****}. Съезд во Вроцлаве сыграл большую роль в формировании общих проблем польской историографии Восточной Пруссии, но вместе с тем, привел к догматизации исторического знания. От историков ждали исследований и постулатов, схожих с «духом сражающейся эпохи»^{*****}. Ценность истории была в ее политико-воспи-

^{*} На тему концепции «возвращенных земель» см. Карбовский А., Щецин (Штеттин) и «возвращенные земли» Польши в политике СССР (1945-1956) / Автореферат на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2007.

^{**} Jasinski J., Kwestia pojęcia Ziemię Odzyskane / Ziemię Zachodnie I Polnocne 1945-2005 // red. A. Sakson. Poznań, 2006. S. 25.

^{***} Osekowski C., Ziemię Odzyskane w latach 1945-2006: społeczeństwo-władza-gospodarka. Zielona Góra, 2006. S. 5; 171 s.

^{****} Jasinski J., Kwestia pojęcia Ziemię Odzyskane / Ziemię Zachodnie I Polnocne 1945-2005 // A. Sakson. Poznań, 2006. S. 15-25; Jasinski J., Czy powinniśmy odciąć się od pojęcia Ziemię Odzyskane? / Echa Przyszłości, 2004, nr. 5. S. 315-320. Szydlowska J., Stary temat w nowych dekoracjach. Alternatywne wizje Ziemi Odzyskanych w prozie Igora Newerlego i Marka Domanskiego / KMW, nr.2 (256). Olsztyn, 2007. S. 235.

^{*****} Stobiecki R., Historiografia PRL: Ani dobra, ani mądra, ani piękna, ale skomplikowana: Studia i szkice. Warszawa, 2007. S. 189.

^{*****} Wolff-Poweska A., Polskie spory o historię i pamięć. Polityka historyczna / Przegląd Zachodni, 1(322). Poznań, 2007. S. 9.

тательной роли, а целью историка была не актуализация прошлого, а трансплантация прошлого в день сегодняшний. Еще в 1944 г. немецкий деятель просвещения Вальтер Фойгтлендер сказал, что «если рассматривать обучение истории в перспективе политики, то нужно трактовать как попытки сделать справедливыми сегодняшние войны, при помощи образов тех войн, которые имели место в прошлом»^{*}. Основными центрами реализации концепции «возвращенных земель» были «Восточный Институт» во Вроцлаве и «Западный институт» в Познани. Все они имели собственные печатные органы, в которых публиковались актуальные исследования на «заданные темы». В виду отсутствия возможности публикации обширных монографий, основное место в процессе формирования историографической тематики заняла периодика. Орган института в Познани назывался «Przegląd Zachodni», и презентовал достижения польской историографии в первые послевоенные годы. Среди авторов журнала можно отметить таких историков как З. Войцеховский^{**}, Й. Виниевич^{***}, С. Лесжинский^{****}, А. Гродек^{*****} и др. Основными историографическими тематиками в разные годы были: вопросы установления новых границ, колонизация земель как на западе, так и в Восточной Пруссии, хозяйственная политика польских властей на «возвращенных землях», история Балтики, а также немецкие преступления и насильственная германизация польского населения, роль польской школы в формировании новой исторической памяти.

Еще один журнал, «Komunikaty Mazursko-Warminskie», стал основным местом полемики и публикации статей о прошлом Восточной Пруссии. В 1946-1950 гг. он назывался «Komunikaty Działu Informacji Naukowej» и был связан с деятельностью Мазурского института ПАН. Затем на его базе была основана «Stacja Naukowa Polskiego Towarzystwa Historycznego» в Ольштыне, под началом которой появились «Komunikaty Mazursko-Warminskie». Журнал был призван служить двум целям – публикации материалов исторического характера, и созданию сообщества, которое объединило бы всех, кто пишет на темы Восточной Пруссии в Польше. Согласно заявлениям редакции, основными принципами в этот период были: презентация актуальных результатов исследований над прошлым Восточной Пруссии, полемика с другими изданиями (в том числе за рубежом), инспирация исследований по истории Восточной Пруссии в Польше, создание исторической среды и формирование новой исторической памяти жителей новых регионов^{*****}. Проблематика журнала с 1957 г. распределялась следующим образом: 41,2% от всего количества статей, занимал восточнопруссский регион Вармия, Восточная Пруссия в целом (с 1525 по 1772 гг.) – 32,4%, Поморье и Восточная Пруссия (без Вармии) – 26,4%. Подобная палитра историографической проблематики освещает направления исследований польских историков и векторе развития историографии в этот период^{*****}: исследование международных отношений, польского народного движения в Восточной Пруссии, взаимоотношения исконных польских земель с утраченными, часть работ презентовала вопросы насильственной германизации региона, а также роль церкви в сохранении польской культуры. Однако, с 1968 г. жур-

^{*} Olszewski H., *Nauka historii w upadku*. Warszawa, 1982. S. 404.

^{**} Wojciechowski Z., *Grunwald / Przegląd Zachodni*, nr.1: 1945. Poznań, 1945; Wojciechowski Z., *Przeszedł przez morze / Przegląd Zachodni*, nr.4-5: 1945. Poznań, 1945.

^{***} Winiewicz J., *Dokoła nowej granicy polsko-niemieckiej / Przegląd Zachodni*, nr.4-5: 1945. Poznań, 1945.

^{****} Leszczycki S., *Ustalenie granic współczesnej Polski / Przegląd Zachodni*, nr.4-5: 1945. – Poznań, 1945;

^{*****} Grodek A., *Zagadnienie akcji migracyjnej na Ziemiach Zachodnich / Przegląd Zachodni*, nr.1: 1945. Poznań, 1945.

^{*****} Włodarski J., *Historiografia epoki nowożytnej na łamach Komunikatów Mazursko-Warmińskich / Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, nr.3 (257). Olsztyn, 2007. S. 376.

^{*****} Ibidem, S. 381.

нал стал вызывать нарекания со стороны властей и органов пропаганды. По мнению секретаря воеводского комитета К. Рокошевского, «работы помещенные в журнале освещают односторонне борьбу за «польскость» на этих землях, преувеличивая роль церкви, при уменьшении роли масс, как основной силы в борьбе с классовой несправедливостью»^{*}. Нужно отметить, что политические условия в Польше после Второй мировой войны и необходимость выработки идеологической и пропагандистской базы, основанной на марксистском подходе к изучению прошлого сильно повлияла на тематику публикаций. Наличие цензуры и отказ в печати тех постулатов, которые могли критиковать сложившийся строй привели к резкой смене предметов исследований в 60-70-е годы, преобладать стали статьи по культуре и сельскому хозяйству, демографии, организации польской администрации после 1945 г.

В 80-е годы в польской историографии Восточной Пруссии наметился интерес к регионализации и региональной истории. По замыслу властей, региональный аспект исторических исследований должен был ускорить процесс превращения колонистов в автохтонное население на «возвращенных землях» в бывшей Восточной Пруссии. Подобное ускорение было возможно только за счет молодого поколения, которое, в отличие от своих родителей не видело своими глазами, как происходила колонизация этих земель. Историками были выдвинуты постулаты о том, что на возвращенных землях необходимо «представление региональной проблематики в более широкой степени в рамках гуманитарных наук, уроков польского языка и истории; внимание к региональной проблематике на практических занятиях (поделки, вышивки, пение и рисунки); использование ценностей региональной культуры в реализации воспитательных идеалов»^{**}.

Подобный подход воплотился в жизнь уже в 90-х годах XX века, когда наметился комплексный подход к изучению истории не только Восточной Пруссии в целом, но и отдельных ее частей, а также «возвращенных земель» в Поморье и в Силезии. Одной из проблем польской историографии в тот момент являлась выработка основных подходов к сложным вопросам польско-немецкого соседства в послевоенные годы. Одним из таких примеров является деятельность историка Б. Центары^{***}. Этот человек не только не боялся активно обсуждать проблемные вопросы, но и старался открыто дискутировать, предостеречь историков перед чрезмерным экспонированием фрагментов общей истории, наносящих вред отношениям между народами. История «возвращенных земель» – Вармии и Мазур, получила широкое освящение в общих работах^{****}, над которыми трудились целые авторские коллективы. Примером может служить биографический словарь деятелей Вармии, Мазур и Привислянского края. Цель подобного издания, осуществленного Т.Орацким – восполнить пробел и отсутствие библиографии населения восточнопруссских регионов Вармия и Мазуры, которые внесли вклад в борьбу за освобождение этих земель от немцев. Словарь как лексикон для широкого круга читателей, опирается на принципы региональности и узкой специализации. Словарь построен по алфавитному принципу, библиография к каждой статье учитывает пять групп – рукописные материалы, изданные источники,

^{*} Wajda K., Dzieje XIX i XX wieku na łamach Komunikatów Mazursko-Warmińskich Komunikaty Mazursko-Warmińskie, nr.3 (257). Olsztyn, 2007. S. 386.

^{**} Dulczewski Z., Regionalizacja w pracy społeczno-wychowawczej nauczyciela / Ziemia zachodnie w polskiej literaturze socjologicznej // red. A. Kwilecki. Poznań, 1970. S. 161-173.

^{***} Nationalgeschichte als Problem der deutschen und der polnischen Geschichtsschreibung: XV. deutsch-polnische Schulbuchkonferenz der Historiker 16. Bis 20 November 1982 in Braunschweig. Braunschweig, 1983. 153 s.

^{****} Oracki T., Słownik biograficzny Warmii, Mazur i Powisla XIX i XX wieku (do roku 1945). Gdansk, 1983. 350 s.

монографии, журналы и текущая периодика. Появление данного монументального исследования стало возможным при поддержке Osrodka Badan Naukowych im. Wojciecha Ketrzynskiego. Работа над ним была закончена еще в феврале 1980 г., однако издан он был только спустя три года – в 1983 г. Еще одним событием, повлиявшим на процесс формирования историографической проблематики стала выставка источников по истории «возвращенных земель», среди которых были и материалы по истории Восточной Пруссии. Она прошла в сентябре 1985 г. в Варшаве, в помещениях Королевского замка в Старом городе и называлась «Западные и северные земли Польши 992-1945 гг.». К экспозиции был проявлен довольно большой интерес не только со стороны горожан и туристов, мирной прогуливающих по брусчатке старой части города, но и со стороны интеллектуальной элиты. Как писал историк М. Войцеховский, документы, представленные на выставке «показывают нам следы польскости на этих землях, связь жителей регионов с польским языком и отчизной»^{*}. Обилие периодических изданий и активизация исследований истории Восточной Пруссии и отдельных ее регионов после 1989 г. привело к тому, что произошла смена парадигмы в исторических исследованиях. Для примера можно привести доклады конференции 1991 г. историков из Польши, Германии, Литвы и России под названием «Восточная Пруссия – Вармия и Мазуры – Калининград – наследие и новое самосознание»^{**}. Как отмечали историки, само прошлое Восточной Пруссии и ее регионов до 1991 г. не являлось объектом пристального рассмотрения, а публикация источниковедческой базы по состоянию на 1989 г. была довольно скромной^{***}. Общество на северных и западных землях после 1945 г., западные и северные земли в период сталинизма, депортации в СССР, западные и северные земли в период реализации шестилетнего плана (1950-1956) – вот лишь некоторые темы, которые требовали повышенного исследовательского внимания в тот период. Отдельно можно выделить проблему польско-немецкого пограничья^{****}. Свой взгляд на эти проблемы польско-немецкого соседства и общей истории после 1945 г. презентуют такие исследователи как В. Лесюк, Б. Нитшке^{*****}. По их мнению политика интеграции и колонизации региона к 1960 г. доказала свою полную беспомощность и коммунистической партии Польши пришлось признать ошибку. Этот тезис продолжает и З. Романов, который говорит не только о ошибках административного и идеологического характера, а делает акцент на том, что не нужно было делить население «возвращенных земель» в бывшей Восточной Пруссии на отдельные элементы – немецкий и польский, а рассматривать в целостности оба^{*****}. Вместе с исследованием отдельных тем большую роль в историографии начала 90-х играют общие систематические работы. История Силезии и верхней Силезии представлена довольно полно в работах таких исследователей как М. Лис,

^{*} Wojciechowski M., Wstep / Ziemie Zachodnie i Polnocne Polski 992-1945: Katalog wystawy archiwalnej. Warszawa, 1985. S. 7-8.

^{**} Traba R., Prusy Wschodnie. Miedzy symbolem Kulturtragera a ofiara germanizacji / Borussia, 1992. Nr. 3-4. S. 5.

^{***} Marczak T., Dorobek i potrzeby w zakresie wydawnictw zrodlowych do dziejow Slaska w okresie Polski Ludowej / Stan I potrzeby slaskoznawczych badan humanistycznych / red. K. Bobowski. Warszawa, 1990. S. 292.

^{****} Szczegola H., Pogranicze polsko-niemieckie w okresie transformacji (1989-1997). Zielona Gora, 1999.

^{*****} Lesiuk W., Dunsko-niemieckie doswiadczenia wrozwiazywaniu problemow etniczno-narodowosciowych na pograniczu z perspektywy polskiej. – Opole, 1994; Nitschke B., Wysziedlenie ludnosci niemieckiej z Polski w latach 1945-1949. Zielona Gora, 1999.

^{*****} Romanow Z., Polityka wladz polskich wobec ludnosci rodzimej ziem zachodnich i polnocnych w latach 1945-1960. Slupsk, 1999; Misztal J., Werifikacja narodowosciowa na Ziemach Odszyskanych. Warszawa, 1990; Lis M., Ludnosc rodzima na Slasku Opolskim po II wojnie swiatowej (1945-1993). Opole, 1993;

М. Чапинский*. М. Лис трактует эту историческую территорию как целость, несмотря на административную реформу 1922 г. и реформу во время вхождения в состав Польши в 1945 г., широко освещает проблематику экономического развития региона, его культурную жизнь. Однако как справедливо отмечают критики, «лаконичность автора, знающего проблематику и скупость в изложении некоторых событий немного ухудшают впечатление от исследования»**. Подобная деидеологизация исторической науки привела к появлению целого ряда новых периодических изданий, посвященных изучению прошлого и настоящего Восточной Пруссии - *Borussia* (1991)***, *Folia Fromborensia* (1992), *Znad Pisy* (1995), *Rocznik Mazurski* (1996), *Studia Angerburgica* (1996), *Masovia* (1997), *Mragowskie Studia Humanistyczne* (1999), *Echa Przeszlosci* (2000), *Feste Boyen* (2002), *Pruthenia* (2006)****. Однако, несмотря на достигнутые успехи стоит признать, что история Восточной Пруссии в целом занимала до 1995 г. маргинальное место в польской историографии. Даже в расположенном поблизости Ольштыне интерес к Калининграду (бывш. Кёнигсберг) был невелик. Калининград казался полякам портовым, гарнизонным городом, закрытым для иностранцев, а сама советская часть Восточной Пруссии недосягаемой и закрытой. Недостатки подобных взглядов приводят к целому ряду упрощений, недоговорок, которых довольно много в современной публицистике****. Но благодаря достижениям в региональной истории отдельных регионов бывшей Восточной Пруссии, польской историографии, начиная с 1989 г., удалось восполнить пробелы и накопить богатый теоретико-методологический потенциал для дальнейшей интенсификации исследований по изучению прошлого и настоящего бывшей Восточной Пруссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Achremczyk S., Olsztynskie badania dziejow Krolewca i Kalinigradu po 1945 roku / KMW, nr. 5 (249). Olsztyn, 2005. S. 409-423.
2. Chlosta J., Przeszlosc Warmii I Mazur na lamach naukowych czsoptism regionalnych powstalych po 1989 roku / KMW, nr.3(257). Olsztyn, 2007.
3. Dulczewski Z., Regionalizacja w pracy spoleczno-wychowawczej nauczyciela / Ziemie zachodnie w polskiej literaturze socjologicznej // red. A. Kwilecki. Poznan, 1970. Ss. 161-173.
4. Gonczarow W., Matuzowa V., Badania nad zakonem krzyzackim w historiografii rosyjskiej (1995-2005)/ Zapiski Historyczne, T. 71., Zeszyt 4. Torun, 2006. S. 107-115.
5. Grodek A., Zagadnienie akcji migracyjnej na Ziemiach Zachodnich / Przegląd Zachodni, nr.1: 1945. Poznan, 1945.
6. Historia Slaska / M.Czaplinski. Wroclaw, 2002.; Lis M., Gorny Slask. Zarys dziejow do polowy XX wieku. Opole, 2001.
7. Jasinski J., Kwestia pojecia Ziemie Odzyskane / Ziemie Zachodnie I Polnocne 1945-2005 // red. A. Sakson. Poznan, 2006. S. 25.
8. Jasinski J., Kwestia pojecia Ziemie Odzyskane / Ziemie Zachodnie I Polnocne 1945-2005 // A. Sakson. Poznan, 2006. S. 15-25; Jasinski J., Czy powinnismy odcinac sie od pojecia Ziemie Odzyskane? / Echa Przeszlosci, 2004., nr. 5. S. 315-320. Szydlowska J., Stary temat w nowych dekoracjach. Alternatywne wizje Ziem Odzyskanych w prozie Igora Newerlego i Marka Domanskiego / KMW, nr.2 (256) Olsztyn, 2007. S. 235.
9. Lesiuk W., Dunsko-niemieckie doswiadczenia w rozwiazywaniu problemow etniczno-narodowosciowych

* Historia Slaska / M.Czaplinski. Wroclaw, 2002; Lis M., Gorny Slask. Zarys dziejow do polowy XX wieku. Opole, 2001.

** Strauchold G., Historiografia III Rzeczypospolitej wobec zagadnien Slaska Gornego / Studia Slaskie, T. 64. Opole, 2005. S. 15-27.

*** Traba R., Przygoda z historia / Borussia, R. 15: nr. 40. Olsztyn, 2007. Ss.10. Тираж журнала не сегодняшний день составляет 500 экз.

**** Довольно обстоятельный анализ перечисленной периодики можно найти в: Chlosta J., Przeszlosc Warmii I Mazur na lamach naukowych czsoptism regionalnych powstalych po 1989 roku / KMW, nr. 3 (257). Olsztyn, 2007.

***** Achremczyk S., Olsztynskie badania dziejow Krolewca i Kalinigradu po 1945 roku / KMW, nr. 5 (249). Olsztyn, 2005. S. 409-423.

- na pograniczu z perspektywy polskiej. Opole, 1994; Nitschke B., Wysziedlenie ludności niemieckiej z Polski w latach 1945-1949. Zielona Góra, 1999.
10. Leszczycki S., Ustalenie granic współczesnej Polski / Przegląd Zachodni, nr. 4-5: 1945. Poznań, 1945.
 11. Marczak T., Dorobek i potrzeby w zakresie wydawnictw źródłowych do dziejów Śląska w okresie Polski Ludowej / Stan I potrzeby śląskoznawczych badań humanistycznych / red. K. Bobowski. Warszawa, 1990. S. 292.
 12. Nationalgeschichte als Problem der deutschen und der polnischen Geschichtsschreibung: XV. deutsch-polnische Schulbuchkonferenz der Historiker 16. Bis 20 November 1982 in Braunschweig. Braunschweig, 1983. 153 s.
 13. Olszewski H., Nauka historii w upadku. Warszawa, 1982. S. 404.
 14. Oracki T., Słownik biograficzny Warmii, Mazur i Powiśla XIX i XX wieku (do roku 1945). Gdańsk, 1983. 350 s.
 15. Osekowski C., Ziemia Odrzyńska w latach 1945-2006: społeczeństwo-władza-gospodarka. Zielona Góra, 2006. S. 5; 171 s.
 16. Romanow Z., Polityka władz polskich wobec ludności rodzimej ziem zachodnich i północnych w latach 1945-1960. Słupsk, 1999; Misztal J., Werifikacja narodowościowa na Ziemiach Odrzyńskich. Warszawa, 1990; Lis M., Ludność rodzima na Śląsku Opolskim po II wojnie światowej (1945-1993). Opole, 1993.
 17. Skubiszewski K., Zachodnia granica Polski w świetle traktatów. Poznań, Instytut Zachodni, 1975. S. 330-331 (368 s.) (Studium niemieckoznawcze instytutu zachodniego, nr. 26), см. также Klafkowski A., Die deutsch-polnische Grenze nach dem II. Weltkrieg. Poznań, 1970. S. 7.
 18. Stobiecki R., Historiografia PRL: Ani dobra, ani mądra, ani piękna, ale skomplikowana: Studia i szkice. Warszawa, 2007. S. 189.
 19. Strauchold G., Historiografia III Rzeczypospolitej wobec zagadnień Śląska Górnego / Studia Śląskie. T. 64. Opole, 2005. S. 15-27.
 20. Szczegół H., Pogranicze polsko-niemieckie w okresie transformacji (1989-1997). Zielona Góra, 1999.
 21. Traba R., Prusy Wschodnie. Między symbolem Kulturtragera a ofiarą germanizacji / Borussia, 1992. Nr. 3-4. S. I. s. 5.
 22. Traba R., Przygoda z historią / Borussia, R.15:nr.40. Olsztyn, 2007. S. 10.
 23. Wajda K., Dzieje XIX i XX wieku na łamach Komunikatów Mazursko-Warmińskich Komunikaty Mazursko-Warmińskie, nr. 3 (257). Olsztyn, 2007. S. 386.
 24. Winiewicz J., Dokoła nowej granicy polsko-niemieckiej / Przegląd Zachodni, nr. 4-5: 1945. Poznań, 1945.
 25. Włodarski J., Historiografia epoki nowożytnej na łamach Komunikatów Mazursko-Warmińskich / Komunikaty Mazursko-Warmińskie, nr. 3 (257). Olsztyn, 2007. S. 376.
 26. Wojciechowski M., Wstęp / Ziemia Zachodnia i Północna Polski 992-1945: Katalog wystawy archiwalnej. Warszawa, 1985. S. 7-8.
 27. Wojciechowski Z., Grunwald / Przegląd Zachodni, nr.1: 1945. Poznań, 1945; Wojciechowski Z., Przeszedł przez morze / Przegląd Zachodni, nr. 4-5: 1945. Poznań, 1945.
 28. Wolff-Poweska A., Polskie spory o historię i pamięć. Polityka historyczna / Przegląd Zachodni, 1 (322). Poznań, 2007. S. 9.
 29. Карбовский А., Щецин (Штеттин) и «возвращенные земли» Польши в политике СССР (1945-1956) / Автореферат на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2007.

V. Goncharov

DIE AUSLÄNDISCHE GESCHICHTSSCHREIBUNG AUS DER OSTPREUSSISCHEN GESCHICHTE: 1945-1989

Zusammenfassung: Eine der bekanntesten Seite der Geschichte Europas ist die Ostpreußengeschichte. Die Vergangenheit dieses Region zog die Aufmerksamkeit der Forscherer aus verschiedenen Ländern heran. Die Forschung „Die ausländische Geschichtsschreibung von Ostpreußischen Geschichte: 1945-1989“ ist eine Probe, die polnische Geschichtsschreibung dieses Region bekannt zu machen und ihre Konzeptionen definieren. Die nimmt in Anspruch die Periode zwischen 1945 und 1989 und präsentiert theoretische und methodologische Probleme der polnischen Geschichtsschreibung aus der ostpreußischen Geschichte.

Schlüsselworte: Ostpreußen, Geschichtsschreibung in Polen nach dem 2. Weltkrieg, Konzeptionen in Polen in der Zeit des Kommunismus, Warmien und Masuren, Deutsch-Polnische Begrenzung, Institut Zachodni, B.Zientara.

ВСТУПЛЕНИЕ В ЕВРОСОЮЗ И НОВЫЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ СТРАН БАЛТИИ*

Аннотация: Автор рассматривает новые приоритеты внешней политики стран Балтии – Латвии, Литвы и Эстонии после их присоединения к Европейскому Союзу и НАТО. Особое внимание уделяется отношениям стран Балтии между собой и их взаимоотношениям с Россией.

Ключевые слова: страны Балтии, внешнеполитические приоритеты, Евросоюз, НАТО.

История Евросоюза началась 1 января 1958 года, когда Великобритания, Германия и Франция подписали договор о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС), которое поначалу ставило перед собой чисто экономические цели. К январю 1993 г. на базе расширения таможенного союза в результате ликвидации межгосударственных барьеров сложился самый большой в мире рынок, свободный для передвижения капиталов, рабочей силы, товаров и услуг, куда входило 12 государств, позднее получивших название «старой Европы».

Новый этап европейской интеграции начался 7 февраля 1992 г., с подписанием в Маастрихте договора об образовании Европейского Союза. Договор вступил в силу 1 ноября 1993 г. Предусмотренное договором объединение ставило перед собой уже не только экономические, но и политические цели. Решение о масштабном расширении Евросоюза было принято на Копенгагенском саммите в декабре 2002 г. Именно тогда был сделан выбор в пользу образования «большой Европы» и открыты двери Союза для 10 стран Центральной и Восточной Европы, в том числе и для стран Балтии.

Столь значительное расширение ЕС состоялось 1 мая 2004 г. В состав Союза тогда вошли 10 стран с населением более 100 млн. человек. В результате возник крупнейший в мире единый рынок, охвативший территорию в 5 млн. кв. км. с населением 550 млн. человек с суммарным ВВП в 7,7 трлн. долларов. Вновь присоединившиеся страны более полувека развивались вне западноевропейской модели рыночной экономики и за 10 лет совершили переход от плановой социалистической экономики к рыночной, от социалистического политического уклада к европейской демократии парламентского типа и правовому государству. Вместе с тем появление новых членов усложнило структуру самого Союза, снизилась его управляемость и скорость принятия решений, достижение компромиссов стало занимать больше времени и требовать больших усилий.

Для стран Балтии вступление в ЕС было не столько инструментом решения политических проблем, сколько самостоятельной целью внешней политики. Реформы, проводившиеся в этих странах в течение более 10 лет, были направлены на приведение основ государственных систем в соответствие с нормами ЕС. Латвия, Литва и Эстония, вступая в ЕС и НАТО, не только решали проблему своей безопасности, они переориентировали свою политику в западном направлении, максимально дистанцируясь от советского прошлого и всего, что в той или иной степени связывало их с Россией. Смена ориентиров в первую очередь затрагивала области идеологии и культуры, несколько в меньшей степени – область межгосударственных отношений и еще в меньшей степени – отношения экономические, особенно транзитные.

В хозяйственной области присоединение к ЕС и особенно к НАТО повлекло за

* © Сытин А.Н.

собой пересмотр всех технических стандартов, которые в бывшем СССР значительно отличались от европейских. Был осуществлен переход на унифицированный стандарт военной и гражданской техники, средств связи, электроники. Страны Балтии стремились ускорить свое вступление в ЕС и НАТО, опасаясь, что вне этих альянсов они будут зажаты между двумя силовыми центрами противостояния и не смогут влиять на происходящие в Европе и мире процессы.

Политические перемены осуществлялись под контролем и в соответствии с рекомендациями ЕС. В Латвии в апреле 1995 г. были приняты «Основные направления внешней политики Латвийской республики до 2005 г.», в которых вступление в ЕС и НАТО были определены в качестве приоритетных внешнеполитических задач. Концепция предусматривала также сотрудничество между балтийскими государствами, развитие двусторонних отношений с США и странами-членами ЕС, активное участие в деятельности международных организаций, формирование позитивного образа Латвии за рубежом [1].

После вступления в ЕС и НАТО правящие круги стран Балтии осознали, что членство в этих организациях являлось не столько целью внешнеполитической деятельности, сколько ее инструментом [2]. В связи с этим появилась необходимость в выработке новых внешнеполитических концепций, разработке и принятии пакетов соответствующих документов. В Латвии осенью 2006 года были утверждены «Основные направления внешней политики на 2006-2011 гг.». Согласно этой концепции, главная роль во внешнеполитической деятельности отводится сотрудничеству с международными организациями. С их помощью малые государства могут эффективнее отстаивать свои интересы, поскольку «вес» государства в таких организациях не имеет принципиального значения. При этом развитию двусторонних отношений с иностранными государствами уделяется второстепенное внимание. Наряду с ранее выдвигавшимися приоритетами: сотрудничество в евроатлантических структурах, укрепление национальной безопасности, развитие особых отношений с США, формирование имиджа страны, взаимодействие с национальными диаспорами, появился новый приоритет – содействие развитию демократии в соседних регионах. По заявлению министра иностранных дел А.Пабрикса, распространение информации об истории страны и содействие демократическому развитию восточных соседей Евросоюза становятся одним из главных внешнеполитических приоритетов Латвийской республики [3].

В рамках ЕС и НАТО Латвия выразила намерение принять участие в выработке единой внешнеполитической линии в отношении восточных соседей ЕС, надо понимать, в первую очередь имеются в виду Россия и Белоруссия. Ряд положений, принятых в программе, на сегодняшний день реализован. Речь идет о присоединении Латвии к Шенгенскому соглашению, открытии рынков «старой Европы» для свободного передвижения рабочей силы. Другие программные положения, такие, как присоединение к зоне евро, вряд ли могут быть реализованы в ближайшее время в связи с кризисными явлениями в мировой экономике и заметным ухудшением показателей латвийской экономики во второй половине 2008 г. В рамках ЕС Рига выступает за углубление диалога с США, повышение роли НАТО в европейской политике, готова увеличивать свой вклад в обеспечение международной безопасности и борьбу с терроризмом. В целом латвийская политика должна «яснее определять свои цели, а не плыть по течению» [4].

Взаимоотношения с Россией не выделяются в качестве отдельного приоритета. О них упоминается лишь в контексте взаимоотношений РФ и ЕС. Коротко говорится лишь о вкладе Латвии в развитие диалога Россия-ЕС в рамках общеевропейской

политики и необходимости учитывать интересы Латвии при проведении такого диалога. Не упоминается и о балтийском единстве: вопросы кооперации в региональном масштабе отошли на второй план, на первое место выступила деятельность в рамках Евросоюза. Тем самым, можно констатировать, что декларируемой в 90-е годы согласованной политики трех балтийских республик не существует, а сам термин «Прибалтика» все более приобретает политический смысл, становясь чисто географическим понятием. Главным фактором консолидации Латвии, Литвы и Эстонии стала их политика внутри ЕС, зачастую проводимая в интересах США. Неспроста именно латышская дипломатия инициировала обращения стран-кандидатов на вступление в НАТО в поддержку операции США против Ирака, начатую без санкции Совета Безопасности ООН.

Несколько дальше по пути интеграции в европейские структуры пошла Эстония. Именно в этой республике внутривнутриполитические преобразования по стандартам Западной Европы носили наиболее радикальный характер. Было принято решение не реформировать советскую политическую систему, как это было сделано, например, в Литве, а полностью ее демонтировать и выстроить на ее месте новую. Это выразилось в блокировании для представителей бывшей номенклатуры путей к получению государственных должностей, формировании новых институтов, принятии решений, не позволивших коммунистической партии Эстонии самопреобразоваться. КПЭ в 1992 году была распущена. По мере развития политического опыта в свободном режиме прошло структурирование политического пространства. Практически с нуля были созданы органы местного самоуправления, хотя первый шаг в этом направлении был сделан еще в рамках СССР, когда после падения Берлинской стены был принят закон о местном самоуправлении, основные положения которого вошли в конституцию Эстонии 1992 года. Внешнеполитические приоритеты нашли отражение в документе, озаглавленном «Политика правительства в вопросах ЕС 2004-2006 гг.». Эстония поддерживала ту редакцию Конституционного соглашения, которая точно определяет полномочия ЕС, упрощает механизм принятия решений, расширяет права парламентов стран-членов Союза. Эстонская дипломатия выступила за принцип принятия решений квалифицированным большинством, что, однако, не должно распространяться на сферы налогообложения, социального страхования, внешней политики и обороны, которые остаются основными прерогативами отдельного государства-члена ЕС. Таким образом, Эстония последовательно выступила против возможного превращения Евросоюза в некое подобие федерации. Каждое государство должно иметь в Еврокомиссии своего уполномоченного и располагать таким количеством мест, которое позволило бы ему участвовать в работе всех крупных политических групп.

Российский вектор эстонской политики можно характеризовать скорее как конфронтационный. Наиболее ярко это проявилось в крайне негативном отношении Эстонии к проекту строительства Североевропейского газопровода «Северный поток» по дну Балтийского моря [5]. Уполномоченный от Эстонии в Еврокомиссии С.Каллас призывал Европарламент придерживаться в отношениях с Россией «жесткой линии», не уступать ее требованиям на саммитах с ЕС [6]. Именно активность в рамках ЕС позволила Эстонии добиться отмены двойных пошлин и получить признание со стороны европейских дипломатов урегулирования пограничных вопросов с Россией, хотя ГД РФ до сих пор не ратифицировала соответствующий договор.

Эстония использует трибуну ЕС для того, чтобы вынудить Россию отказаться от защиты прав русскоязычного населения, принести извинения за «оккупацию», выплатить компенсации пострадавшим от депортации. В зависимости от уровня отношений ЕС с Россией градус антироссийской риторики в устах эстонских дипломатов

то нарастает, то снижается, но при всех обстоятельствах остается достаточно недружественным. Постоянно звучат с трибуны ЕС и обвинения России в недостаточном развитии демократии, звучат призывы лишить ее на этом основании права голоса в европейской политике. Эстония призывает направлять максимальные усилия на поддержку реформ, призванных обеспечить развитие демократии и рыночной экономики в бывших советских республиках, помочь в первую очередь Украине и Грузии «справиться с наследием советской тоталитарной системы», противостоять проявлениям «имперской великодержавной политики» в действиях Российской Федерации [6]. Не стало неожиданностью и то, что в конфликте России и Грузии в августе 2008 г. из-за Южной Осетии Эстония заняла последовательно прогрузинскую политику, а признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии послужило очередным поводом для обвинений в «имперских великодержавных амбициях».

Наиболее острая борьба между сторонниками и противниками интеграции в Европейский Союз развернулась в Литве. Именно в Вильнюсе более всего опасались, что после вступления в ЕС страна окажется в таком же подчиненном положении, как и при советской власти: главные решения будут приниматься в Брюсселе, а литовскому правительству останется лишь исполнять его волю. Подобные опасения основывались на требовании Брюсселя закрыть Игналинскую АЭС, имеющую реактор чернобыльского типа, что превращает Литву из поставщика электроэнергии в ее потребителя. Обеспеченность энергией стала для литовского общества едва ли не важнейшей темой после прекращения поставок российской нефти по нефтепроводу «Дружба» на Мажекяйский нефтеперерабатывающий завод.

Кроме того, в Литве опасались, что неконтролируемый приток европейских капиталов в различные секторы экономики приведет к полной потере литовского контроля над народным хозяйством и даже землями, а литовцы станут лишь дешевой рабочей силой. Некоторые специалисты прогнозировали, что отмена налогов на импорт из европейских стран приведет к вытеснению со внутреннего рынка литовских товаров.

Впрочем, ещё до окончания переговоров о вступлении в ЕС, Литва, как и другие государства-кандидаты, уже получила право голоса в процессе принятия решений. Представители республики участвовали в деятельности Межправительственной конференции, которая редактировала общесоюзные документы, и обеспечили соблюдение основных требований своей страны, касающихся её будущего в ЕС. 13 литовских граждан являются сегодня членами Европарламента, ещё 2 занимают посты специального уполномоченного в Европейской комиссии и судьи Европейского суда. Несколько сотен литовцев работают в различных учреждениях ЕС в качестве представителей национального правительства и как чиновники Евросоюза.

В инфраструктуре ЕС Литва, как и другие страны Балтии, имеет тот же вес, что и Ирландия, Дания, Финляндия, Словакия и другие государства, близкие по размерам территории и численности населения. Однако для малого государства, чтобы быть услышанным в ЕС, важно уметь обеспечить себе поддержку других государств-членов.

Примером использования Литвой возможностей ЕС в своих интересах стала проблема калининградского транзита. Литовская сторона настаивала на праве контролировать перемещение российских граждан и товаров через свою территорию. Несмотря на успехи российской дипломатии, обеспечившей поддержку своей позиции в главных европейских столицах, Вильнюсу всё же удалось противостоять давлению и добиться компромиссных условий, наложив *вето* на схему транзита, которую предлагала Россия.

В октябре 2007 г. состоялась встреча в верхах, получившая название «Вильнюс-

ская конференция по энергетической безопасности: ответственная энергетика для ответственных партнёров”. Российский президент, несмотря на полученное приглашение, на эту встречу не приехал, чем вызвал неудовольствие премьер-министра Литвы Г. Киркиласа, который даже усмотрел злой политический умысел России в том, что президент Франции Н. Саркози и государственный секретарь США К. Райс также не воспользовались приглашением литовской стороны, а предпочли в этот момент нанести визиты в Москву.

Однако речь президента Литвы В. Адамкуса на открытии саммита была гораздо более взвешенной и полнее отвечала характеру нынешней литовской политики в ЕС. По словам литовского президента, Европейский союз должен искать пути для активного и открытого диалога, налаживать взаимовыгодное сотрудничество с Россией, которая была и остается главным партнёром ЕС в энергетической сфере. “Европа нуждается в России точно так же, как и Россия нуждается в Европе: очевидно, что наша зависимость взаимна”. Энергетический диалог ЕС и России, по его мнению, принесёт хорошие результаты, если стороны будут играть по одним правилам, основанным на принципах прозрачности, взаимного доверия и недискриминации. “Этот путь – единственно возможный, – подчеркнул В. Адамкус. – Литва верит, что долгосрочные и перспективные соглашения появляются только в результате открытых дискуссий, а не за закрытыми дверями в Вильнюсе, Брюсселе или Кремле”. По словам литовского президента, европейским странам не следует поодиночке бороться с энергетическими проблемами, а необходимо создавать общую энергетическую политику Европы [7].

Оценивая политику стран Балтии в ЕС в отношении России, Госдума РФ заявила, что “особое недоумение и обеспокоенность вызывает то, что после вступления Латвии и Эстонии в Европейский союз руководство этих государств заметно усилило антироссийскую риторику, выступило с рядом инициатив, сводящихся к реанимированию безосновательных “исторических”, материальных и других претензий к России, и, что самое неприемлемое, продолжает придерживаться курса на пересмотр итогов Второй мировой войны и героизацию бывших эсесовских формирований”. Такая политика, по мнению российских депутатов, не только резко противоречит духу стратегического партнёрства между Россией и Европейским союзом, но и угрожает безопасности и стабильности всего европейского континента [8].

Подводя итог, можно сказать, что страны Балтии, наряду с другими недавно принятыми в ЕС странами, в первую очередь Польшей, стали активными проводниками американского влияния в Европе. Они, как правило, поддерживают позицию правящих кругов США по важнейшим международным вопросам. Главным приоритетом их внешней политики стало участие в международных организациях. При этом удельный вес двусторонних межгосударственных отношений неуклонно уменьшается. Особенно ярко это проявляется во взаимоотношениях с Россией – все, даже сравнительно мелкие частные вопросы страны Балтии стараются решать в рамках Европейского Союза. После вступления Латвии, Литвы и Эстонии в Евросоюз отношения с Россией не стали лучше. Пользуясь общеевропейскими институтами как инструментом давления, страны Балтии откровенно рассчитывают на покровительство своих европейских союзников в вопросах, ущемляющих прямые интересы и достоинство России. И для этого у них есть серьёзные основания, если вспомнить, что попытки Москвы апеллировать к европейскому общественному мнению по таким важным вопросам, как пересмотр итогов Второй мировой войны и роли в ней России, положение лишённого гражданства русскоязычного населения и соблюдение прав человека в странах Балтии не встречают сочувствия в структурах ЕС. Наиболее отчётливо это проявилось в отношении европейских стран к конфликту по поводу переноса памятника советским

воинам из центра Таллина.

В настоящее время можно констатировать, что внешняя политика прибалтийских государств настолько привязана к Вашингтону и Брюсселю, что ее самостоятельность вызывает сомнения. По выражению политолога М. Колерова, «балтийские республики стали транзитными инструментами «сдерживания России», они стремятся набирать очки на антироссийских акциях и готовы в этих целях проводить одностороннюю политику в ущерб своим интересам, но в интересах США». Вывод политолога подтверждается и данными доклада Европейского совета международных отношений «Расстановка сил в отношениях Европейского Союза и России». 27 стран Евросоюза были разделены на 5 групп, в зависимости от отношения к России. В 4-ю группу «сдержанных прагматиков», наряду с Великобританией, вошли Латвия и Эстония. А Литва вместе с Польшей попали в 5-ю группу – «бойцов холодной войны».

Сами прибалтийские политики неоднозначно оценивают внешнеполитический курс своих государств. Бывший министр иностранных дел Латвии Янис Юрканс недавно заявил, что у этой республики давно нет своей внешней политики. «Мы не действуем, исходя из своих государственных интересов, мы постоянно выполняем чьи-то прихоти. Разумеется, у нас нет внятной внешней политики и по отношению к России», – подчеркнул он.

Примером внешнеполитической несамостоятельности Эстонии является пребывание эстонского контингента в Афганистане, недавно усиленного дополнительным минометным взводом в количестве 20 человек. Суммарно после этого численность контингента составила 145 человек, что в пересчете на душу населения вывело Эстонию в число одной из четырех ведущих стран, принимающих участие «в афганской миссии НАТО». Одновременно Эстония прилагает усилия по скорейшей интеграции Грузии в состав ЕС и НАТО, о чем заявил в ходе своего недавнего визита в Тбилиси премьер-министр Эстонии А. Ансип, пообещав на предстоящем Бухарестском саммите поддерживать «ускорение интеграции Грузии в НАТО».

Вектор развития внешней политики балтийских государств направлен в сторону унификации решения вопросов безопасности и внешней политики в рамках общеевропейских структур. Причину такого отказа от суверенитета следует искать в стремлении переложить все внешнеполитические и оборонные издержки, в частности связанные с взаимоотношениями с Россией, на своих партнеров по ЕС и НАТО.

Балтийским политикам это представляется тем более актуальным, что в целом европейское сообщество не слишком высоко оценивает уровень развития гражданского общества в их странах. Так, в недавно опубликованном исследовании «Развитие гражданского общества в Латвии: анализ ситуации» говорится: «В стране *де-факто* действует элитарная форма правления. Политику делает весьма ограниченная, не обновляемая часть общества; в процессе принятия решений задействованы лишь (возможно) специально созданные властями неправительственные организации. Последние формально борются за «великие цели», но фактически занимаются лишь самообеспечением, тратя почти все средства на собственное содержание. А сами правящие политики не всегда консультируются даже с собственными избирателями, не говоря уже о негражданах» [9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Середа Е. Приоритеты внешней политики Латвии//BRS-Info 17.07.2006.
2. «Глава МИД призывает расширить участие Латвии в международных организациях»//ИА «Baltic News Service», Riga, 22.10.2005.
3. Deklaracija par Ministru kabineta iecereto darbību, 01.12.2004, <http://www.mk.gov.lv/index.php/?id=38>

4. «Внешняя политика Латвии станет агрессивнее: Латвия за неделю»//ИА "Regnum" 01.08.2004. <http://regnum.ru/news/301294.html>.
5. Подробнее об этом см. Сытин А.Н. Североевропейский газопровод в балтийской политике // «Свободная мысль» № 9 (1592) 2008. С. 39-54.
6. Ермаков А. Эстония и ЕС – плоды интеграции//BRC-Info 12.07.2004.
7. «Саммит по энергетической безопасности в Вильнюсе – вызов России» // «Литва за неделю»//<http://regnum.ru/news/898740.html>.
8. Заявление Государственной думы Российской Федерации от 22 октября 2004 г. №1061 IV ГД//www.pravoteka.ru/pst/171/85069.html
9. «Перспективы латвийской экономики»// BRC-Info 09.07.2004.

A. Sytin

ACCESSION TO THE EUROPEAN UNION AND THE NEW FOREIGN POLICY PRIORITIES OF THE BALTIC STATES

Abstract: The autor examines the new priorities of the foreign policy of the Baltic countries – Estonia, Latvia and Lithuania after the accession of the European Union and OTAN. Particular attention is paid to relations between the Baltic countries and their relations with Russia.

Key words: The Baltic States, foreign policy priorities, the European Union, the NATO.

ПОЛИТИКА ЛИТВЫ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О КОМПЕНСАЦИИ УЩЕРБА ЗА «СОВЕТСКУЮ ОККУПАЦИЮ»*

Аннотация: В статье подробно рассматриваются политические, экономические и правовые аспекты требований о возмещении ущерба? Нанесенного «советской оккупацией» Литвы в 1940-1991 гг. Показана история закона Литвы от 13 июля 2000 г. Характеризуется отношение к этому закону как в самих странах Балтии, так и в России.

Ключевые слова: Литва, внешняя политика, закон от 13 июня 2000 года, Российская Федерация, возмещение ущерба.

13 июня 2000 г. Сейм Литовской Республики принял закон «О возмещении причиненного оккупацией СССР ущерба». В своем выступлении 7 января 2008 г. на расширенном заседании коллегии литовского МИД президент страны В.Адамкус в очередной раз поднял тему возмещения Россией нанесенного в 1939-1941 и 1945-1991 гг. ущерба и назвал сумму в 28 млрд. долларов США.

«Мы не отказываемся и не откажемся от требований признать факт советской оккупации и возместить причиненный оккупацией вред», - заявил президент Литвы. Он обозначил это требование к России как одну из приоритетных задач внешней политики страны на 2008 год.

Проблема требований компенсаций со стороны России существует практически со времени провозглашения Литвой независимости, однако очевидным образом эта проблема обостряется каждые четыре года. Сам закон был принят в 2000 г., затем всплеск дискуссий по этому поводу последовал в 2004-2005 гг., что в России связали с дискуссией «о советской оккупации», развязанной в связи с празднованием 60-летия победы в Великой Отечественной войне. Вместе с тем, обострение требований и ужесточение тона совпали с вступлением Литвы и других прибалтийских республик в ЕС и избирательным циклом в самой Литве. Вот и сейчас о законе и о требованиях компенсаций в Вильнюсе вспомнили не случайно. Осенью 2008 г. состоятся выборы в Сейм республики, а в следующем, 2009 г., истекает срок полномочий президента В.Адамкуса.

Предыстория вопроса

Вопрос о возмещении ущерба от «советской оккупации» руководство Литвы подняло еще в начале 1990-х годов. В июне 1992 г. на референдуме 70% граждан поддерживали это требование. Четыре года спустя правительство утвердило постановление «О программе работ по установлению ущерба, причиненного Литве СССР в 1940-1991 гг. и армией РФ в 1991-1993 гг.», а специальная комиссия, подсчитав ущерб, объявила, что Россия должна Литве \$ 276 млрд. Однако подобная сумма показалась абсурдной даже литовским законодателям. Консервативное большинство тогдашнего Сейма во главе с В.Ландсбергисом не предприняли реальных действий, ограничиваясь лишь множеством деклараций. Уже незадолго до выборов усилиями того же правого большинства и был принят рассматриваемый закон, обязывающий власти страны неуклонно добиваться возмещения ущерба Российской Федерацией. Была создана комиссия во главе с тогдашним зам.министра (вице министром) юстиции Расой Будбергите. Эта комиссия и установила, что прямой ущерб от советской оккупации составляет 80

* © А.Н. Сытин

млрд. литов (тогда \$ 20 млрд.). На сегодняшний день это эквивалентно \$ 28 млрд. или 20 млрд. евро. Поначалу В.Адамкус отрицательно отнесся к принятию такого закона и отказался его подписать. Однако, по литовской конституции закон может вступить в силу и с подписью председателя Сейма. Так и произошло в данном случае.

30 июня 2005 г., после вступления Литвы в ЕС 1 мая 2004 г., Сейм одобрил резолюцию, призывающую Россию признать факт советской оккупации государств Балтии и выразил надежду, что ущерб будет возмещен. В январе 2007 г. вопрос о возмещении ущерба вновь был поднят в Сейме, однако принятая резолюция содержала значительно более мягкие формулировки: в ней говорилось лишь о намерении начать консультации с правительством на эту тему.

Предвыборный ход

Есть все основания связывать выдвижение политиками Литвы требований компенсации с очередным выборным циклом. Среди литовских избирателей это достаточно популярная тема. По данным опроса, проведенного в декабре 2007 г., 70% жителей республики считают Россию ответственной за ущерб, нанесенный в советский период. Противоположного мнения придерживаются 25,6%. 49,4% респондентов считают, что диалог с Россией надо начинать с моральной компенсации за оккупацию, 43,9% - с материальной, а 6,7% не определились с ответом. Больше половины высказавшихся за моральную компенсацию – люди с высшим образованием. На вопрос, как Россия должна расплачиваться, 32,3% ответили, что она должна извиниться, 39,7% - выплатить компенсацию пострадавшим и их родственникам, 20,8% - выплатить государству в бюджет Литвы и 7,2% не определились с ответом [1]. При этом, однако, почти 84% жителей Литвы не верят, что Россия когда-либо компенсирует этот ущерб [2].

Очевидно, что упускать такую «актуальную» тему в преддверии выборов политики не намерены. Так, директор Департамента Восточной Европы и Средней Азии МИД ЛР Арунас Винчунас осторожно заявил в интервью Интерфаксу 28 января 2008 г., что «Литве и России прежде всего не хватает диалога, что же касается суммы денег, то это второстепенный вопрос, и нужно выстраивать диалог, маленькими шажками идти навстречу друг другу». Премьер министр Гедиминас Киркилас считает, что положительной реакции Москвы на требование Литвы выплатить компенсации ждать не стоит. Литва не раз обращалась к России по поводу возмещения ущерба от оккупации, эти обращения пока не имеют никакого действия. Подобные требования могут быть результативными только в том случае, если между обеими сторонами имеет место доброжелательный диалог, - подчеркнул глава правительства Литвы.

Политическая и правовая позиция России

Она была исчерпывающе выражена в двух почти идентичных заявлениях МИД РФ от 9 июня 2000 г. и от 5 мая 2005 г. и с того времени не претерпела никаких изменений. Краеугольным камнем этой позиции является полное отрицание какого-либо упоминания о так называемой «советской оккупации». Согласно заявлению МИД РФ, «и ввод дополнительных частей Красной Армии, и присоединение прибалтийских государств к Советскому Союзу не вступали в противоречие с нормами действовавшего в то время международного права». Термин «оккупация» не может быть использован для правовой оценки ситуации, сложившейся в Прибалтике в конце 30-х годов XX века. СССР и Прибалтийские государства не находились в состоянии войны и вообще не вели военных действий друг против друга, а ввод советских войск был осуществлен на договорной основе и с ясно выраженного согласия действовавших в этих республиках властей.

Кроме того, в республиках Прибалтики на протяжении всего периода их пребывания в составе Советского Союза действовали национальные органы власти. Имен-

но эти органы в лице Верховных Советов соответствующих республик приняли в 1990 г. решения о выходе из состава СССР. Таким образом, если подвергать сомнению легитимность решений прибалтийских органов власти советского периода, следует поставить вопрос и о легитимности провозглашения республиками Прибалтики своей независимости. Соответственно и любые претензии, включая требования о материальной компенсации за якобы имевший место ущерб, который стал результатом произошедшего в 1940 году, лишены оснований, – подчеркнул МИД РФ.

К указанному можно добавить, что примерно 30% территории нынешней Литовской республики было получено ею в качестве союзной республики, входящей в состав Союза ССР. Попытка признать нелегитимным весь период с 1940 по 1991 гг. ставит под сомнение не только легитимность провозглашения литовской независимости и восстановления государственности, но и ее территориальную целостность.

Существует и правовой аспект проблемы. Вопрос, подобный поставленному Литвой, не решается технически; не существует никакой конвенции ООН или Совета Европы, которая регулировала бы порядок возмещения убытков от оккупации. Согласно нормам международного права, для начала Литва должна подать заявление в международный суд ООН в Гааге, который должен принять дело к рассмотрению и вынести решение, имела ли место оккупация стран Балтии со стороны СССР и может ли Россия выступать правопреемницей Союза ССР в этом случае.

Традиционно вопрос компенсаций за оккупацию решался дополнительными протоколами к акту о капитуляции проигравшего войну государства. Так, в 1945 году союзные державы своим совместным решением обязали Германию платить репарации за оккупацию Бельгии, Голландии, Польши. Факт оккупации в этом случае не надо было доказывать. Так как основные признаки были налицо: дискриминация населения, свержение законных правительств, введение военного режима и надстроечных органов управления. Все эти квалифицирующие признаки отсутствуют в случае взаимоотношений СССР и прибалтийских республик. Кроме того, СССР никому не проиграл и не является побежденной державой. Напротив, СССР активно инвестировал в развитие экономики присоединенных в 1940 г. республик, в них проводились выборы в центральные и местные органы власти, их граждане равными правами с другими гражданами СССР, а органы власти и управления состояли главным образом из так называемых «национальных кадров».

Те компенсации, которые Германия в настоящее время выплачивает жертвам фашистских концлагерей, являются компенсациями за рабский труд на пользу Германии насильно перемещенного (угнанного) на работы населения. Аналогии с депортациями советских времен неуместны, поскольку в результате репрессий 30-50-х годов русский народ потерпел не меньший, а больший ущерб, о чем неоднократно делались заявления руководством как СССР в 1989 г., так и РФ, и теперь нет никакого смысла возвращаться к этой теме.

Литовская сторона рассчитывает на положительное для себя решение в Гааге. В этом случае дипломатическим ведомствам России и Литвы придется согласовать текст договора о возмещении убытков, а затем добиваться их подписания и ратификации. После этого в дело должны вступить финансовые ведомства, которые должны согласовать график и форму выплат. Литва также безусловно рассчитывает на помощь Евросоюза в решении вопроса о компенсациях в качестве члена ЕС. «Пока Литва не была членом ЕС, поднятие вопроса о возмещении ущерба было нерезультативным. Теперь же ситуация совсем иная, и Литва укрепила свои позиции. Пришло время поднимать вопрос о возмещении ущерба не только на правительственном, но и на парламентском уровне», – отметил премьер-министр Г.Киркилас.

Однако, совершенно не очевидно, что Гаагский суд и страны ЕС захотят создавать прецедент. Если Россия может опасаться волны исков со стороны стран Восточной Европы и бывших союзных республик, то европейские страны также в любой момент могут оказаться под ударом аналогичных претензий. Так, африканская группа стран во главе с Ливией на встрече в верхах ЕС, проходившей летом 2007 г. в Лиссабоне, потребовала, чтобы страны Европы компенсировали ущерб, нанесенный Африке за весь колониальный период. Лидер Ливии М.Каддаффи заявил, что европейские страны, «которые когда-то захватили и ограбили их материк, должны компенсировать народам Африки захваченное имущество и пережитое ими рабство». Один из живущих в Намибии народов потребовал у Германии \$ 4 млн. за геноцид, который он испытал в начале XX в., когда эта территория была колонизована кайзеровской Германией. Африканцы подали в Вашингтонский федеральный суд иск на правительство Германии, ее центральный банк и несколько компаний. А еще в 1975 г. жители острова Банаба в Тихом океане потребовали у Великобритании \$ 9 млн. в качестве компенсации за добычу на острове фосфатов и нанесенный в связи с этим ущерб [2]. Все эти претензии были решительно отвергнуты европейскими странами.

Наконец, апелляция литовской стороны к подписанному в 1991 г. соглашению между Россией и Литвой, в котором Россия признала аннексию 1940 г. и взяла на себя обязательства устранить ее последствия, не может изменить того факта, что взаимные экономические расчеты могут оказаться далеко не в пользу Литвы.

Экономический аспект проблемы

Россия как правопреемница СССР взяла на себя все внешние обязательства Союза после его распада. В качестве компенсации за это ей полагалось все зарубежное имущество и активы СССР. Однако в отношениях с Прибалтикой, первой вышедшей из состава СССР, вопрос внешнего долга и имущества остался нерешенным.

Это послужило поводом для проверки состояния вопроса Счетной палатой РФ в 2004 г. Проверка проходила с апреля 2003 по июнь 2004 года. Её результаты были рассмотрены на заседании Коллегии счетной Палаты 10 сентября 2004 г. Аудиторы Счетной палаты пришли к выводу, что в межправительственных договорах, заключенных между РСФСР и государствами Балтии, не определен правовой режим собственности одной стороны, находящейся на территории другой, не решены вопросы о взаимном признании прав собственности и получении Россией компенсаций за собственность бывшего СССР, оставшуюся на территории Латвии, Литвы и Эстонии. По заключению Счетной Палаты, остаются неурегулированными вопросы, связанные с внешним и внутренним долгом бывшего союзного государства. По оценке банка России и Внешэкономбанка, совокупная задолженность указанных государств в валютных обязательствах бывшего СССР, принятых на себя Российской Федерацией (внешний долг) составляет \$ 3,06 млрд. при этом сумма осуществленных РФ выплат по внешнему долгу бывшего СССР на 1 октября 2003 г. составляла \$ 1,07 млрд.

Проверка также показала, что при выводе российских войск из стран Балтии не был решен ряд вопросов правового и организационного характера, не обеспечена социальная защита военнослужащих, членов их семей и пенсионеров Вооруженных сил. Аудиторы отметили, что не выполнено Постановление правительства РФ «О мерах по обеспечению приема и благоустройства российских войск, выводимых из других государств на территорию РФ», в соответствии с которым МИД и Минобороны России поручалось добиваться включения в межправительственные договоры с Латвией, Литвой и Эстонией положений о компенсации за оставляемое недвижимое имущество Вооруженных сил для использования этих средств на обустройство выводимых войск.

По результатам проверки, Счетная палата направила информационное письмо

и аналитическую записку в правительство и администрацию президента РФ с рекомендацией принять необходимые меры для достижения с прибалтийскими государствами договоренностей по урегулированию спорных имущественных и финансовых вопросов. Таким образом, с российской стороны существует необходимая нормативная база для проведения непростых переговоров со странами Балтии по вопросу о компенсациях и предъявления встречных претензий.

К сказанному можно добавить тот неоспоримый факт, что «оккупированная» советская Прибалтика всегда находилась на особом привилегированном положении, недоступном ни для одной другой союзной республики бывшего СССР. Осенью 1977 г. на совещании Совмина и Госплана СССР А.Н.Косыгин подчеркивал: «Прибалтика выходит в лидеры по темпам экономического развития и уровню социального обеспечения. Эту линию надо продолжать [3]. Особенности этой линии состояли в том, что во-первых, именно в Прибалтике (и еще на Западной Украине) СССР фактически отказался от массовой коллективизации: свыше 65% товарной сельхозпродукции в странах Балтии в конце 1990 г. обеспечивали частные и кооперативные хозяйства. Во-вторых, только в Прибалтике с 1960-х годов создавались кооперативные – вне общесоюзной собственности – промышленные, транспортные, торговые и курортные предприятия. Минимум половина доходов этих объектов оставалась в их распоряжении. По уровню же накопленной прибыли именно прибалтийская экономика к 1991 году занимала первое место в СССР. Еще раньше – со второй половины 60-х годов – Прибалтика опережала все прочие регионы по темпам роста производственных капиталовложений, уровню зарплат и пенсий. Важно и то, что свыше половины доходов прибалтийских портов от экспортно-импортных операций с середины 50-х годов у них не изымались [3].

В-третьих, по темпам создания новых рабочих мест, жилищного строительства, развития транспортной, энергетической и медицинской инфраструктуры Прибалтика с середины 60-х годов также стала лидером в СССР. Совокупный ВВП трех прибалтийских республик за 1940-1988 гг. увеличился более чем в 7 раз и это с учетом восстановления разрушений Второй мировой войны! За время же «независимого существования» 1918-1939 гг. он возрос только на 35%. Рекорд развития в советское время был обусловлен не в последнюю очередь символическими расценками для Прибалтики на российские, азербайджанские, среднеазиатские энергоносители: до второй половины 40-х годов в Прибалтике не было ни гидроэлектростанций, ни своей нефтепереработки.

Вплоть до 2005 г. Россия дотировала экономику стран Балтии за счет низких цен на энергосырье. Повышение цен на нефть и газ в 2006 г. вызвало протест литовских чиновников, а тогдашний премьер-министр А.Бразаускас высказался за продление льготных ценовых условий и объемов поставок газа в Литву до 2015 года.

В 1989-1991 гг. в Прибалтике была осуществлена экспроприация движимой и недвижимой общесоюзной собственности, оценочную стоимость которой страны Балтии предпочитают не разглашать. Инвестиции, осуществленные Центром за время нахождения Литвы в составе СССР, явно перекрывают «ущерб», который понесла республика от пребывания на ее территории советских войск. Уже к 1948 году объем валовой продукции Литовской ССР превысил уровень довоенного 1940 г. В послевоенный период Литва достигла самых высоких среди республик СССР темпов промышленного роста. В 50-70-е годы преимущественно аграрная республика превратилась в один из наиболее индустриально развитых регионов СССР. Высокотехнологичные отрасли росли опережающими темпами, по сравнению с традиционным ранее сельским хозяйством и деревообрабатывающей промышленностью. С 1950 по 1972 гг. объем

производства электроэнергии вырос в 54,7 раза, продукции химической и нефтехимической промышленности – в 77,5 раза. Наиболее стремительно развивалось машиностроение и металлообработка – в 88,2 раза. Этот сектор занял ведущее место в республиканской экономике – 23% валового продукта литовской промышленности. В нем работала треть занятого в промышленности персонала. Литва стала поставлять на внутрисоюзный рынок большие морозильные рыболовные траулеры, электросварочное оборудование, бумагу, кабель, стройматериалы и минеральные удобрения. Республика, одна из немногих в Союзе, производила ЭВМ и копировальные аппараты [4].

Индустриализация в Литве проходила не за счет сельского хозяйства – об этом говорит хотя бы тот факт, что, по данным 1986 г. Литва занимала первое место в СССР по производству молока и мяса на душу населения. Вложения в развитие литовской промышленности осуществлялись за счет союзного бюджета. Для строительства таких предприятий, как Кединайский химический комбинат, Ионавский завод азотных удобрений, Каунасский завод искусственного волокна, Клайпедский судостроительный завод и т.д. оборудование поставляло более 300 предприятий из разных регионов СССР [4].

В наследство от «оккупантов» независимому литовскому государству досталась развитая промышленность и социальная сфера. Даже объекты, оставленные советскими войсками, теперь используют в своих целях контингенты НАТО. Не следует забывать и о литовской доле во внешних долгах СССР, добровольно принятых на себя Россией.

На протяжении десятилетий в Литву вкладывали средства, эквивалентные десяткам миллиардов сегодняшних долларов. основную тяжесть при этом несли республики, чье хозяйство составляло основу экономического потенциала СССР, то есть Россия, Украина и Белоруссия. Литовские политики, требующие от России компенсаций за материальный и моральный ущерб, должны понимать, что экономика республики сейчас во многом функционирует за счет предприятий, составляющих часть так называемого советского наследства.

Помимо названных объектов, можно также упомянуть аэродром в Зокняе (оценочная стоимость \$ 5 млрд.), паромную переправу в Клайпеде (\$2 млрд.), Мажекяйский НПЗ (12 млн. тонн нефти в год), целлюлозно-картонный завод в Клайпеде, станкостроительный завод Zalgeris, Каунасскую ГЭС и т.д.

Заключение

Заявления В.Адамкуса, прозвучавшие 7 января 2008 г. вполне можно назвать чисто политическими с целью зафиксировать отношение Литвы к России накануне выборов парламента 2008 и президента 2009 года. В Вильнюсе прекрасно осознают всю шаткость литовской правовой позиции в этом вопросе. Присутствует в известной мере и стремление нажать политический, а возможно, и материальный капитал на современном росте антироссийских настроений в руководстве западных государств. В то же время В.Адамкус формально лишь выполняет закон от 2000 г., а закон может быть изменен или признан утратившим силу в случае, если Россия будет постепенно и планомерно добиваться этого в ходе двусторонних переговоров. В любом случае, простое игнорирование заявлений литовских политиков представляется неконструктивным. Возможно, логичнее выглядело бы создание специальной межправительственной комиссии, которая спокойно в течение продолжительного времени могла бы заняться подготовкой материалов по взаиморасчетам. Нельзя также сбрасывать со счетов и достижение взаимоприемлемого компромисса по такому важному для Литвы вопросу как, возобновление поставок нефти на Мажекяйский НПЗ по отремонти-

рованной ветке нефтепровода «Дружба».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Опрос агентства Vilnorus по заказу пресс-службы МИД Литвы// «Жители Литвы считают РФ ответственной за ущерб, нанесенный в советский период»//RB.ru/11.01.2008
2. «Россия никогда не возместит ущерб, нанесенный Литве, и Брюссель здесь не поможет»//<http://runet.lt/press/951.html> 01.02.2008. //Арас Лукшас. Это все равно, что биться головой о железобетонную стену.// "Veidas" №3, 21 января 2008.
3. А.Чичкин. Балтийский счет// «Российская бизнес-газета» №522. 6 сентября 2005 г.
4. В.Соколов, А.Литвинов. Москве пора потребовать от Вильнюса компенсаций// «Независимая газета» 28 июня 2000 г.//http://www.ng.ru/world/2000-06-28/1_vilnus.html

A. Sytin

POLITICS OF LITHUANIA AGAINST RUSSIA IN CONNECTION WITH THE ISSUE OF COMPENSATION FOR THE "SOVIET OCCUPATION"

Abstract: The article examines in detail the political, economic and legal aspects of claims for damage caused by «the Soviet occupation» of Lithuania in the years 1940-1991. History has shown the law of Lithuania dated 13 July 2000. Characterized by relevance to the Act as within the Baltic countries, and in Russia.

Key words: Lithuania, foreign policy, the law from June, 13th, 2000, the Russian Federation, damage compensation.

РАЗДЕЛ IV. ПОЛИТОЛОГИЯ

Сердюк О.В.

ИСТОРИЯ РУСИ-РОССИИ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ РУССКИХ ЕВРАЗИЙЦЕВ*

Аннотация: Автор в статье исследует особенности эволюции геополитической мысли и формирования исторического опыта евразийских отношений. Он также рассмотрел процессы, связанные с историей создания городов и формирования границ Руси-России в качестве важной проблемы евразийской теории и геополитики.

Автором показано также, что исторический опыт формирования Руси-России, Советского Союза и постсоветской Российской Федерации в зеркале современных евразийских теорий имеет ряд общих закономерностей, позволяющих при их достаточно внимательном изучении и осмыслении оптимизировать деятельность органов государственного управления.

Ключевые слова: геополитика, евразийское движение, евразийская теория, Россия, историческое развитие.

Движение, возникшее в русской эмигрантской среде в начале 20-х годов, долго оставалось мало известной страницей русской политической истории. Именно движение и научная школа, а не политическая партия или секта, склонная подчеркивать свою аполитичность и сугубо культурологическую направленность. Октябрь 1917 г., Мировая война, Гражданская война с точки зрения евразийцев нанесли огромный вред русской культуре. Проводником безответственной европеизации России и чуждых русскому народу социалистических идей они считали русскую интеллигенцию. Связь евразийцев со славянофильскими представлениями о месте России во всемирной истории очевидна.

Однако евразийская идея не избежала излишней политизации, возник проект создания Евразийской партии (в противовес РКП(б)-ВКП(б), создания евразийского идеократического строя) [1]. Некоторые евразийцы увидели в СССР подлинную Евразийскую империю и заняли просоветские позиции. В конце 30-х годов движение сошло на нет в силу разных причин.

Главный идеолог движения П.Н. Савицкий (1895-1968) не видел в будущей Евразии места для западноевропейской культуры, считал, что общечеловеческую правду несёт миру Россия, которая неизбежно отвергнет социализм, бесчеловечность и мерзость большевизма и возродит Церковь, совершив всенародное покаяние за грех безумного Октябрьского восстания [2].

Согласно евразийским представлениям, извечная борьбу между Лесом (оседлые славяне лесной полосы) и Степью (урало-алтайские кочевники) увенчалась в монгольский период победой Степи, но в XV веке Лес (Московия) взял реванш. С тех пор Московское государство стало главной ценностью русской истории.

* © Сердюк О.В.

Согласно другому евразийскому автору, Г.В. Вернадскому (1887-1973), – между европейской и азиатской Россией границ не существует, а есть только Россия-Евразия, которую населяют не европейцы, не азиаты, а “евразийцы”, имеющие богатое историческое наследие: от монголов – евразийское государство, от Византии – православную государственность. На почве Евразии, правда, с его точки зрения, была заявлена и иная “форма государственности – вечевое устройство и его позднейший аналог – казачий круг. Все названные формы оказались равно удалены не только от исламской цивилизации и государственности, но и от католической. Даже тяжкий удар церковного раскола в ХУП веке не сокрушил евразийского православного духа, позволив противостоять напору католичества, проискам иезуитов и протестантов, масонства и атеизма. Величайший духовный кризис XX в. не обязательно приведет русский народ к катастрофе, возможно и возрождение.

Идеи евразийства отличались не только большой эмоциональной насыщенностью, но и научностью. В их разработке приняли участие не популяризаторы истории и политические авантюристы, а профессиональные этнографы, лингвисты, историки, географы, философы, богословы, правоведы.

Евразийцы (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский, Л.П. Карсавин), признавая влияние западноевропейских идей на Россию, особенно усилившиеся в эпоху Петра I, считали, что России в Европе делать нечего, что “окно в Европу” следует захлопнуть. Они пересматривали традиционные представления о татаро-монгольском иге, видели не в Киевской Руси, а в монгольской империи (Золотой Орде) истинного предшественника российской государственности. “Киевская идея” представлялась некоторым из них провинциальной. Идею всемирного царства Московское великое княжество восприняло после распада Орды в XVI в. О новейшей истории России П.Н. Савицкий писал, что, ни с кого не желая снимать ответственности, евразийцы в то же время понимают, что коммунистический шабаш наступил как завершение более чем двухсотлетнего периода “европеизации”.

Критика Запада и европоцентризма, призыв к преодолению “ложного” европейски ориентированного сознания – в этом они видели залог гармонического существования народов Руси-Евразии. Разумеется, образ Древней Руси, осененной православием, не исчез из их рассуждений. Многие здесь было взято у славянофилов. Не личность, не борьба за права личности, а братская любовь и солидарность людей считались главными для евразийцев. Плюс представление о государстве как залоге и гаранте всеобщей гармонии. Именно таковым им виделось советское государство, хотя они и предсказывали, что, сохранив от распада империю, большевики всё же не обеспечат единство страны на длительное время и в будущем возможно свертывание российского государства до его славянского и даже великорусского ядра. Однако грядущий духовный кризис не обязательно приведет русский народ к национальной катастрофе, его возрождение возможно.

В отличие от правой и монархически настроенной русской эмиграции, евразийцы увидели в трагедии революции и Гражданской войны глубокий исторический смысл. Будущее России виделось им не в том, чтобы возродиться в качестве европейской державы, а в том, чтобы возглавить всемирное антиевропейское движение. Здесь было сходство с советской геополитической концепцией противостояния капиталистическому Западу и внимания к национально-освободительному движению народов Востока.

Евразийцы считали, что европейские начала, воспринятые Петром I, остались непонятными русскому народу, что сама русская революция – это народный суд над послепетровской Россией, над непонятным и чуждым народу культурным слоем

страны, чужеродной, в значительной части – дворянской, а впоследствии – космополитической интеллигенцией. Реформам Александра II, Столыпина, большевистским экспериментом они приписывали лишь технический смысл. Большевизм прежде всего привлекал их эффективностью государственного управления. Советскую власть они считали компромиссом между большевиками и русским народом. Выходило так, что народ воспользовался большевизмом, чтобы спасти территориальную целостность и возродить мощь страны, а большевики поступились своими утопическими планами, отказались от окончательной европеизации России.

Критики евразийства говорили, что нельзя представлять себе Европу и Азию в виде двух квартир, где попеременно проживает Россия, что европейское и азиатское начала органически присущи России и ни одним из них нельзя пренебречь, у евразийцев подмечали недооценку православия, склонность к изоляционизму, излишне критическое отношение к католицизму. Современные критики евразийства (в основном, из патриотического лагеря) считают его вредной иллюзией, разновидностью идеологии либерального неолевизма, игнорирующего духовный смысл русской православной цивилизации, подменяющего культурологический подход геополитической “мистикой”, соединяющей несоединимые элементы разных цивилизаций, акцентирующей лишь государственное начало и сужающей патриотизм до требования евразийской державности. “Сегодня “евразийство”, – пишет один из его критиков, – по своей духовной сути является современной модификацией либерального космополитизма и большевистского интернационализма, новой оболочкой мондиалистского мышления” [3].

Главной политической иллюзией евразийцев в 20-х гг. XX в. считают представление, что их движение было способно сменить большевизм. Приспосабливаться к большевикам, как сменовеховцы, они не хотели. В конце 20-х гг. кое-кто из евразийцев выражал надежды на перерождение ВКП(б) в партию евразийской ориентации. Их политическая наивность очевидна, но не менее очевидно и то, что они не имели ничего общего ни с большевизмом, ни с фашизмом. Раскол движения в 1929 году обнаружил его организационные слабости. В Германии пришел к власти Гитлер, в России укрепился Сталин. Евразийцам, с их идеей содружества народов Востока и Запада, с пропагандой духовных, экономических и политических преимуществ объединенной “Евразии” не осталось исторического места. Их идеи в Советской России замалчивались, они были к тому же чересчур сложны для восприятия.

Однако евразийство как научная школа оказалось своеобразным полигоном идей. Сами евразийцы выражали уверенность, что к их идеям впоследствии будут неоднократно обращаться русские исследователи, что у них будут последователи. Много переключек с идеями евразийства находим мы у А.Н. Гумилева (1922-1992), который в 1950-х годах сидел вместе с П.Н. Савицким в мордовских лагерях и с гордостью называл себя “последним евразийцем” [4].

В свое время критики евразийства из числа тех, кто считал Русь – Россию европейской державой (П. Струве, П. Миллюков, С. Франк), видели социальную опасность этого учения в стремлении возродить русскую национальную гордость на путях разрыва с европейской культурой. Ныне им вторят отечественные неолевизмы и либерал-демократы, согласно которым во всех бедах России виноваты не марксизм-ленинизм-троцкизм и его носители, а сам русский народ с его азиатской психологией, исконным экстремизмом и врожденной склонностью к бунту, насилию, грабежу. Но в таком случае аналогичные обвинения следует предъявить немецкому народу за гитлеризм, французскому – за якобинство. Поскольку и немецкий, и французский бунты были не менее “бессмысленны и беспощадны”, чем русский. И дело здесь не в том, что

кто-то признает или не признает идеи евразийства, считает или не считает отечественную культуру евразийской, а в живучести самих этих идей, их необычной прогностической силе, в обаянии самой идеи синтеза культур Востока и Запада, в её высоком гуманистическом содержании.

Сегодня геополитическое положение Российской Федерации, поиски идентичности русского и других этносов бывшего СССР, проблемы суверенизации и нового федерализма в России и “ближнем зарубежье” определяют востребованность идей евразийства, их современное прочтение и осмысление. Принято различать:

- классическое евразийство (1920-е гг.),
- позднее евразийство (Л.Н. Гумилев),
- неоевразийство (А.Г. Дугин),
- псевдоевразийство (Н. Назарбаев, М. Шаймиев) [5].

О представлениях евразийцев классического периода было сказано выше, где подчеркивалась их необыкновенная прогностическая интуиция (коммунизм неизбежно уступит место евразийской идеологии), их патриотическая, а вовсе не националистическая убежденность, что утверждение евразийской самобытности на просторах России-Евразии пойдет по пути если не отвержения, то предельно критического восприятия ценностей западноевропейской (американизированной) культуры [6].

Евразийский подход к событиям русской истории можно иллюстрировать некоторыми “сюжетами”, которые представляются узловыми как для самой истории Руси-России, так и для осмысления геополитики и геостратегии отечественных правителей, пытавшихся решить проблемы на стыке Востока и Запада, Степи и Леса. Представляется обоснованным расположить подобные сюжеты в хронологическом порядке: деяния Святослава, труды и подвиги Александра Невского, восточно-западная политика Ивана Грозного, внешнеполитическая активность Петра I.

Первый сюжет, связанный в основном и главным с деятельностью князя Святослава (964 – 972 гг.), есть смысл обозначить (вслед за Г.В. Вернадским) “имперским планом” (878-972 гг.) [7].

Геополитическое положение Руси, начиная с XIII в., становится предельно сложным – одновременно с монгольским нападением с востока, она подверглась тевтонскому натиску с запада. Геостратегический выбор XIII в. между Востоком и Западом, который предстояло сделать Руси, был судьбоносным [8]. Две модели поведения русских князей в тяжелейшей геополитической ситуации для нас персонифицируются в политике Даниила Галицкого (1238-1264) и Александра Невского (1252-1263).

Геостратегический план Александра Невского в основе своей был ориентирован на вассальное служение Золотой Орде и сдерживание немецко-шведской колониальной интервенции. Бороться на два фронта сил явно не хватало. Главное же в том, что план был выполнен. Северо-Западную Русь не постигла судьба западных славянских племен, частью уничтоженных, частью окатоличенных. Окатоличивания Руси Александр Невский не допустил. Уроки из авантюрной и непоследовательной деятельности Даниила Галицкого он извлек. Церковь при нём укрепила свои позиции (даже в Сарае была учреждена православная русская епископия). Православие, как часть культурного ядра восточнославянской христианской цивилизации, было сохранено.

Следующий геополитический сюжет связан с Московским царством в XVI столетии и началом подлинного строительства Евразийской империи. Важнейшей вехой на пути национального освобождения Руси была Куликовская битва (1380) [9], событие, в котором до сих пор многое не выяснено.

Если сугубо теоретически перечислить некоторые признаки империи, не претендуя на строгое определение, но и уходя от интуитивного понимания империи как

чего-то грандиозного в геополитическом смысле, монархического в плане государственного устройства, органического в хозяйственно-экономическом отношении и т.д., то получим следующие характерные черты имперского устройства:

- полиэтничность империи как государственно-политического и социального образования подразумевает наличие ведущего, стержневого, цементирующего имперского этноса;

- имперская политика вполне определенно связана с патерналистской практикой покровительства и защиты подопечных этносов, добровольно или насильственно включенных в имперское целое;

- имперский алгоритм общего блага всех подданных дополняется функцией поддержания геополитического баланса в имперском политическом пространстве и на сопредельных территориях;

- имперская идея, наряду с декларируемым (явно или латентно, а порой в лицемерной форме “бремени белого человека”, “цивилизаторской и культуртрегерской миссии колонизаторов) принципом ответственности ведущего этноса, тесно привязывается к мессианскому предназначению ведущего этноса в религиозной или квазирелигиозной (этико-политической) форме.

К сожалению даже самые проникательные из евразийцев с трудом преодолевали некоторые исторические стереотипы, связанные с Петром I, постоянное стремление говорить о его деяниях лишь в превосходной степени.

Сюжет третий. С именем Петра I обычно связывают начало широкой европеизации России. На западный лад были реорганизованы управление, суд, армия, некоторые социальные структуры общества, получила широкое распространение практика приглашения иностранных специалистов.

Русское государство начало достигать пределов своего географического распространения и геополитического могущества.

Россия закрепились на Балтийском побережье, продолжала продвижение к Тихому океану. Внешнеполитическая и военная деятельность Петра I, непосредственные контакты царя-реформатора с европейскими государями, участие в европейской политике – всё это традиционно описывается как ряд блистательных успехов и побед, и особенно – Полтавская битва (1709), строительство столицы на Неве [10]. Армия и флот оцениваются как первоклассные, государственная канцелярия – как одна из лучших, ученая Академия наук – как вполне европейское научное учреждение. Византийская идея царской Московии (имперская по существу), по определению евразийцев, уступила место идее латинского императорства (1721 г.) [11].

Однако даже самые безоговорочные поклонники Петра I не могли отрицать, что видимые достижения были куплены ценой глубоких внутренних конфликтов, перенапряжения народных сил. Европеизация принесла новые идеи, которые были восприняты верхушкой общества, но вызвали протест масс.

Что-то очень существенное не позволяет лишь умиляться правлением царя-реформатора и революционера одновременно. А именно: в “окно, прорубленное в Европу”, потоком понесло русские полноценные рубли, выколотые дворянством из мужицкой России. И дело не только в том, что светлейший “птенец гнезда Петрова” А. Меншиков хранил в зарубежных банках награбленную добычу в размере годового бюджета Империи, чему могут поучиться современные фавориты-натурщики, но и в том, что это были двести лет разнузданного мотовства дворянства в Карлсбадах, Парижах и прочих “европах”.

Геополитически успехи предшественников Петра I, их геополитическое наследие были впечатляющи: Украина была воссоединена с Россией, у Польши отвоёваны Мо-

гилёв, Витебск, Смоленск, в Прибалтике приобретены Юрьев, Динабург и территория вплоть до Риги. Польша была практически повержена (Петру осталось лишь насаждать там своих воевод), на Востоке казачество дошло до берегов Амура и Нерчинский договор (1689) был всего лишь остановкой в пути, под крепкую руку Москвы просилась Грузия. Эти допетровские успехи опирались на прочное основание: армия наполовину была уже переведена на европейский строй, иностранные специалисты стали обычны, деревня имела достаточно высокий уровень жизни и пользовалась благами самоуправления, Земские соборы собирались достаточно регулярно. Первые русские корабли, театры, газеты и прочее (кроме европейских кафтанов и иностранной военной униформы) были уже до Петра.

Ещё более загадочен миф о военном гении Петра I, существующий вопреки фактам:

На наш взгляд, нельзя сравнивать Петра ни с Суворовым (93 сражения, 93 победы), ни с Ушаковым (46 морских сражений, 46 побед). Выразительна таблица временных затрат России на разгром агрессора в решающие моменты истории:

Смутное время	Россия + ноль правительство	6 лет
Шведы	Россия + Петр	21 год
Наполеон	Россия + Александр I	2 года
Гитлер	Россия + Сталин	4 года

”Во всех четырех случаях.... выиграли те факторы, которые в России выигрывали всегда: пространство, время, массы” [12].

И, наконец, новая столица, “град Петров”, с которым Россия вступала в свой Петербургский период.

Подводя итоги изложенному, следует констатировать:

- имперская идея Руси-России, с точки зрения евразийцев, может вести отсчет со времён Святослава (середина X в.), походы которого в основном и очертили надолго впредь пределы Западной и Юго-Восточной Руси-Евразии;

- реализация имперской идеи, которую обычно в теории связывают с территориальной экспансией имперского Центра, в истории Русской государственности, как правило, была сопряжена с решением национально-освободительных задач: ликвидация хазарского и ордынского ига, отпор немецко-шведско-литовско-польской интервенции, разгром нашествий Наполеона и Гитлера;

- в своей геополитике и геостратегии правители Руси на всех этапах её развития вынуждены были учитывать евразийское геополитическое положение страны, предвидеть внешние угрозы как с Запада, так и с Востока, хорошо понимая невозможность оборонительных и, тем более, наступательных действий на два фронта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. См. политический манифест евразийцев. 1926 г. Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М.: Русская книга, 1992. С. 347-415; Исаев И.А. Утописты или провидцы?// Там же. С. 3-26; Исход к Востоку. М.: Добро-свет, 1997.
2. См.: Савицкий П. Поворот к Востоку. М.: 1921; Географические и геополитические основы евразийства. 1934 г. // Элементы (Евразийское обозрение). 1993. № 3. С. 50-54; Его же. Ещё о национал-большевизме. (Письмо П.Струве) // Элементы, 1993. № 4. С. 20-21.
3. Платонов О. Русская цивилизация (дороги цивилизаций) // Русский Вестник. 1993. № 18-20 (спец. выпуск). С. 4; Богомолов Б.А., Цимбаев Н.И. Евразийская идея или Евразийское пространство?//Проблемы судьбы России в современной планетарной обстановке. М.: МНЭПУ, 1997. С. 48-51.; Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997. С. 82-90.

4. См.: Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М.: Экспресс, 1993. С. 23-236.
5. См.: Маслин А.М. "Неоевразийство" о судьбе России. М.: РУДН, 1996; Его же. "Неоевразийство" о судьбе России // Вестник РУДН, Сер. философия, 1997. Т. I. С. 202-208.
6. См.: Гумилев Л.Н. Зигзаг истории // Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1992. С. 121-216. Его же. Открытие Хазарии. М.: 1966.
7. Вернадский Г.В. Киевская Русь. Пер. с англ. Тверь: ЛЕАН. М.: АГРАФ, 1996. С. 27-56. Возможно приоритет этой мысли принадлежит Н.М. Карамзину, который называл Святослава «Александром Македонским русской истории» (См.: Горюнков С.В. Незнакомая Древняя Русь. СПб.: Пролог, 1986. С. 61.)
8. См.: Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Пер. с англ. Тверь: ЛЕАН. М.: АГРАФ, 1997. С. 61-65, 144-158; Житие святого благоверного князя Александра Невского // Жизнеописания достопамятных людей земли Русской (X-XX вв.). М.: Моск. рабочий, 1992. С. 50-56; Клепинин Н.А. Святой и благоверный князь Александр Невский. М.: Соратник, 1994 (1927).
9. См.: Кожин В.В. История Руси и русского слова. Современный взгляд. М.: ЧАСЛИ, 1997. С. № - 44г. Разумеется тут нужен не тот тип разгадки, который граничит с мистификацией (см.; Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая концепция и хронология древней истории Руси, Англии и Рима. Факты, статистика и гипотеза. Т. 1. М.: МГУ, 1995. С. 207-280).
10. См.: Павленко Н. И пробил час. Судьбу государства Российского решил один день – 27 июня 1709 года // Родина, 1997. № 10. С. 68-73; Шишов А. Повторить Нарву шведы уже не могли... // Там же. С. 74-76.
11. См.: Вернадский Г.В. Русская история. С. 152-160.
12. Солоневич И.Л. Указ. соч. С. 450.

O. Serdjuk

HISTORICAL EXPERIENCE OF THE RUSSIAN GEOPOLITICS XX CENTURY - THE BEGINNING OF XXI CENTURY (ON MATERIALS OF THE HISTORICAL ANALYSIS OF THE EURASIANS RELATIONS)

Abstract: The author in the article investigates features of evolution of geopolitics idea and the formation of the historical experience of the Eurasians relations. It also has considered the processes connected to a history of creation of cities and formation of borders of Russia as the important problem of the Eurasians theory and geopolitics.

The author it is proved also, that historical experience of formation of Russia, Soviet Union and the post soviet Russian Federation in a mirror of modern Eurasians theories has a line of the general laws allowing at their close enough studying and judgments to optimize activity of state bodies.

Key words: Geopolitics, the Euroasian movement, the Euroasian theory, Russia, historical development.

МОЛОДЕЖНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ, ЭВОЛЮЦИЯ, СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ*

Аннотация: В статье приводятся результаты политологического исследования развития молодежного экстремизма, его особенностей в тесной взаимосвязи с социально-политическими, экономическими, духовными процессами трансформируемого общества в современной России. Политизация общественного сознания, которая претерпела большие изменения, особенно в рядах молодежи позволяет сделать выводы, что болезненные тенденции в сознании молодого социума: национализм, ксенофобия, молодёжный экстремизм, спланированные акции. Активизация политической борьбы за молодёжный электорат на территории России свидетельствует о наличии субъектов политики, которые, вовлекая в свои ряды молодежь, делают ставку на будущие политические дивиденды.

Автор обосновывает необходимость разработки методологии изучения развития протестных молодежных движений, так как деструктивная деятельность последних представляет на сегодняшний день угрозу безопасности для личности, общества и государства.

Ключевые слова: ксенофобия, национализм, молодежный социум, протестные движения.

В последние полтора десятилетия политизация общественного сознания претерпела большие изменения, особенно в рядах молодёжи. Субъекты политической борьбы активно привлекают молодёжь для достижения своих политических целей. При этом главным объектом политической борьбы является политическое сознание молодёжи. Вовлечённость большого числа молодёжи в различные молодёжные объединения, особенно протестного и экстремистского характера, заставляет задумываться не только политиков, но и простых граждан. В чем причины появления на арене современной внутриполитической борьбы молодежного экстремизма?

Как отмечают специалисты, российский экстремизм давно уже прошёл свой эмбриональный период: в конце 80-х – начале 90-х гг. левые и национал-патриотические неформалы успели выделить из своей среды радикалов, приобрести организационный опыт и опыт отношений с правоохранительными органами, попробовать разные формы деятельности, перезнакомиться [1]. Переход на рыночные отношения, изменивший не только экономическую, культурную, но и всю общественную жизнь, до основания деформировал систему регулирования политических отношений в обществе. Развал некогда мощного государства разрушил десятилетиями укреплявшуюся мировоззренческую систему, в одночасье рухнули социалистические идеалы и ценности, служившие путеводной звездой воспитания молодого поколения, произошли радикальные изменения в политическом сознании и политической культуре всего российского общества, непосредственно связанные с переходом к рыночным отношениям, экономической конкуренцией, новыми – либеральными ценностями. Именно в это время широким потоком хлынула праворадикальная идеология, нашедшая своих сторонников в различных слоях общества. Группы, исповедовавшие национал-социализм, фашизм, черносотенство, политическое неоязычество действовали прак-

* © Евтюшкин А.Ю.

тически беспрепятственно. Большинство общества относилось к новым явлениям с недоверием, однако, нашлись и те, для кого национализм, даже в самой его крайней форме, оказался естественным ответом на стремительно меняющуюся картину мира, на навязываемую чуждую идеологию. Политический плюрализм и законодательное закрепление в Конституции запрета на единую государственную идеологию оказались благодатной почвой для националистической идеологии, которая всегда давала простые и понятные ответы на извечные российские вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» И чем больше общество сотрясали внутренние и внешние катаклизмы, тем более националистическая идеология становилась востребованной.

Именно в этот период появляются такие политические организации, как: «Русское национальное единство» (РНЕ), «Национал-большевистская партия» (НБП), «Либерал-демократическая партия России» (ЛДПР) [2], субкультурное движение – скинхеды со своими лидерами и т.д. [3]. Сегодня многие из них, благодаря умелой работе со средствами массовой информации, стали «кумирами» молодёжи, которая их идеализирует не меньше, чем в свое время советская молодежь идеализировала своих комсомольских вожakov и партийных вождей. В значительной мере в этом кроются первые триумфальные победы Баркашова, Лимонова, Жириновского – лидеров, которые в своей радикальной политической идеологии формировали чёткий образ врага, несмотря на то, что враг у каждого из них был свой. Если идеология РНЕ – это крайне радикальный русский национализм, стилистически подражающий германскому нацизму, то НБП зарождалась как божественная тусовка, созданная на основе контркультуры, которая должна была сочетать в себе левый и правый радикализм и бросать вызов мещанскому буржуазному обществу. Партия ЛДПР образца 1990-1993 гг., руководимая своим бессменным лидером В.В. Жириновским, в качестве врага выбрала южных соседей России, а контркультурное движение скинхедов основой своей идеологии выбрало борьбу за «спасение белой расы» [4].

Важно отметить, что социально-политические, экономические, духовные процессы трансформируемого общества, во многом предопределили движение части молодёжной среды на путь экстремизма и радикализма. Это было обусловлено тем, что патернализм со стороны государства утратил свою защитную функцию, перестал быть гарантом прогнозируемого будущего молодого поколения, в результате чего образование и полученная специальность не гарантировали занятости и перспектив трудовой деятельности. Всем этим в совокупности пытались воспользоваться субъекты политического процесса, формируя и реализуя ту или иную политическую идеологию, которая, по их мнению, должна была обеспечить определённый тип политической власти, одновременно стремясь создать условия, при которых молодёжь (молодёжные движения и организации) выступали бы в роли своеобразного инструмента, призванного реализовать две основные роли: политического балласта (функция демпфера деструктивных социально-политических процессов); политического активатора (функция генератора протестных социально-политических импульсов).

Молодежь – весьма динамическая с точки зрения политической социализации социальная группа. Ее объединения в различные организации и движения обусловлены возрастными границами и недостаточно сформировавшимся политическим сознанием индивидов. Свойственные для политического сознания молодежи повышенная импульсивность, расплывчатость мировоззренческих ценностей, отсутствие необходимых знаний в области политики, подверженность воздействию харизматических лидеров, особенно в крайних формах проявления радикализма всё чаще используются субъектами политики в борьбе за влияние на массовое политическое сознание. Создавая себе, политические дивиденды, они либо направляли протестный электорат

для дестабилизации властных структур, либо пытались воздействовать на принятие решений органами власти.

Однако было бы неверно считать, что современный молодежный экстремизм – порождение социальных трансформаций, прошедших в России в 90-е гг. – процессы формирования политических группировок экстремистской направленности, их эволюция, уходят корнями в прошлое СССР, где самая крупная из организаций, стоящих на экстремистских позициях, – «Память» [5] стала проводником идей открытой неоялности существующему строю. Костяк таких организаций составляла в основном интеллигенция. Важно отметить, что уже в те годы некоторые из экстремистски настроенных групп были тесно связаны с государством [6]. Правда, развитие экстремистских организаций носило в основном хаотичный характер. Создаваемые на основе организаций партии постоянно сливались, распадались, входили одна в другую. Лидеры многих групп, движений, объединений сами часто меняли своё участие в той или иной организации [7]. Эти брожения в партийной элите происходили как по идеологическим причинам, так и вследствие внутренней конфронтации.

Численность лиц, ведущих активную деятельность в экстремистской организации, не была значительной, но в совокупности они представляли многочисленный, довольно пёстрый по своему социальному и демографическому положению электорат. Свои взгляды социальные группы экстремистской направленности выражали в основном на митингах, а также в газетах и журналах, издававшихся ограниченными тиражами. Что касается непосредственно молодёжных организаций, то в основном они составляли молодёжное крыло уже известных партий, но, выходя из подчинения, становились самостоятельными. Вот некоторые примеры:

1. «Всесоюзная молодая гвардия большевиков» (ВМГБ), созданная в июне 1992 г. под руководством «Всесоюзной коммунистической партии большевиков» (ВКПБ), на 80% состояла из рабочих. В 1994 г., когда в основной партии был кризис, молодёжное крыло вышло из подчинения и создало свои самостоятельные молодёжные радикально-коммунистические организации, заявив, что ВМГБ больше не революционная и не партия рабочего класса, что ей близки идеи правого оппортунизма. Печатный орган – газета «Пролетарий».

2. При «Либерально-демократической партии России» (ЛДПР) осенью 1992 г. было создано Молодёжное движение ЛДПР, которое до начала 1993 г. возглавлял лидер право-экстремистского «Национал-социального союза» (НСС) Виктор Якушев. А в марте 1993 г. был создан самостоятельный молодёжный отряд самообороны. Молодёжное издание ЛДПР – «Сокол Жириновского».

3. При партии «Национальный фронт» (ПНФ), создана молодёжная нацистская группа в Москве. Первоначальное название – «Союз Русской молодёжи» (СРМ), образованный в конце 1991 г. Ключевыми названы положения теории и практики национал-социализма или западного фашизма, совмещенные с приверженностью к православию и язычеству. Печатный орган – газета «Наш марш».

4. Революционный молодёжный союз «Смерть буржуйам», образованный осенью 1994 г. путём объединения группы из семи студентов факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, которые позже вошли в Санкт-Петербургское отделение профсоюза «Студенческая защита», создав в нём фракцию «Смерть буржуйам». Общей идеологии у союза нет. Основными политические требования – ликвидация власти капитала и легализация наркотиков [8].

Как показало время, период 1990-1994 гг. был самым удачным моментом для объединения всех национал-патриотических сил экстремистской направленности. Но личные амбиции партфункционеров вкупе с различным участием и отношением к со-

бытиям августа 1991 г. и осени 1993 г. не позволили создать устойчивой широкой коалиции на национал-патриотических основах. Мелкие по численности группы и союзы не могли существовать самостоятельно, привлекать на свою сторону потенциальных сторонников, декларировать свои идеи, не имея печатного органа и не обладая поддержкой более крупной сформировавшейся организации. Более многочисленные молодёжные объединения часто расходились по идеологическим причинам с подобными себе организациями экстремистской направленности, а создаваемые между ними союзы, как это часто оказывалось, были временным явлением.

Тем не менее, несмотря на децентрализацию экстремистски настроенных сил, численность и рост националистических, национал-патриотических, левацких организаций и движений не уменьшилась. Наоборот, процесс ангажированности в политических партиях экстремистского толка для достижения новых политических целей и задач продолжился. Этому способствовали нестабильная политическая и экономическая ситуация внутри страны. Националистическая риторика правых организаций, в том числе молодёжных, оказывалась выражением классовых претензий и политическим стилем, способными придать этим объединениям зримую, выразительную форму, понятную тем, кто не читал их текстов.

Активизация политического сознания с середины 90-х годов XX века в экстремистски настроенной социальной группе указывала не только на интерес молодёжи к политике, но и на практическое ее участие в деятельности праворадикальных организаций. Обещания переустройства общества, спасения от нелегальной эмиграции и т.п. находили отклик и понимание не только у сторонников радикального направления в политической деятельности, но и у сочувствующих целям движения рядовых граждан. Пример наиболее раскрученных организаций экстремистской направленности – РНЕ, НБП и скинхедов показывает, как не только эволюционировало политическое сознание субъектов политики, но и как оно трансформировалось под влиянием общественно-политического сознания.

Наиболее одиозным, ориентированным на силовые методы захвата власти, нежели на выборы и нормальный политический процесс, одним из самых крупных, наиболее подготовленных в физическом плане, популярных и востребованных в молодёжной среде в этот период стало движение РНЕ. Официально они функционировали как «военно-спортивные клубы» для подготовки молодёжи к армии. На самом деле экстремизм РНЕ был превращён в «военизированный бандитизм»: «крышевание» бизнесменов, рынков, избивание лиц неславянской внешности, определяемых по идеологической или национальной принадлежности, причастность к убийствам преступных авторитетов – это только некоторые эпизоды нелегальной деятельности официального движения, которое всегда сразу же отказывалось от своих членов, замешенных в противоправной деятельности. Все изобличения в этом случае обставлялись либо как политические интриги противников, либо как неправомерное использование честного имени легального движения. РНЕ сошла с «политической сцены» праворадикального движения благодаря ряду причин, из которых наиболее важными являются две: 1) государственные структуры не нуждались в неподконтрольном движении с милитаристским уклоном; 2) одиозная личность Баркашова, не желавшего делить управление движением, привела к конфронтации внутри самой организации.

Другим важным крылом экстремистского молодёжного движения была НБП, отколовшаяся в 1992 от ЛДПР. После 1999 г., уловив меняющуюся ситуацию на политическом олимпе и отказавшись (чего не смогло сделать РНЕ), от операций с силовым капиталом, НБП сумела продолжить своё существование, несмотря на то, что многие из интеллектуалов националистического движения покинули организацию

(А. Дугин, А. Цветков). Экстремизм НБП, в отличие от РНЕ, носил популистский характер. Акции нацболов, названные «помидорным терроризмом», имели довольно широкий резонанс, так как объектами их нападок были известные люди и политики (Н.С.Михалков, М.С.Горбачев, А.А.Вешняков и др.) и нелояльные к России и русскоязычному населению страны Балтии. Но более серьёзными шагами были заявления лидера НБП, в которых он грозил массовым террористическим движением и призывами к свержению конституционного строя. Ответ властей не заставил себя ждать. В апреле 2001 лидер НБП Э.Лимонов был задержан, и ему было предъявлено обвинение в подготовке вооружённого восстания, а деятельность НБП была в судебном порядке прекращена по формальному поводу.

Еще одно важное экстремистское молодежное движение – скинхеды – по своему социальному составу очень близко к РНЕ, с той лишь разницей, что оно не имеет четкой организации. Ксенофобия – важная составляющая жизнедеятельности каждого скинхеда. Первое поколение скинхедов состояло из молодежи депрессивных районов и городских окраин с неразвитой инфраструктурой. Со временем среди скинхедов стали встречаться не только дети из бедных неблагополучных семей и учащиеся ПТУ, но и студенты вузов. Поэтому неверно думать, что скинхеды – это исключительно примитивные, малообразованные подростки [9]. Движение скинхедов оказалось очень востребованным в молодёжной среде, почему лидеры различных националистических организаций начали активную пропаганду среди них для привлечения в свои ряды [10].

Что касается настоящего, то в последние годы проявление радикального этнонационализма, рост мотивированного ненавистью насилия, бытовой ксенофобии, эксплуатации этнонационалистического электорального ресурса не уменьшилось. Более того, отдельные представители власти всех уровней всё активнее стремятся использовать проблему ксенофобии для решения совершенно другой задачи – дальнейшего ограничения гражданских прав и свобод. Эта очевидная подмена цели не только не позволяет эффективно противодействовать общественно опасным формам ксенофобии, но и прямо дискредитирует любую деятельность, направленную на противодействие праворадикальной активности. Как и в прошлые годы, это относится к деятельности скинхедов, которые всё более активизируются не только в проявлении ксенофобских и расистских нападениях, но и проявляют насилие в отношении других субкультур «белой расы» (готов, скейтеров и т.д.), а также в отношении идеологических противников скин-движения – левацкой антифашистской молодёжи.

На этом фоне неоднозначно выглядит появление Движения против нелегальной эмиграции (ДПНИ) в 2002 г., ориентированного на сильные антииммигрантские настроения в обществе в сочетании с активной и радикальной пропагандой, что сделало движение одной из ведущих сил на праворадикальном фланге.

Большую тревогу вызывает активизация деятельности праворадикалов в деле объединения разрозненных региональных неонацистских группировок на Дальнем Востоке, Владимире, Брянске и в масштабе России, связанная с реинкарнацией Национально-державной партии России. Наконец, новым проектом стал Евразийский союз молодёжи (ЕСМ), созданный в 2005 г. в качестве боевых дружин движения «Евразия», возглавляемого Александром Дугиным (который был ранее идеологом НБП и сочетал в себе успешного политолога и репутацию идеолога «русского фашизма»).

С 2005 года в России начался небывалый всплеск молодёжной активности. В Москве, как грибы стали расти молодёжные организации, с региональными сетями. Молодёжные «Яблоко» и СПС, ряд студенческих групп объединились в коалицию «Оборона». Вышли на улицы сторонники «оранжевых», «бархатных революций»,

«революций роз». Взвились знамена СМ «За Родину» – в мае в колоннах оппозиции бок о бок шли «комсомольцы», «лимоновцы», и АКМ. На другом фланге не дремали и сколачивали «щит на пути оранжевого бульдозера» другие силы – «опричники» Евразийского Союза Молодёжи и антифашистское движение «Наши», потеснившие прокремлёвских «Идущих вместе». Всё это вместе взятое нуждается в общественном осмыслении и определённой «инвентаризации» возникших молодых сил.

Таким образом, 90-е годы XX века, явившиеся переходным периодом в становлении российского государства и общества, оголили болезненные тенденции в общественном сознании социума: национализм, ксенофобию, молодёжный экстремизм. Активизация политической борьбы за молодёжный электорат на территории России свидетельствует о наличии субъектов политики, которые, вовлекая в свои ряды молодёжь, делают ставку на будущие политические дивиденды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. См.: А. Верховский, А. Папп, В. Прибыловский. Политический экстремизм в России. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. С. 14.
2. До выборов в декабре 1993 г., где ЛДПР неожиданно и с большим отрывом выиграла первые постсоветские многопартийные парламентские выборы (второе место занял блок «Выбор России»), партия Жириновского открыто придерживалась фашистских взглядов. (О раннем развитии ЛДПР см.: В. Березовский. Владимир Жириновский как феномен российской политики // Свободная мысль. 1994. № 4. С. 96-109; Ю. Олешук. Жириновский – попытка понять // МЭМО. 1994. № 10. С. 77-86; В. Жириновский. Последний бросок на юг. М.: Буквица», Писатель, 1993. 328 с.).
3. См.: А. Верховский, Е. Михайловская, В. Прибыловский. Политическая ксенофобия. Радикальные группы. Представления политиков. Роль Церкви. М.: Панорама, 1999. 191 с.
4. Подробнее см.: А. Умланд. Три разновидности постсоветского фашизма. Революционный империализм: «Последний бросок на юг» Жириновского / Русский национализм: идеология и настроение: Сборник статей / Сост. А. Верховский. М.: ИАЦ Сова, 2006. С. 241-252.
5. См.: «Память»: Документы и тексты / Сост. В. Прибыловский. М.: Панорама, 1991. 103 с.
6. Характерным примером может служить история с «умеренной» «Памятью» Игоря Сычёва, противопоставлявшейся «Памяти» Дмитрия Васильева. Группировка Сычёва была прямо связана с московским горкомом КПСС и первое время, в отличие от васильевской, оставалась на национал-большевистских позициях, но менее экстремистской она, в действительности, не была. (Подробнее см.: А. Верховский, А. Папп, В. Прибыловский. Политический экстремизм в России. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. С. 32).
7. Как ни парадоксально, но подобным образом ведут себя некоторые известные политики и сегодня: экс-премьер Михаил Касьянов, бывшая правая рука В. Жириновского Алексей Митрофанов, «коммунист-аграрий» Василий Шандыбин и некоторые другие.
8. Подробнее см.: И.П. Якушева. Протестные молодёжные движения как инструмент воздействия на политическое сознание в условиях политических трансформаций // Ориентир: Сборник научных трудов (кафедра социальных наук и государственного управления). Вып. 8. М.: МГОУ, 2007. С. 142.
9. По данным отдела по борьбе с экстремизмом среди несовершеннолетних ГУВД Москвы, во второй половине 90-х гг. основную массу скинхедов составляли дети, во-первых, бывшего советского среднего класса (квалифицированных рабочих, инженеров, работников НИИ), чьё положение резко ухудшилось, во-вторых, представителей мелкого и среднего бизнеса. Социологический опрос скинхедов показал, что 80% из них относились к первой категории. При этом у 58% подростков родители были заняты в торговле и ресторанном бизнесе, 22% – имели собственное дело, у 21% – отцы служили в охранных структурах, а у 8% – были офицерами вооружённых сил и правоохранительных органов. Любопытно, что в 20% уголовных дел, заведённых на скинхедов, подсудимые оказались детьми сотрудников милиции, работников прокуратуры или военных. (См.: В. Шнирельман. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. М.: Academia, 2007. С. 4-16).
10. Лидер Народной национальной партии (ННП) А.К. Иванов-Сухаревский, руководствующийся теми же идеями, что и скинхеды, активно привлекает их к себе и готовит их к борьбе за «спасение белой расы»; скинхедов пытался организовать и использовать как футбольных фанатов главный редактор московского журнала «Русский хозяин» юрист А.Червяков; скинхедов собирает вокруг себя неонацистский «Славянский Союз» (СС) Д. Демущина.

A. Evtushkin

YOUTH POLITICAL EXTREMISM IN RUSSIA: HISTORICAL ROOTS, EVOLUTION, MODERN FEATURES

Abstract: This article is the result of the political research of development of youth extremism and its features in view of close sociopolitical, economic, spiritual processes of the transformed society of modern Russia. Politicisation of public consciousness which has undergone the great changes, especially among the youth allows to draw conclusions that the painful tendencies in consciousness of the young society are the nationalism, xenophobia, youth extremism and the planned actions. The activation of the political party line for the youth electorate in territory of Russia is evidence of the existence of the subjects which are win over the youth and stake on the future political dividends.

The author proves the necessity of the working out of the methodology of the development of the protest youth movements as their destructive activity represents the threat of safety for the person, societies and the states today.

Key words: Xenophobia, nationalism, youth society, protest movements.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ*

Аннотация: В статье рассматривается организованная преступность как один из основных дестабилизирующих факторов национальной безопасности России. Автор приходит к выводу, что методы противостояния организованной преступности, реализуемые в РФ, слабо способствуют искоренению этого явления.

Ключевые слова: Организованная преступность, национальная политика.

По мнению большинства исследователей, проблема развития организованной преступности в России существовала с 60-х–70-х годов XX в., но официальное признание это явление приобрело только в 1991 году [1]. В документе, подготовленном секретариатом ООН, было отмечено, что одной формулировкой невозможно определить многочисленные виды организованной преступности, обусловленные различными факторами, в том числе этническими и экономическими. Тем не менее, основное определение было сформулировано так: «Организованная преступность – это сложный уголовный вид деятельности, осуществляемый в широких масштабах организациями и другими группами, имеющими внутреннюю структуру, которые получают финансовую прибыль и приобретают власть путем создания и эксплуатации рынков незаконных товаров и услуг» [2].

В начале 90-х годов, в связи с распадом Советского Союза, произошло ослабление властных структур, что привело к значительному обострению криминогенной обстановки в стране. Россию захлестнули криминальные «разборки», заканчивающиеся перестрелками и очередным переделом собственности. В связи с этим в 1997 г. была принята Концепция национальной безопасности, утвержденная Президентом РФ, в которой отмечается, что угроза криминализации общественных отношений, складывающихся в процессе реформирования социально-политического устройства и экономической деятельности, приобретает особую остроту [3]. Почему же вообще преступность, существующая с появления примитивных средств производства, стала угрожать всему обществу, а не только отдельным его представителям, как было ранее? В.А. Номоков полагает, что современная преступность стала приобретать принципиально новые качества, которые представляют угрозу не для отдельного гражданина или группы граждан, а для всего государства в целом [4]. В.А. Номоков утверждает, что методы работы правоохранительных органов сильно отстают от динамично развивающейся организованной преступности. Кроме того, как справедливо отмечает В.В. Лунеев, искоренить преступность можно только формально, путем декриминализации. «Например, 70 лет в СССР боролись со спекуляцией, результатом этой деятельности было привлечение к уголовной ответственности около 1 миллиона человек. А ныне спекуляция считается одной из форм нормальной экономической деятельности» [5]. Правда, существует альтернативное мнение В.Б. Рушайло, который, в отличие от В.А. Номокова, уверен, что «никакой угрозы национальной безопасности со стороны криминалитета не существует» [6]. Основанием подобного заявления, судя по всему, является отсутствие до настоящего времени в отечественной науке общепринятого содержания национальной безопасности, а также сложившегося понятийного аппарата, раскрывающего такие категории, как «национальная безопасность», «националь-

* © Злотникова Е.В.

ные интересы», «основные угрозы национальной безопасности» и другие. По мнению С.А. Фомина, в исследованиях проблем национальной безопасности также отсутствует целостность и комплексность. Противоречия, двойное толкование и декларативность многих положений и законов, регулирующих национальную безопасность и ее обеспечение, препятствуют их эффективному и целенаправленному исполнению. Более того, исследователь предлагает заменить термин «национальная безопасность» на более традиционное для РФ понятие «государственная безопасность» или просто «безопасность России» [7].

Возникает совершенно парадоксальная ситуация: четкого всеобъемлющего термина «организованная преступность» до сих пор не существует, в понятие «национальная безопасность» каждый учёный также вкладывает собственный смысл, тем не менее, в большинстве своем исследователи признают как организованную преступность, так и угрозу, исходящую от неё для развития страны. Если предельно утрировать определение Н.М. Карамзина, полагающего, что «безопасность собственная есть высший закон в политике» [8], можно допустить что государственная безопасность - это состояние страны, при котором её суверенитету, целостности, динамичному развитию и личной безопасности граждан ничто не угрожает [9]. По мнению автора, Россия, как впрочем, и большинство высокоразвитых стран, этим похвастаться не может. Политический экстремизм, терроризм и транснациональная преступность выходят за пределы какой либо одной страны. Поэтому от степени эффективности борьбы одного государства зависит ситуация в целом мире, также существует обратная зависимость между ужесточением единой системы наказания для представителей транснациональных преступных группировок и нормализацией криминогенной ситуации отдельных стран.

Для обеспечения национальной безопасности в РФ, по мнению Н.И. Рыжака, необходимо:

1. Создание, а в случае необходимости реформирование, корректировка управления и поддержание в рабочем состоянии соответствующих государственных органов.
2. Делегирование субъектам обеспечения безопасности права осуществлять в пределах их компетентности различные виды государственно-правовой и социально-полезной деятельности, гарантирующие выявление, устранение, нейтрализацию угроз национальным интересам [10].

Однако, по мнению ученого, Закон РФ «О безопасности» имел ряд недостатков. Так, из документа должно явствовать: кто именно является субъектом или субъектами обеспечения безопасности, за счет каких видов деятельности обеспечивается эта безопасность, что представляют собой посягательства на безопасность, какова их правовая характеристика. Однако вся необходимая информация была тщательно скрыта от общественности под набором общих фраз. Ту же самую картину можно увидеть и в других документах, содержащих вопросы государственного значения. Концепция Национальной безопасности РФ от 17 декабря 1997 года №1300 содержит только аналитический материал, демонстрирующий ухудшение положения России по многим аспектам национальной безопасности, но только этим и ограничивается [11]. В качестве предложений по устранению недостатков вышеописанной системы, выдвигаются громкие лозунги наподобие этого: «...Преступный мир, по существу, бросил вызов государству, вступив с ним в открытую конкуренцию. Поэтому борьба с преступностью и коррупцией носит не только правовой, но и политический характер» [12].

Какие именно политические меры имелись в виду представленным документом, не ясно, зато ясно другое, государство своей непродуманной (или наоборот, очень

продуманной) политикой создает явно криминогенные ситуации, при которых потенциальным нарушителем закона может стать практически любой неустойчивый гражданин [13]. Чиновники и правоохранительные органы хором заявляют о росте преступности, но о социальных факторах, способствующих этому росту, стараются забыть. Тем не менее, следует применять системы социальной стратификации и по отношению к организованной преступности. Автор, опираясь на авторитетные мнения других специалистов, полагает, что организованные криминальные структуры имеют свою иерархию в преступном мире. Так, молодежные группировки могут заниматься воровством, вымогательством и мошенничеством, они, как, впрочем, и большинство преступников, приписываемых к организованным группам, не имеют возможности кардинально повлиять на судьбу страны. Другое дело – преступники высшего ранга, обладающие высоким социальным статусом, широкими финансовыми возможностями, а также обширными связями. Коррупция, например, в современной России для некоторых чиновников стала стилем жизни. Так, по словам В.А. Номокова, российские чиновники не только получают и вымогают взятки, они также вступают в незаконное взаимодействие с организованными и теневыми предпринимательскими структурами [14]. Существует также мнение зарубежных специалистов, что в странах южного пояса трудно провести черту между коррупцией и организованной преступностью. Коррупция здесь – не преступление конкретного человека, а часть хорошо отлаженного механизма совершенствования экономических преступлений, укоренившегося на всех уровнях государственного управления и во всех сферах общественной жизни [15].

Каких же преступных деяний стоит действительно опасаться каждой стране? Приведем некоторые их виды:

1. Незаконный оборот оружия.

Незаконный объем продажи оружия возрос в результате этнических, религиозных и националистических вспышек насилия, которые в некоторых случаях переросли в открытую войну в таких регионах, как Балканский полуостров, район Карпат, Кавказ, Восточная и Западная Африка и Западная Азия [16]. Генеральный секретарь ООН в своем докладе уточнил, что затрудняется назвать первопричину таких неприятных последствий, как организованная преступность, провоцирующая политические и национальные конфликты, или политические конфликты лишь используются ими для поставок оружия и наркотиков. Также Генеральный секретарь ООН заметил, что только в первой половине 1992 года общий объем зарегистрированных краж огнестрельного оружия в новых демократических странах Восточной Европы вырос почти на 30% [17]. Автор же придерживается мнения, что организованная преступность сама провоцирует национальные конфликты, т.к. дестабилизация общества создает благоприятные условия для действия преступных групп, а территория конфликтов используется ими в качестве тренировочных баз для террористов. А.А. Мухин констатирует факт появления группировок, сформированных по политико-идеологическому принципу и имеющих экстремистко-шовинистическую направленность. Именно они составляют основной контингент наемников участвовавших в локальных конфликтах в Карабахе (февраль 1988), Фергане (лето 1989), Чечне (с 1994 по 1996-й и с 1999-го по начало 2002 года) [18]. Конфликт использовался ими для поставок оружия и боеприпасов воюющим сторонам [19].

2. Торговля ядерными материалами.

По мнению экспертов ООН, такая проблема возникла в связи с распадом СССР и последующим кризисом России. Возможность захвата, продажи или иного вида передачи ядерных материалов в руки террористических групп вызывает глубокое беспокойство мирового сообщества. По данным начальника Федеральной полиции Герма-

нии Г.-А. Захерта, в 1992 году имели место 59 случаев, когда предлагалось приобрести радиоактивные материалы незаконным путем, 99 случаев незаконной торговли ими и 18 случаев фактического изъятия материалов. В 1993 году был зафиксирован в общей сложности 241 случай, в число которых входят 118 незаконных предложений, 123 случая незаконной торговли и 21 случай изъятия материалов (три случая из которых были зафиксированы в самой Германии, а не бывшем СССР). Двадцать девятого августа 1994 года венгерские власти изъяли определённое количество ядерного материала в номере одной из гостиниц в Будапеште, причём этот инцидент позволяет предположить, что незаконная торговля ядерными материалами не ограничивается только определенными странами [20]. Легендарные «ядерные чемоданчики» КГБ, по мнению учёных, также крайне уязвимы. Террористы, не желающие или неспособные украсть ядерное оружие или купить его на чёрном рынке, образовавшемся в государствах бывшего СССР и в бывших странах Варшавского договора, могут попытаться изготовить его сами. Многие западные учёные уже обратили внимание на нездоровую ситуацию с радиоактивными материалами и технологиями, особенно в бывшем СССР [21].

Торговля ядерными материалами имеет широкие перспективы развития и может использоваться как для политического шантажа глав мирового сообщества или руководителей отдельных стран, так и использования продукта по назначению. В настоящее время информации о существовании рынка сбыта такой продукции не существует, но не следует забывать, только спрос рождает предложения, а как мы смогли убедиться, спрос существует.

3. Организованные формы незаконной миграции.

Увеличение незаконного вывоза мигрантов из беднейших стран в более богатые в последнее время стало просто пугающим. Такая тенденция не только подрывает основу национального суверенитета, но и ставит под угрозу жизнь и здоровье самого мигранта. Россия ежегодно подвергается стремительному наплыву незаконно прибывших граждан бывшего Советского Союза, а также Китая, Кореи и других стран. В Москве по некоторым данным, находятся проездом 60 тыс. китайцев [22], впрочем, получить более достоверную информацию на этот счёт невозможно. Опасность подобной преступной деятельности в том, что её жертвами становятся молодые люди, вынужденные затем расплачиваться за перевозку, занимаясь проституцией, продажей наркотиков и воровством, что еще больше затрудняет работу правоохранительных органов. Как отметил директор ФБР США Луис Фри, бизнес от нелегальной миграции и торговли людьми ежегодно приносит прибыль от 6 до 8 млрд. долларов США, при этом примерно 1 млн. детей и женщин становятся жертвами криминальных дельцов [23]. Их выдворение из страны требует существенных расходов на транспорт и питание, ежегодно выплачиваемых Россией на бесперспективное, временное выдворение этих людей.

3. Незаконное уничтожение опасных отходов.

Коррупционированность и экономические кризисы создали все условия для превращения России в полигон для захоронения радиоактивных отходов. Несколько лет назад РФ с радостью и готовностью брала на себя функции утилизатора, забыв о том, что экологическая система и жизни людей подвергаются смертельной опасности. Так, в январе 1995 года в нарушение существующего законодательства РФ в порт Санкт-Петербурга из Роттердама (Голландия) под видом каменного угля было ввезено 18 тонн промышленных отходов с содержанием в них лишь 24% угля. «Уголь» был направлен в Россию якобы по линии гуманитарной помощи для электростанции г. Твери [24].

Приводя примеры истинных угроз безопасности населению и государству, автор лишь в малой доле затронул существующую проблему. Основная идея этого исследования заключалась в том, чтобы привлечь внимание к парадоксу, состоящему в том, что карательным санкциям подвергаются низшие и практически не заметные, в масштабах страны, формы преступности. Настоящие же воротины преступного мира, представляющие опасность для политической, национальной, или, если угодно, государственной безопасности, остаются невидимыми для общественности и правоохранительных органов. Поэтому для улучшения криминальной ситуации в стране возникает необходимость кардинального пересмотра приоритетов в работе представителей правопорядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. См.: Сайгитов У.Т. Основные формы организованной преступной деятельности в республике Дагестан на рубеже XX-XXI веков. М.: ЮНИТИ, 2005. С. 3; Мухин А.А. Российская организованная преступность и власть. М., 2003. С. 41; Галимов И.Г. Проблемы борьбы с организованной преступностью: дис. канд.юр. наук. Казань, 1998. С. 12.
2. См.: Овчинский В.С. Основы борьбы с организованной преступностью. М.: Инфрал, 1996. С. 8.
3. См.: Преступность как угроза национальной безопасности: материалы I Международной сессии г. Ульяновск 4-5 декабря 1997 // Под ред. Чучаева А.И. Ульяновск: Ульяновский дом печати, 1998. С. 8.
4. См.: Номоков В.А. Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы. Владивосток, 1999. С. 8.
5. См.: Преступность как угроза национальной безопасности.- материалы I Международной сессии г. Ульяновск 4-5 декабря 1997 // Под ред. Чучаева А.И. Ульяновск: Ульяновский дом печати, 1998. С. 14.
6. См.: Номоков В.А. Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы. Владивосток, 1999. С. 10.
7. См.: Обеспечение национальной безопасности России (Правовой аспект). Материалы научной конференции 26 октября 2006 // Под ред. Винокуров Ю.Е.. М., Изд. М ГумУ, 2006. С. 4.
8. См.: Зеленков М.Ю. Правовые основы общей теории безопасности Российского государства в XXI веке. М.: Юридический институт МИИТ, 2002. С. 26.
9. См.: Там же. С. 27.
10. См.: Рыжак Н.И. Правовое регулирование деятельности спецслужб в системе обеспечения национальной безопасности РФ. М.: ЗАО Эдас Пак, 2000. С. 23.
11. См.: Безопасность России: Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты, основополагающие государственные документы. ч. 1 // сост. Н.А. Васецкий, Ю.А. Краснов. М.: МГФ Знание, 1998 (ФЗ «Об обороне» С. 344, ФЗ «О безопасности» С. 117, «Концепция национальной безопасности» С. 87).
12. См.: Безопасность России: Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты, основополагающие государственные документы. ч. 1 //сост. Н.А. Васецкий, Ю.А. Краснов. М.: МГФ Знание, 1998 (Концепция национальной безопасности С. 87).
13. См.: Номоков В.А. Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы. Владивосток, 1999. С. 19.
14. Номоков В.А. Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы. Владивосток, 1999. С. 61.
15. Безопасность России в XXI в. /перевод с английского/ Под ред. Загорский А.В. М.: Права человека, 2000. С. 530.
16. См.: Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминалистическая глобализация и конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. М.: Инфра-М., 2001. С. 44.
17. См.: XXI век против мафии. Криминалистическая глобализация и конвенция ООН против транснациональной организованной преступности / Под ред. Овчинского В.С. М. Инфра-М, 2001. С. 44.
18. См.: История России. 1938-2002: Учебное пособие / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 472; 509.
19. См.: Мухин А.А. Российская организованная преступность и власть. М., 2003. С. 37.
20. См.: Там же. С. 45.
21. См.: Буркин А.И., Возжеников А.В. Синеак Н.В. Национальная безопасность в контексте современных политических процессов. М.: РАГС, 2005. С. 324.
22. См.: Овчинский В.С. Основы борьбы с организованной преступностью. М.: Инфрал, 1996. С. 47.

23. См.: Евстифеева Е.В. Организованная преступность и торговля людьми: криминологический и уголовно-правовой анализ. Специальный учебный курс. Саратов: Сателлит, 2004. С. 49.
24. См.: Голубев А.А. Еськин М.В. Организованная преступность и коррупция: предпосылки возникновения и современные проявления. Тверь, 2002. С. 90.

E. Zlotnikova

ORGANIZED CRIME AS RUSSIA'S NATIONAL SECURITY THREAT

Abstract: The article considers organized crime as one of the main destabilizing factors of Russia's national security. The author comes to the conclusion that the set of organized crime resistance methods carried out in Russia have insignificant impact to root out this phenomenon.

Key words: The organised crime, the national policy.

РОССИЯ И ООН: СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ВОПРОСАМ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ КОНФЕРЕНЦИИ ООН В РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО, 1992 г.)*

Аннотация: Целью работы является рассмотрение вопросов сотрудничества России с ООН по вопросам охраны окружающей среды в начале 1990-х гг. на примере Конференции ООН в Рио-де-Жанейро (1992 г.) Рассматриваются основные подходы ООН к природоохранным проблемам и позиции России по отношению к ним.

Ключевые слова: Россия, ООН, конференция, устойчивое развитие, окружающая среда.

В связи с ускорением промышленного роста в мире на рубеже тысячелетий проблемы охраны окружающей среды становятся все более актуальными. Вопросы экологической безопасности приобретают большое значение для мировой экономики, так как невозможно достичь устойчивых темпов развития без рационализации использования природных ресурсов, очищения атмосферы и улучшения производственной среды, совершенствования экологии населенных пунктов, сохранения животного и растительного мира, разработки новых источников энергии.

Обострение экологических проблем происходит по причине потребительского отношения к окружающей среде. В значительной мере экологическая ситуация усугубляется непрекращающимися военными конфликтами и политической нестабильностью в отдельных регионах мира. Определенные проблемы вызваны также негативными последствиями научно-технического прогресса.

Многие из проблем окружающей среды приобрели на современном этапе глобальный межгосударственный характер. Их невозможно решить в рамках одной страны или региона. В связи с этим широкомасштабные задачи улучшения окружающей среды требуют объединения усилий мирового сообщества, расширения международного сотрудничества в этой области. Важную роль в обеспечении необходимых условий для экологического сотрудничества между странами, а иногда и в непосредственном решении отдельных проблем окружающей среды призвана сыграть ООН как наиболее представительная и универсальная международная организация. В рамках ООН проводятся специальные конференции, посвященные проблемам окружающей среды, на которых принимаются планы действий в данной сфере.

Россия не может оставаться в стороне от подобных конференций. Без должного внимания к вопросам окружающей среды невозможно преодолеть те трудности, с которыми столкнулась наша страна в последние 15 лет.

Экологические проблемы невозможно решить в одиночку. Необходимо участие России в международных конференциях по окружающей среде, проводимых под эгидой ООН. Понять особенности участия России в глобальном природоохранном процессе важно для оценки как внутри-, так и внешнеполитических условий, в которых оказалась наша страна в постсоветский период.

Конференция в Рио-де-Жанейро (1992 г.) стала крупнейшей встречей на высшем уровне по проблемам окружающей среды за всю историю ООН. В ней участвовали делегации 150 стран, в том числе и России (1, 10).

Наша страна подошла к саммиту в Рио-де-Жанейро далеко не в лучшей форме.

* © Мартыненко Д.Д.

Развал СССР в конце 1991 года привел к глубокому системному кризису во всех отраслях жизни общества: политической, социальной, культурной, научной. Были разрушены создававшиеся десятилетиями хозяйственные связи как внутри России, так и между бывшими республиками Советского Союза, что привело к резкому обвалу в промышленности и сельском хозяйстве.

Также нарушилось общение между бывшими советскими учеными, оказавшимися теперь в разных странах. Крушение государственных структур СССР, а также недостаток финансирования из-за экономического кризиса привели к значительным потерям в научном потенциале страны и снизили интерес общества к науке в целом и в особенности к проблемам экологии.

О резком падении защиты окружающей среды в шкале национальных приоритетов России говорит степень ее участия в Бразильской конференции. Президент Б. Н. Ельцин был единственным крупным мировым лидером, не приехавшим на саммит, вместо него российскую делегацию возглавлял Руцкой, который по своему статусу не мог на равных вести переговоры с главами государств. Кроме того, он появился в Рио-де-Жанейро только под занавес конференции и не смог участвовать в круглом столе, на котором в присутствии мировых лидеров обсуждались важнейшие международные проблемы и итоги конференции (5, 15).

Делегация России на конференции в Рио-де-Жанейро насчитывала около десятка человек, в то время как делегации других стран состояли из сотни представителей. Это приводило к тому, что российские специалисты, при всем их профессионализме, не могли физически присутствовать на всех многочисленных мероприятиях конференции: семинарах, круглых столах, заседаниях комитетов, неформальных обсуждениях (5, 20).

Отсутствие у российской власти серьезного отношения к проблемам, затронутым на конференции, недостаток финансового обеспечения и чувства ответственности у руководящих лиц, представлявших нашу страну в Рио-де-Жанейро – все это стало причиной крайне вялого участия России в обсуждении и разработке резолюций конференции, а также неуверенной и расплывчатой позиции нашей делегации. Между тем отношение такой державы, как Россия, к проблемам окружающей среды очень важно для всего мира. В России находятся крупнейшие запасы леса, пресной воды, неосвоенных земель и, следовательно, любое многостороннее соглашение по охране этих ресурсов теряет всякий смысл без участия нашей страны. Россия обладает значительными месторождениями топлива (нефти, газа), а значит внедрение энергосберегающих технологий в глобальном масштабе также невозможно без ее участия. Позиция России по отношению к природоохранному процессу в рамках ООН важна также с точки зрения поддержки международно-правовых методов решения мировых проблем.

Несмотря на множество неясностей, о позиции российской делегации на конференции в Рио-де-Жанейро можно составить представление, проанализировав итоговые документы, подписав которые Россия выразила свое отношение к глобальным проблемам охраны окружающей среды.

На Бразильском саммите были приняты два основополагающих соглашения:

1. Декларация по окружающей среде и развитию.
2. Повестка дня на 21 век.

Документы Рио определяют права и обязанности стран в деле обеспечения развития и благосостояния человечества как с экономической, так и с экологической точек зрения. В документах Рио появляется новый для международной практики термин «устойчивое развитие», то есть такое развитие, которое не наносит ущерба

окружающей среде, учитывает реальную ценность природных ресурсов и не лишает нынешние и будущие поколения права на развитие и реализацию своих экономических и социальных потребностей. Документы Рио впервые четко заявляют, что защита окружающей среды составляет неотъемлемую часть процесса экономического развития и не может рассматриваться вне его (2, 3).

Концепция устойчивого развития, принятая под воздействием мировой общественности и научных кругов, является на данный момент общепринятой стратегией государств в отношении всех аспектов сохранения среды обитания человечества. Она основана на признании правительствами практически всех стран мира приоритетности задачи сохранения окружающей среды в тесной увязке с экономическим развитием. Концепция воплощает собой современный взгляд на социальные, экономические и экологические проблемы и позволяет выйти на более эффективный уровень их решения. Суть ее заключается в осознании системного характера всех воздействий и связей между человеком и природой: экологический фактор перестает рассматриваться отдельно, в изоляции от экономических движущих сил и социальных потребностей, в первую очередь, проблемы нищеты (4, 45).

Позиция России по отношению к концепции устойчивого развития оказалась двоякой. С одной стороны, наша делегация поддержала и одобрила основные идеи концепции, так как они никоим образом не противоречат интересам России, скорее наоборот, способствуют скорейшему развитию ее экономики. Советская экономика характеризовалась экстенсивностью, большой природоемкостью и нерациональным потреблением ресурсов. Когда разразился кризис, нагрузка на окружающую среду ослабла, однако природоемкость экономики не уменьшилась, а наоборот, возросла, так как при недостатке промышленных мощностей на производство единицы продукции тратится больше сырья. Одоблив и приняв концепцию устойчивого развития, Россия открыла себе путь для разработки новых ресурсосберегающих технологий, без которых ни одно государство не может быть конкурентоспособно со своими товарами на международном рынке. С другой стороны, позиция России отличалась осторожностью формулировок. Российская делегация приняла обязательство разработать и внедрить собственную национальную концепцию устойчивого развития, но лишь после того, как будут созданы благоприятные экономические условия для ее реализации. Российскими представителями подчеркивалась необходимость создания прочной базы для обеспечения функционирования основных положений концепции и для бесперебойного финансирования проектов по воплощению в жизнь идей устойчивого развития. Представители России придерживались мнения о том, что не существует универсальных путей достижения устойчивого развития и каждая страна, в соответствии со своими приоритетами и возможностями, вправе выбирать наиболее оптимальные для себя методы и темпы перехода к устойчивому развитию. Такая позиция объяснялась сложным экономическим положением в стране в 1992 г.

Проблема устойчивого развития включает вопросы борьбы с бедностью и неравенством как внутри стран, так и между ними. Нехватка средств на экологически чистые технологии и подготовку квалифицированных кадров экологов влияет на состояние окружающей среды в развивающихся странах и странах с переходной экономикой. Поэтому Декларация Рио предлагает особое внимание уделить положению этих групп стран и организовать специальные программы помощи этим странам, что с позиции России представляло определенную выгоду. Поэтому представители России горячо приветствовали провозглашение такой цели. Более того, в Декларации Рио впервые четко заявлено об ответственности прежде всего развитых стран за снижение уровня нищеты в мире. Также, именно на развитые страны возлагаются основные расходы

по защите окружающей среды, принимая во внимание тот вред, который наносит их промышленность экологии Земли и те финансовые и технологические ресурсы, которыми они обладают. Однако, из международного опыта можно заключить, что если развитые страны и будут оказывать помощь, то она будет минимальной, а также увязанной с зачастую неприемлемыми для национального суверенитета условиями. Поэтому энтузиазм российской делегации на конференции по поводу иностранной помощи можно объяснить скорее отчаянным положением дел в стране, чем какими-то реальными ожиданиями. С другой стороны, определенную надежду давала установка Повесткой дня на 21 век четкой квоты на официальную помощь в целях развития 0,7% ВВП. Эту сумму развитые страны должны были выделять ежегодно, но какой-либо отчетности по выполнению этого обязательства предусмотрено не было (2, 10).

Помимо концепции устойчивого развития Повестка дня на 21 век и Декларация Рио предусматривают конкретные варианты предотвращения ухудшения состояния почвы, воздуха и воды, сохранения лесов и разнообразия форм жизни. Среди путей решения названных проблем предлагается создание заповедных зон, установка очистительных сооружений на предприятиях, усовершенствование контроля за расходованием природных ресурсов, принятие природоохранных законов для воздействия на нарушителей экологического баланса.

Впервые в международном праве признается тот факт, что загрязнитель должен в принципе нести финансовую ответственность за загрязнения. Государства должны своевременно и как можно более полно информировать друг друга об уже случившейся экологической катастрофе, либо о потенциальной угрозе окружающей среде. При этом все усилия должны быть приложены для помощи пострадавшей стороне. На национальном уровне необходимо ввести или усовершенствовать системы экомониторинга для профилактики ущерба и в целях принятия информированных решений. Все эти принципы являются значительным прогрессом в отношении подходов к проблемам окружающей среды.

В документах конференции говорится о необходимости учета национальных богатств не только по сиюминутной прибыли, но также и в соответствии с реальной стоимостью природных ресурсов и с последствиями ухудшения окружающей среды. Для уменьшения риска нанесения вреда оценка состояния окружающей среды должна проводиться до начала осуществления проектов, которые могут иметь нежелательные последствия. Правительствам следует уменьшить или отменить субсидии, которые не соответствуют целям устойчивого развития.

Также в Повестке дня на 21 век и в Декларации Рио провозглашается необходимость межгосударственного обмена технологиями, инновациями, научными знаниями в целях лучшего понимания процессов, происходящих в природе. Признается также важность экологического просвещения с целью повысить осведомленность общества о проблемах окружающей среды. Впервые говорится о праве различных общественных организаций и групп влиять на процесс принятия решений в экологической сфере. В документах осознается невозможность достижения целей устойчивого развития без широкого участия представителей бизнеса, правительственных и неправительственных организаций, молодежи, профсоюзов, ученых. Российская делегация довольно живо откликнулась на вышеперечисленные предложения и даже выступила с собственными инициативами. Представители России указали на необходимость принятия международной конвенции по чрезвычайной экологической помощи странам, оказавшимся жертвами загрязнения по своей вине, либо по вине других стран. При этом российская делегация призвала все государства неукоснительно соблюдать один из основных принципов, утвержденных на конференции – загрязнитель платит.

По мнению России, вышеназванная конвенция могла бы стать, наряду с двусторонними региональными соглашениями, гарантом соблюдения всеми странами норм экологической безопасности, прежде всего, в сферах химической промышленности и атомной энергетики. Кроме того, договор мог бы помочь развивающимся странам, а также странам с переходной экономикой развивать собственные системы мониторинга и предотвращения ущерба окружающей среде (1, 34).

Российская делегация также внесла предложения о подписании соглашения по предотвращению экологических катастроф, включая те, причинами которых могут послужить военные конфликты. На конференции представителями всех государств, в том числе и России, было заявлено, что война – одна из основных причин разрушения экосистем в мире. Необходимо в будущем обсудить способы и меры быстрого реагирования международных учреждений и национальных правительств на экологические последствия конфликтов и, по возможности, отдавать предпочтение дипломатическим методам разрешения споров (1, 13).

Россия, вслед за Декларацией Рио и Повесткой дня на 21 век, призвала правительства стран участниц конференции организовать международный обмен опытом и эффективными технологиями по защите окружающей среды. Взаимная передача технологий на заранее оговоренных условиях помогла бы развивающимся странам и странам с переходной экономикой, в том числе и самой России, воспользоваться новейшими научными разработками и «ноу-хау» в области окружающей среды. Но в то же время наша делегация признала, что обмен инновациями должен осуществляться только на условиях четкого соблюдения авторского права и международных соглашений по передаче информации (3, 54).

С российской стороны на конференции прозвучал призыв к созданию специального учреждения по контролю за выбросом химических веществ на международном уровне («химического МАГАТЭ»). Основными функциями этого учреждения должны стать:

1. Наблюдение за состоянием промышленных предприятий в различных странах мира.
2. Периодические обзоры уровней выбросов.
3. Распространение экологически чистых, энергосберегающих и эффективных технологий производства.
4. Создание системы международных договоров по использованию, хранению, утилизации химических веществ.
5. Предупреждение аварий на химических заводах и борьба с их последствиями (5, 67).

Россия также предложила организовать постоянный глобальный мониторинг окружающей среды, в том числе при помощи спутников. Для этой цели наша страна выразила готовность предоставить свои космические аппараты и опыт работы в сфере космоса. Полученная информация должна быть доступна всем странам и целью ее сбора будет принятие обоснованных решений в сфере дальнейшего развития систем охраны окружающей среды.

Такой интерес российской делегации к природоохранным вопросам, поднятым в Рио-де-Жанейро, характеризует общую позицию нашей страны на конференции. Она состоит в том, что Россия как страна с богатейшими запасами природных ресурсов, не собирается оставаться в стороне от решения глобальных экологических проблем, даже в тяжелое время кризиса. В стране за годы советской власти был накоплен огромный научный потенциал, которым Россия готова поделиться с другими странами, внося, тем самым, реальный вклад в решение экологических проблем, а также привле-

кая в страну дополнительные финансы для укрепления экономики. Россия намерена участвовать в международном обмене технологиями, в том числе в качестве донора, и поддержит подписание новых международных соглашений, отвечающих интересам защиты окружающей среды. Однако, в тех исторических условиях, которые сложились в России к началу конференции в Рио-де-Жанейро, все эти заявления звучали крайне неубедительно и не произвели большого резонанса среди участников саммита. Непонятно было, кто и как профинансирует все перечисленные проекты. Россия не могла активно участвовать в реализации своих предложений, так как ей необходимо было решать множество внутренних экономических и политических проблем. Развитые страны не выразили энтузиазма по поводу российских инициатив. Под вопросом оказались также реальные механизмы осуществления предложений российской стороны. В заявлениях нашей делегации не содержалось конкретных подходов и методов реализации поставленных целей. Это стало причиной того, что предложения России остались благими намерениями и пожеланиями на будущее. Все присутствовавшие на конференции понимали, что Россия слишком слаба для реального осуществления своих инициатив. В выступлениях российских руководителей не было и не могло быть уверенности и убедительности, что резко снижало ценность высказываемых идей. Российские заявления были лишь слабыми попытками соответствовать уже по сути утерянному статусу великой державы и звучали, как отголоски былого влияния и могущества.

В 90-х годах произошел переворот в подходах к проблемам глобальной экологии. Правительствами большинства стран мира была осознана угроза, исходящая от чрезмерного потребления природных ресурсов и загрязнения окружающей среды в результате бурного экономического роста. На международном уровне была принята концепция устойчивого развития, основывающаяся на идее рационального природопользования при сохранении темпов роста экономики. На международной конференции в Рио-де-Жанейро были подписаны документы, определившие цели, задачи, перспективы для международного природоохранного сотрудничества. Однако, несмотря на активизацию природоохранной деятельности международного сообщества, результаты ее крайне скромны. Причинами этому служат отсутствие политической воли у лидеров ведущих стран мира к решению экологических проблем, а также неэффективность работы системы ООН, координирующей международную природоохранную деятельность.

В России, начиная с 1991 года, также происходили изменения в природоохранной сфере. Только если на международном уровне внимание к экологическим проблемам возрастало, то в нашей стране интерес к ним резко упал. Это было связано с экономическим кризисом, начавшимся после распада СССР, снижением финансирования разработок, связанных с охраной окружающей среды, а также с потерей значительной части научного потенциала. Соответственно, ослабли позиции России на международных конференциях ООН по проблемам окружающей среды, в частности на конференции в Рио-де-Жанейро, и резко снизилась активность российских представителей при выработке итоговых документов, а также в решении ключевых экологических вопросов на мировом уровне. Вместе с тем, Россия продолжала участвовать в международном природоохранном процессе и вносила посильный вклад в разработку основных методов борьбы с загрязнением окружающей среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Конференция ООН по окружающей среде и развитию: Доклад. Т. 1-3. Нью-Йорк, 1993.
2. Планета Земля: встреча на высшем уровне в Рио-де-Жанейро. Документы. Нью-Йорк, 1999.

3. Стокгольм, Рио, Йоханнесбург – вехи кризиса. М., 2003.
4. Доронина О.Д. От Стокгольма до Йоханнесбурга: деятельность ООН по обеспечению безопасности окружающей среды. М., 2004.
5. Коптюг В. А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.)

D. Martynenkov

RUSSIA AND UN: COOPERATION ON ENVIRONMENTAL PROBLEMS (UNITED NATIONS CONFERENCE IN RIO-DE-JANEIRO, 1992)

Abstract: The main aim of the article is the exploration of environmental cooperation between Russia and UN in early 1990s, especially as related to the United Nations conference on Environment and Development (1992). Main attitudes of UN and Russia to environmental problems are also explored.

Key words: Russia, the United Nations, conference, sustainable development, environment.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАРЛАМЕНТСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ. 1993-2003 гг.*

Аннотация: Модернизация и профессионализация законодательной деятельности не могли не отразиться на персональном составе парламентариев. В этой статье рассматривается состав депутатского корпуса Государственной Думы четырех постсоветских созывов. Насколько средний российский парламентарий по своим социально-демографическим и социально-профессиональным характеристикам похож на европейского? Какова степень преемственности российского парламентского корпуса, и какую роль в его формировании играют наличие опыта и партийная принадлежность?

Ключевые слова: Российская Федерация, Государственная Дума, депутатский корпус, партийный состав, социальный состав.

Интерес к изучению пула парламентариев обусловлен тем, что парламентское представительство есть центральный элемент современной демократии. А поскольку сам по себе народ не может править, то кто-то же должен представлять его интересы.

Благодаря своему статусу «избираемых» парламентарии являются ключевым связующим звеном между обществом и органами управления.

Модернизация и профессионализация законодательной деятельности не могли не отразиться на персональном составе парламентариев. Насколько средний российский парламентарий по своим социально-демографическим и социально-профессиональным характеристикам похож на европейского? Какова степень преемственности российского парламентского корпуса, и какую роль в его формировании играют наличие опыта и партийная принадлежность? Рассмотрим состав депутатского корпуса Государственной Думы четырех постсоветских созывов, сопоставив его с составом ведущих парламентов Западной Европы.

На протяжении последних полутора столетий развитие европейского парламентаризма характеризовалось параллельным разворачиванием двух разнонаправленных тенденций – к расширению социального состава как избираемых, так и избирателей, с одной стороны, и к ограничению доступа в сферу политики – с другой. Первая тенденция связана с демократизацией, вторая – с профессионализацией, обусловленной превращением публичной политики в автономную сферу деятельности. Иначе говоря, утверждение парламентаризма предполагает не столько гармонию между управляющими и управляемыми, сколько внутренне конфликтное сосуществование профессиональных политиков и основной массы граждан, чье участие в политике по сути дела сводится к акту голосования. Столь часто звучащие в адрес парламентариев обвинения в отрыве от избирателей и заботе исключительно о собственных интересах в немалой степени обусловлены противоречивой логикой процессов демократизации и профессионализации.^a

Если на этапе становления парламентских структур в составе европейских национальных легислатур доминировали представители знати, то сегодня их сменили профессиональные политики. Формирование корпуса профессиональных политиков, т.е. тех, кто, согласно знаменитому определению М. Вебера, живет «для политики»

* © Обухова Е.В.

и «за счет политики»^b, - важнейший результат эволюции европейского парламентаризма. Но статус современного профессионального политика подразумевает не только превращение депутатской деятельности в «постоянный источник дохода»^c, но и относительную независимость политика от системы лояльностей, продиктованных социальным происхождением. Социальное происхождение во многом утратило свою значимость в качестве фактора, влияющего на успех в избирательной конкуренции: ни электорат, ни селекторат уже не связывают с ним политическую линию кандидата после его избрания.^d Профессиональный парламентарий не может быть зеркальным отражением представляемой им общности. Его поведение детерминировано правилами политической игры.^e

Как и в национальных legislatures большинства европейских стран, в российском парламенте подавляющая часть депутатов относится к возрастной категории 40-50 лет. За период с 1993 по 2003гг. средний возраст депутатов Госдумы повысился на 2 года – с 45,2 до 47,2. Во многом аналогична (+1,8 года) динамика изменения среднего возраста «новичков». После уменьшения Фракции КПРФ вдвое в Думе четвертого созыва, в ней оказалось представлено лишь ядро партийной элиты, принадлежащее к старшей возрастной группе, которая «постарела» - на 7 лет. Повышение среднего возраста депутатов от «партий власти» (3,1 года) стимулировало приток в её ряды значительного числа статусных фигур (региональных лидеров, администраторов высшего и среднего звена, крупных бизнесменов и т.п.). Фракция ЛДПР была самой молодой. В 1999г. средний возраст её членов составлял 39,1 года, а «новичков» - 36 лет, что было своеобразным рекордом. А в 2003г. средний возраст либерал-демократов составлял 40,4 года.

По уровню представительства женщин в парламенте Россия сегодня близка к Франции, но уступает многим другим странам Европы. В бундестаге ФРГ, например, 30% женщин, а в шведском рикстаге – 45,3%. И хотя удельный вес женщин в парламенте повсеместно ниже их доли в населении, разрыв между этими показателями в большинстве случаев не столь велик, как в России и во Франции. В России после отмены принципа квотирования, закреплявшего за женщинами треть мест в Верховных Советах общесоюзного и республиканского уровня, удельный вес женщин-парламентариев резко упал и продолжал падать вплоть до 1999г. (в 1993г. он составил 13,3%, в 1999г. - 6,7%). В 2003г. доля женщин несколько выросла, достигнув 10%, что связано с гендерной политикой «Единой России»: во фракции единороссов 25% женщин.

Россия превосходит большинство европейских стран по уровню образованности депутатов. Многие депутаты имеют по 2-3 высших образования, а также ученые степени и звания. Если в среднем по Европе удельный вес парламентариев с университетскими дипломами составляет 80-90%, то в Думе четвертого созыва он достигает 98,2%. Среди российских законодателей преобладают выпускники технических вузов (в среднем по созывам - 45,5%). Удельный вес обладателей гуманитарных дипломов немного ниже и составляет 43,8%. Наблюдается постепенное снижение доли депутатов с юридическим образованием (в 1993г. она составляла 13,2%; в 2003г. – 10,1%).

Представители госсектора, которые составляют порядка половины депутатского корпуса в российском парламенте, являются единственной социальной категорией, чей удельный вес в Думе примерно соответствует её доле в обществе. Это скорее всего обусловлено традиционным для нашей страны активным вмешательством государства во все сферы общественной жизни. Этот показатель снизился (с 60% в 1993 г. до 50,6% в 2003 г.) с повышением роли частного сектора в российской экономике. Если рассматривать в целом по Европе, то, по мере становления государства, всеобщего благосостояния, доля депутатов, принадлежавших госсектору, возрастала,

приблизившись, например, в Германии к отметке в 50%. В Национальном собрании Франции из низших слоев вышли лишь 3% депутатов, хотя доля этих слоев в структуре населения приближается к 60%. Средние слои составляют 27% по состоянию на 1997 г., хотя они контролируют только 14% парламентских мест. В социально-профессиональном составе отечественного депутатского корпуса произошли изменения за счёт увеличения удельного веса двух социальных категорий – военных и группы «предприниматели и управленцы различного уровня». Доля военных в Думе выросла с 3,9% в 1993 г. до 11,06% в 2003 г. почти в 3 раза. В отличие от «силовики», удельный вес представителей менеджмента и бизнеса в парламенте за период с 1993 г. по 2003 г. увеличился в полтора раза – с 28,8% до 44,4%. В данном случае речь идёт о крупном бизнесе. Тогда как, представительство среднего и малого бизнеса в Государственной Думе незначительно – порядка 1,5%. Поэтому показателю Россия не имеет себе равных, так как, в среднем по Европе этот показатель – около 12%. И даже после начала «дела ЮКОСа» увеличение представительства данной группы продолжилось, хотя многие наблюдатели расценивали это, как наступление государства на крупный бизнес. Интерес к думской деятельности у предпринимателей объясняется решающей ролью парламента в создании юридической базы функционирования рыночной экономики, а также в распределении бюджетных средств. Сходные тенденции прослеживаются и на региональном уровне. Согласно данным, полученным в ходе реализации проекта «Самые влиятельные люди России», бизнес контролирует от трети до двух третей мест в Законодательных собраниях субъектов РФ.^f Но даже в период промышленного подъёма, рубежа XIX – XX вв. деловой класс не сумел стать ведущей силой российской политики, что обуславливалось его зависимостью от государства. «Протекционизм был, конечно, необходимой теплицей для русской промышленности. Но в её банной температуре атрофировалась политическая воля», – писал в этой связи известный мыслитель русского зарубежья Г.Федотов.^g Приведённые данные позволяют утверждать, что в 1990-е годы политика была потеснена экономикой и политическая власть предстала объектом соперничества конкурирующих экономических структур. Но ситуация существенно изменилась после избрания президентом РФ В. Путина и правила игры сегодня задаёт политическая власть в лице главы государства. Однако, политическое представительство крупного бизнеса в стенах Думы осталось ощущаемым.

В большинстве европейских стран средний уровень обновления национальных legislatures составляет порядка 20-30%. Иначе говоря, после очередных парламентских выборов большинство депутатов сохраняют свои мандаты, тем самым, обретая политический опыт, который помогает им добиться переизбрания.^h В России удельный вес переизбранных депутатов вырос с 33,5% - в Думе второго созыва до 49,4% - в Думе четвертого созыва, что свидетельствует об образовании социальной категории, для которой политика стала профессией, а депутатская зарплата – важнейшим источником дохода и не единственным. Несмотря на закон, запрещающий совмещение депутатства с коммерческой деятельностью, многие парламентарии сумели не только сохранить прежние источники дохода, но и обзавестись новыми.

Если говорить об оценке политического опыта думцев, то он мог быть приобретен ими не только в постсоветский, но и в советский период. В среднем по четырём созывам 30% российских парламентариев имели опыт работы в партийных, общественных, профсоюзных организациях, 25% - опыт работы в местных и региональных органах власти, а 17,7% - опыт парламентской деятельности. Меньше всех представлены носители номенклатурного опыта – 15,5%, а с опытом работы в правительстве – 6,6%. Единственным отличием постсоветского политического опыта от советского,

является опыт парламентской деятельности, сразу выдвинувшийся на первое место. С 1993 по 2003 гг. доля парламентариев, обладающих опытом работы в постсоветских управленческих структурах, сократилась почти в 2 раза (с 9,3% до 5,1%).

Как и в других странах Европы, в России партии являются основным каналом парламентского рекрутирования. Удельный вес партийных функционеров в Думе составляет около 10%. «Фирменным знаком» российской многопартийности является устойчивое воспроизводство так называемых «партий власти». В Думе первого созыва в этом качестве выступали «Выбор России» и «ПРЕСС», в Думе четвертого созыва – «Единая Россия». Истоки данного феномена, вне всякого сомнения, кроются в традиции доминирования «верховой» власти, персонифицированной в фигуре главы государства.ⁱ С 1990-х годов выражена тенденция к разрастанию провластных фракций: если в Думах созыва 1993 и 1995 гг. их доля составляла менее 20%, то в 1999 г. она выросла до 32,4%, а в 2003 г. – до 67,3%. Сдвиг в расстановке сил внутри парламента привёл к изменению его политического профиля: из оппонента исполнительной власти Государственная Дума превратилась в преданного её сторонника.

Особенностью российского парламентаризма является слабая укоренённость депутатов в регионах. Место избрания парламентариев не всегда совпадает с местом проживания или рождения (в 1993 г. их доля составляла 31,51%, в 2003 – 27,7%). Поэтому шансы на успех не редко напрямую зависят от присутствия в партийном списке известных политиков федерального уровня. С переходом к пропорциональной избирательной системе данная тенденция усилилась.

Несмотря на близость российского депутатского корпуса к европейским аналогам, его формирование определяется совсем иными принципами. И если в большинстве стран Европы доминирующую роль играет партийно-политическое и, отчасти, территориальное представительство, то в России – функциональное.^j

Проведённый анализ показывает, что развитие парламентаризма в России во многом определялось теми же тенденциями, что и в других странах Европы. Наряду с тенденцией к профессионализации парламентской деятельности, к ним относилась и тенденция к воспроизводству традиционных моделей парламентского представительства, действие которой в немалой степени обуславливалось спецификой российского парламентаризма.

Главное отличие отечественного парламентаризма от средневропейского заключалось в уровне политического влияния парламента: по этому показателю Государственная Дума существенно уступала легислатурам не только парламентских, но и ряда президентских республик. Причиной такого положения вещей являлась российская традиция «четырёхзвенного» разделения властей при доминировании «верховой» власти. Свой вклад внесли и ситуационные факторы, важнейший из которых заключался в том, что ни российская политическая элита, ни конкуренты России на мировой арене не были заинтересованы в формировании эффективной представительной власти в стране. Отечественная элита реальное представительство массовых слоёв населения могло помешать осуществить «правильную приватизацию», а зарубежным конкурентам – добиться ослабления позиций и влияния России в мире. Ведь в политике действуют не столько ценности, сколько интересы.^k

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вебер, М. Политика как призвание и профессия [Текст]/ М. Вебер.- М.: 1990.- 702с.
2. Best, H. Parliamentary Representation in Europe 1848-2000. Legislative Recruitment and Careers in Eleven European Countries. [Текст]/ H. Best, M. Cotta.- Oxford.: 2000. - 400 с.
3. Гаман-Голутвина, О. В. Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты рос-

- сийских регионов [Текст]/ О. Гаман-Голутвина.- М.: 2004.- 56с.
4. Гаман-Голутвина, О.В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе (II) [Текст]/ О.В. Гаман-Голутвина // Полис.-2006.- №3.- С.67-74
5. Перегудов, С. Корпоративный капитал в мировой и российской политике [Текст]/ С. Перегудов.- М.: 2005.-267с.
6. Putnam, R. The Comparative Study of Political Elites. [Текст]/R. Putman.- Eglewood Cliffs, NY.: 1976.- 360с.
7. Федотов, Г. Судьба и грехи России. [Текст] Т.1/ Г. Федотов.- Спб.: 1992.- 200с.

Сноски и примечания:

1. Best, H. Parliamentary Representation in Europe 1848-2000. Legislative Recruitment and Careers in Eleven European Countries. [Текст]/ H. Best, M. Cotta.- Oxford.: 2000.- С.523.
2. Вебер, М. Политика как призвание и профессия [Текст]/ М. Вебер.- М.: 1990.- С.653.
3. Там же. С.654.
4. Putnam, R. The Comparative Study of Political Elites. [Текст]/R. Putman.- Eglewood Cliffs, NY.: 1976.- С.42.
5. Best, H. Parliamentary Representation in Europe 1848-2000. Legislative Recruitment and Careers in Eleven European Countries. [Текст]/ H. Best, M. Cotta.- Oxford.: 2000.- С.494, 524.
6. Гаман-Голутвина, О. В. Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты российских регионов [Текст]/ О. Гаман-Голутвина.- М.: 2004.- С.25
7. Федотов, Г. Судьба и грехи России. [Текст] Т.1/ Г. Федотов.- Спб.: 1992.- С.152.
8. Best, H. Parliamentary Representation in Europe 1848-2000. Legislative Recruitment and Careers in Eleven European Countries. [Текст]/ H. Best, M. Cotta.- Oxford.: 2000.- С.505.
9. Гаман-Голутвина, О.В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе (II) [Текст]/ О.В. Гаман-Голутвина // Полис.-2006.- №3.- С.73
10. Перегудов, С. Корпоративный капитал в мировой и российской политике [Текст]/ С. Перегудов.- М.: 2005.- С.67.
11. Гаман-Голутвина, О.В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе (II) [Текст]/ О.В. Гаман-Голутвина // Полис.-2006.- №3.- С.74.

Y. Obukhova

A POLITICAL STUDY OF PARLIAMENTARY REPRESENTATION IN RUSSIA,
1993 TO 2003

Abstract: Further modernization and professionalization of legislative activities could not but affect the personal makeup of Russian Parliament. The present article deals with the composition of the State Duma (Lower House of Russian Parliament) in its four post-Soviet convocations. It considers the following questions: likeness of the average Russian MP to his/her European counterparts in his/her sociodemographic and socioprofessional characteristics; the degree of continuity in the work of Russian Parliament; the role of prior experience and partisan affiliation in what concerns its makeup.

Key words: The Russian Federation, the State Duma, the deputy case, party structure, social composition.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ*

Аннотация: Большинство конфликтов все чаще происходят в информационном пространстве. Однако в современной науке нет четкого подхода в определении информационной войны. Поэтому изучение понятия и сущности информационной войны является актуальной задачей для политической науки.

Ключевые слова: информационная война, дефиниция, терминология, национальная безопасность.

На современном этапе развития человечества многие конфликты из среды “вооруженных столкновений” перешли в информационное пространство, которое становится новым полем противоборства. Это связано прежде всего с изменением сущности информации, которая в настоящее время считается главным продуктом постиндустриального общества. Немаловажным фактором перехода конфликтов в информационное русло является и угроза массового уничтожения людей (например, из-за применения ядерного оружия противоборствующими сторонами). Также необходимо отметить, что информационное оружие является менее затратным с финансовой точки зрения.

Именно поэтому изучение терминологии информационной войны представляет на сегодняшний день актуальную задачу для политической науки. С учетом многогранности данного явления, разнообразия форм и методов ведения информационной войны, изучение самого понятия является сложным, и на сегодняшний день строгое определение информационной войны до сих пор не осуществлено. Эта ситуация не раз подчеркивалась и в научной литературе. Недаром К.В. Черевков отмечает: “Точное определение этого нового феномена пока отсутствует” [1], а американский ученый Мартин Либицки говорит о “трудностях определения терминов информационной войны”. Даже в США, где всем вопросам, связанным с информационной войной, сейчас уделяется очень пристальное внимание, у американского правительства, по словам профессора Джорджа Штейна, “не существует официального открытого определения информационной войны” [2].

Сам термин “информационная война” появился приблизительно в середине 70-х гг. XX века. На Западе основоположником данного термина принято считать ученого-физика Томаса Рона, который в разгар “холодной войны” (1976 г.) назвал информацию самым слабым звеном вооруженных сил и обороны.

Термин “информационная война” является сложной структурой, в которой слово “война”, по мнению И.В. Свиридова, “выступает в роли порождающего понятия, несущего основную смысловую нагрузку, а слово “информационная” - его качественной характеристики” [3]. Отсюда следует вывод, что главное значение приобретает слово “война”.

Во многих словарях слово “война” употребляется примерно в одинаковом смысле. В толковом словаре русского языка Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю. “война” представляет собой “вооруженную борьбу между государствами или народами, между классами внутри государства” [4]. В Военном энциклопедическом словаре дефиниция войны зафиксирована следующим образом: “общественно-политическое явление,

* © Полушин Е.О.

продолжение политики насильственными средствами. Специфическое содержание войны составляет вооруженная борьба” [5]. Энциклопедический словарь “Политология” определяет войну как “социальное явление, представляющее собой одну из форм разрешения общественно-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и др. противоречий между государствами, народами, нациями, классами и национальными группами средствами вооруженного насилия” [6].

Из приведенных выше определений войны можно выделить следующие основные черты данного понятия: вооруженная борьба, применение средств вооруженного насилия, международный и внутригосударственный характер войны.

При анализе данных дефиниций автор делает вывод, что в общем понимание слово “война” представляет собой “вооруженную борьбу как между государствами, так и внутри одной страны, с применением средств вооруженного насилия для подавления противника с целью достижения поставленных целей”. Таким образом, более правильным по мнению автора, представляется говорить не “информационная война”, а например, “информационное противоборство”, поскольку дословное значение слова “противоборство” означает “бороться против кого-нибудь или чего-нибудь, противодействовать” [7], а слово “война” предполагает наличие вооруженной борьбы, уничтожение как человеческих, так и материальных ресурсов. Однако на сегодняшний день в основном применяется только понятие “информационная война”.

В российской и зарубежной научной литературе существует множество подходов к определению термина “информационная война”. При этом наличие огромного числа дефиниций и направлений к подходам в определении термина “информационная война” говорит о несформированности единого понимания и сущности информационной войны.

На сегодняшний день в научной литературе можно выделить следующие группы определений информационной войны:

1. Определения информационной войны, которые носят военный характер. Представители данной группы относят информационную войну к вооруженному противоборству между государствами. Так, А.В. Манойло определяет информационную войну как “комплекс мероприятий и операций, проводимых вооруженными силами государств и другими (как правительственными, так и частными) организациями, направленных на обеспечение информационного превосходства над противником и нанесения ему материального, идеологического или иного ущерба” [8]. Видный военный ученый С.А. Комов определяет информационную войну как комплекс информационной поддержки, информационных контрмер, мер информационной защиты, предпринимаемых в соответствии с единым планом и нацеленных на достижение и поддержание информационного превосходства над противником во время боевых действий [9]. По мнению И.И. Завадского, информационная война состоит из действий, предпринимаемых для достижения информационного превосходства в обеспечении национальной военной стратегии путем воздействия на информацию и информационные системы противника с одновременным укреплением и защитой нашей собственной информации и информационных систем [10]. В.И. Цымбал считает, что информационная война представляет собой один из способов боевых действий или непосредственной подготовки к ним, имеющий целью достичь подавляющего преимущества над противником в процессе получения, обработки, использования информации для выработки эффективных информационных решений, а также успешного осуществления мероприятий по достижению превосходства над противником на этой основе [11]. Американский политолог Фоглеман Р.Р. определяет информационную войну как

воздействие на информацию и информационные возможности противника при защите своих собственных [информации и информационных возможностей] с намерением понизить его волю и способность к ведению боевых действий [12].

2. Авторы данной группы относят понятие информационная война к отдельным информационным мероприятиям и операциям. Например, данные операции могут осуществляться в целях воздействия на массовое сознание граждан в целях изменения общественного мнения. Так, Г.Г. Почепцов считает, что информационная война представляет собой коммуникативную технологию по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями [13].

3. Определения, которые характеризуют информационную войну с геополитической точки зрения, с помощью которой решаются внешнеполитические и международные задачи различных государств. По мнению Н.Н. Панарина, геополитическое информационное противоборство представляет собой одну из современных форм борьбы между государствами, а также является системой мер, проводимых одним государством с целью нарушения информационной безопасности другого государства, при одновременной защите от аналогичных действий со стороны противостоящего государства [14]. Интересное мнение по данному вопросу высказывают Г.В. Емельянов и А.А. Стрельцов, которые считают, что под информационной войной понимается особый вид отношений между государствами, при котором для разрешения существующих межгосударственных противоречий используются методы, средства и технологии силового воздействия на информационную сферу этих государств [15].

По мнению автора, можно выделить 4 группу определений информационной войны, которые должны отражать суть информационного противоборства как средства корпоративной борьбы. Данное информационное противоборство может осуществляться как между хозяйствующими субъектами одного государства, так и на международной арене. Например, в средствах массовой информации можно встретить заказные материалы, которые тем или иным образом могут отрицательно повлиять на репутацию компаний и корпораций.

Из немалого количества вышеперечисленных определений автор делает вывод, что на сегодняшний день используется большое количество дефиниций информационной войны, каждая из которых может иметь как свои достоинства, так и недостатки. Все это лишний раз подчеркивает, что взгляды научного сообщества на проблему информационной войны еще окончательно не сформулированы.

Подводя итоги рассмотрения понятий информационной войны, автор предлагает следующее определение информационной войны - это целенаправленные действия в информационном пространстве между двумя и более субъектами, выражающиеся в применении специальных средств и методов, которые направлены на достижение превосходства над противником в информационном пространстве.

В целом можно с уверенностью сказать, что информационная война является острой формой противоборства между современными государствами. С помощью информационных операций можно влиять на общественное мнение, на результаты всенародных выборов и референдумов (цветные революции являются ярчайшими примерами этого тезиса), на принятие важных политических решений. В ряде стран, особенно в США и Китае, значимость проведения информационных операций осознали давно, и в этих странах существуют свои стратегии информационных войн. В США есть даже Институт исследования информационной войны, являющийся неправительственной виртуальной организацией, действующий под патронажем Агентства национальной безопасности США.

Однако развитие и изучение проблемы информационных войн в нашей стране

происходит в основном только в научных кругах. На государственном уровне данная проблема практически не разработана. Так, в «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» [16] всего лишь констатируется возможность угрозы национальной безопасности России в информационной сфере. При этом даже не предлагается каких-либо мер по противодействию информационному воздействию иностранных государств и иных субъектов международного права.

В «Концепции внешней политики Российской Федерации» [17] особо подчеркивается, что в отношениях между государствами все большую роль играют в том числе информационные факторы, постепенно создается единое общемировое информационное пространство. И несмотря на это, в данном документе также отсутствует понятие информационных войн, нет упоминаний о политике информационных войн в отношении других государств.

Подводя итоги вышеизложенному, можно сделать два главных вывода:

1. На сегодняшний день не существует единого подхода к определению термина «информационная война», что в свою очередь говорит о важности изучения данного феномена. При этом автору представляется более правильным говорить о понятии «информационное противоборство», а не «информационная война».

2. В России на государственном уровне проблема информационных войн не достаточно разработана в правовых актах, что в дальнейшем может неблагоприятно сказаться на национальной безопасности России. По мнению автора, необходимо не просто законодательное закрепление понятия «информационная война», а также разработка мер противодействия информационному влиянию, направленному против Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Черевков К.В. Космические информационные системы и проблема информационной безопасности России // Информационное общество, 1997. № 2-3. С. 32.
2. Свиридов И.В. Информационная война: определения, подходы, взгляды // Безопасность информационных технологий, 1998. - № 4. С. 25.
3. Там же.
4. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская А.Н.; Российский фонд культуры: 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995. С. 90.
5. Военный энциклопедический словарь. М.: Военное издательство, 1990. С. 84.
6. Политология. Энциклопедический словарь. М.: Publishers, 1993. С. 52.
7. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская А.Н.; Российский фонд культуры: 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995. С. 613.
8. Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. 2-е изд., стереотип. М.: Горячая линия – Телеком, 2007. С. 203.
9. Комов С.А. Информационная борьба в современной войне: вопросы теории // Военная мысль. 1996. № 3. С. 73.
10. Завадский И.И. Информационная война – что это такое? // Защита информации. “Конфидент”. № 4, 1996 г.
11. Цымбал В.И. О концепции информационной войны // Информационный сборник “Безопасность”, 1995. № 9. С. 35.
12. Свиридов И.В. Информационная война: определения, подходы, взгляды // Безопасность информационных технологий, 1998. № 4. С. 27.
13. Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Рефл-Бук, 2000. С. 20.
14. Панарин Н.Н. Информационная война за будущее России. М.: Горячая линия – Телеком, 2008. С. 256.
15. Емельянов Г.В., Стрельцов А.А. Информационная безопасность России. Основные понятия и определения: Учеб. пособие / Под общ. ред. проф. А. Прохожева. М.: РАГС, 1999. Ч.1. С. 34.
16. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 10.01.2000 N

24 // «Собрание законодательства РФ», 10.01.2000, N 2, ст. 170.

17. Концепции внешней политики Российской Федерации // Российская газета от 11.07.2000. № 133.

E. Polushin

ABOUT THE NOTION AND ESSENCE OF INFORMATION WARFARE

Abstract: The majority of conflicts more often occur in information space. However in modern science there is no precise approach in definition of the terms of information warfare. There fore the study of terminology of information warfare is an urgent task for political science.

Key words: Information war, definition, terminology, national safety.

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РЕГИОНАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Аннотация: Данная статья посвящена гендерной проблеме в регионах современной России, развитию женского движения, способствующего созданию равных условий для мужчин и женщин в политике и улучшению в целом политического климата в нашем государстве. В конце статьи приведены выводы о необходимости создания школ «политического лидерства».

Ключевые слова: женское движение, гендерная проблематика в регионах, мужчины и женщины в политике.

Перед обществом встают серьёзные проблемы по привлечению женщин в те сферы деятельности, где до сих пор господствовали мужчины и которые в силу разных причин были практически закрыты для женщин. Это в первую очередь сфера политики. Однако широко этот вопрос не обсуждается, так как мужчины, занимающие здесь ключевые позиции, в этом не заинтересованы. Социально-экономические преобразования последних десятилетий обусловили существенную дифференциацию российских женщин по уровню жизни и, соответственно, потенциальным возможностям. Поэтому в последние годы активно возникали женские движения, которые в меру своих возможностей пытались влиять на гендерную политику. Больше количество их возникло на региональном уровне.

В России при проведении одного из социологических мониторингов респондентам в числе других был задан вопрос: «Как вы относитесь к женщинам-политикам?». Почти 60% дали положительный ответ, четверть – отрицательный и 16% затруднились ответить [2]. Можно сказать, что большая часть населения страны считает, что женское участие в решении политических вопросов государственной жизни на любом уровне необходимо.

«Под женским движением, - считают исследователи, - понимается социальная, культурная, политическая деятельность женщин, групп и организаций, направленная на сближение интересов различных слоёв женщин и изменение системы гендерных отношений» [6, 223]. По всей стране возникло достаточно много женских движений, действующих в самых различных областях: экономической, социальной, политической и других. Это региональные женские организации: «Байкальский региональный союз женщин «Ангара», объединение «Женщины Зауралья», Московский городской совет женщин, общественная организация «Женщины Подмосковья, Союз женщин Дона, «Женщины за социальную демократию» и т.д.» [11, 22].

Однако в силу их слабости они пока не могут оказать серьёзного влияния на формирование региональных органов законодательной власти.

Что же касается работы органов местного самоуправления, в которых значительное количество женщин-депутатов, с очевидностью возможно взглянуть на окружающую обстановку женским взглядом. Ведь существует личностная дифференциация между мужчиной и женщиной, и для решения многих проблем, возникающих на государственном уровне, нужны различные качества, и часто женских требуется больше. Поэтому в политике, как в высших органах государственной власти, так и на местном уровне, необходимо полноценное женское участие. «Обществу следует использовать в полной мере интеллектуальный потенциал женщин» [6, 129].

Однако результаты и характер самой деятельности женщины-политика в России

* © Першина А.М.

зависят от технологии прихода во властные структуры. Если женщина попадает во власть через местные выборы, то она сама выдвигает стратегию последующих действий, но в случае назначения на руководящую должность, вследствие продвижения по карьерной лестнице, она становится подвластной патриархатной структуре, и создается лишь видимость её участия в принятии ключевых решений. В реальной жизни поддерживаются «маскулинные» и патриархальные ценности и «двойные стандарты». Поэтому общество должно заботиться о подготовке женщин-политиков, если оно хочет иметь государство, где уважают права человека и стремятся к достойной жизни каждого гражданина.

«Современное общество – это общество, где право силы уступает место силе права, где главенствует закон» [1, 28]. Если следовать данному определению Светланы Айвазовой (доктора политических наук, главного научного сотрудника Института сравнительной политологии РАН, автора многочисленных статей и книг по истории женского движения), то отношение людей должно строиться на основе закона. Однако равенство всех людей перед законом признано лишь формально. Отсюда следует, что равенство мужчины и женщины, прописанное в законе, не исполняется в реальности. По-прежнему на практике не существует полноценного политического участия женщин как в высших государственных органах, так и на местном уровне.

Так в Российской Федерации женщин всего лишь 9% – в региональных законодательных собраниях, в пяти регионах женщин вообще нет среди парламентариев. Среди губернаторов – одна женщина и т.д. [5, 103].

Несколько иная картина наблюдается на уровне местного самоуправления. Например, в городе Самаре из 18 депутатов Городской думы, избранной в 2000 году, – 8 женщин. В целом в Самарской области среди зарегистрированных на территории области 2000 неправительственных организаций только около 17 организаций были отнесены в 2000 году к женским НПО [12, 31].

Одним из официально зарегистрированных на региональном уровне женских движений является большая и влиятельная общественная организация Союз женщин Дона. Её учредителем и руководителем является активистка Валентина Череватова. Форум женщин Дона был создан по её инициативе в 1993 году. В Союз женщин Дона входит 25 ассоциированных членов – это юридические лица и инициативные группы женщин в разных городах и районах Ростовской области. По самым скромным подсчетам, по программам данной организации работают более 2 тысяч человек [13, 26]. У этого Союза имеется устав, принятый в 1998 году, в котором обозначены следующие направления: борьба за равные права для женщин и мужчин, продвижение женщин во власть и миротворчество. По мнению Валентины Череватовой, миротворчество – созидание мира самим человеком в себе и только потом – вокруг себя. Поэтому данный союз занимается и психологической поддержкой бывших военнослужащих, людей, попавших в тяжелые психологические ситуации. Союз женщин Дона занимается также вопросами подготовки женщин к участию в политической жизни и работе во властных структурах. Его учредитель надеется, что проводимые Союзом семинары помогут увеличить численность женщин-политиков на региональном уровне.

На сегодняшний день из 960 депутатов в Ростовской области на уровне местного самоуправления 176 женщин, из них самая значительная часть – это учителя, врачи, журналистки и общественницы [13, 28].

Есть ещё одно движение женщин на региональном уровне в городе Набережные Челны – это Общественное Объединение «Фемина», директором и учредителем которого является Е.В. Машкова. Цель – защита прав женщин во всех сферах жизнедеятельности. Оно существует более 12 лет. Это объединение строит пути взаимодействия

власти и бизнеса, но при этом гендерный аспект отдельных проблем поднимается на уровень понятия «гендерная политика» [9]. Последние три года объединение «Фемина» занимается такими вопросами, как «социальное партнерство и политика». В этом объединении готовят женщин-управляющих во всех сферах, в том числе политической. По мнению сотрудников этой организации, в России правовая безграмматность женщин в области политики, семейных отношений является одной из причин бесправия и, как следствие, острых проблем социального и личного характера [9]. Поэтому данная организация занимается пятью следующими проблемами: правами женщин в сфере труда и занятости, женским предпринимательством, предотвращением всех форм насилия против женщин и проблемой участия женщин в политике.

В Санкт-Петербурге существует Региональная общественная организация «Петербургский Центр гендерных проблем» (РОО ПЦГП) – это феминистская, ресурсная, активистская, просветительная, исследовательская некоммерческая общественная организация. Председателем Центра является О. Липовковская. Цель организации: «освещение и преодоление гендерного неравенства в современном российском обществе» [3]. Этот Центр финансируется немецким Фондом им. Генриха Белля и оказывает бесплатные консультации юриста и психолога, проводит курсы изучения английского языка и организует чтение лекций по гендерным проблемам и феминизму. Все это делается, по мнению председателя Центра О. Липовковской, для «продвижения и повышения участия женщин в политике, бизнесе и т.д.» [4].

По данным Центра поддержки социальных и гендерных программ, в последнее десятилетие только неправительственными организациями было проведено свыше 100 семинаров разного уровня и масштаба. Усилилось внимание к теоретической разработке содержательной части гендерной политики. Политическая деятельность женщин связана с уровнем развития общественных организаций. В настоящее время таких женских организаций с каждым годом становится всё больше. Разработан Устав и принята Программа Общероссийского общественно-политического движения женщин России, в которой сказано: «Подлинная демократия предполагает, что участие мужчин и женщин в органах управления должно осуществляться на паритетной основе – на основе соотношения 50/50» [10, 39].

Таким образом, женские региональные движения способствуют утверждению в обществе гендерного равенства. Они положительно влияют на происходящие изменения в обществе. Формируется национальный механизм по обеспечению равных прав и равных возможностей, а также расширяется деятельность структур, занимающихся решением проблем женщин. Поэтому самым лучшим способом привлечения женщин в политику является создание различных школ «политического лидерства», с помощью которых женщины получали бы соответствующую подготовку для дальнейшей политической деятельности. Данной задачей должны заниматься как высшие органы государственной власти, так и органы местного самоуправления, которые способны непосредственно воздействовать на население данного города, посёлка, деревни и т.д. Ведь проблема гендерологии требует скорейшего разрешения.

Участие женщин в совершенствовании политических структур Российского государства сегодня чрезвычайно актуально. С учётом того, что большинство социально-экономических проблем, возникших за последние два десятилетия с введением рыночной экономики, остаётся нерешёнными и постоянно усугубляется, возникает вопрос о дальнейших путях развития российской государственности. Один из путей, уже определённых в современном мире, – это путь глобализации. Но далеко не все сознают, что означает этот путь для России. Ведь понятно, что для Запада «мы с вами ненужная обуза, лишние рты. Если нас будет меньше, хорошо. Масса населения толь-

ко зря поглощает валютные доходы от экспорта энергоносителей и др. Чем быстрее мы с вами вымираем, тем больше высвобождается средств в бюджете, которые можно пилить» [7, 63].

Не случайно руководители России поставили вопрос о новой национальной идее, что многократно высмеивалось в наших «демократических» СМИ. Действительно, вряд ли возможно сплотить общество идеей удвоения ВВП.

Тем не менее, уже многие столетия Российское государство существовало, как ««идеократическое государство» (имеется в виду власть православных идей)». Между тем, Западу присуще то, что следует определить термином «номократия» – власть закона» [8, 324-325]. Это особенно ярко проявилось во время событий 1917 и 1991 годов и явилось настоящей загадкой для большинства современников.

«Русская государственность во всех своих сторонах и гранях перестала существовать в 1917 году прямо-таки мгновенно, ибо для её краха достаточно было решительно дискредитировать властвующую идею («православие, самодержавие, народность»). И совершенно закономерно, что дискредитация к 1991 году (совершенно иной, чем ранее идеи, насаждаемой коммунистами с 1917 года) опять-таки привела к мгновенному краху...» [8, 343-344].

Активное участие женщин в политической жизни современной России будет способствовать формированию новой национальной идеи, способной сплотить государство и не допустить его дальнейшего распада.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Айвазова С. От участия женщин во власти выигрывает все общество // Женщина плюс. № 2, 2003.
2. Войкова Н. Феминизация мировой политики. // Блики. №03, 2008.: <http://www.blilamag.ru/view.php?id=408>
3. Ванчугов В.В. Петербургский Центр гендерных проблем.: <http://www.pcgi.ru/>
4. Vital Voices: http://www.owl.ru/vitalvoices/prees_lipovskaya.htm
5. Женщины и развитие: реальность и перспективы (оценка осуществления конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, пекинской платформы действий и целей развития тысячелетия ООН). Стенограмма семинара. М., 9.12. 2005. // М.: ООО «Вариант» при участии ООО «Невский простор», 2006.
6. Зуйкова Е.М., Ерусланова Р.И. Феминология и гендерная политика: Учебник. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2007.
7. Калашников М. Война с Големом. М.: НТЦ Форум, 2006.
8. Кожин В.В. Правда Черной сотни. М.: Эксмо, 2006.
9. Московский Центр гендерных исследований / Публикации Баллаева Е.А., Луныкова Л.Г. Гендерное равенство в России: <http://www.gender.ru/russian/public/lunjakova/2003/gender/10.shtml>
10. Общероссийское общественно-политическое движение женщин России. М., 1997.
11. Программа Общероссийского общественно-политического движение женщин России. М., 1997.
12. Попкова Л. Миссия невыполнима: женские стратегии политического участия. // Женщина плюс. № 2, 2003.
13. Рыльникова И. Женщины во власти должны быть профессиональны. // Женщина плюс. № 3, 2002.

A. Pershina

FEMINIST MOVEMENT IN THE REGIONS OF MODERN RUSSIA

Abstract: This paper is devoted to the problem of gender in the regions of the modern Russia, the progress of the feminist movement promoting equal conditions for men and women in politics and improvement of the political climate in our country as a whole. At the end the paper as.

Key words: women's movement, gender issues in the region, men and women in politics.

ПОГРАНИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДАЛЬНОГО ВОСТОКА В СТРУКТУРЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация: В статье исследована роль пограничного пространства Дальнего Востока в структуре геополитической безопасности России. Выявлен характер проблем, с которыми встретился дальневосточный регион в период системного кризиса 1990-х гг., отмечена необходимость большего внимания к данному региону, имеющему принципиальное стратегическое значение для настоящего и будущего России.

Ключевые слова: геополитика, Российская Федерация, Дальний Восток, национальная безопасность, пограничное пространство.

Тема пограничных пространств, перспективы их будущего развития стали достаточно актуальными проблемами в отечественных политологических исследованиях последних десятилетий. Интерес к данной проблематике определяется как внешними вызовами: расширением глобальных сетей взаимозависимости, так и внутренними: разрыв традиционных социально-пространственных отношений с распадом СССР существенно актуализировал проблему поиска новых путей безопасного и стабильного развития России.

Пограничные пространства являются «промежуточной зоной, проводящей средой, сопричастной как внутреннему, так и внешнему пространству»¹. Объективная логика движения через данные регионы междивизиационных, межнациональных, миграционных, культурных, экономических, информационных потоков, зависимость жизнеобеспечения регионов от соседних зарубежных государств, способствуют ослаблению «барьерных» и усилению «контактных» функций территорий, на которых отрабатываются новые формы сотрудничества с соседними государствами и цивилизациями. Поэтому на уровне приграничных регионов особенно рельефно просматриваются проблемы геополитической безопасности, характер и направления глобальных и национальных взаимодействий: принимают ли они форму взаимовыгодного, гармоничного диалога или присутствие глобальных сетевых потоков создает угрозу территориальной целостности и национальной безопасности государства.

Особенно актуальны эти проблемы для так называемых междивизиационных (лимитрофных), пограничных регионов, расположенных на границе с государствами, относящимися к отличным от российской цивилизациям (районы Дальнего Востока, Северного Кавказа, Калининградская область).

Дальний Восток - это форпост России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), потенциал которого огромен. Вместе с тем Дальний Восток, несмотря на то, что является геополитически важной российской территорией и имеет стратегические запасы ресурсов, остается наиболее проблемной территорией России, с невысоким уровнем экономического и социального развития. На Дальнем Востоке слабо развита инфраструктура, а налоговые и другие выплаты в консолидированный бюджет России составляют около 4,5%. Дальний Восток занимает более трети территории России, но это самый малый по численности населения федеральный округ, в нем живет 6,5 млн. человек. Для сравнения: такую же численность населения имеет Московская область. Доля федерального округа и в населении, и в экономике страны - менее 5%. Около 3/4 населения проживает в южной части федерального округа, в том числе более половины в двух краях - Приморском и Хабаровском. Краевые центры Владивосток и

Хабаровск - самые большие города Дальнего Востока, с населением около 600 тыс. человек. Север округа заселен очень слабо, плотность населения в Якутии, Магаданской области и на Чукотке - менее 1 человека/кв. км ².

Системный кризис 1990-х годов, охвативший всю Россию, на Дальнем Востоке многократно усиливался особыми обстоятельствами - географическая и транспортная удаленность от политического центра России, приграничное положение по отношению к странам АТР, прежде всего Китаю, традиционная аграрно-сырьевая ориентация экономики, повышенная зависимость от межрегиональных хозяйственных связей и ввоза ряда продуктов жизнеобеспечения, недостаточно развитая производственная и социальная инфраструктура, сугубо отрицательное сальдо миграционного прироста.

Во многом причины кризиса в нынешнем социально-экономическом развитии и проблематизации будущего Российского Дальнего Востока кроются в проводимой здесь в прошлом внутренней политике, объясняются той ролью, которая предназначалась данному региону во внешней политике России в АТР.

По мнению директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, в тихоокеанской политике России всегда присутствовали два вектора: внутренний (управление собственными дальневосточными владениями) и внешний (отношения с государствами АТР и участие в региональных процессах)³. С середины XIX века первый вектор во многом определял направления второго. В свою очередь, выбор политики России на Дальнем Востоке зависел от состояния внешнего окружения, от того, как в центре оценивали природу и качество внешнеполитических вызовов и предложений, поступавших с Востока.

Дальний Восток исторически рассматривался как территория, исключительно уязвимая с точки зрения геополитической безопасности. Причин для этого было достаточно - неудовлетворенность Китая результатами пограничного размежевания 1860 года; неразрешенный территориальный спор (сначала вокруг Сахалина, а после Второй мировой войны – Курильских островов) и борьба за влияние на материке с Японией, только за первую половину XX века несколько раз перераставшие в войны и вооруженные конфликты; «холодная война» с многотысячным военным контингентом США и сражениями вблизи дальневосточных границ СССР (Корея, Вьетнам); конфликт на острове Даманский и затяжная идеологическая война с Китаем.

Исторически сложилось так, что российская (советская модель) присутствия в Восточной Азии и освоения своих дальневосточных территорий складывалась и развивалась под влиянием преимущественно внешнеполитических факторов и предпосылок, а интересы самих территорий всегда играли подчиненную и второстепенную роль. С момента прихода русских на берега Тихого океана его побережье, а также берега Амура и Уссури стали не только восточной границей Россией, но и цивилизационным рубежом, отделяющим христианскую Восточную Европу от конфуцианской Восточной Азии. Отдаленность дальневосточных владений России от европейской России, а также чуждое цивилизационное окружение изначально сформировали отношение Центра к этой территории как к военно-политическому и стратегическому рубежу, а не как внутреннему экономическому пространству. При этом до конца 20-х годов XX века тихоокеанская Россия развивалась на базе идеи о тесном взаимодействии (торгово-экономическом, демографическом) с сопредельными территориями, на смену которой в советское время принцип фактор «внешней угрозы», ставший определяющим при выборе вектора и стратегии развития региона. В обоих случаях внешний фактор имел определяющее значение⁴.

В силу военно-стратегической и ресурсной значимости на первое место в органи-

зации жизни Дальнего Востока выходили функции обеспечения интересов и потребностей всего государства. Поэтому дальневосточный рубеж России обрел несколько специфических черт, сохранявшихся на протяжении всего последнего столетия.

Во-первых, он всегда был зоной перманентно повышенной политической конфликтности. Соседство и периодическое обострение взаимоотношений с Китаем, Японией и США поставило на первое место для России, а потом и СССР задачи защиты его политических и экономических границ. В условиях превращения СССР в «осажденный военный лагерь» Дальний Восток фактически стал хорошо укрепленным оборонительным рубежом и территорией с повышенным уровнем милитаризации экономики и всей общественной жизни.

Во-вторых, он вынужденно стал зоной однобокого экономического развития, ориентированного, с одной стороны, на военные нужды, с другой – на эксплуатацию природных ресурсов региона колониальными средствами и методами как самой Россией, так и ее соседями. Особенно заметно это происходило в конце XIX – начале XX вв. и в конце XX столетия.

В-третьих, он не мог не быть зоной культурно-цивилизационного взаимодействия и противостояния. Овладев тихоокеанским побережьем, Россия стала единственным европейским государством, имеющим общую государственную границу с восточноазиатскими цивилизациями, обширную естественно-географическую зону прямых контактов.

В-четвертых, в советское время Дальнему Востоку было суждено стать ареной идеологических войн и конфликтов (против «японского милитаризма», «китайского ревизионизма», «американского империализма»). Каждый из этих шаблонов нес не только идеологическую нагрузку, но и определенную этно-культурную нагрузку.

В-пятых, существенным элементом его развития стали активные внешние миграции. Китайская и корейская составляющие миграционных потоков были и сегодня вновь становятся важным элементом политической и экономической жизни региона.

В-шестых, с военно-политической и экономической точек зрения это была исключительно уязвимая территория. Находясь в окружении не только политически враждебных, но и культурно чуждых государств, Дальний Восток постоянно жил и продолжает жить под дамокловым мечом внешней угрозы.

Располагая пространственным и ресурсным потенциалами, соответствующими отдельному континенту, российский Дальний Восток «стягивает» своеобразным поясом наиболее динамично развивающиеся государства – Китай, Корею, Японию, США, Канаду. Это объективная геополитическая данность, которую необходимо принимать во внимание при выстраивании внешней политики России в АТР. Для отмеченных стран обладание Дальним Востоком или его существенной частью – долговременная стратегия. Для России Дальний Восток – путь в АТР. Действительно, нет отдельной проблемы Дальнего Востока, а есть проблема России на Дальнем Востоке.

Российский Дальний Восток объективно, в силу своего геополитического пограничья становится объектом внимания соседних государств региона. Общая политическая ситуация усложняется и тем, что регион становится одним из самых динамично развивающихся.

При этом главным условием реализации эффективной стратегии России на Дальнем Востоке является пересмотр традиционного подхода к Восточной Азии и Дальнему Востоку. Постоянные утверждения об исторической евразийской идентичности российского государства не могут сами по себе стать «пропуском» в «клуб» азиатских держав. Выгодное географическое положение в современном мире, где под

влиянием глобальных информационно-коммуникационных, технико-технологических процессов и достижений изменяются прежние представления о «хартлэнде» и «римлэнде» и возникают новые центры геополитического влияния, не может гарантировать лидерство страны. Тем более, если это касается такого динамично развивающегося региона, как АТР.

Таким образом, геополитическая ситуация, связанная с российским Дальним Востоком достаточно сложная и требует взвешенной, последовательной политики России, учитывающую и внутренний опыт освоения российских приграничных территорий, и историю взаимоотношений с соседними культурами и цивилизациями, и сложившийся политический ландшафт с национальными интересами всех его составляющих государств Азиатско-Тихоокеанского региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Симонян Р.Х. От национально-государственных объединений к региональным // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 24.
2. См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Регионы России: цели, проблемы, достижения. М., 2007. С. 108.
3. См.: Ларин В.Л. Тихоокеанская политика России в начале XXI века // Свободная мысль. 2007. № 2. С. 142-143.
4. Ларин В.Л. Периферия «сверхдержав»: Дальний Восток России в российско-китайских, российско-американских и российско-японских отношениях на рубеже веков // Вестник Дальневосточного отделения РАН, 2002. № 1. С. 4-5.

V. Lednev

BOUNDARY SPACE OF THE FAR EAST IN STRUCTURE OF GEOPOLITICAL SAFETY OF RUSSIA

Abstract: The article analyses the role of borderline territory of Far East considering geopolitical security of Russia. The essence of the problem which the region had to do with in the crisis of 1990-ies was exposed and it was pointed out that huge attention should be given to the Far East region since the region has principal strategic significance for the present and future of Russian Federation.

Key words: Geopolitics, the Russian Federation, the Far East, national safety, boundary space.

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И АРМЕНИИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: В статье проанализированы геополитические аспекты сотрудничества России и Армении в условиях возрастания напряженности на южных рубежах Российской Федерации. Подчеркнута геостратегическая роль Армении в этом регионе, выявлены факторы, актуализирующие необходимость более тесного сотрудничества России и Армении в геополитической сфере в условиях усиления нестабильности в мире.

Ключевые слова: геополитика, Российская Федерация, Армения, геостратегическая ситуация, сотрудничество.

Произошедшие за последние годы к югу от границ России серьезные геополитические события вызвали кардинальные изменения общего политического ландшафта в Закавказье, возникновение здесь во многом качественно новой геостратегической ситуации, неблагоприятной по ряду параметров для национальных интересов и безопасности России. Прежде всего, это сохранение военно-политической напряженности, неустойчивая и противоречивая политика новых независимых государств этого района мира, продолжающееся соперничество на межнациональном, региональном и глобальном уровнях за контроль над стратегическими ресурсами и транспортными коридорами региона. В данном контексте особое значение для национальных интересов и безопасности России приобретает сохранение любого позитивного потенциала или направления в ее отношениях с соседними государствами.

Несомненный интерес в этом плане представляют для России российско-армянские отношения и в целом армянское направление ее внешней политики. Совокупная геостратегическая значимость Армении существенно превосходит простой набор таких факторов, как размеры ее территории, численность населения, экономические и прочие ресурсы. По мнению российских экспертов, «являясь важнейшей составной частью Закавказья, Армения в силу своего географического и геополитического положения, особенностей исторических связей с Россией может при правильной организации взаимодействия стать не только союзником Москвы, но и выдвинутым далеко на юг стратегическим плацдармом российского влияния на Кавказе»¹.

Россия была и остается заинтересованной в наличии на Южном Кавказе надежного военно-политического союзника, «форпоста» в стратегически важном для нее регионе. Сближению Армении и России способствуют следующие факторы:

1) давние и прочные культурно-исторические связи между двумя народами, их принадлежность к восточному христианству. У армян и россиян есть опыт совместного проживания в одном государстве. С 1828 года, когда Восточная Армения по Туркманчайскому договору вошла в состав Российского государства, эти отношения прошли серьезные испытания. В связи с этим, Н.С.Трубецкой, один из основоположников идеологии евразийства, в написанной им в эмиграции в 1925 году статье «О народах Кавказа» отмечал: «Армяне всегда были и будут придерживаться русской ориентации, каково бы ни было русское правительство».

2) наличие предпосылок для развития торгово-экономических связей. Армения являлась важным звеном народнохозяйственного и военно-промышленного комплексов бывшего СССР.

3) наличие в России армянской диаспоры, выступающей неким «культурно-цивилизационным мостом» в российско-армянских межгосударственных отношениях.

В результате воздействия перечисленных факторов российско-армянские отношения стали приобретать характер стратегического партнерства. Наиболее серьезную основу это партнерство имеет в военно-политической сфере, на что указывают следующие обстоятельства:

- во-первых, Россия сохраняет свое военное присутствие в Армении;
- во-вторых, военно-техническое сотрудничество;
- в-третьих, Армения активно участвует в военных структурах в рамках СНГ - например, в созданной в апреле 2003 г. Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ); в ноябре 1995 г. парламент Республики Армения ратифицировал Договор между членами СНГ о создании единой системы противовоздушной обороны, армянские представители участвуют в работе военных комитетов и штабных структур Содружества.

Отметим здесь и такой факт, что приоритетным направлением внешней политики России является развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами - участниками СНГ². Россия будет наращивать сотрудничество с государствами - участниками СНГ в сфере обеспечения взаимной безопасности, включая совместное противодействие общим вызовам и угрозам. В Совместном заявлении президентов России и Армении Д. Медведева и С. Саргсяна, принятом 24 июня 2008 г. по итогам российско-армянских переговоров, отмечается, что Россия и Армения намерены и дальше координировать свои внешнеполитические действия на двусторонней и многосторонней основе, в том числе в рамках взаимодействия в формате СНГ и Организации Договора о коллективной безопасности в свете предстоящего председательства Армении в ОДКБ в 2009 г., и занимают совпадающие или близкие позиции по актуальным международным проблемам.

Дипломатические отношения между Российской Федерацией и Республикой Армения были установлены 3 апреля 1992 г. Время, прошедшее после этой даты, было отмечено динамично развивающимся и плодотворным сотрудничеством двух стран в самых различных областях. Комплекс российско-армянских отношений опирается на исторические связи между Россией и Арменией, основывается на Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 29 августа 1997 г., Декларации о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Арменией, ориентированном в XXI век, от 26 сентября 2000 г.³

Но нынешняя в целом благоприятная для России ориентация Армении (ее руководства, политической элиты и населения) не может быть раз и навсегда заданной и неизменной, поскольку на нее влияют такие факторы, как давление со стороны Запада и некоторых ее соседей, а также развитие экономической и политической ситуации в Армении и Закавказском регионе в целом. Учитывая это, Россия должна иметь четкую и долговременную линию политики в отношении Армении, чтобы ошибки с российской стороны не оттолкнули от нее надежного союзника в Закавказье.

Следует принимать во внимание и то обстоятельство, что в регионе заметно усиливается роль США, некоторых европейских стран, которые распространяют свое влияние и на Армению. Кроме того, необходимо учитывать и растущую финансово-экономическую зависимость Армении от Запада, которая не может не ограничивать традиционную пророссийскую ориентацию этой страны. При подобной динамике развития событий в отсутствие со стороны России заметных эффективных практических шагов в сторону Армении стратегический характер взаимного партнерства может быть подорван.

Также нельзя исключать, что в зависимости от внутренней и международной

обстановки всегда есть вероятность, что, с одной стороны, определенные группы армянской элиты (например, после смены поколений элит), придя к власти, осуществят резкий поворот внешней политики Армении, скажем, на США, а с другой, - США примут роль посредника в армяно-турецких отношениях. Улучшение этих отношений в конечном итоге активизирует экономические связи с соседями и обеспечит еще один выход Армении во внешний мир. Такой вариант развития ситуации может внести свои коррективы в российско-армянские отношения, создав более сложную их конфигурацию, что потребует дополнительных ресурсов от России в поддержании своего статуса в Армении и регионе в целом.

Армения может стать естественным связующим звеном возможной оси Москвы и Тегерана, как противовеса, формируемого Западом военно-политического треугольника Баку – Тбилиси - Анкара. Политика и практические шаги Москвы на армянском направлении должны быть более энергичными и последовательными. Тогда общая задача продвижения российско-армянских отношений на более высокие уровни их взаимодействия и сотрудничества будет решаться более успешно, чем до этого⁴.

В последние годы Армения придерживается так называемой комплементарной внешней политики. Термин «комплементарность» означает многовекторность, взаимодополняемость, разнонаправленность. По сути, речь идет о внешней политике, базирующейся на выборе партнеров, исходя не из взаимоисключающего черно-белого отнесения в союзники или враги тех или иных наций-государств по схеме, характерной для эпохи «холодной войны», а из принципа взаимодополнения отношений Армении с партнерами в результате прагматического согласования интересов сторон. В то же время, комплементарность - это не цель, а стратегия, цели же определены конкретной ситуацией в регионе (к ним относятся обеспечение безопасности, развитие интеграции и отношений с соседними странами). Как подчеркивают в Ереване, речь идет о «раскрепощении» от архаического наследия «холодной войны», раскрепощении, характерном и для внешней политики России. Таким образом, формируется задача «не плестись в хвосте, а идти в ногу со своим российским союзником в развитии сотрудничества с Западом»⁵.

При этом Ереван исходит из целесообразности не играть на геополитических противоречиях крупных держав, чтобы получить максимальную выгоду для решения текущих проблем, а искать выгоду «в согласовании» интересов. Отсюда и нацеленность на политику по всем азимутам в интересах решения стоящих перед армянским государством задач. Эти задачи определяют линию Армении на тесное союзническое партнерство с Россией, в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и СНГ, налаживание позитивных и тесных связей с США, Евросоюзом, другими странами и организациями. В 2001 году Армения вступила в Совет Европы, в 2002 году - в ВТО, в 2003 году - в ЕврАзЭС.

Безопасность, как внешняя, так и внутренняя, несомненно, является приоритетным интересом России в том, что касается Кавказа. Причины этого многообразны. Важнейшая из них, по-видимому, заключена в единстве, присущем кавказскому региону, к которому принадлежит ныне независимое Закавказье, как и российский Северный Кавказ. Экономические позиции России в регионе достаточно сильны - как отмечают эксперты, «постоянная борьба за альтернативные в обход России пути транспортировки энергоносителей на самом деле отражает уже существующее решающее влияние российского государства»⁶.

Армянский вектор на ближайшую перспективу останется для России приоритетным. Более того, очевидно, что тенденция на укрепление политических позиций через экономические рычаги и углубление военно-технического сотрудничества бу-

дет усиливаться⁷. Россия и Армения это больше чем, просто стратегические партнеры друг для друга. И в любой ситуации необходимо поддерживать и закреплять данную культурно-историческую традицию, отвечающую коренным интересам народов России и Армении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Романенко В. Закавказье во внешней политике России // Эволюция мирового порядка и внешнеполитическая стратегия России. М., Дипломатическая академия МИД России. - 2003. - С. 134.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 июля 2008 г.
3. Официальный сайт Президента РФ.
4. См.: Тоганян Вардан Социально-политические и экономические аспекты армяно-российских отношений (1991-2000). М., 2000.
5. См.: Чепурин А. В. О союзничестве и комплементарности во внешней политике Еревана // Международная жизнь. - 2004. № 1.
6. Никонов В. Назад к Концерту / Россия в глобальной политике. № 1. Ноябрь/декабрь, 2002. - С. 87.
7. Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004—2008 гг.). М.: АСТ: Восток — Запад, 2007. — С. 293.

V. Tovmasyan

COOPERATION OF RUSSIA AND ARMENIA: GEOPOLITICAL ASPECTS

Abstract: In the conditions of increasing tensivity on the southern borders of Russian Federation this article gives analysis of geopolitical aspects of cooperation between Russia and Armenia. Geopolitical role of Armenia in this region is emphasized in the article, it also shows factors which make closer cooperation between these two countries necessary in the conditions of non-stability in the whole world.

Key words: The Russian Federation, Armenia, geostrategic situation, cooperation.

НАШИ АВТОРЫ

Азаренков Александр Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, г. Комсомольск-на-Амуре; e-mail: yuriym@softline.ru

Акоева Наталья Борисовна, Славянский-на-Кубани государственный педагогический институт, доцент, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории и методики ее преподавания; e-mail: secrdisser@rambler.ru

Афанасьев Алексей Данилович, Московский государственный открытый университет, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой издательства и полиграфии; тел.: 683-51-85

Базаркина Дарья Юрьевна, аспирант кафедры всеобщей истории Московского городского педагогического университета; bazarkina-icspsc@yandex.ru

Гаврилов Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, Российский государственный университет туризма и сервиса; тел.: 8 (910) 401-40-09

Гаврилов Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры общественных наук и военно-гуманитарных дисциплин Военной академии тыла и транспорта им. А.В. Хрулева; e-mail: gavrilov-vat@rambler.ru

Гончаров Валерий Валерьевич, аспирант кафедры методики преподавания истории Московский государственный областной университет; тел.: 8 (926) 394-70-23

Долгих Аркадий Наумович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Липецкого государственного педагогического университета; e-mail: adonei@mail.ru

Евтюшкин Алексей Юрьевич, аспирант кафедры социальных наук и государственного управления Московского государственного областного университета; e-mail: eeau2007@mail.ru

Злотникова Елена Вячеславовна, аспирант кафедры социальных наук и государственного управления МГОУ; тел. 8-926 -521- 48 -79, 8-496-566-16-98

Иванов Андрей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), e-mail: andriv78@yandex.ru

Иванов Алексей Ананьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола; e-mail: anani@marsu.ru

Караулов С.А., Московский государственный гуманитарный университет им. М.А.Шолохова, профессор кафедры истории России, доктор исторических наук; e-mail: mgoru@mgoru.ru

Кузьминский Игорь Семенович, соискатель кафедры истории Российской экономической академии им. Г.В.Плеханова; тел.: 8 (906) 799-00-09

Леднев В.П., соискатель ученой степени кандидата политических наук Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации; e-mail: delokarov@ur.rags.ru

Лосева Ирина Владимировна, аспирант Аразамаского политехнического института (филиал) Нижегородского Государственного технического университета; e-mail: irena.arz@mail.ru

Мартыненко Денис Дмитриевич, аспирант кафедры Отечественной истории XX-XXI вв. исторического факультета Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: martyne-denis@yandex.ru

Обухова Елена Владимировна, аспирант кафедры политологии и права Москов-

ского государственного областного университета; e-mail: tenyga@mail.ru

Першина Анастасия Михайловна, аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: nastyapershina@yandex.ru

Полушин Евгений Олегович, аспирант кафедры политологии и права факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: kaf-prava@mgou.ru

Почивалова Анна Владимировна, аспирант кафедры новой и новейшей истории Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского; e-mail: lilipe@yandex.ru

Сердюк Олег Владимирович, преподаватель кафедры общественно-гуманитарных дисциплин Института государственного администрирования; e-mail: вроров54@mail.ru

Сытин Александр Николаевич, кандидат исторических наук, докторант-соискатель кафедры новой и новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований, г. Москва; e-mail: alexander.syтин@mail.ru

Товмасын В.В., соискатель ученой степени кандидата политических наук Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации; e-mail: delokarov@ur.rags.ru

Фукс Александр Николаевич, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания истории, политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: anfykf20@yandex.ru

Шевченко Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Красноярского государственного аграрного университета; тел.: 8-(3912)-2-22-16-17

Эрлихсон Ирина Мариковна, кандидат исторических наук, докторант кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина; e-mail: iskand@post.rzn.ru, erlihson@rambler.ru

Содержание

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ РОССИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

ГАВРИЛОВ С.В. Развитие законодательной базы материального снабжения русской армии в XIX веке.....	3
ИВАНОВ А.А. «В своих предсказаниях правые оказались пророками». Русские монархисты о войне с Германией, перспективах либерализма и революции.....	13
ПОЧИВАЛОВА А.В. Параллели исторического развития России и стран Западной Европы в трудах М.П. Погодина.....	21
АКОЕВА Н.Б. Изменение условий казачьего труда в конце XIX – начале XX вв.	27
ДОЛГИХ А.Н. Вопрос об освобождении владельческих крестьян в политике Александра I в 1801-1803 гг.	33

РАЗДЕЛ II. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

ГАВРИЛОВ А.Ю. Военный коммунизм в оценках меньшевиков-эмигрантов (по материалам меньшевистской печати).....	39
ГАВРИЛОВ А.Ю. Новая экономическая политика большевиков и меньшевистская партийная печать: объективный взгляд на субъективный процесс.....	45
АЗАРЕНКОВ А.А. Геополитический вызов России: “Вашингтонская система” региональной стабильности и возвращение ссср на Дальний Восток.....	54
АЗАРЕНКОВ А.А. Внешнеполитический контекст политики “буферизма”: марионеточное дальневосточное государство-”буфер” как геополитическая игра большевистской России.....	60
АФАНАСЬЕВ А.Д. Развитие учебного книгоиздания в системе просвещения и профессионального образования России.....	67
ИВАНОВ А.А. Проблемы и перспективы публикации исторических источников об аграрных преобразованиях в Среднем Поволжье и Приуралье 1917–1922 гг.	82
КАРАУЛОВ С.А. Государственная власть и научная интеллигенция в Советской России: эволюция взаимоотношений в 1917-1991 гг.	89
КУЗЬМИНСКИЙ И.С. Военно-экономическое развитие СССР в 1950-х гг. Политика руководства Хрущёва.....	95
ЛОСЕВА И.В. Массовые политические репрессии в российской провинции: «Ленинградское дело» в Горьковской области.....	100
ФУКС А.Н. Формирование советской моноконцепции отечественной истории и её отражение в школьном учебнике А.В. Шестакова.....	104
ШЕВЧЕНКО В.Н. Конверсия военно-промышленного производства в первые послевоенные годы (1945-1946 гг.).....	114

РАЗДЕЛ III. НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ЭРЛИХСОН И.М. Экономико-социальная антиутопия Б. Мандевила «Басня о пчелах»: цели написания, идейная парадигма и жанровые особенности.....	120
БАЗАРКИНА Д.Ю. Контртеррористическая политика в ФРГ по отношению к левачким террористическим организациям: совершенствование практических методов и изменения в законодательстве с начала 1970-х гг. до начала XXI в.	129
ГОНЧАРОВ В.В. Зарубежная историография истории Восточной Пруссии (1945-1989 г.).....	136
СЫТИН А.Н. Вступление в ЕС и новые внешнеполитические приоритеты стран Балтии.....	143
СЫТИН А.Н. Политика Литвы в отношении России в связи с вопросом о компенсации ущерба за «советскую оккупацию».....	150

РАЗДЕЛ IV. ПОЛИТОЛОГИЯ

СЕРДЮК О.В. История Руси-России в геополитическом осмыслении русских евразийцев.....	157
ЕВТЮШКИН А.Ю. Молодежный политический экстремизм в России:	

исторические корни, эволюция, современные особенности.....	164
ЗЛОТНИКОВА Е.В. Организованная преступность как угроза национальной безопасности России.....	171
МАРТЫНЕНКОВ Д.Д. Россия и ООН: сотрудничество по вопросам охраны окружающей среды (на примере Конференции ООН в Рио-де-Жанейро, 1992 г.).....	177
ОБУХОВА Е.В. Эволюция персонального состава парламента в России. 1993-2003 гг.	184
ПОЛУШИН Е.О. К вопросу о понятии и сущности информационной войны.....	189
ПЕРШИНА А.М. Женское движение в регионах современной России.....	194
ЛЕДНЕВ В.П. Пограничное пространство Дальнего Востока в структур геополитической безопасности России.....	198
ТОВМАСЯН В.В. Сотрудничество России и Армении: геополитические аспекты.....	202
НАШИ АВТОРЫ.....	206

CONTENT

SECTION I. HISTORY OF RUSSIA OF NEW TIME

S. GAVRILOV. Reorganization of management by supply of Russian army in 1816-1825 years.....	3
A. IVANOV. «The rights proved to be prophets». The leaders of the Russian right wing about the war against Germany, perspectives of liberalism and revolution.....	13
A. POCHIVALOVA. The parallels of historical development of Russia and west european countries in M.P. Pogodins' s works.....	21
N. ACOEVA. Changing of Cossaks' labour conditions at the end of the XIX-th – beginning of the XX-th centuries.....	27
A. DOLGIKH. Question on clearing possession peasants in Alexander's I policy in 1801-1803 years.....	33

SECTION II. CONTEMPORARY HISTORY OF RUSSIA

A. GAVRILOV. The "War communism" in the estimations of the mensheviks-emigrants (on the mensheviks' press).....	39
A. GAVRILOV. New economic policy of Bolsheviks and mensheviks party press: objective opinion on subjective process.....	45
A. AZARENKOV. The Foreign-policy Context of the "Bufferism" Politics: The Puppet Far-Eastern "Buffer-State" as a Geopolitical Game of Bolshevik's Russia.....	54
A. AZARENKOV. The Geopolitical Challenge of Russia: The "Washington System" of Regional Stability and the Return of the USSR to the Far East.....	60
A. AFANASIEV. Development of educational book publishing in system of education and vocational training of Russia.....	67
A. IVANOV. Problems and prospects of the publication of historical sources about agrarian transformations on the average the Middle Volga and Ural regions 1917-1922.....	82
S. KARAULOV. Public authorities and intellectuals in Soviet Russia: the evolution of in the 1917-1991 biennium.....	89
I. KUZMINSKY. USSR's military and economic development in the 1950s. Khrushchev governance policy.....	95
I. LOSEVA. Mass political reprisals in the Russian province: the "Leningrad case" in Gorkovskaya region..	100
A. FOUKS. Formation of the Soviet monoconcept of the Russian history and her reflection in school textbook edited by A.V. Shestakov.....	104
V. SHEVCHENCKO. Military industrial production conversion during first post-war years (1945-1946).....	114

SECTION III. NEW AND THE CONTEMPORARY HISTORY OF FOREIGN COUNTRIES

I. ERLIHKSON. Economic-social dystopia of «The Fable of the bees» by B. Mandeville's: the writing purposes, an ideological paradigm and genre features.....	120
D. BAZARKINA. The counter-terrorist policy in FRG: the counteraction to the leftist terrorist organizations. The improvement of the practical methods and the changes in the legislative system from the beginning of 1970th to the beginning of 21st century.....	129
V. GONCHAROV. Die ausländische Geschichtschreibung aus der ostpreußischen Geschichte: 1945-1989.....	136
A. SYTIN. Accession to the European Union and the new foreign policy priorities of the Baltic States.....	143
A. SYTIN. Politics of Lithuania against Russia in connection with the issue of compensation for the "Soviet occupation".....	150

SECTION IV. POLITOLOGY

O. SERDJUK. Historical experience of the Russian geopolitics XX century - the beginning of XXI century (on materials of the historical analysis of the Eurasians relations.....	157
---	-----

A. EVTYUSHKIN. Youth political extremism in Russia: historical roots, evolution, modern features.....	164
E. ZLOTNIKOVA. Organized Crime as Russia's National Security Threat.....	171
D. MARTYNENKOV. Russia and UN: cooperation on environmental problems (United Nations conference in Rio-de-Janeiro, 1992).....	177
Y. OBUKHOVA. A political study of parliamentary representation in Russia, 1993 to 2003.....	184
E. POLUSHIN. About the notion and essence of information warfare.....	189
A. PERSHINA. Feminist movement in the regions of modern Russia.....	194
V. LEDNEV. Boundary space of the Far East in structure of geopolitical safety of Russia.....	198
V. TOVMASYAN. Cooperation of Russia and Armenia: geopolitical aspects.....	202
OUR AUTHORS.....	206

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О «ВЕСТНИКЕ МГОУ»

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 году.

Многосерийное издание университета – «Вестник МГОУ» – включено в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук в соответствии с решением президиума ВАК России 6.07.2007г. (См. Список на сайте ВАК, редакция апреля 2008 г.).

В настоящее время публикуется 10 серий «Вестника МГОУ», каждая из серий будет выходить 4 раза в год, все 10 – в рекомендательном списке ВАК (см.: прикрепленный файл на сайте www.mgou.ru).

Первый номер 2008 г. по всем сериям подписывается в печать 5 февраля, второй- 5 мая, третий - 5 августа, четвертый - 5 ноября; с этой даты статью можно указывать в авторефератах.

Подписка на Журнал осуществляется через Роспечать или непосредственно в издательстве МГОУ.

Подписные индексы на серии «Вестника МГОУ»
в каталоге «Газеты и журналы», 2009, Агентство «Роспечать».

Серии: «История и политические науки» - 36765; «Экономика» - 36752; «Юриспруденция» - 36756; «Философские науки» - 36759; «Естественные науки» - 36763; «Русская филология» - 36761; «Лингвистика» - 36757; «Физика-математика» - 36766; «Психологические науки» - 36764; «Педагогика» - 36758.

В «Вестнике МГОУ» (всех его сериях), публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран. **Журнал готов предоставить место на своих страницах и для Ваших материалов.**

Для публикации статей в сериях «Вестника МГОУ» необходимо по электронному адресу vest@mgou.ru прислать в едином файле (в формате Word) следующую информацию:

- а) авторскую анкету:
 - фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках;
 - ученые степень и звание, должность и место работы/учебы или соискательства (полное название, а не аббревиатура) на русском и английском языках;
 - адрес (с индексом) для доставки Ваших номеров журналов согласно подписке;
 - номер контактных телефонов (желательно и мобильного);
 - номер факса с кодом города;
 - адрес электронной почты;
 - желаемый месяц публикации;
- б) аннотацию на русском и английском языках (примерно по 400 знаков с пробелами);
- в) текст статьи;
- г) список использованной литературы.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть расходы на ее публикацию.

Требования к отзывам и рецензиям

К предлагаемым для публикации в «Вестнике МГОУ» статьям прилагается отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Отзыв заверяется в организации, где работает рецензент. Кроме того, издательство проводит еще и независимое рецензирование.

В рецензии (отзыве) обязательно 1) раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика и фундированность наблюдений, оценок, выводов, 2) отмечается научная и практическая значимость статьи, 3) указывается на соответствие ее оформления требованиям «Вестника МГОУ». Замечания и предложения рецензента, если они носят частный характер, при общей положительной оценке статьи и рекомендации к печати не являются препятствием для ее публикации после доработки.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, хотя с точки зрения научного содержания авторский вариант сохраняется. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются и не возвращаются (почтовой пересылкой). Авторы получают рецензии с мотивированным отказом в публикации. Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр. Просим авторов тщательно сверять приводимые данные.

По финансовым и организационным вопросам публикации статей обращаться в Объединенную редакцию «Вестника МГОУ»: vest@mgou.ru. Конт.тел. (495) 723-56-31. Наш адрес: ул. Радио, д.10А, комн.98.

График работы: с 10 до 17 часов, в пятницу - до 16 часов, обед с 13 до 14 часов. Потапова Ирина Александровна. Начальник отдела по изданию «Вестника МГОУ» профессор Волобуев Олег Владимирович. Более подробную информацию можно получить на сайте www.mgou.ru

Требования к оформлению статей

- документ MS Word (с расширением doc);
- файл в формате rtf;
- текстовый файл в DOS или Windows-кодировке (с расширением txt).

В начале публикуемой статьи приводится индекс УДК, который должен проставить автор, руководствуясь сведениями, полученными в библиографических отделах библиотек, которые располагают изданиями «Универсальной десятичной классификации» (УДК).

Файл должен содержать построчно:

на русском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Фамилия, имя, отчество (полностью) Полное наименование организации (в скобках - сокращенное), город (указывается, если не следует из названия организации) Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком «Аннотация»
на английском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Имя, фамилия (полностью) Полное наименование организации, город Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком «Abstract»
на русском и английском языках	Перечень ключевых слов в количестве 5-7
на русском языке	Для докторантов минимальный объем статьи 16000 символов, включая пробелы Список литературы

Формат страницы - А4, книжная ориентация. Шрифт не менее 14 пунктов, междустрочный интервал — полуторный.

Форматирование текста:

- **запрещены** переносы в словах
- **допускается** выделение слов полужирным, шрифтом подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;
- **наличие рисунков, формул и таблиц** допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем — не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. **Все формулы** должны быть созданы с использованием компонента **Microsoft Equation** или в виде четких картинок
- **запрещено уплотнение интервалов;**

Внутритекстовые примечания (библиографические ссылки) приводятся в квадратных скобках. Например: [Александров А.Ф. 1993, 15] или [1, 15]. В первом случае в скобках приводятся фамилии и инициалы авторов использованных работ и год издания, во втором случае делается ссылка на порядковый номер использованной работы в пристатейном списке литературы. После запятой приводится номер страницы (страниц). Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой. Затекстовые развернутые примечания и ссылки на архивы, коллекции, частные собрания помещают после основного текста статьи.

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* статей. Обращаем также внимание на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла на диске и бумажного варианта!

В случае принятия статьи условия публикации оговариваются с ответственным редактором.

Ответственный редактор серии «История и политические науки» — доктор исторических наук, профессор Смоленский Николай Иванович.

Адрес редколлегии серии «История и политические науки» «Вестника МГОУ»: 105005, г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 21а, МГОУ, факультет истории, политологии и права. Телефон 8(495) 261-19-19.

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
«Исторические науки»

№ 2

Подписано в печать: 21.05.2009.

Формат бумаги 60x86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура «Warnock Pro».
Уч.-изд. л. 16,75. Усл. п. л. 13,5. Тираж 355 экз. Заказ № 93.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а.